

Калининградский филиал
Санкт-Петербургского университета
Министерства внутренних дел
Российской Федерации

*«Противникам государственности хотелось бы
избрать путь радикализма, путь освобождения
от исторического прошлого, освобождения от
культурных традиций... Им нужны великие
потрясения, а нам нужна великая Россия!»
П.А. Столыпин*

ВЕСТНИК

Калининградского филиала
Санкт-Петербургского
университета МВД России

№ 3 (77) 2024

Vestnik of the Kaliningrad Branch
of the Saint-Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia

Калининград - 2024

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Регистрационный номер - ПИ № ФС77-84264 от 26 декабря 2022 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ - Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации (СПБУ МВД России).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР - доктор юридических наук, профессор М.В. Бавсун.

Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3 (77). Калининград: Калининградский филиал СПБУ МВД России, 2024. 184 с.

Журнал включен в Национальную библиографическую базу данных научного цитирования - Научную электронную библиотеку Elibrary.ru и систему Российского индекса научного цитирования.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки);*
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки);*
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки);*
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки);*
- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки),*
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки).*

Научные публикации, включенные в «Вестник», представляют **точку зрения авторов** на актуальные проблемы правоохранительной и нормотворческой деятельности, экономики, образовательного процесса и гуманитарных наук, которая не всегда совпадает с мнением редакционной коллегии и редакции журнала.

Приказом МВД России от 16 декабря 2011 г. №1250 Калининградский юридический институт МВД России реорганизован в форме присоединения к Санкт-Петербургскому университету МВД России в качестве филиала. В связи с этим издаваемый учебным заведением журнал переименован в «Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России».

Информация о журнале, требованиях к статьям и порядке представления их для опубликования доступна на сайте журнала (переход по QR-коду)

ОФИЦИАЛЬНЫЙ САЙТ ЖУРНАЛА
в сети Интернет: <https://vestnikkf.ru>.
Электронная версия журнала расположена в сети Интернет по адресу: https://klif.univer.mvd.ru/Nauka/ZHurnal_Vestnik_Kaliningradskogo_filiala (https://калининградский.университет.мвд.рф/Nauka/ZHurnal_Vestnik_Kaliningradskogo_filiala).

АДРЕС РЕДАКЦИИ, ИЗДАТЕЛЯ И ТИПОГРАФИИ:

Россия, 236006, г. Калининград, ул. Генерала Галицкого, 30.

Телефон: 8 (4012) 53-93-51; e-mail: vestnikkf@yandex.ru.

Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, научно-исследовательское и редакционно-издательское отделение.

Редакционная коллегия

Председатель редакционной коллегии -

БАВСУН Максим Викторович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России (по научной работе).

Заместитель председателя редакционной коллегии -

АЛЕКСЕЕВА Анна Павловна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.

АСТАФИЧЕВ Павел Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России;

АНИСИМОВ Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону);

ВЕКЛЕНКО Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России;

ВИШНЕВСКИЙ Александр Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор факультета права и департамента частного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва);

ГРИГОРЬЕВ Анатолий Николаевич, доктор педагогических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин и информационного обеспечения органов внутренних дел Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России;

ДРОНОВА Ольга Борисовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России;

ЗАЙЦЕВ Анатолий Александрович, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой физической культуры Калининградского государственного технического университета;

ИВАНОВА Светлана Витальевна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права Оренбургского института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина;

КАПЛУНОВ Андрей Иванович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России;

КАТКОВ Сергей Владимирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России;

КОЖЕВИНА Марина Анатольевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России;

КОЛОСОВИЧ Марина Сергеевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России;

МЕЛИХОВ Александр Иванович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России (г. Москва);

ПРАЦКО Геннадий Святославович, доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры коммерческого и предпринимательского права Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону);

ПРИМАК Татьяна Клавдиевна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права и процесса Балтийского федерального университета им. И. Канта (г. Калининград);

РЕДЬКО Александр Александрович, доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Волгоградской академии МВД России;

РЫЖЕНКОВ Анатолий Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова (г. Элиста);

УХОВ Владимир Юрьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России;

ФАДЕЕВА Виолетта Владимировна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры административно-правовых дисциплин и информационного обеспечения органов внутренних дел Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.

The editorial board

Chairman of the Editorial Board, Editor in Chief -

BAVSUN Maxim Viktorovich, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Interior of Russia (for scientific work).

Deputy Chairman of the Editorial Board -

ALEKSEEVA Anna Pavlovna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia

ASTAFICHEV Pavel Aleksandrovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and International Law of Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

ANISIMOV Alexey Pavlovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines of the Don State Technical University (Rostov-on-Don);

VEKLENKO Sergey Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

VISHNEVSKY Alexander Alexandrovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Faculty of Law and Department of Private Law of the National Research University Higher School of Economics (Moscow);

GRIGORIEV Anatoly Nikolaevich, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Legal Disciplines and Information Support of Internal Affairs Bodies of the Kaliningrad Branch of Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

DRONOVA Olga Borisovna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Forensic Technology of the Educational and Scientific Complex of Expert-Forensic Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

ZAYTSEV Anatoly Aleksandrovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Physical Culture, Kaliningrad State Technical University;

IVANOVA Svetlana Vitalievna, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory of State and Law, Orenburg Institute (branch) of the University named after O.E. Kutafina;

KAPLUNOV Andrey Ivanovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative Law of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

KATKOV Sergey Vladimirovich, Doctor of Law, Associate Professor,

Professor of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

KOZHEVINA Marina Anatolyevna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of Law and State of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

KOLOSOVICH Marina Sergeevna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

MELIKHOV Alexander Ivanovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Methodology of Public Administration of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow);

PRATSKO Gennady Svyatoslavovich, Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Commercial and Entrepreneurial Law of the Don State Technical University (Rostov-on-Don);

PRIMAK Tatyana Klavdievna, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law and Process, Baltic Federal University named after I. Kant (Kaliningrad);

REDKO Alexander Aleksandrovich, Doctor of Law, Associate Professor, First Deputy Head of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

RYZHENKOV Anatoly Yakovlevich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law and Process, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (Elista);

UKHOV Vladimir Yurievich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative Law of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

FADEEVA Violetta Vladimirovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Administrative Legal Disciplines and Information Support of Internal Affairs Bodies of the Kaliningrad Branch of Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Содержание

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

А.П. АЛЕКСЕЕВА Пределы необходимой обороны жилища: нужно ли их расширение?	9
Д.В. ПОПЛАВСКИЙ, Н.Н. ПОПЛАВСКАЯ Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних	15
А.С. СЕНЦОВ, В.В. ВОЛКОЛУПОВА Противодействие публичному распространению криминогенной информации (треш-стримам)	22
Е.Н. АЛЕШИНА-АЛЕКСЕЕВА Защита нарушенных прав кредиторов уголовно- правовыми средствами (на примере статей 176 и 177 Уголовного кодекса Российской Федерации)	30

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Е.В. ИСАХАНОВА Организационные вопросы назначения судебно-медицинской экспертизы при расследовании преступлений в сфере оказания косметологических услуг, не отвечающих требованиям безопасности.....	37
---	----

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИИ

Д.В. МАКАРЕНКОВ Зарубежный опыт предупреждения незаконных производства, сбыта или пересылки наркотиков	44
---	----

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Л.А. БАКЛАНОВ, Х.В.У. РУИС Анализ правового регулирования розыска скрывшихся лиц в Республике Никарагуа и Российской Федерации.....	51
--	----

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Н.А. СОЛОВЬЕВА Реализация общих условий судебного разбирательства в экспертной деятельности	59
А.И. ТАМБОВЦЕВ Проблемы и особенности толкования термина «документы прикрытия» в оперативно-разыскной деятельности.....	67
С.С. ЗАКЕН Исторический аспект становления и развития института негласных следственных действий в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан	75

ГОСУДАРСТВО. ОБЩЕСТВО. ПРАВО

А.И. МЕЛИХОВ, Н.И. КОСТЮЧЕНКО Причины кризиса традиционных систем коллективного выживания	83
С.В. ИВАНОВА, С.В. РЫБАК Развитие экологического туризма как приоритетного направления экологической политики: проблемы реализации в России и за рубежом	91
А.А. КРИЦКАЯ, С.М. ИНЖИЖОКОВ Экологическая политика в системе международных отношений: основные направления и этапы формирования	99

Содержание

С.А. ЧАРКИН

- Прекращение правоотношений
земельной недвижимости: вопросы теории 105

Н.Д. КАЗАКОВ

- Институт Уполномоченного по правам человека
в Российской Федерации: основные особенности
и оценка эффективности деятельности 114

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ МАСТЕРСТВО

Т.В. АНИСИМОВА, Н.К. ПРИГАРИНА

- Коммуникативная компетенция:
состав и принципы описания 121

Р.А. КОБЫЛКИН

- Преподавание философских дисциплин
в образовательных организациях Министерства
внутренних дел Российской Федерации 130

О.В. ДУДУРИЧ

- Технологии использования текстов «новой природы»
на занятиях по русскому языку как иностранному 136

П.Ф. МАКАРОВА

- Лингвокультурный потенциал антропонимической
лексики на занятиях по иностранному языку 142

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

А.В. АФАНАСЬЕВ, В.А. ГЛУБОКИЙ

- Профессиональная подготовка сотрудников полиции
в рамках выездных занятий по огневой подготовке 149

Т.Х. ДЖАНТЕЕВ

- Социокультурная адаптация иностранных слушателей
в образовательных организациях МВД России
(на примере Академии управления МВД России) 156

А.В. КАЛАШНИКОВ, А.С. ГРИЧАНОВ

- Физическая подготовленность сотрудников полиции,
проходящих первоначальную профессиональную
подготовку в образовательных организациях МВД России 163

А.В. ПОЛЯКОВ

- Культура профессионального прогнозирования
как основа профессиональной подготовки сотрудников
оперативных подразделений органов внутренних дел 170

УГОЛОК РЕЦЕНЗЕНТА

Е.С. СТЕШИЧ

- Отзыв официального оппонента на диссертационную работу
Юлии Валерьевны Суходольской «Массовое убийство в образовательных
организациях как объект криминологического исследования» 177

Contents

CRIMINAL LAW AND FEATURES OF QUALIFICATION OF CRIMES

<i>A.P. ALEKSEEVA</i> The limits of the necessary defense of the home: is it necessary to expand them?	9
<i>D.V. POPLAVSKY, N.N. POPLAVSKAYA</i> Features of criminal liability of minors	15
<i>A.S. SENTSOV, V.V. VOLKOLUPOVA</i> Countering the public dissemination of criminal information (trash streams)	22
<i>E.N. ALESHINA-ALEKSEEVA</i> Protection of violated rights of creditors by criminal law means (on the example of Articles 176 and 177 of the Criminal Code of the Russian Federation)	30

CRIMINALISTICS RESEARCHES

<i>E.V. ISAKHANOVA</i> Organizational issues of the appointment of a forensic medical examination in the investigation of crimes in the provision of cosmetology services that do not meet safety requirements	37
---	----

CURRENT PROBLEMS OF CRIMINOLOGY

<i>D.V. MAKARENKO</i> Foreign experience in preventing illegal production, sale or shipment of drugs	44
--	----

IMPROVING THE ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

<i>L.A. BAKLANOV, J.V.U. RUIZ</i> Analysis of the legal regulation of the search for fugitives in the Republic of Nicaragua and the Russian Federation	51
--	----

THEORY AND PRACTICE OF LAW ENFORCEMENT

<i>N.A. SOLOVYEVA</i> Implementation of the general terms of the trial in expert activity	59
<i>A.I. TAMBOVTSEV</i> Problems and features of interpretation of the term «cover documents» in operational investigative activities	67
<i>S.S. ZAKEN</i> Historical aspect of the formation and development of the institute of secret investigative actions in criminal proceedings of the Republic of Kazakhstan	75

STATE. SOCIETY. LAW

<i>A.I. MELIKHOV, N.I. KOSTYUCHENKO</i> Causes of the Crisis of Traditional Systems of Collective Survival	83
<i>S.V. IVANOVA, S.V. RYBAK</i> The development of ecological tourism as a priority area of environmental policy: problems of implementation in Russia and abroad	91
<i>A.A. KRITSKAYA, S.M. INJIZHOKOV</i> Environmental policy in the system of international relations: main directions and stages of formation	99
<i>S.A. CHARKIN</i> Termination of legal relations of land real estate: issues of theory	105
<i>N.D. KAZAKOV</i> Institute of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation: main features and evaluation of the effectiveness of activities	114

Contents

EDUCATIONAL PROCESS AND TEACHING SKILLS

T.V. ANISIMOVA, N.K. PRIGARINA Communicative competence: composition and principles of description.....	121
R.A. KOBYLKIN Teaching philosophical disciplines in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.....	130
O.V. DUDURICH Technologies of using «new nature» texts in classes on Russian as a foreign language	136
P.F. MAKAROVA Linguocultural potential of anthroponymic vocabulary in foreign language classes.....	142

PEDAGOGICAL ASPECTS OF PROFESSIONAL TRAINING

A.V. AFANASYEV, V.A. GLUBOKIY Professional training of police officers as part of on-site shooting training sessions.....	149
T.H. DZHANTEEV Sociocultural adaptation of foreign students in educational organizations of the Ministry of the Interior of Russia (on the example of the Academy of Management of the Ministry of the Interior of Russia).....	156
A.V. KALASHNIKOV, A.S. GRICHANOV Physical fitness of police officers undergoing initial professional training in educational organizations of the Ministry of the Interior of Russia	163
A.V. POLYAKOV The culture of professional forecasting as a basis for professional training of employees of operational units of internal affairs agencies	170

REVIEWER CORNER

E.S. STESHICH Review of the official opponent on the dissertation work of Yulia Valerievna Sukhodolskaya «Mass murder in educational organizations as an object of criminological research».....	177
--	-----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Анна Павловна АЛЕКСЕЕВА,
доктор юридических наук, профессор,
ORCID 0000-0002-4569-7564
Калининградский филиал Санкт-Петербургского
университета МВД России (г. Калининград)
профессор кафедры уголовного права,
криминологии и уголовно-исполнительного права
Заслуженный юрист Российской Федерации
alexeeva.klg-mvd@yandex.ru

Научная статья
УДК 343.228

ПРЕДЕЛЫ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ ЖИЛИЩА: НУЖНО ЛИ ИХ РАСШИРЕНИЕ?

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Необходимая оборона, жилище, пределы, уголовная ответственность, освобождение от ответственности.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации рассматривается законопроект, который предлагает не квалифицировать действия человека, защищающегося от насильственного нападения на жилище, как превышение пределов необходимой обороны. Это касается случаев, когда нападение представляет опасность для жизни самого обороняющегося или находящихся с ним рядом людей либо когда существует непосредственная угроза применения насилия, опасного для жизни. Также предлагается закрепить право на защиту своего имущества в ситуациях незаконного насильственного вторжения в жилище. *Методы.* В работе применялся общенаучный диалектический метод познания окружающей действительности, предполагающий полное и всестороннее изучение явлений, рассмотрение связей и противоречий между ними. Кроме того, были использованы методы описания, логического осмысления, абстрагирования и обобщения. Проведен анализ динамики преступлений, квалифицированных по ст. 108 УК РФ. *Результаты.* В целом анализируемая инициатива законодателя заслуживает поддержки. Гражданин, который защищает себя на территории своего жилища при явной или потенциальной угрозе, по общему правилу не должен впоследствии доказывать свою невиновность и быть привлеченным к уголовной ответственности. Принятие данного законопроекта в условиях низких доходов населения и увеличения групповой преступной активности поможет повысить уровень безопасности граждан. Предложенные изменения способствуют формированию у людей уверенности в том, что их действия по защите себя и своих близких в собственном доме будут считаться законными и оправданными.

ВВЕДЕНИЕ

В Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации 17 июня 2024 года был представлен Законопроект № 648716-8 «О внесении изменения в статью 37 Уголовного кодекса Российской Федерации (в части уточнения пределов необходимой оборо-

ны)» (далее – Законопроект)¹. С помощью данного документа законодатель предпринял попытку расширить пределы необходимой обороны в тех случаях, когда имеет место насильственное нападение на жилище. Предлагается не считать «превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, направленные на за-

¹ О внесении изменения в статью 37 Уголовного кодекса Российской Федерации (в части уточнения пределов необходимой обороны): законопроект №648716-8 // Государственная Дума Российской Федерации: сайт // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/648716-8> (дата обращения: 22.07.2024).

Anna P. ALEKSEEVA,

Doctor of Law, Professor, ORCID 0000-0002-4569-7564

Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)

Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Executive Law

Honored Lawyer of the Russian Federation

alexeeva.klg-mvd@yandex.ru

THE LIMITS OF THE NECESSARY DEFENSE OF THE HOME: IS IT NECESSARY TO EXPAND THEM?

KEYWORDS. Necessary defense, housing, limits, criminal liability, release from liability.

ANNOTATION. Introduction. *The State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation is considering a bill that proposes not to qualify the actions of a person defending himself from a violent attack on a home as exceeding the limits of necessary defense. This applies to cases where an attack poses a danger to the life of the defender himself or those next to him, or when there is an immediate threat of life-threatening violence. It is also proposed to consolidate the right to protect one's property in situations of illegal forced entry into a home. Methods.* *The work used a general scientific dialectical method of cognition of the surrounding reality, which involves a complete and comprehensive study of phenomena, consideration of connections and contradictions between them. In addition, the method of description was used; the method of logical comprehension; abstraction and generalization. The analysis of the dynamics of crimes qualified under Article 108 of the Criminal Code of the Russian Federation is carried out. Results.* *In general, the analyzed initiative of the legislator deserves support. A citizen who defends himself on the territory of his home in case of an obvious or potential threat, as a general rule, should not subsequently prove his innocence and be brought to criminal responsibility. The adoption of this Bill in conditions of low incomes of the population and an increase in group criminal activity will help to increase the level of security of citizens. Such changes will create confidence in people that their actions to protect themselves and their loved ones in their own home will be considered legitimate and justified.*

щиту от посягательства, сопряженного с насилием, опасным для его жизни или жизни находящихся рядом с ним лиц, или с непосредственной угрозой применения такого насилия, либо на защиту своего имущества при незаконном проникновении посягающего лица в его жилище».

Расширение пределов необходимой обороны в случае насильственного нападения на жилище является важным шагом на пути развития законодательства, направленного на защиту прав граждан. Законодатель предлагает ввести ряд положений, которые уточняют и расширяют возможности законной самообороны в такого рода случаях:

1. Презумпция угрозы, согласно которой любое вторжение в жилище, сопряженное с насилием, опасным для жизни, представляет собой непосредственную угрозу для его обитателей. Это упрощает процесс определения необходимости применения силы в ответ на такое нападение.

2. Расширенные права на защиту. Законопроект предлагает предоставить гражданам более широкие права на использование силы для защиты себя и своих близких в случаях, когда они противостоят вторжению в жилище, сопряженному с насилием, опасным для жизни. Речь, в частности, идет о предоставлении права на применение летального оружия, если угроза жизни очевидна.

3. Защита собственности. Законопроектом предлагается предоставить возможность защиты личной собственности в случаях насильственного нападения. Это позволит гражданам защищать не только свою жизнь, но и имущество от хищения, повреждения или уничтожения.

4. Изменение стандартов доказывания. В случае применения силы при необходимой обороне в жилище Законопроект предлагает облегчить бремя доказывания для защищающейся стороны. Это значит, что гражданину не нужно будет в полной мере обосновывать свои действия, если они

произошли в условиях вторжения в его жилище, сопряженного с насилием, опасным для жизни.

Таким образом, расширение пределов необходимой обороны в случаях насильственного нападения на жилище направлено на создание более безопасной правовой среды для граждан и защиту их прав в условиях реальной угрозы их жизни. Суть изменений в том, чтобы не квалифицировать как нарушение пределов необходимой обороны ситуацию, в которой гражданин был вынужден оборонять свой дом от посягательств, сопряженных с насилием, опасным для жизни, независимо от наступивших последствий [1, с. 371].

МЕТОДЫ

В ходе исследования применялся общенаучный диалектический метод познания окружающей действительности, предполагающий полное и всестороннее изучение явлений, рассмотрение связей и противоречий между ними. Кроме того, для сбора фактического материала о способах необходимой обороны жилища был использован метод описания; метод логического осмысления позволил определить механизм освобождения от уголовной ответственности при необходимой обороне жилища; абстрагирование и обобщение способствовали систематизации установленных нами фактов и их толкованию. Для выяснения сущности феномена преступности, связанной с превышением допустимых пределов необходимой обороны, проведен анализ динамики количественных показателей преступлений, квалифицированных по ст. 108 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

РЕЗУЛЬТАТЫ

В настоящее время законопослушный гражданин, защищая себя и своих близких, в условиях необходимой обороны должен быстро оценить уровень угрозы, потенциальный вред, а также намерения нападающего. При этом ему нужно быть

Таблица 1.

Сведения о зарегистрированных преступлениях, квалифицированных по статье 108 УК РФ, и лицах, их совершивших

Год	Количество преступлений, квалифицированных по ст. 108 УК РФ	Количество лиц, совершивших такие преступления
2019	165	262
2020	187	266
2021	127	213
2022	127	184
2023	82	145

внимательным к действиям злоумышленника и принимать решения в сжатые сроки [2, с. 7]. Исходя из действующих правил необходимой обороны, процесс принятия решений может включать в себя следующие аспекты:

1. Оценка угрозы. Гражданин должен быстро определить, представляет ли нападающий реальную угрозу для его жизни или здоровья. Этот процесс может включать в себя оценку наличия оружия, физической агрессии или других факторов, указывающих на насильственные намерения нападающего.

2. Степень риска. Важно понимать, насколько серьезным может быть потенциальный вред. Например, угроза причинения смерти с использованием холодного оружия будет восприниматься иначе, чем угроза причинения смерти без него.

3. Идентификация намерений. Оценка обороняющимся намерений нападающего может оказаться сложной задачей, так как преступник может действовать агрессивно, но не намереваться причинить вред жизни или здоровью.

4. Применение силы. Если обороняющийся решает, что для защиты необходимо применить силу, он должен учитывать, насколько эта сила будет оправданной в данной ситуации. Применение чрезмерной силы может привести к уголовной ответственности, даже если первоначальная угроза была реальной.

5. Ситуация дефицита времени. В условиях стресса и ограниченности времени принятие решения может быть затруднено. Поэтому важно, чтобы граждане были осведомлены о своих правах и пределах необходимой обороны заранее.

6. Предупредительные меры. Если есть возможность избежать конфликта (например путем бегства или обращения за помощью), этот вариант должен быть предпочтительным. Принятие заранее мер предосторожности, таких как установка в доме систем обеспечения безопасности или тревожной кнопки, также может повысить шансы на нейтрализацию нападающего без причинения ему смерти.

В конечном итоге ответственность за правильность принятого решения в условиях необходимой обороны сегодня лежит на обороняющемся. Поэтому ему важно быть готовым к таким ситуациям и понимать, как действовать в соответствии с уголовным законом. Нападающий оказывается в более выгодной позиции, поскольку именно обо-

роняющемуся придется впоследствии доказывать свою невиновность [3, с. 103]. В связи с этим законодатель предлагает закрепить в Уголовном кодексе Российской Федерации два важных принципа:

1. Неприкосновенность жилища, которая является конституционным правом человека и гражданина (ст. 25 Конституции Российской Федерации): «Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом или на основании судебного решения». Действительно, исходя из здравого смысла, следует дать гражданину возможность защищать свой дом любыми способами, чтобы не быть вынужденным поневоле наблюдать, как причиняется вред его охраняемым законом объектам, опасаясь привлечения к уголовной ответственности в случае оказания сопротивления нападающему [4, с. 96].

2. Презумпция невиновности гражданина, чье жилище подверглось насильственному нападению, по каким бы мотивам оно ни было осуществлено: для причинения вреда здоровью или жизни (например для устранения свидетелей другого преступления); похищения человека; хищения, повреждения или уничтожения имущества; из хулиганских побуждений и т.д. Такая презумпция нужна для того, чтобы нападающий не пользовался привилегией по отношению обороняющегося [5, с. 59]. Ведь, как уже отмечалось, чтобы не выйти за пределы необходимой обороны, обороняющийся должен молниеносно просчитывать ситуацию и выбирать наиболее адекватный способ противостояния возникшей угрозе. Но на практике обороняющемуся, находящемуся в состоянии стресса, очень сложно сориентироваться и что-либо просчитать. Особенно, если он не юрист и не знаком с разрешенными пределами необходимой обороны. Тем более что в момент насильственного нападения на жилище у его владельца даже может и не быть объективного представления о том, сколько именно злоумышленников вторгаются в его дом, вооружены ли они, и если да, то чем именно, и насколько это может угрожать его собственной жизни и жизни его домочадцев, их здоровью и имуществу [6, с. 36].

Косвенным подтверждением правильности решения законодателя являются результаты изучения статистических данных о преступлениях, квалифицированных по ст. 108 УК РФ «Убийство, совершенное при превышении пределов необхо-

димой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление» (см. таблицу 1).

Несмотря на то, что к 2023 году фиксируется снижение количества преступлений, квалифицированных по ст. 108 УК РФ, и лиц, их совершивших, в целом стоит отметить, что уровень этих показателей остается достаточно высоким. Тем более что судебная практика демонстрирует практически полное отсутствие оправдательных приговоров по таким делам.

Например, из материалов уголовного дела, рассмотренного Ивановским районным судом Ивановской области в 2022 году, следует, что Лебедев А.В. был осужден по ч. 1 ст. 108 УК РФ за убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны в описываемых далее обстоятельствах. Гундяев И.А., испытывая личную неприязнь к Лебедеву А.В., решил выяснить с ним отношения. Для этого он на своем автомобиле приехал к дому Лебедева А.В. и, намереваясь незаметно попасть в дом, незаконно проник во двор. В беседке Гундяев И.А. взял нож, который планировал использовать в ходе конфликта с Лебедевым А.В. Затем он через незапертую дверь вошел в жилую часть дома, где спали Лебедев А.В., его жена и маленькие дети. Гундяев И.А. потребовал от проснувшейся женщины разбудить Лебедева А.В., сам же направился на кухню. Когда Лебедев А.В. проснулся, Гундяев И.А. позвал его туда, и между ними возник конфликт. Держа нож в руке, Гундяев И.А. подошел к Лебедеву А.В. В ответ на это Лебедев А.В., опасаясь за свою жизнь, схватил руку Гундяева И.А., из-за чего нож выпал. Затем между ними началась драка, в ходе которой оба наносили друг другу удары руками и ногами по голове и телу. В итоге Гундяев И.А. упал на пол и перестал представлять угрозу для находившихся в доме людей. Однако Лебедев А.В., находясь в стрессовом состоянии и испытывая высокое психологическое напряжение из-за восприятия ситуации как угрожающей для себя, своей жены и маленьких детей, под воздействием дефицита времени и эмоциональной напряженности, без достаточных оснований посчитал, что Гундяев И.А. может подняться и продолжить свои попытки причинить им вред. Лебедев И.А., явно выходя за рамки необходимой обороны, нанес Гундяеву И.А., лежавшему на полу, не менее шести ударов кулаками в жизненно важные зоны – по лицу и шее, что привело к смерти потерпевшего¹.

В этой ситуации Гундяев И.А. совершил вооруженное нападение на дом Лебедева И.А., а тот защищал себя от насильственного посягательства, представляющего угрозу для его жизни и жизни окружающих. Лебедев И.А. опасался того, что Гундяев И.А., поднявшись с пола, продолжит свои действия, направленные на причинение смерти семье защищавшегося. Поэтому он пытался любыми силами обездвигнуть нападавшего. Если бы Законопроект на тот момент был уже принят, то Лебедев И.А. подлежал бы освобождению от уголовной ответственности как лицо, обороня-

вшее свой дом от посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни защищающегося или жизни находящихся рядом с ним лиц. Причинение смерти нападавшему квалифицировалось бы в такой ситуации как допустимое.

На данный момент оправдательные приговоры чаще всего выносятся в случаях необходимой обороны, которые получили широкую огласку в средствах массовой информации и вызвали общественный резонанс. Из этого следует очевидный вывод: необходимая оборона жилища, как и в целом самооборона, на сегодняшний день остается по большей мере фикцией [7, с. 19]. Анализируемый нами Законопроект призван не только закрепить право граждан защищаться от насильственных посягательств на своей территории при незаконном проникновении в их жилище, но и фактически переориентировать судебную практику в пользу обороняющихся.

Вместе с тем в Законопроекте его авторы затронули крайне важный вопрос о том, какое помещение следует считать «жилищем». В настоящее время данное понятие раскрывается в п. 10 ст. 5 УПК РФ: «жилище – индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания». Из приведенного определения совершенно неясно юридическое отношение помещения к обороняющемуся. В связи с этим для целей анализируемого нами Законопроекта его авторы предлагают в качестве «жилища» рассматривать любое место постоянного или временного проживания гражданина или место его пребывания. С позицией законодателя можно согласиться, поскольку при оценке обоснованности необходимой обороны жилища следует исходить не из правовых оснований владения, пользования или распоряжения помещением, а из юридического факта проживания или пребывания в нем обороняющегося [8, с. 154].

Несмотря на наличие перечисленных нами значимых преимуществ Законопроекта, в нем тем не менее есть и недостатки. Так, расширение пределов необходимой обороны жилища может спровоцировать рост количества инсценировок такой «защиты» [9, с. 10]. «Обороняющийся», задумав причинить смерть тому или иному человеку, приглашает его в свое жилище, где реализует свои преступные намерения. Позже он объясняет случившееся осуществлением «необходимой обороны жилища» от вторжения, сопряженного с насилием, опасным для жизни [10, с. 491]. Или в ходе совместного времяпрепровождения между собравшимися происходит ссора, в ходе которой один гражданин убивает другого, а позже пытается объяснить свое деяние необходимостью обороны жилища от вторжения, сопряженного с насилием, опасным для жизни [11, с. 105].

¹ Уголовное дело № 1-135/2022, Ивановский районный суд Ивановской области // Судебные решения: сайт // URL: <https://правосудие.онлайн/70130905/extended> (дата обращения: 12.08.2024).

Например, из материалов уголовного дела, рассмотренного Новотроицким городским судом Оренбургской области в 2023 году, следует, что между сожителями Говорухиной Н.Ю. и П.К.А. произошла ссора, вызванная внезапной неприязнью на фоне ревности. В ходе конфликта П.К.А., проявляя агрессию, нанес Говорухиной Н.Ю. множественные удары палкой по туловищу с намерением причинить ей физическую боль и моральные страдания. Он также удерживал ее за волосы и бил по лицу, при этом угрожая ей убийством. В ответ на это Говорухина Н.Ю., выбрав способ обороны, который в тот момент явно не соответствовал уровню угрозы, схватила нож, находившийся рядом на стуле. С целью защиты от дальнейших противоправных действий П.К.А. она умышленно нанесла данным ножом один удар в область передней поверхности грудной клетки П.К.А., то есть в жизненно важный орган, причинив тем самым последнему смерть¹. Действия Говорухиной Н.Ю. были квалифицированы по ч. 1 ст. 108 УК РФ – убийство при превышении пределов необходимой обороны.

В подобной ситуации после принятия Законопроекта, если убийца будет выдвигать версию о незаконном вторжении потерпевшего в его жилище, будет очень трудно доказать отсутствие незаконного проникновения, при наличии которого оборонявшийся подлежит освобождению от уголовной ответственности [12, с. 14; 13, с. 115]. Ведь анализируемое нами убийство произошло в жилом помещении, и к потерпевшей в реальности применялось насилие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом рассматриваемая нами инициатива законодателя заслуживает поддержки. Гражданин,

защищающий себя в своем доме от явной или потенциальной угрозы жизни, как правило, не должен впоследствии доказывать свою невиновность и не должен привлекаться к уголовной ответственности [14, с. 21; 15, с. 106].

Кроме того, в большинстве правовых систем существует принцип, известный как «право на самооборону», который позволяет гражданам защищать себя и свою собственность от угроз. Однако важно учитывать несколько ключевых моментов:

1. Защита должна быть соразмерна угрозе и вынужденным ответом на посягательство. Например, если угроза незначительна, применение силы может быть признано избыточным.

2. В законодательстве некоторых стран закреплена обязанность попытаться избежать конфликта, если это возможно, прежде чем прибегать к самообороне.

3. При необходимой обороне граждан в любом случае должен быть доказан наличие незаконного проникновения злоумышленника в жилище и наличие угрозы его жизни.

Таким образом, хотя право на необходимую оборону защищает граждан от насильственных посягательств, важно понимать, как это право применяется в конкретных обстоятельствах в соответствии с действующим законодательством. Принятие Законопроекта в условиях низких доходов населения и увеличения групповой преступной активности поможет повысить уровень безопасности граждан. Это создаст уверенность у людей в том, что их действия по защите себя и своих близких в собственном доме будут считаться законными и оправданными. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Меркурьев В.В., Новиков А.В., Тараканов И.А., Слабкая Д.Н. Защита от общественно опасных посягательств, сопряженных с нарушением неприкосновенности жилища: особенности правовой оценки условий необходимой обороны // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 2А. С. 370-382.
2. Косолапова Е.Н. Проблемы правового регулирования правомерности действий при реализации права на необходимую оборону и крайнюю необходимость при защите жилища от незаконного проникновения (ст. 139 УК РФ) // Уголовная юстиция. 2023. № 22. С. 5-9.
3. Щелконогова Е.В. Условия правомерности причинения вреда при необходимой обороне // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 1 (40). С. 98-104.
4. Васильева О.И. Конституционное право граждан на самозащиту жилища от неправомерного посягательства: к вопросу о совершенствовании правового регулирования // Юридическая мысль. 2017. № 1 (99). С. 95-99.
5. Никуленко А.В. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния: проблемы применения нормы о необходимой обороне // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 1 (48). С. 57-64.
6. Бородин В.В., Васильева О.И. Проблемы совершенствования института «права граждан на самозащиту от посягательства на неприкосновенность жилища» в Российской Федерации // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 8. С. 33-38.
7. Гармышев Я.В., Ишигеев В.С. Необходимая оборона: проблемные аспекты теории и практики, пути совершенствования законодательства России // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2023. № 3 (41). С. 17-25.
8. Филиппов П.М., Ковалева О.А. Соотношение принципа неприкосновенности жилища по законодательству России и доктрины необходимой обороны в соответствии с уголовным правом США // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 4 (47). С. 153-161.
9. Милуков С.Ф., Никуленко А.В. Провокация обороны: от безоговорочного отрицания к взвешенной оценке // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 1 (68). С. 8-14.

¹ Уголовное дело № 1-43/2023, Новотроицкий городской суд Оренбургской области // Судебные решения: сайт // URL: <https://правосудие.онлайн/74823365/extended> (дата обращения: 12.08.2024).

10. Сушков О.Э. Пределы необходимой обороны: вопросы совершенствования // Вопросы российской юстиции. 2020. № 7. С. 489-495.
11. Никуленко А.В., Смирнов М.А. Судебное толкование признаков общественно опасного посягательства при необходимой обороне // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13. № 5. С. 101-112.
12. Алексеева А.П., Анисимова Т.В., Третяков Ю.В. Законодательные инициативы в сфере расширения пределов необходимой обороны жилища: проблемы и перспективы // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра. Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2022. С. 14-16.
13. Никуленко А.В., Смирнов М.А. Необходимая оборона и превышение ее пределов: возможности законодательного совершенствования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 3 (87). С. 111-117.
14. Головкин Н.В. Институт необходимой обороны в российском уголовном праве // Российский следователь. 2017. № 6. С. 21-23.
15. Мартыненко Н.Э. Необходимая оборона: проблемы ее законодательного установления и практического применения // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 3 (63). С. 100-108.

REFERENCES

1. Merkur'yev V.V., Novikov A.V., Tarakanov I.A., Slabkaya D.N. Zashchita ot obshchestvenno opasnykh posyagatel'stv, sopryazhennykh s narusheniyem neprikosновенности zhilishcha: osobennosti pravovoy otsenki usloviy neobkhodimoy oborony // Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava. 2022. Т. 12. № 2А. С. 370-382.
2. Kosolapova Ye.N. Problemy pravovogo regulirovaniya pravomernosti deystviy pri realizatsii prava na neobkhodimuyu oboronu i kraynyuyu neobkhodimost' pri zashchite zhilishcha ot nezakonnoy proniknoveniya (st. 139 UK RF) // Ugolovnaya yustitsiya. 2023. № 22. С. 5-9.
3. Shchelkonogova Ye.V. Usloviya pravomernosti prichineniya vreda pri neobkhodimoy oborone // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2024. № 1 (40). С. 98-104.
4. Vasil'yeva O.I. Konstitutsionnoye pravo grazhdan na samozashchitu zhilishcha ot nepravomernogo posyagatel'stva: k voprosu o sovershenstvovanii pravovogo regulirovaniya // Yuridicheskaya mysl'. 2017. № 1 (99). С. 95-99.
5. Nikulenko A.V. Obstoyatel'stva, isklyuchayushchiye prestupnost' deyaniya: problemy primeneniya normy o neobkhodimoy oborone // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2019. № 1 (48). С. 57-64.
6. Borodin V.V., Vasil'yeva O.I. Problemy sovershenstvovaniya instituta «prava grazhdan na samozashchitu ot posyagatel'stva na neprikosновенность zhilishcha» v Rossiyskoy Federatsii // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2016. № 8. С. 33-38.
7. Garmyshev YA.V., Ishigeyev V.S. Neobkhodimaya oborona: problemnyye aspekty teorii i praktiki, puti sovershenstvovaniya zakonodatel'stva Rossii // Sibirskiyе ugolovno-protsessual'nyye i kriminalisticheskiye chteniya. 2023. № 3 (41). С. 17-25.
8. Filippov P.M., Kovaleva O.A. Sootnosheniye printsipa neprikosновенности zhilishcha po zakonodatel'stvu Rossii i doktriny neobkhodimoy oborony v sootvetstviy s ugolovnym pravom SSHA // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2018. № 4 (47). С. 153-161.
9. Milyukov S.F., Nikulenko A.V. Provokatsiya oborony: ot bezogovorochного otritsaniya k vzheshennoy otsenke // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. 2018. № 1 (68). С. 8-14.
10. Sushkov O.E. Predely neobkhodimoy oborony: voprosy sovershenstvovaniya // Voprosy rossiyskoy yustitsii. 2020. № 7. С. 489-495.
11. Nikulenko A.V., Smirnov M.A. Sudebnoye tolkovaniye priznakov obshchestvenno opasnogo posyagatel'stva pri neobkhodimoy oborone // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo. 2023. Т. 13. № 5. С. 101-112.
12. Alekseyeva A.P., Anisimova T.V., Tret'yakov YU.V. Zakonodatel'nyye initsiativy v sfere rasshireniya predelov neobkhodimoy oborony zhilishcha: problemy i perspektivy // Ugolovnoye zakonodatel'stvo: vchera, segodnya, zavtra. Materialy yezhegodnoy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: SPbU MVD Rossii, 2022. С. 14-16.
13. Nikulenko A.V., Smirnov M.A. Neobkhodimaya oborona i prevysheniye yeye predelov: vozmozhnosti zakonodatel'nogo sovershenstvovaniya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2020. № 3 (87). С. 111-117.
14. Golovko N.V. Institut neobkhodimoy oborony v rossiyskom ugolovnom prave // Rossiyskiy sledovatel'. 2017. № 6. С. 21-23.
15. Martynenko N.E. Neobkhodimaya oborona: problemy yeye zakonodatel'nogo ustanovleniya i prakticheskogo primeneniya // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2022. № 3 (63). С. 100-108.

© Алексеева А.П., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Алексеева А.П. Пределы необходимой обороны жилища: нужно ли их расширение? // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3 (77). С. 9-14.

Дмитрий Владиславович ПОПЛАВСКИЙ,

кандидат физико-математических наук, доцент, ORCID 0000-0003-1292-3366
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (г. Саратов)
доцент кафедры математической физики и вычислительной математики
poplavskydv@mail.ru

Наталья Николаевна ПОПЛАВСКАЯ,

кандидат юридических наук, ORCID 0009-0006-0735-0371
Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт
войск национальной гвардии Российской Федерации (г. Саратов)
преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
poplavskayann@mali.ru

Научная статья
УДК 343.2/.7

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Уголовный закон, уголовная ответственность несовершеннолетних, вменяемость, виды наказаний, принудительные меры воспитательного воздействия.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В доктрине уголовного права ведется полемика о возможности привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений 12-14-летних подростков, а также несовершеннолетних более раннего возраста. Сторонники понижения минимального возраста уголовной ответственности часто приводят в пример зарубежный опыт и зарубежное законодательство как западных, так и восточных стран, где в различных вариациях реализована та или иная система дифференциации уголовной ответственности в отношении несовершеннолетних. В качестве самостоятельных аргументов описываются следующие тенденции: омоложение подростковой преступности, ее феминизация, рост количества преступлений, совершаемых в составе групп, особая жестокость некоторых умышленных преступлений малолетних. Такая позиция подкрепляется отсылками к исследованиям о формировании у несовершеннолетних в более раннем возрасте осознанного понимания запрещенности и наказуемости наиболее выраженных антиобщественных деяний. В свою очередь, противники понижения минимального возраста привлечения к уголовной ответственности приводят контрпримеры, указывая на увеличение среднего возраста психической зрелости современных подростков (18 лет – для девушек, 20 лет – для юношей). *Методы.* В исследовании применялся общенаучный диалектический метод познания окружающей действительности, предполагающий полное и всестороннее изучение явлений, рассмотрение связей и противоречий между ними. Кроме того, были использованы как общие научные (анализ, синтез, дедукция, обобщение), так и частные научные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой и документальный). *Результаты.* Авторы статьи по итогам своего исследования пришли к выводу о том, что для эффективной реализации государственной уголовной политики в отношении несовершеннолетних наряду с регламентацией видов наказания, назначаемых данной категории лиц, необходим широкий комплексный подход, подразумевающий систематические обобщающие и специализированные криминологические исследования подростковой преступности. Вместе с тем нужно заниматься восстановлением государственной и муниципальной систем подросткового досуга, дальнейшим совершенствованием системы профилактики преступности и ресоциализации несовершеннолетних на базе реализации специализированных программ и развития специализированных учреждений.

ВВЕДЕНИЕ

Международная норма, закрепленная в ч. 3 ст. 40 Конвенции о правах ребенка, обязывает государство стремиться содействовать «установлению минимального возраста, ниже которого дети считаются неспособными нарушить уголовное законодательство», а также «принятию

мер по обращению с такими детьми без использования судебного разбирательства при условии полного соблюдения прав человека и правовых гарантий»¹. В свою очередь, ст. 89 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) при назначении наказания несовершеннолетнему (ч. 1 ст. 87 УК РФ), признанному виновным (ст. 5,

¹ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990); см. также п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних».

Dmitry V. POPLAVSKY,

Cand. Sci. (Physics and Mathematics), Associate Professor, ORCID 0000-0003-1292-3366
Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russia)
Associate Professor of the Department of Mathematical Physics and Computational Mathematics
poplavskydv@mali.ru

Natalia N. POPLAVSKAYA,

Cand. Sci. (Jurisprudence), ORCID 0009-0006-0735-0371
Saratov Military Institute of the National Guard Troops
of the Russian Federation (Saratov, Russia)
Lecturer at the Department of Criminal Procedure and Criminology
poplavskayann@mali.ru

FEATURES OF CRIMINAL LIABILITY OF MINORS

KEYWORDS. Criminal law, criminal liability of minors, sanity, types of punishment, compulsory educational measures.

ANNOTATION. Introduction. In the doctrine of criminal law, there is a debate about the possibility of bringing 12-14-year-old teenagers, as well as younger minors, to criminal liability for committing crimes. Supporters of lowering the minimum age of criminal responsibility often cite foreign experience and foreign legislation of both Western and Eastern countries, where one or another system of differentiation of criminal liability for minors is implemented in various variations. The following trends are described as independent arguments: the rejuvenation of juvenile crime, its feminization, the increase in the number of crimes committed in groups, the particular cruelty of some intentional crimes of minors. This position is supported by references to studies on the formation of a conscious understanding of the prohibition and punishability of the most pronounced antisocial acts in minors at an earlier age. In turn, opponents of lowering the minimum age of criminal liability give counterexamples, pointing to the increase in the average age of mental maturity of modern teenagers (18 years for girls, 20 years for boys). **Methods.** The study used the general scientific dialectical method of cognition of the surrounding reality, which involves a complete and comprehensive study of phenomena, consideration of the connections and contradictions between them. In addition, both general scientific (analysis, synthesis, deduction, generalization) and specific scientific methods (formal-legal, comparative-legal and documentary) were used. **Results.** Based on the results of their study, the authors of the article came to the conclusion that for the effective implementation of state criminal policy in relation to minors, along with the regulation of the types of punishment assigned to this category of persons, a broad comprehensive approach is needed, implying systematic generalizing and specialized criminological studies of juvenile delinquency. At the same time, it is necessary to work on the restoration of state and municipal systems of teenage leisure, further improvement of the system of crime prevention and resocialization of minors based on the implementation of specialized programs and the development of specialized institutions.

ст. 6, ч.ч. 1 и 2 ст. 43, ст. 60 УК РФ), обязывает суд учитывать условия жизни и воспитания, уровень психического развития и особенности личности несовершеннолетнего, влияние на него старших по возрасту лиц. В связи с этим не прекращаются дискуссии о минимальном возрасте уголовной ответственности (он установлен нормами ч.ч. 1-3 ст. 20 и ч. 1 ст. 87 УК РФ) применительно к конкретным категориям преступлений и уровню психической зрелости несовершеннолетнего преступника, а также по поводу других проблем привлечения подростков к уголовной ответственности.

Так, В.И. Шульга и В.С. Василенко исследовали возможности снижения возраста уголовной ответственности несовершеннолетних; Л.А. Бахвалова пыталась оценить эффективность мер уголовно-правового воздействия на несовершеннолетних; М.А. Сатурин рассматривал систему наказаний, применяемых в отношении несовершеннолетних; Т.И. Егорова, Д.М. Фаретдинова и Л.А. Камалиева проанализировали уголовное законодательство и судебную практику в сфере назначения наказаний несовершеннолетним; Е.Н. Лобова изучала вопросы освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности; Е.А. Дядченко и В.М. Поздняков выявили причины рецидива пре-

ступлений несовершеннолетних, осужденных без изоляции от общества.

Целью нашего исследования, некоторые результаты которого представлены в настоящей статье, являлся поиск путей решения проблем, связанных с необходимостью государственного реагирования на нарушения несовершеннолетними уголовно-правовых запретов. Перед исследованием был поставлен ряд задач: рассмотреть целесообразность понижения минимального возраста уголовной ответственности; исследовать влияние пагубных зависимостей и психических аномалий на отклоняющееся поведение несовершеннолетних; оценить эффективность действующей системы видов наказаний, назначаемых несовершеннолетним, в части достаточности и адекватности перечня имеющихся в уголовном законе видов наказаний, допустимых в отношении несовершеннолетних.

МЕТОДЫ

В ходе исследования применялся общенаучный диалектический метод познания окружающей действительности, предполагающий полное и всестороннее изучение явлений, рассмотрение связей и противоречий между ними. Кроме того, были использованы общенаучные методы. Ана-

лиз и синтез – для детального изучения отличий, имеющих место в деятельности по назначению наказаний несовершеннолетним в различных ситуациях. Дедукция, которая позволила сделать вывод о соотношении видов назначаемых несовершеннолетним наказаний. Обобщение, с помощью которого на основании большого количества отдельных свойств и признаков видов наказаний, назначаемых несовершеннолетним, нами был сделан вывод о сходстве и различиях в механизмах их исполнения. Среди частнонаучных методов нами были выбраны: формально-юридический метод (для более точного правоприменения), документальный метод (помог нам изучить отечественную судебную практику назначения наказаний несовершеннолетним), сравнительно-правовой метод (способствовал анализу практики назначения наказаний несовершеннолетним в разных странах).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Полемика разворачивается вокруг диалектического контекста «принципа гуманизма» (ст. 7 УК РФ), в значительной мере реализуемого в отношении несовершеннолетних¹, и «исключительно» отдельно взятых преступных посягательств, совершаемых несовершеннолетними в возрасте от 12 до 14 лет, а также в более раннем возрасте [1, с. 232]. Сторонники понижения минимального возраста уголовной ответственности часто приводят в пример зарубежный опыт и зарубежное законодательство как западных, так и восточных стран, в которых в различных вариациях реализована та или иная система дифференциации уголовной ответственности несовершеннолетних. В качестве самостоятельных аргументов приводятся ссылки на следующие современные тенденции: омоложение подростковой преступности, ее феминизация², рост количества преступлений, совершаемых в составе групп, особая жестокость некоторых умышленных преступлений малолетних [2, с. 81; 3, с. 222-223; 4, с. 66; 5, с. 62; 6, с. 12; 7, с. 101]. Позиция подкрепляется результатами исследований, свидетельствующими о формировании у несовершеннолетних в более раннем возрасте осознанного понимания запрещенности и наказуемости наиболее выраженных антиобщественных деяний. В свою очередь, противники понижения минимального возраста, установленного в действующем УК РФ, приводят контрпримеры, сутью которых является увеличение среднего возраста психической зрелости современных подростков (18 лет – для девушек, 20 лет – для юношей) [8, с. 54].

Наряду с вопросами, касающимися минимального возраста наступления уголовной ответственности, в доктрине исследуется проблема пагубных зависимостей и психических аномалий³, выявляемых у несовершеннолетних преступников [9, 10, 11]. В том числе в контексте применимости норм

ст.ст. 20 и 22 УК РФ [12, с. 85-87] в случаях недостаточности психического развития [13]. В то же время приводятся сведения о редком использовании на практике ст. 96 УК РФ в отношении лиц, совершивших преступление в возрасте от 18 до 20 лет. В связи с этим представляются обоснованными предложения о дополнительной, специальной и исключительной регламентации уголовной ответственности для лиц, совершающих преступления в возрасте от 12 до 14 лет, имеющих должным образом сформировавшуюся психику, позволяющую оценивать характер совершаемых преступных действий, осознанно руководить ими. В частности, основанием для привлечения лиц в возрасте до 14 лет к уголовной ответственности, как представляется, может быть выявленная в ходе расследования преступления способность малолетнего преступника организовать и довести до конца преступное посягательство с последующим умышленным уничтожением следов преступления.

Привлекает к себе внимание развернувшаяся дискуссия об эффективности действующей системы видов наказаний, назначаемых несовершеннолетним (ст. 88 УК РФ). Озвучиваются мнения о недостаточности или неадекватности перечня имеющихся в уголовном законе видов наказаний, допустимых в отношении несовершеннолетних, в силу меняющейся криминологической ситуации, а также типовых различий в особенностях личности несовершеннолетних преступников [14]. В частности, высказывают сомнения в целесообразности применения в отношении несовершеннолетних наказания в виде «лишения права заниматься определенной деятельностью» (п. «б» ч. 1 ст. 88, ст. 47 УК РФ). В качестве основания приводятся данные о том, что этот вид наказания редкого используется судами в отношении несовершеннолетних, а также факты, свидетельствующие о специфическом образе жизни совершающих преступления несовершеннолетних, как правило, не предполагающем занятий какой-либо определенной деятельностью в том смысле, в котором о ней говорится в УК РФ. Скептически воспринимается назначение в отношении несовершеннолетних наказания в виде «штрафа» (п. «а» ч. 1, ч. 2 ст. 88, ст. 46 УК РФ) в контексте установленной законом возможности взыскания «штрафа» с родителей или законных представителей с их согласия. В качестве аргумента приводится возникающее в результате нарушение «принципа вины» (ст. 5 УК РФ), «принципа равенства граждан перед законом» (ст. 4 УК РФ) и «принципа справедливости» (ст. 6 УК РФ). Неравенство финансовых возможностей родителей, вероятное их неучастие в судьбе несовершеннолетнего, невосприятие несовершеннолетним возложенного на него наказания в виде «штрафа», оплаченного не им, по

¹ См. п.п. 3, 4, 14, 16-20, 23, 26, 31, 35, 36, 41, 44 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних».

² Бахвалова Л.А. Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних в уголовном праве России и Германии: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 18.

³ Кули-Заде Т.А. Уголовная ответственность лиц с уменьшенной (ограниченной) вменяемостью: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 26 с.; Кожевникова Е.А. Преступность несовершеннолетних с психическими аномалиями: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. 29 с.

большой части не способствуют его исправлению [1]. Альтернативой в подобных ситуациях может выступать назначение детальным образом регламентированного наказания в виде «обязательных» и «исправительных» работ – более эффективных видов наказания в плане возможности раскрытия потенциала исправления, перевоспитания и ресоциализации несовершеннолетнего. Тем не менее на практике наказание в виде «штрафа» находит применение все чаще¹, особенно в случаях совершения имущественных преступлений, наряду с возложением обязанности возместить причиненный ущерб [15].

В отношении несовершеннолетних «ограничение свободы» (п. «д» ч. 1, ч. 5 ст. 88, ст. 53 УК РФ) может устанавливаться только в виде основного наказания². На практике же встречаются случаи применения его в качестве дополнительного наказания, что допустимо лишь по отношению к лицам, достигшим на момент совершения преступления совершеннолетия (ч. 2 ст. 45, ч. 5 ст. 88 УК РФ). Вместе с тем регламентированный в ч. 1 ст. 53 УК РФ перечень ограничений, устанавливаемых при назначении наказания в виде «ограничения свободы», сопоставляется с перечнем ограничений, предусматриваемых в рамках назначения принудительной меры воспитательного воздействия в виде «ограничения досуга и установления особых требований к поведению несовершеннолетнего» (ч. 4 ст. 91 УК РФ). При этом в отсутствие исключительных обстоятельств рекомендуется отдавать предпочтение последнему перечню, применяемому при освобождении от уголовной ответственности или при освобождении от наказания (ч. 1, 2 ст. 90, ч. 1 ст. 92 УК РФ).

В дискуссии о назначении несовершеннолетним наказания в виде «лишения свободы на определенный срок» (п. «е» ч. 1, ч. 6, ч. 6.1 ст. 88 УК РФ) приводятся следующие аргументы. С одной стороны, правоприменителю рекомендована к реализации гуманистическая модель назначения наказания несовершеннолетним³, детальным образом регламентированная и предполагающая реальную изоляцию от общества только в исключительных случаях с учетом установления всех обстоятельств, значимых с точки зрения достижения целей уголовного наказания. С другой стороны, «лишение свободы на определенный срок» в количественном отношении имеет сравнительно стабильную долю в общей массе назначаемых несовершеннолетним наказаний⁴. Одновременно с этим утверждается, что «лишение свободы» в значительном ряде случаев несет в себе низкий потенциал исправления и перевоспитания именно несовершеннолетних [16]. В качестве наиболее эф-

фективных видов наказания в плане осознанного исправления осужденных несовершеннолетних, а также предупреждения рецидива многие исследователи называют «обязательные» и «исправительные» работы (п.п. «г» и «д» ч. 1, ч.ч. 3 и 4 ст. 88, ст. 49, ст. 50 УК РФ). Однако в правоприменительной практике «обязательные» и «исправительные» работы по-прежнему назначаются нечасто. В общей массе видов назначаемых несовершеннолетним наказаний доминируют лишение свободы, условное осуждение и штраф.

Рядом авторов научных работ высказываются мнения о недостаточно полной и детализированной регламентации «принудительных мер воспитательного воздействия», назначаемых при освобождении от уголовной ответственности, а также при освобождении от наказания (ч. 2 ст. 87, ч.ч. 1, 2 ст. 90, ст. 91, ч.ч. 1, 2 ст. 92 УК РФ). «Принудительные меры воспитательного воздействия» на несовершеннолетнего законодателем не отнесены к какому-либо виду уголовного наказания, соответственно, не влекут за собой последствия в виде судимости несовершеннолетнего. При этом имеются данные, свидетельствующие о нечастом применении «принудительных мер воспитательного воздействия», регламентированных ч. 2 ст. 90 УК РФ, в угоду условному осуждению [15]. В связи с этим формулируются предложения о закреплении непосредственно в уголовном законе положений директивы Пленума Верховного Суда Российской Федерации, устанавливающих приоритет назначения несовершеннолетним «принудительных мер воспитательного воздействия» в качестве обязанности, а не права суда [15, 16].

В отношении конкретных «принудительных мер воспитательного воздействия», перечисляемых законодателем в ч. 2 ст. 90 УК РФ, различными авторами высказываются следующие соображения. Так, «предупреждение» (п. «а» ч. 2 ст. 90, ч. 1 ст. 91 УК РФ), рассматриваемое с точки зрения его результативности в отношении исправления несовершеннолетнего, предлагают либо вовсе исключить из перечня, закрепленного ч. 2 ст. 90 УК РФ, либо закрепить обязательность его назначения только в совокупности с более действенными мерами⁵. Что касается «передачи под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа» (п. «б» ч. 2 ст. 90, ч. 2 ст. 91 УК РФ), то озвучиваются мнения о малой эффективности данной меры воспитательного воздействия. В качестве обоснования такой позиции авторы научных работ ссылаются на то, что зачастую родители (лица, их замещающие) не способны оказывать действенного воспитательного влияния на несовершеннолетнего, причем не

¹ Пункт 35 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних».

² Пункт 25 того же постановления.

³ См. то же постановление.

⁴ Данные судебной статистики // Официальный сайт Судебного Департамента Собрания законодательства Российской Федерации Верховном Суде Российской Федерации // URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 4.06.2024).

⁵ Оловенцова С.Ю. Иные меры уголовно-правового характера, применяемые к несовершеннолетним: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2010. С. 11; Носков О.С. Принудительные меры воспитательного воздействия: уголовно-правовые и криминологические аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2006. С. 76-77.

только после совершения противоправного деяния, но и до его совершения. Кроме того, за данной мерой не признают способности существенно влиять на подростковую преступность. «Возложение обязанности загладить причиненный вред» (п. «в» ч. 2 ст. 90, ч. 3 ст. 91 УК РФ) оценивается в качестве более эффективной меры воздействия, особенно в тех случаях, когда преступлением причинен имущественный вред. Однако эта мера воспитательного воздействия применяется редко, а возможность ее фактической реализации напрямую связана с имущественным положением несовершеннолетнего и наличием у него трудовых доходов¹. Отметим также, что меру воспитательного воздействия «ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего» (п. «г» ч. 2 ст. 90, ч. 4 ст. 91 УК РФ) предлагают конкретизировать, еще более детализировав содержание ч. 4 ст. 91 УК РФ.

Обособленное положение в уголовном законе отведено такой «принудительной мере воспитательного воздействия», как «помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа» (далее – СУВУЗТ)². Она может быть назначена лишь при освобождении от наказания (ч. 2 ст. 87, ч. 2 ст. 92 УК РФ) в целях исправления признанного виновным несовершеннолетнего, нуждающегося в особых условиях воспитания, обучения и требующего специального педагогического подхода. В соответствии с нормой, закрепленной в ч. 2 ст. 86 УК РФ, лицо, освобожденное от наказания и помещенное в СУВУЗТ, считается не имеющим судимости. При этом «помещение в СУВУЗТ» – объективно самая строгая принудительная мера воспитательного воздействия на несовершеннолетнего. Исходя из логики гуманистической уголовной политики, данную меру рекомендуется применять в отношении несовершеннолетних в качестве альтернативы реальному лишению свободы с отбыванием наказания в воспитательной колонии (ч. 6 ст. 88 УК РФ), назначаемому в случаях невозможности применить иной вид наказания или принудительной меры воспитательного воздействия³.

Особое место в ряду обсуждаемых в науке занимает проблема «условного осуждения» несовершеннолетних, тем более что в гражданском обществе отношение к «условному осуждению» в целом неоднозначно. Судами «условное осуждение» в отношении несовершеннолетних применяется в случае назначения «исправительных

работ» или «лишения свободы на определенный срок» (ч.ч. 1-3, 4-5 ст. 73, ч.ч. 1 и 6.2 ст. 88 УК РФ). И это – в противовес реальной изоляции от общества – происходит довольно часто⁴. По наблюдениям исследователей и правоприменителей, «условное осуждение», применяемое в отношении отдельных категорий несовершеннолетних, не несет в себе потенциала эффективного профилактики возможных будущих рецидивов [16]. Озвучиваются предложения о еще более детализированной регламентации обязанностей, налагаемых на несовершеннолетнего при условном осуждении (ч. 5 ст. 73 УК РФ), а также о преимущественном использовании «принудительных мер воспитательного воздействия» в отношении несовершеннолетнего, не связанных с изоляцией от общества. Имея при этом в виду необходимость повышения эффективности профилактики рецидива преступлений в среде несовершеннолетних преступников. В качестве аргумента приводятся данные о более высоком уровне рецидива у ранее условно осужденных несовершеннолетних, нежели у впервые совершивших преступления⁵. Дополнительно предлагается понизить уровень уголовно-правовых возрастных ограничений в части, касающейся рецидива преступлений у несовершеннолетних, приведя в однозначное соответствие нормы п. «б» ч. 4 ст. 18 УК РФ и ч. 1 ст. 20 УК РФ⁶ [17].

Заметное внимание в исследованиях уделяется возможности повторного принятия решения об «условном осуждении» с установлением нового испытательного срока в отношении несовершеннолетних, совершивших в течение испытательного срока новое преступление, не являющееся особо тяжким (ч. 6.2 ст. 88 УК РФ). В качестве разумного обоснования отказа от данной возможности приводится то обстоятельство, что ее реализация приводит к нарушению самой сути условного осуждения с установлением испытательного срока, что не способствует достижению преследуемых правосудием целей исправления осужденных и предупреждения новых преступлений (ч.ч. 1 и 3 ст. 73, ч. 2 ст. 43 УК РФ).

Отметим также, что высказываются критические мнения по поводу эффективности и целесообразности применения «судебного штрафа» в отношении несовершеннолетних при освобождении их от уголовной ответственности (ст.ст. 76.2, 104.4, 104.5 УК РФ) [18]. В данном контексте дис-

¹ Карелин Д.В. Принудительные меры воспитательного воздействия как альтернатива уголовной ответственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2001. 26 с.

² Антонов А. Каков порядок помещения несовершеннолетних в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа? // Азбука права: Электронный журнал. 2023 // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PKBO&n=46252#fYwioEUEYcjwGbnI> (дата обращения: 4.06.2024).

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних».

⁴ Бессчасная Л.А. Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: уголовно-правовой и криминологический анализ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 30 с.

⁵ Кара И.С. Криминологическая характеристика и профилактика преступлений, совершаемых условно осужденными несовершеннолетними: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2009. С. 13-14.

⁶ Смирнов В.В. Предупреждение рецидива насильственных преступлений против личности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 11; Самылина И.Н. Назначение наказания при рецидиве преступлений: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2005. С. 80.

куссия касается основных вопросов, возникающих в отношении применения «судебного штрафа» вне зависимости от возраста лица, признанного виновным [19].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, подчеркнем, что большинство исследователей предлагают использовать в реализации государственной уголовной политики в отношении несовершеннолетних наряду с регламентацией их ответственности широкий

комплексный подход [20]. Он подразумевает систематическое проведение обобщающих и специализированных криминологических исследований подростковой преступности, восстановление государственной и муниципальных систем подросткового досуга, совершенствование деятельности по превентивной профилактике преступности и ресоциализации несовершеннолетних на базе развития специализированных программ и учреждений¹. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Комкова В.С. Проблемы уголовной ответственности несовершеннолетних // Молодой ученый. 2018. № 22 (208). С. 232-234.
2. Шиловская А.Л. Проблемы ресоциализации несовершеннолетних и лиц молодежного возраста, осужденных к лишению свободы, в Великобритании // Социализация и адаптация подростков и молодежи, отбывающих наказания в исправительных учреждениях и освобождающихся из мест лишения свободы: Материалы всероссийской научно-практической конференции. М., 2008. 356 с.
3. Николаева Ю.В. Дифференциация преступлений против несовершеннолетних в России: Монография. М., 2011. 267 с.
4. Шульга В.И., Василенко В.С. К вопросу снижения возраста уголовной ответственности для несовершеннолетних // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. № 1. С. 63-70.
5. Санташов А.Л. Криминологические и уголовно-правовые аспекты противодействия преступности несовершеннолетних // Российский следователь. 2021. № 6. С. 61-63.
6. Лобова Е.Н. Преступность несовершеннолетних и вопросы освобождения их от уголовной ответственности // Российский следователь. 2009. № 7. С. 12-14.
7. Вологина Ж.Ю., Спивакова Н.В., Камалов А.А. Преступность среди несовершеннолетних // Право: современные тенденции. Материалы международной заочной научной конференции. Уфа, 2012. С. 98-108.
8. Алексеева А.П., Кривошеин П.К. Возраст потерпевшего как обстоятельство, отягчающее наказание // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 4 (43). С. 53-57.
9. Дозорцева Е.Г. Аномальное развитие личности у подростков с противоправным поведением. М., 2004. 352 с.
10. Алмазов Б.Н. Правовая психопатология. М., 2009. 525 с.
11. Змановская Е.В., Рыбников В.Ю. Девиантное поведение личности и группы. СПб, 2012. 353 с.
12. Ситковская О.Д. Психологическая характеристика вменяемости и невменяемости // Коченовские чтения «Психология и право в современной России»: Сборник тезисов Всероссийской конференции. М., 2012. 290 с.
13. Шишков С. Правомерен ли вопрос экспертам о соответствии несовершеннолетнего обвиняемого своему календарному возрасту? // Законность. 1999. № 9. С. 27-30.
14. Сатурин М.А. Система наказаний в отношении несовершеннолетних // Сибирский юридический вестник. 2016. № 2. С. 101-105.
15. Бахвалова Л.А. Актуальные проблемы эффективности системы мер уголовно-правового воздействия, применяемых в отношении несовершеннолетних по УК РФ // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2012. № 2 (31). С. 245-253.
16. Фаретдинова Д.М., Камалиева Л.А. Проблемы уголовной ответственности несовершеннолетних // Уголовное и уголовно-исполнительное право. 2014. № 8. С. 105-114.
17. Дядченко Е.А., Поздняков В.М. Рецидив преступлений несовершеннолетних, осужденных без изоляции от общества: криминологический и психологический аспекты // Пенитенциарная наука. 2013. № 3 (23). 2013. С. 39-47.
18. Козлова Е.Л., Барина Е.Д. Судебный штраф как мера освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних // Российский судья. 2021. № 4. С. 8-11.
19. Поплавская Н.Н., Поплавский Д.В. Об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Юридическая наука и практика. Альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. Самара, 2017. С. 246-248.
20. Егорова Т.И. Уголовное законодательство и судебная практика в сфере назначения наказания несовершеннолетним // Российский судья. 2021. № 2. С. 12-16.

REFERENCES

1. Komkova V.S. Problemy ugovolnoy otvetstvennosti nesovershennoletnikh // Molodoy uchenyy. 2018. № 22 (208). S. 232-234.

¹ Федеральный закон от 24.06.1999 № 120 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»; Федеральный закон от 06.02.2023 № 10 (вступ. в силу с 01.01.2024) «О пробации в Российской Федерации».

2. Shilovskaya A.L. Problemy resotsializatsii nesovershennoletnikh i lits molodezhnogo vozrasta, osuzhdennykh k lisheniyu svobody, v Velikobritanii // Sotsializatsiya i adaptatsiya podrostkov i molodezhi, otbyvayushchikh nakazaniya v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh i osvobozhdayushchikhsya iz mest lisheniya svobody: Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. M., 2008. 356 s.
3. Nikolayeva Yu.V. Differentsiatsiya prestupleniy protiv nesovershennoletnikh v Rossii: Monografiya. M., 2011. 267 s.
4. Shul'ga V.I., Vasilenko V.S. K voprosu snizheniya vozrasta ugovolnoy otvetstvennosti dlya nesovershennoletnikh // Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa. 2016. № 1. С. 63-70.
5. Santashov A.L. Kriminologicheskiye i ugovolno-pravovyye aspekty protivodeystviya prestupnosti nesovershennoletnikh // Rossiyskiy sledovatel'. 2021. № 6. S. 61-63.
6. Lobova Ye.N. Prestupnost' nesovershennoletnikh i voprosy osvobozhdeniya ikh ot ugovolnoy otvetstvennosti // Rossiyskiy sledovatel'. 2009. № 7. S. 12-14.
7. Vologina Zh.Yu., Spivakova N.V., Kamalov A.A. Prestupnost' sredi nesovershennoletnikh // Pravo: sovremennyye tendentsii. Materialy mezhdunarodnoy zaochnoy nauchnoy konferentsii. Ufa, 2012. S. 98-108.
8. Alekseyeva A.P., Krivoshein P.K. Vozrast poterpevshego kak obstoyatel'stvo, otyagchayushcheye nakazaniye // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2017. № 4 (43). S. 53-57.
9. Dozortseva Ye.G. Anomal'noye razvitiye lichnosti u podrostkov s protivopravnym povedeniyem. M., 2004. 352 s.
10. Almazov B.N. Pravovaya psikhopatologiya. M., 2009. 525 s.
11. Zmanovskaya Ye.V., Rybnikov V.YU. Deviantnoye povedeniye lichnosti i gruppy. SPb, 2012. 353 s.
12. Sitkovskaya O.D. Psikhologicheskaya kharakteristika vmenyayemosti i nevmenyayemosti // Kochenovskiy chteniya «Psikhologiya i pravo v sovremennoy Rossii»: Sbornik tezisov Vserossiyskoy konferentsii. M., 2012. 290 s.
13. Shishkov S. Pravomeren li vopros ekspertam o sootvetstvii nesovershennoletnego obvinyayemogo svoemu kalendarному vozrastu? // Zakonnost'. 1999. № 9. S. 27-30.
14. Saturin M.A. Sistema nakazaniy v otnoshenii nesovershennoletnikh // Sibirskiy yuridicheskoy vestnik. 2016. № 2. S. 101-105.
15. Bakhvalova L.A. Aktual'nyye problemy effektivnosti sistemy mer ugovolno-pravovogo vozdeystviya, primenyayemykh v otnoshenii nesovershennoletnikh po UK RF // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». 2012. № 2 (31). S. 245-253.
16. Faretidinova D.M., Kamaliyeva L.A. Problemy ugovolnoy otvetstvennosti nesovershennoletnikh // Ugolovnoye i ugovolno-ispolnitel'noye pravo. 2014. № 8. S. 105-114.
17. Dyadchenko Ye.A., Pozdnyakov V.M. Retsidiv prestupleniy nesovershennoletnikh, osuzhdennykh bez izolyatsii ot obshchestva: kriminologicheskoy i psikhologicheskoy aspekty // Penitentsiarnaya nauka. 2013. № 3 (23). 2013. S. 39-47.
18. Kozlova Ye.L., Barinova Ye.D. Sudebnyy shtraf kak mera osvobozhdeniya ot ugovolnoy otvetstvennosti nesovershennoletnikh // Rossiyskiy sud'ya. 2021. № 4. S. 8-11.
19. Poplavskaya N.N., Poplavskiy D.V. Ob osvobozhdenii ot ugovolnoy otvetstvennosti s naznacheniyem sudebnogo shtrafa // Yuridicheskaya nauka i praktika. Al'manakh nauchnykh trudov Samarskogo yuridicheskogo instituta FSIN Rossii. Samara, 2017. S. 246-248.
20. Yegorova T.I. Ugolovnoye zakonodatel'stvo i sudebnaya praktika v sfere naznacheniya nakazaniya nesovershennoletnim // Rossiyskiy sud'ya. 2021. № 2. S. 12-16.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© **Поплавский Д.В., Поплавская Н.Н., 2024.**

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Поплавский Д.В., Поплавская Н.Н. Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 2 (76). С. 15-21.

Александр Сергеевич СЕНЦОВ,

кандидат юридических наук, доцент, ORCID 0000-0002-6481-122X
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации (г. Волгоград)
профессор кафедры уголовного права, уголовного
процесса и криминалистики Волгоградского
института управления (филиала РАНХиГС)
sentsov_1951@mail.ru

Владислава Владимировна ВОЛКОЛУПОВА,

ORCID 0009-0006-2604-3764
Санкт-Петербургский государственный
университет (г. Санкт-Петербург)
аспирант
volkolupova.v@yandex.ru

Научная статья
УДК 343.3/.7

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПУБЛИЧНОМУ РАСПРОСТРАНЕНИЮ КРИМИНОГЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ (ТРЕШ-СТРИМАМ)*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Криминогенная информация, информационно-телекоммуникационные сети, деструктивный контент, треш-стрим, уголовная ответственность, изменение законодательства, общественная опасность, преступление.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В настоящее время все чаще выявляются случаи распространения в телекоммуникационных сетях информации криминогенного содержания. В статье представлены результаты научного исследования проблем, связанных с необходимостью усиления противодействия с использованием уголовно-правовых средств распространению в информационном пространстве деструктивного контента в виде треш-стримов. Рассматриваются также теоретические вопросы социальной обусловленности криминализации деструктивного поведения в формате треш-стримов. *Методы.* В ходе исследования применялся общенаучный диалектический метод познания окружающей действительности, предполагающий полное и всестороннее изучение явлений, рассмотрение связей и противоречий между ними. Кроме того, были использованы методы индукции, дедукции, анализа и синтеза, системно-структурный метод, догматический метод. *Результаты.* Авторами сформулированы выводы о направлениях противодействия распространению в информационном пространстве деструктивного контента, в том числе законодательного характера. Обосновано предложение о внесении изменений в Особенную часть Уголовного кодекса Российской Федерации путем включения в нее статьи 242.3, регламентирующей ответственность за организацию и (или) проведение треш-стримов, а равно иное в них участие лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющему судимость за аналогичные деяния. Представлена авторская редакция этой статьи, что повышает практическую значимость проведенного исследования. Предлагается также в целях обеспечения межотраслевого согласования нормативных предписаний внести изменения в статью 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях повсеместной информатизации и цифровизации всех сфер жизнедеятельности нашего общества кардинально изменились и формы социальной коммуникации, обеспечивающей социализацию личности, особенно несовершеннолетних. Неотъемлемым атрибутом межличностных коммуникаций в жиз-

ни большинства граждан стало их пребывание в виртуальном интернет-пространстве, где наряду с позитивным контентом все чаще распространяется и крайне негативная криминогенная информация [1, с. 84]. Согласно результатам исследования поведения людей в цифровом мире «Digital 2023», опубликованным международными организациями «We Are Social» и «Hootsuite» среднестатисти-

* Статья представлена в редакцию для решения вопроса о возможности ее опубликования 31 июля 2024 г., одобрена к публикации 3 августа 2024 г., то есть до принятия Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», и не учитывает правовых реалий, сложившихся в связи с вступлением в силу названного нормативного правового акта.

Alexander S. SENTSOV,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, ORCID 0000-0002-6481-122X
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (Volgograd, Russia)
Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and
Criminalistics at the Volgograd Institute of Management (branch of RANEPa)
sentsov_1951@mail.ru

Vladislava V. VOLKOLUPOVA,

ORCID 0009-0006-2604-3764
Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia)
Postgraduate Student
volkolupova.v@yandex.ru

COUNTERING THE PUBLIC DISSEMINATION OF CRIMINAL INFORMATION (TRASH STREAMS)*

KEYWORDS. Criminogenic information, crime, information and telecommunication networks, destructive content, trash stream, criminal liability, changes in legislation, public outrage.

ANNOTATION. Introduction. Currently, cases of dissemination of information of criminogenic content in telecommunication networks are increasingly being identified. The article presents the results of a scientific study of problems related to the need to strengthen counteraction using criminal law means to the dissemination of destructive content in the information space in the form of trash streams. Theoretical issues of social determination of criminalization of destructive behavior in the format of trash streams are also considered. **Methods.** The study used the general scientific dialectical method of cognition of the surrounding reality, which involves a complete and comprehensive study of phenomena, consideration of the connections and contradictions between them. In addition, the methods of induction, deduction, analysis and synthesis, the system-structural method, and the dogmatic method were used. **Results.** The authors formulated conclusions on the directions of counteraction to the dissemination of destructive content in the information space, including legislative ones. The paper substantiates the proposal to amend the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation by including Article 242.3, which regulates liability for organizing and (or) conducting trash streams, as well as other participation in them by a person subject to administrative punishment or having a criminal record for similar acts. The author's version of this article is presented, which increases the practical significance of the conducted research. It is also proposed to amend Article 13.15 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses in order to ensure intersectoral coordination of regulatory requirements.

ческий россиянин за четыре года (с января 2019-го по январь 2023-го) стал проводить в Интернете на четверть больше времени. Этот показатель вырос почти на полтора часа – с 6 часов 29 минут до 7 часов 57 минут¹. Примерно половина этого времени тратится на социальные сети и коммуникационные приложения. Специалисты российской компании «Крибрум», занимающейся мониторингом Интернета, отмечают высокую распространенность в социальных медиа-ресурсах крайне негативной информации и различных виртуальных сообществ деструктивной направленности: «На сегодняшний день в деструктивные течения в Рунете вовлечены порядка 5 миллионов аккаунтов российских подростков (35% от общего числа подростков в России), и это число продолжает расти»².

В последнее время в социальных сетях все большее распространение получают так называемые треш-стримы (от англ. trash – мусор, отбросы, сор; stream – поток). Это специфическая разновидность прямой трансляции (прямого эфира), в рам-

ках которой потоковое вещание (видео и/или аудио) отправляет в информационное пространство негативный контент, предназначенный для потребления неопределенным и ничем не ограниченным кругом лиц. Среди пользователей социальных сетей понятие «треш-стрим» используется для сленгового обозначения ведения трансляций, распространяющих контент негативного характера на видеохостингах. Как правило, это проведение прямого эфира в социальных сетях, в рамках которого участники съемок выполняют различные задания, чаще всего за вознаграждение, получаемое от зрительской аудитории пользователей сети. Обычно в рамках эфира стример-ведущий напрямую вступает в контакт с неопределенным кругом лиц, являющихся зрителями. В трансляции предусматривается обратная связь, позволяющая получать от донаторов (от англ. donate – жертвовать), то есть дарителей, те или иные задания, так называемые челленджи (от англ. challenge – испытание, вызов), предварительно оплачиваемые по заранее установленной

* The article was submitted to the editors to decide on the possibility of its publication on July 31, 2024, approved for publication on August 3, 2024, that is, before the adoption of Federal Law № 218-FZ of August 8, 2024 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation», and does not take into account the legal realities that have arisen in connection with the entry into force of the said regulatory legal act.

¹ Саблин А. Интернет стремительно засасывает россиян вопреки мировому тренду на цифровой детокс // Новостной интернет-портал «78.ru». 20.07.2023 // URL: <https://78.ru/articles/2023-07-20/internet-stremitelno-zasasivaet-rossiyan-vopreki-mirovomu-trendu-na-cifrovoy-detoks>.

² Методическое пособие по выявлению признаков риска поведения в социальных медиа. М.: Крибрум, 2019. С. 3.

цене. Участники треш-стрима выполняют данные челленджи, которые нередко сопряжены с совершением противоправных или явно аморальных действий (например грубые оскорбления, применение насилия в отношении другого человека, очевидное унижение его чести и достоинства и т.п.). В некоторых случаях полученные от зрителей задания стример-ведущий выполняет самостоятельно без приглашения в эфир других людей.

МЕТОДЫ

Методическую основу исследования, результаты которого представлены в статье, составили такие общенаучные и частнонаучные методы, как всеобщий диалектический метод научного познания, индукция, дедукция, анализ и синтез, системно-структурный метод, догматический метод и др. Использованные методы были необходимы для углубленного изучения проблем, относящихся к избранной теме, прежде всего для определения основных направлений усиления противодействия публичному распространению треш-стримов в информационном пространстве. Примененная авторами статьи методика позволила сформулировать ряд предложений, направленных на совершенствование уголовно-правовых мер противодействия общественно опасному поведению, проявляющемуся в проведении прямого эфира, сопряженного с распространением криминогенной информации в форме треш-стримов.

РЕЗУЛЬТАТЫ

После очередного резонансного треш-стрима, во время которого произошла трагедия со смертельным исходом (стример под ником Reeflay, применив насилие, вывел в зимнее время девушку из квартиры на балкон, и она скончалась от переохлаждения), по инициативе широкой общественности (число просмотров записи этого стрима превысило 20 млн) сенаторы Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации выступили с предложением о разработке законопроекта, направленного на усиление противодействия распространению криминогенной информации в виде треш-стримов путем установления уголовной ответственности за данные деяния.

Первоначально разработчики законопроекта предполагали решить проблему путем внесения изменений в действующий УК РФ: дополнить ст. 282 частью 3, закрепив в ней в качестве самостоятельного состава преступления умышленное совершение действий, направленных на унижение человеческого достоинства и сопряженных с применением физического насилия, а равно с угрозой его применения или выразившихся в издевательствах, мучениях, тяжких оскорблениях и иных видах общественно опасного поведения, умаляющего достоинство личности, если данные деяния были совершены с использованием сети

Интернет в режиме реального времени либо сопряжены с последующим распространением видеозаписи стрима с целью извлечения материальной и иной (наращивание популярности) выгоды. В санкции новой нормы (ч. 3 ст. 282 УК РФ) ее разработчики предлагали предусмотреть наказание в виде штрафа в размере от 300 до 600 тысяч рублей, принудительных работ на срок от двух до пяти лет либо лишения свободы на срок от трех до шести лет¹.

Такое законодательное решение, на наш взгляд, вряд ли можно признать бесспорным по следующим основаниям:

- во-первых, не вполне логично определен непосредственный объект данного преступления. С учетом включения ч. 3 в ст. 282, находящуюся в гл. 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», представляется очевидным, что в качестве основного непосредственного объекта данного состава преступления будут признаваться только такие общественные отношения, которые призваны обеспечивать установленный в ч. 2 ст. 29 Конституции Российской Федерации полный запрет на осуществление экстремистской деятельности. Однако деяния в виде треш-стримов направлены прежде всего на причинение ущерба общественной нравственности, представляющей собой совокупность моральных норм, которые исторически и культурно обусловлены и одобряются в настоящее время большинством населения (то есть это система внешних правил поведения, а равно идей, традиций, обычаев, предостережений о добре и зле, справедливости, долге, чести и достоинстве). Таким образом, у данных деяний основным непосредственным объектом посягательства чаще всего является именно общественная нравственность;

- во-вторых, некоторые из совершаемых стримерами общественно опасных деяний, трансляция которых проводится в рамках треш-стримов, уже давно криминализированы с образованием самостоятельных составов преступлений либо признаны административными правонарушениями. Речь идет о таких деяниях, как умышленное или неосторожное причинение вреда здоровью той или иной степени тяжести (ст.ст. 111-118 УК РФ), убийство (ст. 105 УК РФ), клевета (ст. 128.1 УК РФ), побои (ст. 6.1.1 КоАП РФ), оскорбление (ст. 5.61 КоАП РФ) и др.

Вместе с тем, по нашему мнению, представляет интерес предложение о криминализации деяний рассматриваемого вида либо их финансирования с закреплением соответствующего самостоятельного состава преступления². Так, вполне логичной представляется позиция, согласно которой необходимо «привлечение к ответственности лиц, которые путем перечисления треш-стримерам денежных средств склоняют, поощряют их к со-

¹ В СФ выступили за введение внесудебной блокировки сайтов с треш-стримами // Российская газета: сайт. 21.02.2021 // URL: <https://rg.ru/2021/01/21/v-sovfede-predlozhili-nakazyvat-za-tresh-strimy-lisheniem-svo-body.html> (дата обращения: 25.02.2024).

² Мисливская Г. Пушков: Надо открывать дела по треш-стримам без заявления потерпевшего // Российская газета: сайт. 19.02.2021 // URL: <https://rg.ru/2021/02/19/pushkov-nado-otkryvat-dela-po-tresh-strimam-bez-zaiavleniia-poterpevshego.html> (дата обращения: 25.02.2024).

вершению противоправных действий при проведении интернет-трансляций»¹.

Определение основания уголовной ответственности за конкретное общественно опасное поведение предполагает наличие социальной обусловленности криминализации такого деяния. В доктрине уголовного права справедливо обосновывается вывод о том, что результативность уголовного права определяется прежде всего наличием социально-правовых оснований для криминализации деяния [2, с. 64-65]. Кроме того, в науке есть мнение о том, что эффективность уголовно-правового запрета достигается лишь при условии, что он был криминологически обоснован и соответствовал критериям криминализации того или иного деяния [3, с. 3-6; 4, с. 28-33].

Впрочем, многие аспекты, касающиеся критериев, свидетельствующих о наличии (или отсутствии) социальной обусловленности уголовно-правовых запретов, на теоретическом уровне до сих пор остаются дискуссионными. Более того, даже к терминологии и базовым понятиям, обозначающим социальные и правовые основания для установления уголовно-правового запрета, у исследователей нет единообразного подхода [5]. Но, на наш взгляд, существующие в уголовно-правовой теории различные трактовки вряд ли значительно влияют на оценку сущностных признаков рассматриваемого понятия. С учетом положений, разработанных в общей теории права, логичнее всего применительно к установлению социальной обусловленности уголовно-правового запрета выделять в качестве самостоятельных критериев его основания и условия [6, с. 103-105].

Определяющим критерием для криминализации тех или иных деяний, осуществляющихся в форме трэш-стримов, является их общественная опасность [7, с. 102-103], заключающаяся в объективной способности виновно причинять существенный вред общественной нравственности или создавать реальную угрозу причинения такого вреда. В.И. Фирсов отмечает, что «в связи с признанием общественной опасности в качестве основания уголовно-правового запрета в литературе обращается внимание на такой аспект, как ее достаточность для криминализации»². В качестве одного из критериев обоснованности криминализации выделяется наличие в деянии такой степени общественной опасности, которая достигает уровня, характеризующего преступление как таковое [8; 9, с. 216].

Однако не все исследователи придают этому критерию самостоятельное значение. Среди них есть те, которые считают, что сам по себе такой количественный показатель, как типовая степень общественной опасности деяния, не может быть самостоятельным критерием и рассматриваться изолированно (в отрыве) от самой общественной опасности деяния. Согласно их позиции именно она в целом (и ее характер, и степень) составляет

единое общее основание криминализации деяния [10, с. 201]. Другие же, например Н.А. Лопашенко, в свою очередь, называют этот критерий принципом криминализации [7, с. 108].

Наконец, некоторые авторы научных работ полагают, «что степень опасности проявляется в пределах типовой опасности конкретного преступления. Для криминализации деяния значение имеет не опасность отдельно взятого, конкретного деяния, а именно ее типовая характеристика. Это обусловлено тем, что она выражает степень опасности в рамках определенной меры, вследствие чего она может быть типизирована, и, соответственно, регламентирована в законе. В нормативном акте невозможно отразить индивидуальные черты содеянного, и тем более опасность конкретной личности»³. При таком подходе типовая степень общественной опасности преступления является «мерилом» санкции соответствующей уголовно-правовой нормы.

Таким образом, с учетом изложенного выше можно выделить следующие критерии криминализации такого общественно опасного поведения, как трэш-стримы:

- 1) относительная (но не чрезмерная) распространенность общественно опасных деяний данного вида;
- 2) невозможность эффективной охраны соответствующих общественных отношений иными правовыми средствами (административно-правовыми, гражданско-правовыми);
- 3) позитивная оценка такой уголовно-правовой меры большинством населения;
- 4) оптимальное соотношение позитивных и негативных юридически значимых социальных последствий установления данного уголовно-правового запрета.

В целях обеспечения деятельности по нейтрализации и блокированию деструктивного поведения рассматриваемого нами вида 15 февраля 2024 г. в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации в первом чтении был рассмотрен законопроект о противодействии публичному распространению трэш-стримов (далее – законопроект). В нем предлагается внести изменения в УК РФ, КоАП РФ и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», которые способствовали бы усилению противодействия публичному распространению трэш-стримерами в режиме прямой трансляции таких фото- и видеоматериалов, которые иллюстрируют реально совершаемые преступления. В частности, в качестве нового квалифицирующего признака в состав десяти наиболее распространенных преступлений против личности предлагается включить их «совершение с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)»⁴.

¹ В Совфеде призвали наказывать за финансирование «трэш-стримов» // РИА «Новости»: сайт. 21.01.2021 // URL: <https://ria.ru/20210121/sovfed-1593978800.html> (дата обращения: 25.02.2024).

² Фирсов И.В. Незаконный оборот медицинской продукции: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 25.

³ Там же. С. 26.

⁴ Законопроект от 15.02.2024 № 506240-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части

ОБСУЖДЕНИЕ

Проведенное нами углубленное изучение законопроекта позволило сформулировать ряд выводов относительно его содержания. Отмечая безусловную необходимость усиления противодействия публичному распространению криминальной информации, в том числе в виде треш-стримов, а особенно в интернет-пространстве, мы не можем однозначно положительно оценить данный законопроект. На наш взгляд, он требует корректировки. Не прибегая к подробному анализу всех имеющихся в тексте законопроекта не вполне корректных формулировок, считаем целесообразным остановиться лишь на таких его положениях, которые являются наиболее уязвимыми и представляются далеко небесспорными.

Так, с учетом содержания используемого авторами законопроекта в диспозициях предложенных ими норм термина **«преступление с публичной демонстрацией»** (выделено нами – А.С., В.В.) остается неясным, как же будет квалифицировано совершенное лицом умышленное преступление, если это лицо в момент осуществления деяния не осознавало, что его действия снимаются на видеокамеру (например, на месте преступления были установлены стационарные камеры видеонаблюдения), а впоследствии сделанные записи оказались размещены третьими лицами в социальных сетях («Telegram», «ВКонтакте» и др.).

Представляется, что при отсутствии признаков соучастия (сговора между субъектом совершенного преступления и треш-стримером) само совершенное деяние будет квалифицировано по общей норме, а его последующая публичная демонстрация, осуществленная другим лицом, состава преступления не образует, поскольку в анализируемом законопроекте данные деяния сами по себе вообще не рассматриваются. И такой подход не вполне согласуется с вытекающим из принципа законности требованием определенности уголовного-правового запрета [11].

Можно отметить и то, что в законопроекте используется весьма аморфная формулировка «совершение умышленного преступления с публичной демонстрацией». Неопределенность содержания этого термина заключается в том, что в нем одновременно идет речь о двух разных деяниях – преступлении и публичной демонстрации. Но при такой конструкции остается неясным, во-первых, предполагает ли данный квалифицирующий признак (публичная демонстрация) его наличие только во время совершения основного преступления (то есть именно самого треш-стрима в форме прямого эфира), или же он будет иметь место и в тех случаях, когда публичная демонстрация осуществляется не в прямом эфире, а спустя какое-то время после совершения основного преступления? Во-вторых, предлагаемая авторами законопроекта формулировка не позволяет привлекать к уголовной ответственности за публичное распространение в информационном пространстве криминальной информации (в том числе и деструк-

тивного контента в виде треш-стримов, ранее уже размещенных в социальные сети) путем активного расширения аудитории зрителей (перенесения этой информации на другие сайты).

Кроме того, представляется, что при буквальном толковании текста предлагаемых в законопроекте нововведений уголовная ответственность будет усилена не только в случае совершения треш-стримером умышленного преступления, которое будет непосредственно сопровождаться его публичной демонстрацией в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе и в Интернете (например путем осуществления общедоступной трансляции в прямом эфире). Это произойдет и во всех случаях совершения любого из десяти преступлений, закрепленные в статьях УК РФ составы которых законодатель предложил откорректировать, в условиях публичности, то есть в присутствии неопределенного круга лиц (хотя бы одного постороннего). Иными словами, если убийство, умышленное причинение тяжкого, средней тяжести или легкого вреда здоровью, поби или истязание были совершены в присутствии хотя бы одного постороннего очевидца (а тем более нескольких посторонних лиц) и исполнитель осознавал данное обстоятельство, то буквальное толкование понятия «публичная демонстрация» не исключает вывода о том, что содеянное в таком случае должно будет квалифицироваться по предлагаемым авторами законопроекта нормам как «умышленное преступление с публичной демонстрацией» (например по п. «о» ч. 2 ст. 105, п. «и» ч. 2 ст. 111 УК РФ и т.п.).

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что внешнее проявление признаков демонстрируемого во время треш-стрима противоправного поведения нередко является лишь имитацией преступления, а в действительности участники действия старательно выполняют заранее подготовленные треш-стримером роли «преступника» и «жертвы». В таких случаях предлагаемые авторами законопроекта нормы тоже будут неприменимы, поскольку они предполагают наличие реально совершенного умышленного преступления.

Наконец, предлагаемые в законопроекте нововведения не позволяют дать однозначную правовую оценку действиям лиц, которые извне оказывают содействие проведению треш-стрима, например путем финансирования этой деятельности. Речь о денежных переводах, которые осуществляют зрители треш-стрима во время прямого эфира.

Как представляется, использованная в законопроекте конструкция правовых норм явно не согласуется с позицией Конституционного Суда Российской Федерации, отраженной в его постановлениях от 27 мая 2008 г. № 8-П/2008, от 25 апреля 2018 г. № 17-П/2018 и др. Согласно этой позиции «неоднозначность, неясность и неопределенность закона порождают возможность неоднозначного истолкования и, следовательно, произвольного применения его норм – в противо-

усиления ответственности за совершение преступлений с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»))» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/506240-8> (дата обращения: 16.02.2024).

речие ... конституционным принципам»¹; «... требования четкости и недвусмысленности правовых норм, их согласованности в системе правового регулирования имеют особую значимость для уголовного законодательства, являющегося по своей природе исключительным средством»².

Завершая критический анализ некоторых положений рассмотренного в первом чтении на заседании Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 15 февраля 2024 г. законопроекта, можно отметить, что его содержание нуждается в корректировке, так как включение в УК РФ предлагаемых в нем норм в представленной редакции не способно в полной мере обеспечить на законодательном уровне достижение тех целей, которые заявлены авторами законопроекта в пояснительной записке, и это неизбежно породит новые правоприменительные проблемы.

Определение пределов криминализации новых видов общественно опасного поведения, сопряженного с распространением криминогенной информации, на наш взгляд, представляет собой весьма сложную межотраслевую проблему, решение которой требует комплексной научной проработки с участием не только представителей науки уголовного права и криминологии, но и государствоведов, социологов, психологов и специалистов в области информационного права.

В решении проблем усиления противодействия распространению криминогенной информации с использованием уголовно-правовых средств важно учитывать как минимум три социально значимых фактора. Во-первых, следует, безусловно, учесть неотъемлемое и гарантированное ст. 29 Конституции Российской Федерации право граждан на свободу мысли и слова, а также положения ст. 19 Всеобщей декларации прав человека о том, что «каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их», включающее в себя «свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу **искать, получать и распространять информацию** (выделено нами - А.С, В.В.) и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ». Во-вторых, в ч. 2 ст. 29 Конституции Российской Федерации предусмотрена возможность ограничения свободы мысли и слова. Наконец, в-третьих, решение рассматриваемой проблемы предполагает не только разумный баланс двух первых факторов, но еще и учет весьма ограниченных возможностей применения в этих целях норм, образующих институты соучастия в преступлении, в том числе и для противодействия публичному распространению криминогенной информации в форме треш-стримов.

В связи с этим вполне логичным и заслуживающим внимания является высказываемое в доктрине уголовного права предложение об установле-

нии самостоятельной уголовной ответственности за организацию и (или) проведение содержащих деструктивный контент треш-стримов [12, 13, 14, 15]. Однако, несколько не оспаривая доводы, приведенные в научной литературе в обоснование социальной обусловленности криминализации таких деяний, как организация и проведение треш-стримов, пранков и т.п., мы полагаем, что с учетом реализации принципа экономии мер уголовно-правового характера более приемлемым для установления соответствующего уголовно-правового запрета является использование в нем административной преюдиции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целях более радикального совершенствования уголовно-правовых средств противодействия публичному распространению в социальных сетях, в том числе в интернет-пространстве, треш-стримов нами предлагается дополнить УК РФ новой статьей – 242.3, – которая включала бы в себя самостоятельные нормы (общую и квалифицированные), устанавливающие ответственность за организацию и (или) проведение и иное участие в треш-стримах в форме прямой трансляции в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет, сопряженных с демонстрацией противоправных действий, создающих угрозу жизни и здоровью, ограничивающих свободу, а равно аморальных действий, унижающих честь и достоинство человека и явно противоречащих общественной нравственности, либо с имитацией таких действий. Предлагаем изложить ее в следующей редакции:

Статья 242.3. Организация и (или) проведение треш-стримов, а равно иное участие в них, лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость

1. Организация и (или) проведение, а равно иное участие в треш-стримах в форме прямой трансляции (прямого эфира) в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет, сопряженной с публичной демонстрацией противоправных действий, создающих угрозу жизни или здоровью или ограничивающих физическую свободу человека, а равно аморальных действий, унижающих честь и достоинство личности или противоречащих общественной нравственности, либо с имитацией таких деяний, совершенные лицом, подвергнутым административному наказанию за такое деяние, или имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного настоящей статьей, – наказываются...

2. То же деяние, совершенное группой лиц по предварительному сговору, а равно из корыстных побуждений, – наказывается...

3. Деяние, предусмотренное частями первой или второй настоящей статьи:

а) совершенное организованной группой;

б) повлекшие по неосторожности тяжкие последствия, – наказываются...

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.05.2008 № 8-П/2008 «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян».

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.04.2018 № 17-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда».

4. Финансирование, а равно оказание иной, в том числе интеллектуальной или технической, поддержки совершению треш-стримов, - наказывается...

Примечание

1. Треш-стримом в настоящей статье признается такая разновидность прямой трансляции (прямого эфира), в которой публично демонстрируются противоправные или аморальные действия, явно противоречащие общественной нравственности.

2. Действие настоящей статьи не распространяется на произведения науки, литературы, искусства, имеющие научную, историческую, художественную или культурную ценность, материалы зарегистрированных средств массовой информации, а также на фото-, видеоматериалы, предназначенные для использования в научных или медицинских целях, либо изучение которых предусматривается федеральными государственными образовательными стандартами и федеральными образовательными программами.

Включение таких деяний, как треш-стримы, в качестве квалифицирующего признака в конкретные составы преступлений, как это предлагается авторами законопроекта и некоторыми учеными,

при принятии законодательного решения о дополнении УК РФ сконструированной нами новой самостоятельной статьей станет избыточным, поскольку в случае совершения лицом умышленного преступления в процессе проведения треш-стрима содеянное будет квалифицировано по совокупности (по соответствующей части новой статьи 242.3 и норме, устанавливающей ответственность за конкретно совершенное преступление), и соответственно, наказание будет назначаться по правилам, предусмотренным ст. 69 УК РФ, то есть автоматически оно может быть более строгим (особенно при применении судом правил «полного сложения» или «частичного сложения» назначенных за каждое из совершенных преступлений наказаний).

В целях обеспечения межотраслевого согласования нового уголовно-правового запрета с соответствующими нормами административного законодательства целесообразно внести изменения в ст. 13.15 КоАП РФ, включив в нее новый п. 12 в редакции, аналогичной той, которая предложена нами для ч. 1 ст. 242.3 УК РФ, а не в том виде, как это изложено в анализируемом законопроекте. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Жевлакович С.С., Чижова Д.Д. Предупреждение девиантного поведения несовершеннолетних, продуцируемого контентом сети Интернет // Психология и педагогика служебной деятельности. 2023. № 1. С. 83-88.
2. Нифталиева И.А. Криминализация и декриминализация деяний как одно из направлений реализации принципа справедливости // Евразийская адвокатура. 2023. № 5 (64). С. 64-65.
3. Кудрявцев В.Н. Криминализация: оптимальные модели // Уголовное право в борьбе с преступностью. М., 1981. С. 3-10.
4. Гарбатович Д.А. Непреступные уголовно-правовые деяния и дефекты криминализации // Российская юстиция. 2023. № 2. С. 28-33.
5. Курляндский В.И. Уголовная политика: дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности // Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975. С. 77-95.
6. Моховиков В.В. Общее понятие и значение законодательной техники // Символ науки. 2023. № 10-1. С. 103-105.
7. Лопашенко Н.А. Уголовная политика: Монография. М., 2009. 579 с.
8. Алексеева А.П., Анисимова Т.В. Законодательные инициативы в части усиления защиты несовершеннолетних от преступных посягательств: проблемы и перспективы // Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник статей по материалам X Международной научно-практической конференции. СПб: Астерион, 2023. С. 110-115.
9. Основания уголовно-правового запрета: Криминализация и декриминализация / В.Н. Кудрявцев, П.С. Дагель, Г.А. Злобин и др.; отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев: Монография. М., 1982. 303 с.
10. Агузаров Т.К., Грачева Ю.В., Чучаев А.И. Уголовно-правовые проблемы охраны власти (история и современность): Монография. М., 2018. 332 с.
11. Наумов А.В. Конкретизация Конституционным судом принципа законности Уголовного кодекса РФ // Уголовное право. 2018. № 1. С. 88-94.
12. Берестовой А.Н., Сысолина Н.С. Вопросы криминализации девиантного поведения в сети Интернет // Философия права. 2023. № 3 (106). С. 85-93.
13. Грачева Ю.В., Маликов С.В. Треш-стрим: социальная обусловленность криминализации // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 6. С. 202-210.
14. Жаров К.А. Треш-стримы: уголовно-правовые аспекты // Современный ученый. 2023. № 6. С. 298-303.
15. Полунина Е.Н., Антонова А.В. Проблемы законодательного регулирования ответственности за «треш-стрим» в Интернете // Закон и право. 2021. № 3. С. 90-91.

REFERENCES

1. Zhevlakovich S.S., Chizhova D.D. Preduprezhdeniye deviantnogo povedeniya nesovershennoletnikh, produtsiruyemogo kontentom seti Internet // Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoy deyatel'nosti. 2023. № 1. S. 83-88.
2. Niftaliyeva I.A. Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya deyaniy kak odno iz napravleniy realizatsii printsipa spravedlivosti // Yevraziyskaya advokatura. 2023. № 5 (64). S. 64-65.

3. Kudryavtsev V.N. Kriminalizatsiya: optimal'nyye modeli // Uголовное право v bor'be s prestupnost'yu. M., 1981. S. 3-10.
4. Garbatovich D.A. Neprestupnyye uголовно-pravovyye deyaniya i defekty kriminalizatsii // Rossiyskaya yustitsiya. 2023. № 2. S. 28-33.
5. Kurlyandskiy V.I. Uголовная политика: differentsiatsiya i individualizatsiya uголовной otvetstvennosti // Osnovnyye napravleniya bor'by s prestupnost'yu. M., 1975. S. 77-95.
6. Mokhovikov V.V. Obshcheye ponyatiye i znacheniyе zakonodatel'noy tekhniki // Simvol nauki. 2023. № 10-1. S. 103-105.
7. Lopashenko N.A. Uголовная политика: Monografiya. M., 2009. 579 s.
8. Alekseyeva A.P., Anisimova T.V. Zakonodatel'nyye initsiativy v chasti usileniya zashchity nesovershennoletnikh ot prestupnykh posyagatel'stv: problemy i perspektivy // Uголовная политика i pravoprimeritel'naya praktika: Sbornik statey po materialam X Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: Asterion, 2023. S. 110-115.
9. Osnovaniya uголовно-pravovogo zapreta: Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya / V.N. Kudryavtsev, P.S. Dagal', G.A. Zlobin i dr.; otv. red. V.N. Kudryavtsev, A.M. Yakovlev: Monografiya. M., 1982. 303 s.
10. Aguzarov T.K., Gracheva Yu.V., Chuchayev A.I. Uголовно-pravovyye problemy okhrany vlasti (istoriya i sovremennost'): Monografiya. M., 2018. 332 s.
11. Naumov A.V. Konkretizatsiya Konstitutsionnym sudom printsipa zakonnosti Uголовного kodeksa RF // Uголовное право. 2018. № 1. S. 88-94.
12. Berestovoy A.N., Sysolina N.S. Voprosy kriminalizatsii deviantnogo povedeniya v seti Internet // Filosofiya prava. 2023. № 3 (106). S. 85-93.
13. Gracheva Yu.V., Malikov S.V. Tresh-strim: sotsial'naya obuslovlennost' kriminalizatsii // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. 2021. T. 16. № 6. S. 202-210.
14. Zharov K.A. Tresh-strimy: uголовно-pravovyye aspekty // Sovremennyy uchenyy. 2023. № 6. S. 298-303.
15. Polunina Ye.N., Antonova A.V. Problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya otvetstvennosti za «tresh-strim» v Internetе // Zakon i pravo. 2021. № 3. S. 90-91.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Сенцов А.С., Волколупова В.В., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Сенцов А.С., Волколупова В.В. Противодействие публичному распространению криминогенной информации (треш-стримам) // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3 (77). С. 22-29.

Екатерина Николаевна АЛЕШИНА-АЛЕКСЕЕВА,

ORCID 0000-0002-1469-3704

Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург)

старший преподаватель кафедры уголовного права

katyal07@inbox.ru

Научная статья

УДК 343.3/.7

ЗАЩИТА НАРУШЕННЫХ ПРАВ КРЕДИТОРОВ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ

(на примере статей 176 и 177 Уголовного
кодекса Российской Федерации)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Нарушение прав кредитора, уголовно-правовая защита, ответственность заемщика, утаивание информации, уголовная ответственность, стимулирующие меры, освобождение от уголовной ответственности.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Целью проведенного автором статьи исследования являлось изучение весьма актуальных в настоящее время норм российского законодательства, касающихся защиты прав кредиторов. Особое внимание уделено инструментам уголовного права, нацеленным на защиту от преступлений, составы которых изложены в ст.ст. 176 и 177 УК РФ. Итоги анализа эффективности этих юридических механизмов и их способности удовлетворительно обеспечивать защиту позволяют формулировать рекомендации для решения выявленных проблем. Обеспечение защиты от незаконных действий заемщиков в контексте уголовного законодательства может подразумевать не только применение наказаний, но и реализацию стимулирующих мер. По мнению автора, постпреступное поведение виновного лица, направленное на восстановление нарушенных прав кредиторов, целесообразно поощрять возможностью освобождения от уголовной ответственности. Такой механизм может быть установлен законодательно путем добавления примечания к ст. 176 УК РФ, закрепляющего более эффективные меры по стимулированию лиц, согласившихся добровольно возмещать ущерб, причиненный преступлением. **Методы.** Для анализа социальных процессов и явлений, рассматриваемых в исследовании, применялся диалектический метод. Основными научными методами в ходе исследования были методы анализа и сравнения. Использованы метод синтеза, формально-юридический метод, логический метод, метод причинно-следственных связей и ряд других. **Результаты.** Предложения, сформулированные по итогам исследования, направлены на повышение эффективности защиты прав кредиторов, которые нарушаются заемщиками, совершающими преступления, ответственность за которые предусмотрена ст.ст. 176 и 177 УК РФ. Предлагается также в рамках деятельности по совершенствованию механизмов защиты прав кредиторов использовать зарубежный опыт в части регламентации ответственности за преступления в сфере кредитования (например в ситуациях, когда происходит утаивание информации о событиях, влекущих прекращение выплаты кредита).

ВВЕДЕНИЕ

Изучению проблемы уголовно-правовой защиты нарушенных прав кредиторов посвящено большое количество научных исследований. Однако вопрос о ее разрешении остается актуальным ввиду сложностей, возникающих в правоприменительной деятельности. Эти затруднения являются основной причиной тому, что предпринимаемые законодателем меры по поиску наиболее оптимальных механизмов защиты кредиторов от невозврата кредитных денежных средств пока не принесли желаемых результатов. Высвобождение денежных ресурсов из оборота не приносит экономической выгоды. Если же использовать их как источник для увеличения объемов

финансовых потоков, можно рассчитывать на получение прибыли. С этой целью банки активно выдают кредиты индивидуальным предпринимателям и организациям. В результате заемщик может использовать предоставленные ему кредитные средства для развития своего бизнеса, а кредитор повышает доход. Однако не всегда заемщик выполняет условия кредитного договора. Нарушая их, он получает незаконные преимущества, а затем уклоняется от погашения долга. В подобных случаях восстанавливать социальную справедливость помогает применение уголовно-правовых механизмов охраны интересов кредиторов. Следует обратить внимание на то, что реализация защиты нарушенных прав кредиторов может осу-

Ekaterina N. ALESHINA-ALEKSEEVA,

ORCID 0000-0002-1469-3704

Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia (Saint-Petersbur, Russia)

Senior Lecturer of the Department of Criminal Law

katyal07@inbox.ru

PROTECTION OF VIOLATED RIGHTS OF CREDITORS BY CRIMINAL LAW MEANS (on the example of Articles 176 and 177 of the Criminal Code of the Russian Federation)

KEYWORDS. Violation of creditor's rights, criminal law protection, borrower's liability, concealment of information, criminal liability, incentive measures, release from criminal liability.

ANNOTATION. Introduction. The purpose of the study conducted by the author of the article was to examine the currently highly relevant norms of Russian legislation concerning the protection of creditors' rights. Particular attention is paid to the instruments of criminal law aimed at protecting against crimes, the composition of which is set out in Articles 176 and 177 of the Criminal Code of the Russian Federation. The results of the analysis of the effectiveness of these legal mechanisms and their ability to satisfactorily ensure protection allow us to formulate recommendations for solving the identified problems. Ensuring protection against illegal actions of borrowers in the context of criminal law may imply not only the application of punishments, but also the implementation of incentive measures. According to the author, post-criminal behavior of the guilty person, aimed at restoring the violated rights of creditors, should be encouraged by the possibility of exemption from criminal liability. Such a mechanism can be established by law by adding a note to Article 176 of the Criminal Code of the Russian Federation, which would enshrine more effective measures to stimulate persons who have agreed to voluntarily compensate for the damage caused by the crime. **Methods.** The dialectical method was used to analyze the social processes and phenomena considered in the study. The main scientific methods used in the study were the methods of analysis and comparison. The synthesis method, formal legal method, logical method, method of cause-and-effect relationships and a number of others were used. **Results.** The proposals formulated based on the results of the study are aimed at increasing the effectiveness of the protection of creditors' rights, which are violated by borrowers who commit crimes for which liability is provided for in Articles 176 and 177 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is also proposed to use foreign experience in regulating liability for crimes in the field of lending (for example, in situations where information about events that lead to the termination of loan repayment is concealed) as part of the activities to improve the mechanisms for protecting creditors' rights.

ществляться не только посредством установления уголовных санкций, но и применения мер стимулирующего характера.

МЕТОДЫ

Для достижения результатов исследования применялся диалектический метод, с его помощью анализировались различные мнения по поводу признания судебного штрафа в качестве основания освобождения от уголовной ответственности. Для рассмотрения возможных средств защиты от незаконных действий заемщиков в контексте уголовного законодательства использовался метод сравнения. Кроме того, были использованы метод синтеза, формально-юридический и логический методы, метод причинно-следственных связей и др.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В рамках гражданского законодательства (ст.ст. 11, 12, 393 ГК РФ и др.), гражданско-процессуального законодательства (ст.ст. 3, 22 ГПК РФ и др.), арбитражно-процессуального законодательства (ст.ст. 4, 27 АПК РФ и др.) предусмотрены возможности защиты кредиторами своих нарушенных прав и законных интересов. Проблемы возврата полученных заемщиками кредитных средств в настоящее время сохраняют высокий уровень актуальности, так как их решение способствует восстановлению социальной справедливости и поддержке банковского сегмента экономики, занимающегося кредитно-финансовой деятельностью. От тяжести совершенного заемщиком

противоправного деяния зависят форма и степень его ответственности.

Запретительные нормы возникают в том случае, когда иные меры правового регулирования не справляются с решением той или иной задачи. Вполне оправданно утверждение В.А. Лазаревой, что действия, которые наносят серьезный ущерб или создают риск его причинения социальным объектам, охраняемым ст. 2 УК РФ, представляют общественную опасность¹. В связи с тем, что гражданско-правовыми и иными инструментами в условиях рыночной экономики и распространенности практики обращения к кредитным ресурсам [1, с. 41-45; 2, с. 235] не получалось эффективно бороться с нарушениями, допускаемыми недобросовестными заемщиками, государство установило в сфере кредитования ряд уголовно-правовых запретов. Речь о нормах, включенных законодателем в ст. 176 УК РФ «Незаконное получение кредита» и ст. 177 УК РФ «Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности». Появление этих норм сформировало органичное, по нашему мнению, сочетание уголовно-правовых и гражданско-правовых мер воздействия на заемщика. Они закрепили механизм реализации уголовной ответственности за преступления в сфере кредитования с возмещением причиненного кредитору ущерба.

Предпринимательство играет важную роль в экономическом росте государства, создавая условия для его прогресса. Для развития предпри-

¹ Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: Учебник. М.: Юрайт, 2011. С. 135.

нимательства, выступающего, как верно отмечено К.А. Устиновой, важной составляющей современной экономической системы [3, с. 166], нередко требуется дополнительные денежные ресурсы, заемщики получают их от кредитно-финансовых организаций в виде кредитов. При рассмотрении заявки на получение кредита учитывается надежность заемщика, она выступает своего рода эквивалентом обеспечения исполнения обязательств. Обратим внимание на то, что при установлении объективной стороны преступления, состав которого предусмотрен ч. 1 ст. 176 УК РФ, истребуются документы, подтверждающие возможность выполнения обязательства.

Согласно диспозиции ч. 1 ст. 176 УК РФ преступным является получение кредита путем предоставления заемщиком (индивидуальным предпринимателем или руководителем организации) не любых ложных сведений, а только тех, которые затрагивают хозяйственное положение либо финансовое состояние лица, получившего кредит. Следовательно, только документы могут свидетельствовать о надежности заемщика. Устные заверения относительно устойчивости его состояния для кредитора неприемлемы. Поскольку предоставляемая в документах информация затрагивает не весь перечень значимых для кредитора обстоятельств, а только те, которые касаются хозяйственного положения либо финансового состояния заемщика, в правоприменении практики наблюдаются различия в трактовке этих важных аспектов состава рассматриваемого преступления. В результате проведенного нами исследования судебной практики было выявлено, что неоднозначно осуществляется интерпретация предписания ч. 1 ст. 176 УК РФ, касающегося «ложных сведений о хозяйственном положении либо финансовом состоянии индивидуального предпринимателя или организации». На практике одни суды учитывают эти два аспекта совместно, а другие – по отдельности. Данное обстоятельство указывает на наличие несоответствия между законодательным текстом и применением установленных им норм на практике. Поэтому считаем целесообразным рассмотреть описанную выше проблему более детально.

Понятие хозяйственного положения индивидуального предпринимателя или организации не нашло своего закрепления в нормативных правовых актах. На основе результатов изучения судебной практики по делам о преступлениях, состав которых представлен в ч. 1 ст. 176 УК РФ, мы можем рассматривать хозяйственное положение как характеристику состояния имущественных активов заемщика. Согласно методическим рекоменда-

циям об оценке активов, имущества и капитала для целей залога под имущественными активами понимаются «материальные активы в виде объектов недвижимого и движимого имущества (машин, оборудования, транспортных средств), бизнеса (акций, долей)»¹. То есть фактически это свидетельства того, что организация действительно осуществляет производственные процессы. Наличие данных активов подчеркивает стабильность организации, указывая на то, что в случае необходимости она сможет погасить кредит за счет реализации своего движимого или недвижимого имущества, чем обеспечивается устранение образовавшихся долговых обязательств. Понять, что подразумевается под финансовым состоянием индивидуального предпринимателя или организации можно, обратившись к содержанию ч. 2 ст. 70 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Здесь говорится, что «анализ финансового состояния проводится на основании документов бухгалтерского учета и финансовой (бухгалтерской) отчетности». В изученной нами судебной практике по делам о незаконном получении кредита (ч. 1 ст. 176 УК РФ) финансовое состояние должника рассматривается как объем имеющихся у него оборотных средств. Полагаем, что для формирования полноценного механизма установления противоправности деяния необходимо привести к единообразию оценку судами предоставляемой заемщиками информации.

Заведомая ложность сведений, о которых идет речь в диспозиции ч. 1 ст. 176 УК РФ, на наш взгляд, корреспондирует с понятием ненадлежащего обеспечения обязательств по договору, поскольку предоставление имущества, которое заемщику не принадлежит, в качестве залога с демонстрацией якобы надежного финансового состояния (хозяйственного положения) является подлогом. Однако законодателем данное обстоятельство в ч. 1 ст. 176 УК РФ не указано.

Интересными представляются результаты сравнительно-правового изучения зарубежного опыта в части регламентации уголовной ответственности за преступления в сфере кредитования. Например, в Республике Беларусь (ст. 237 УК РБ)², Республике Казахстан (ч. 1 ст. 219 УК РК)³ и Республике Узбекистан (ст. 181 УК РУ)⁴ предусмотрена ответственность за сокрытие информации о событиях, которые могут привести к остановке выплат по кредитам, в частности данных о заложенном имуществе. Непредоставление такой информации позволяет предполагать, что в дальнейшем может произойти прекращение выплат по кредиту. По нашему мнению, учет позитивного опыта других

¹ Методические рекомендации «Оценка имущественных активов для целей залога. Оценка недвижимого, движимого имущества, акций, долей уставного/собственного капитала для целей залога» (рекомендовано к применению решением Комитета Ассоциация российских банков по оценочной деятельности протокол от 25 ноября 2011 г.) // ИПП «Гарант.ру».

² Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-3 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь // URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (дата обращения: 28.04.2024).

³ Закон Республики Казахстан от 23.12.23 № 50-VIII «Уголовный кодекс Республики Казахстан» // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&pos=5;-106#pos=5;-106 (дата обращения: 01.07.2024).

⁴ Уголовный кодекс Республики Узбекистан (утв. Законом Республики Узбекистан от 22.09.1994 № 2012-XII) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110#pos=4;-98 (дата обращения: 01.07.2024).

стран будет способствовать более результативной реализации механизма защиты нарушенных прав кредитора, предлагаемого отечественным законодательством. Ввиду необходимости повышения эффективности деятельности по привлечению заемщиков к уголовной ответственности за незаконное получение кредита расширение объективной стороны преступления, состав которого закреплен в ч. 1 ст. 176 УК РФ, указанием на такое обстоятельство его совершения, как сокрытие информации о событиях, которые могут привести к остановке выплат по кредитам, видится целесообразным. Эта мера позволит более надежно защищать интересы кредиторов от неправомерных действий со стороны заемщиков.

Далее обратим внимание на то, что основным способом защиты нарушенных прав кредиторов является возмещение причиненного вреда. Здесь важная роль отводится направленному на это постпреступному поведению виновного лица. Одним из действенных средств стимулирования такого поведения является возможность использования института освобождения от уголовной ответственности. В результате изучения и обобщения практики судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по ст.ст. 176 и 177 УК РФ нами выявлено, что из шести предусмотренных законом оснований освобождения от уголовной ответственности применяются только два: в соответствии со ст. 76.2 УК РФ с назначением судебного штрафа в случае, если виновное лицо возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред, и по ст. 78 УК РФ в связи с истечением сроков давности. И несмотря на то, что ст. 76.1 УК РФ закрепила особые права для социальной группы предпринимателей [4, с. 5], все же необходимо подчеркнуть, что поставленная государством задача по либерализации уголовного преследования за совершение преступлений экономической направленности¹ в части расширения практики применения норм, регламентирующих основания освобождения от уголовной ответственности (ст.ст. 75-78.1 УК РФ), остается нерешенной. На наш взгляд, главная проблема заключается в том, что не осуществляется стимулирование лиц, совершивших преступление, к заглаживанию вины путем возмещения причиненного кредиторам ущерба.

По результатам проведенного нами анализа судебных решений, вынесенных по делам о преступлениях, составы которых предусмотрены ст.ст. 176 и 177 УК РФ, можно говорить о неэффективности нормы, закрепляющей возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба (ст. 76.1 УК РФ): в рассмотренных решениях она не нашла применения. Считаем, что одной из причин такого поло-

жения дел является требование, помимо полного возмещения причиненного ущерба, перечислить в федеральный бюджет денежные средства в размере «двукратной суммы причиненного ущерба». То есть в том случае, когда заемщик причинил ущерб на 4 млн рублей, для освобождения от уголовной ответственности он должен выплатить 12 млн рублей (4 млн – потерпевшему, 8 млн – в федеральный бюджет в виде «обременения для лица, совершившего преступление») [5, с. 29]. Судебная практика пошла другим путем, фактически игнорируя данный инструмент освобождения от уголовной ответственности и замещая его применением судебного штрафа по ст. 76.2 УК РФ², в которой законодатель предусмотрел более «щадящие» для виновного заемщика условия, а именно возмещение ущерба или заглаживание причиненного преступлением вреда иным образом [6, с. 50]. Статья 76.1 УК РФ после включения ее в кодекс в 2011 г.³ претерпела изменения шесть раз. Однако и в последней ее редакции закрепленная здесь норма не смогла занять свое место среди инструментов по противодействию преступлениям в сфере экономики [7, с. 45]. Согласно результатам исследования Я.М. Кирилловой, судебный штраф весьма активно применялся судами при вынесении решений по преступлениям, предусмотренным гл. 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности», в период с 2017 по 2021 г. [8, с. 373-374]. Впрочем, есть авторы, в частности Е.В. Новикова, которые указывают на существенные трудности, связанные с реализацией данного механизма освобождения от уголовной ответственности [9, с. 45]. Необходимо отметить замечания, например, А.В. Зарубина, В.Ф. Лапшина, подчеркивавших сложную правовую природу судебного штрафа, имеющего двойственное значение: и как условие освобождения от уголовной ответственности, и как иная мера уголовно-правового характера [10, с. 108; 11 с. 100]. Как считают Ф.Н. Багаутдинов и М.Ф. Мингалимова, из-за отсутствия полноценных разъяснений со стороны Верховного Суда Российской Федерации судами принимаются противоречивые решения с использованием данного инструмента освобождения от уголовной ответственности [12, с. 22]. Полагаем, на основании вышеизложенного следует полностью согласиться с мнением И.Э. Звечаровского и Н.В. Кандыбко о том, что отечественное уголовное законодательство на сегодняшний день фактически не предусматривает возможности освобождения от уголовной ответственности только в связи с фактом возмещения ущерба от преступления [13, с. 713].

Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в период с 2021 по 2023 г. статистический анализ прекраще-

¹ Совет Федерации одобрил Федеральный закон, направленный на либерализацию производства по уголовным делам о преступлениях экономической направленности // Министерство юстиции Российской Федерации: сайт // URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/49556/> (дата обращения: 20.07.2024).

² См. например: Постановление Новохоперского района Воронежской области от 05.06.2019 по делу №1-56/2019 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 14.01.2023).

³ Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 50. Ст. 7362.

ния уголовного преследования по основанию, предусмотренному ст. 76.1 УК РФ, не осуществлялся (в том числе и применительно к ст.ст. 176 и 177 УК РФ). В 2021 г. к трем осужденным по ст. 177 УК РФ была применена мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. В 2022 г. такая мера была применена к одному осужденному по ч. 1 ст. 176 УК РФ и трем осужденным по ст. 177 УК РФ. В 2023 г. судебный штраф был назначен шести осужденным по ст. 177 УК РФ, а к осужденным по ст. 176 УК РФ такие меры не применялись¹. Эти сведения указывают на рост числа решений судов, касающихся освобождения от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового воздействия в форме судебного штрафа. Результаты проведенного Г.А. Есаковым и О.В. Гейнце исследования позволили выявить, что суды по поводу применения судебного штрафа занимают позицию, в соответствии с которой эта мера назначается при значительном уровне возмещения ущерба с преобладанием в большинстве случаев составов с материальным ущербом [14, с. 25]. Составы, предусмотренные ст.ст. 176 и 177 УК РФ, относятся к числу материальных составов преступлений в связи с тем, что уголовная ответственность наступает при причинении кредитору вреда в крупном размере (свыше 3,5 млн рублей).

ОБСУЖДЕНИЕ

Исходя из того, что потенциал для расширения практики освобождения от уголовной ответственности находится не в судебной, а в досудебных стадиях судопроизводства [15, с. 180], можно говорить о том, что защита нарушенных прав кредиторов уголовно-правовыми средствами возможна и путем применения иных поощрительных мер, например введенных в закон в рамках примечаний-исключений. Результаты исследования А.И. Ситниковой позволили ей прийти к выводу о том, что включение в текст Уголовного кодекса Российской Федерации примечаний-исключений отразило наличие специфических ситуаций, позволяющих законодателю, во-первых, стимулировать позитивное поведение виновного лица; во-вторых, поощрить позитивное поведение лица, виновного в совершении экономического преступления, путем освобождения его от уголовной ответственности [16, с. 165]. Полагаем, для стимулирования лиц к активному постпреступному поведению и добровольному возмещению ущерба, причиненного преступлением, еще на стадии предварительного расследования целесообразно рассмотреть возможность введения в Уголовный кодекс Российской Федерации примечания к ст. 176 следующего содержания: «Лицо, впервые

совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, статьей 177 настоящего Кодекса, освобождается от уголовной ответственности, если оно полностью погасило все задолженности, касающиеся основного долга и процентов по нему, до окончания предварительного расследования». Реализация данного предложения, по нашему мнению, будет способствовать улучшению ситуации с выявлением и расследованием преступлений, составы которых предусмотрены ст.ст. 176 и 177 УК РФ. В отличие от ст.ст. 76.1 и 76.2 УК РФ, примечание к ст. 176 УК РФ могло бы формировать более благоприятные условия для компенсации ущерба. В частности, это связано с меньшим объемом затрат и упрощением механизма реализации. Предлагаемое нами решение проблемы может вызывать разногласия и научные дискуссии, вероятно, появятся критические взгляды на эффективность такого инструмента улучшения уголовно-правовой защиты прав кредиторов. Однако здесь важно не забывать о том, что уже существующие примечания к статьям Особенной части УК РФ применяются достаточно эффективно [17].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Защита нарушенных прав кредиторов различными мерами является важным аспектом деятельности по достижению целей и решению задач уголовного законодательства, а также по обеспечению нормальной циркуляции денежных средств в экономическом обороте. Применение зарубежного опыта может способствовать повышению эффективности национальных законов. Как представляется, для повышения результативности процесса привлечения лиц к уголовной ответственности за незаконное получение кредита целесообразно рассмотреть возможность расширения объективной стороны преступления, состав которого представлен ч. 1 ст. 176 УК РФ, включив в него такое обстоятельство, как сокрытие заемщиком информации о событиях, которые могут привести к остановке выплат по кредиту. Считаем, что это позволит более надежно защищать интересы кредиторов от неправомерных действий со стороны заемщиков. Кроме того, полагаем возможным ввести в Уголовный кодекс Российской Федерации примечание к ст. 176, которое способствовало бы созданию более благоприятных условий для компенсации ущерба заемщиком по сравнению с теми, которые предлагаются положениями главы 11 УК РФ. Реализация этих предложений будет, кроме прочего, свидетельствовать о поиске законодателем наиболее оптимальных механизмов защиты кредиторов от невозврата предоставленных заемщику денежных средств. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Логинов Д.М. Уровень жизни и финансовые практики российской молодежи // Вопросы теоретической экономики. 2020. № 3 (8). С. 32-47.
2. Шигалугова М.Х. К вопросу о противодействии незаконным выдачам потребительских кредитов в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15. № 4. С. 234-237.

¹ Сведения с официального сайта Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России // URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 20.07.2024).

3. Устинова К.А. Анализ предпринимательской деятельности с позиций стимулов и барьеров // Проблемы развития территории. 2022. Т. 26. № 6. С. 165-184.
4. Бавсун М.В. (Не)равенство граждан перед уголовным законом // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 1 (68). С. 3-7.
5. Антонов А.Г. К вопросу о репрессивности освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Томск: ТИПК ФСИН, 2023. С. 28-30.
6. Кашапов Р.М. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: обзор судебной практики // Лоббирование в законодательстве. 2022. Т. 1. № 1. С. 47-50.
7. Будылин Н.В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба (ч. 2 ст. 76.1 УК РФ): гуманизация законодательства // XI юридические чтения «Личность, общество и государство в условиях глобальных трансформаций: юридический взгляд и правовые решения». Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. Сыктывкар: СГУ, 2024. С. 43-49.
8. Кириллова Я.М. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: анализ судебной практики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14. № 2. С. 371-388.
9. Новикова Е.В. Судебный штраф: дискуссия продолжается // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 10 (98). С. 44-52.
10. Зарубин А.В. Некоторые проблемы судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Уголовная политика и правоприменительная практика. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. СПб: Астерион, 2020. С. 107-113.
11. Лапшин В.Ф. Судебный штраф как уголовно-правовая мера государственного принуждения // Вестник Югорского государственного университета. 2021. № 3 (62). С. 99-104.
12. Багаутдинов Ф.Н., Мингалимова М.Ф. Судебный штраф: парадоксы судебной практики // Мировой судья. 2019. № 6. С. 22-27.
13. Звечаровский И.Э., Кандыбко Н.В. Возмещение ущерба от преступления как основание освобождения от уголовной ответственности // Baikal Research Journal. 2023. Т. 14. № 2. С. 710-714.
14. Есаков Г.А., Гейнце О.В. Судебный штраф в судебной практике и статистике: современные тенденции // Уголовное право. 2023. № 11 (159). С. 25-38.
15. Толкаченко А.А. Межотраслевые направления совершенствования судебной практики применения судебного штрафа (в связи с законопроектом об уголовном проступке) // Российское правосудие. 2018. № 51. С. 178-186.
16. Ситникова А.И. Законодательно-текстологический подход к примечаниям статей главы 22 Уголовного кодекса Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 1 (49). С. 161-168.
17. Шиханов В.Н. Освобождение от уголовной ответственности по примечаниям к статьям Особенной части УК РФ // Законность. 2020. № 2 (1024). С. 41-45.

REFERENCES

1. Loginov D.M. Uroven' zhizni i finansovyye praktiki rossiyskoy molodezhi // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2020. № 3 (8). S. 32-47.
2. Shigalugova M.Kh. K voprosu o protivodeystvii nezakonnym vydacham potrebitel'skikh kreditov v Rossiyskoy Federatsii // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. 2022. Т. 15. № 4. S. 234-237.
3. Ustinova K.A. Analiz predprinimatel'skoy deyatel'nosti s pozitsiy stimulov i bar'yerov // Problemy razvitiya territorii. 2022. Т. 26. № 6. S. 165-184.
4. Bavsun M.V. (Ne)ravenstvo grazhdan pered ugovolnym zakonom // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. 2018. № 1 (68). S. 3-7.
5. Antonov A.G. K voprosu o repressivnosti osvobozhdeniya ot ugovolnoy otvetstvennosti v svyazi s vozmeshcheniyem ushcherba // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pedagogika, psikhologiya i pravo. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Tomsk: TIPK FSIN, 2023. S. 28-30.
6. Kashapov R.M. Osvobozhdeniye ot ugovolnoy otvetstvennosti s naznacheniyem sudebnogo shtrafa: obzor sudebnoy praktiki // Lobbirovaniye v zakonodatel'stve. 2022. Т. 1. № 1. S. 47-50.
7. Budylin N.V. Osvobozhdeniye ot ugovolnoy otvetstvennosti v svyazi s vozmeshcheniyem ushcherba (ch. 2 st. 76.1 UK RF): gumanizatsiya zakonodatel'stva // XI yuridicheskiye chteniya «Lichnost', obshchestvo i gosudarstvo v usloviyakh global'nykh transformatsiy: yuridicheskiy vzglyad i pravovyye resheniya». Sbornik statey Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Syktyvkar: SGU, 2024. S. 43-49.
8. Kirillova Ya.M. Osvobozhdeniye ot ugovolnoy otvetstvennosti s naznacheniyem sudebnogo shtrafa: analiz sudebnoy praktiki // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2023. Т. 14. № 2. S. 371-388.
9. Novikova Ye.V. Sudebnyy shtraf: diskussiya prodolzhayetsya // Vestnik Universiteta imeni O.Ye. Kutafina (MGYUA). 2022. № 10 (98). S. 44-52.
10. Zarubin A.V. Nekotoryye problemy sudebnoy praktiki osvobozhdeniya ot ugovolnoy otvetstvennosti s naznacheniyem sudebnogo shtrafa // Ugolovnaya politika i pravoprimeritel'naya praktika. Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: Asterion, 2020. S. 107-113.

11. Lapshin V.F. Sudebnyy shtraf kak ugolovno-pravovaya mera gosudarstvennogo prinuzhdeniya // Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. № 3 (62). S. 99-104.
12. Bagautdinov F.N., Mingalimova M.F. Sudebnyy shtraf: paradoksy sudebnoy praktiki // Mirovoy sud'ya. 2019. № 6. S. 22-27.
13. Zvecharovskiy I.E., Kandybko N.V. Vozmeshcheniye ushcherba ot prestupleniya kak osnovaniye osvobozhdeniya ot ugolovnoy otvetstvennosti // Baikal Research Journal. 2023. T. 14. № 2. S. 710-714.
14. Yesakov G.A., Geytse O.V. Sudebnyy shtraf v sudebnoy praktike i statistike: sovremennyye tendentsii // Ugolovnoye pravo. 2023. № 11 (159). S. 25-38.
15. Tolkachenko A.A. Mezhotraslevyye napravleniya sovershenstvovaniya sudebnoy praktiki primeneniya sudebnogo shtrafa (v svyazi s zakonoproektom ob ugolovnom prostupke) // Rossiyskoye pravosudiye. 2018. № 51. S. 178-186.
16. Sitnikova A.I. Zakonodatel'no-tekstologicheskiy podkhod k primechaniyam statey glavy 22 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. 2020. № 1 (49). S. 161-168.
17. Shikhanov V.N. Osvobozhdeniye ot ugolovnoy otvetstvennosti po primechaniyam k stat'yam Osobennoy chasti UK RF // Zakonnost'. 2020. № 2 (1024). S. 41-45.

© Алешина-Алексеева Е.Н., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Алешина-Алексеева Е.Н. Защита нарушенных прав кредиторов уголовно-правовыми средствами (на примере статей 176 и 177 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3 (77). С. 30-36.

Елена Вячеславовна ИСАХАНОВА,
ORCID 009-0008-2329-2928
Волгоградская академия МВД России (г. Волгоград)
адъюнкт
elenaisakhanova@yandex.ru

Научный руководитель:
Ольга Борисовна ДРОНОВА, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры криминалистической техники учебно-научного
комплекса экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России

Научная статья
УДК 343.985.7

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ОКАЗАНИЯ КОСМЕТОЛОГИЧЕСКИХ УСЛУГ, НЕ ОТВЕЧАЮЩИХ ТРЕБОВАНИЯМ БЕЗОПАСНОСТИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Ятрогения, ятрогенные преступления, преступления в сфере медицинской деятельности, косметологические услуги, судебно-медицинская экспертиза, специальные знания, процессуальная форма.

АННОТАЦИЯ. Введение. В статье рассматриваются проблемы назначения судебно-медицинских экспертиз в рамках проверки сообщений о противоправном деянии и в ходе предварительного расследования ятрогенных преступлений, совершенных в сфере оказания косметологических услуг, не отвечающих требованиям безопасности, в результате которых наносится вред здоровью пациента или наступает его смерть. С учетом полученных эмпирических данных выявлен ряд организационных вопросов, оказывающих негативное влияние на эффективность предварительного расследования преступлений данной категории. Обращено особое внимание на этап принятия решения о назначении судебно-медицинской экспертизы и подбор материалов для предоставления в распоряжение эксперта.

Методы. Статья является результатом познания деятельности следователя по назначению судебно-медицинских экспертиз при расследовании ятрогенных преступлений в сфере косметологии. Используются сведения, полученные в ходе анализа, синтеза, сравнения и обобщения материалов уголовных дел, решений судов, судебно-медицинских исследований, а также по итогам анкетирования и интервьюирования сотрудников органов предварительного расследования. **Результаты.** Автором сформулированы криминалистические рекомендации, направленные на оптимизацию этапа назначения судебно-медицинских экспертиз в рамках производства расследования по уголовным делам о ятрогенных преступлениях в сфере косметологии. Составлен перечень объектов, которые следует предоставлять в таких случаях в распоряжение судебно-медицинских экспертов. Обоснована целесообразность назначения комиссионной судебно-медицинской экспертизы. Выработаны оптимальные криминалистические требования к субъектам применения специальных знаний, привлекаемым к проведению комиссионной судебно-медицинской экспертизы.

ВВЕДЕНИЕ

Расследование и раскрытие ятрогенных преступлений в сфере оказания косметологических услуг, не отвечающих требованиям обеспечения безопасности жизни и здоровья пациента, связаны с собиранием и изучением следователем большого объема информации, характеризующей способ и обстановку проведения косметологических процедур, видовую принадлежность, торговую марку и место производства (приобретения) использованных лекарственных препаратов и медицинских изделий, причины патологических изменений у потерпевшего, а также иные особенности подготовки, совершения и сокрытия следов противоправного деяния. Вместе с тем в рамках деятельности по расследованию и раскрытию ятрогенных преступлений в сфере косметологии нередко возникают вопросы, касающиеся оценки соблюдения подозреваемым стандартов качества оказания пациенту медицинской помощи по профилю «косметология» или «пластическая хирургия», что обуславливает необходимость привлечения к содействию лиц, являющихся специалистами в соответствующих областях научного знания [1, с. 74].

Специфичность необходимых для расследования преступлений рассматриваемого вида сведений связана с тем, что они относятся преимущественно к узким отраслям медицины, химии, биологии. Поэтому не вызывает сомнений целесообразность привлечения следователем специалистов с целью оказания содействия в выявлении, фиксации, изъятии, исследовании и оценке следов преступления, установлении имеющих значение для дела обстоятельств, корректном выдвижении следственной версии и установлении ятрогенного характера вреда, причиненного жизни или здоровью пациента [2, с. 149; 3, с. 34].

Согласно результатам анкетирования сотрудников органов предварительного расследования только 8,3% респондентов не считают необходимым привлечение специалистов при расследовании преступлений в сфере предоставления косметологических услуг, не отвечающих требованиям обеспечения безопасности жизни и здоровья пациента. Это свидетельствует о высокой оценке значимости специальных знаний при установлении истины по делам о преступлениях рассматриваемого вида. Вместе с тем широта спектра профессиональной принадлежности лиц, обладающих специальными знаниями в области эстетической медицины, дерматологии, хирургии, а также организации коммерческой деятельности, связанной с оказанием косметологических услуг, предопределяет возникновение ряда организационных проблем, обусловленных сложностью определения специальности и уровня компетенции специалистов, которых необходимо привлечь к расследованию, и их поиска следователем [4].

В результате изучения судебных решений и материалов уголовных дел, возбужденных по фактам оказания косметологических услуг, не

отвечающих требованиям безопасности, а также проведения анкетирования сотрудников органов предварительного расследования было установлено, что специалисты в области медицины и организации косметологической деятельности привлекаются к содействию на всех стадиях уголовного судопроизводства.

Наряду с этим, согласно результатам анкетирования сотрудников органов предварительного расследования, наиболее распространенной процессуальной формой использования специальных знаний при расследовании ятрогенных преступлений является судебная экспертиза. Данное обстоятельство во многом обусловлено тем, что именно заключение эксперта чаще всего занимает ключевое место в системе доказательств по уголовным делам о ятрогенных преступлениях¹. При анализе видового распределения судебных экспертиз, назначаемых по ятрогенным преступлениям, совершенным в сфере косметологии, нами было выявлено, что чаще других, в 100% случаев, назначается судебно-медицинская экспертиза (далее – СМЭ). При этом 38% респондентов из числа следователей отметили, что наибольшее количество вопросов организационного характера при расследовании ятрогенных преступлений рассматриваемого вида было обусловлено назначением СМЭ.

В связи с этим считаем важным и целесообразным изучение данной формы применения специальных знаний при расследовании ятрогенных преступлений в сфере оказания косметологических услуг, не отвечающих требованиям безопасности.

МЕТОДЫ

Методологическую основу научного исследования составили: общенаучный метод познания деятельности следователя при назначении судебно-медицинских экспертиз во взаимосвязи с организационными особенностями расследования ятрогенных преступлений в сфере косметологии; общенаучные (анализ, синтез, сравнение и обобщение) и эмпирические (анкетирование и интервьюирование сотрудников органов предварительного расследования) методы.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Исследуя организационные особенности назначения СМЭ в ходе расследования ятрогенных преступлений в сфере оказания косметологических услуг, не отвечающих требованиям безопасности, считаем необходимым в первую очередь рассмотреть этап принятия решения о назначении судебной экспертизы данного вида. Как правило, принятие решения о назначении СМЭ в таких случаях обусловлено необходимостью установления в рамках проверки сообщения о совершении преступления или на этапе предварительного расследования следующих обстоятельств:

- степени вреда, причиненного здоровью потерпевшего;
- непосредственных причин возникновения неблагоприятных для жизни или здоровья пациента последствий;

¹ Багмет А.М. Расследование преступлений, совершенных медицинскими работниками по неосторожности (ятрогенных преступлений): Учебно-методическое пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция». М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. С. 37.

Elena V. ISAKHANOVA,
ORCID 009-0008-2329-2928
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Volgograd, Russia)
Adjunct
elenaisakhanova@yandex.ru

Scientific supervisor:

Olga Borisovna DRONOVA, Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Forensic Technology Department of the Educational
and Scientific Complex for Forensic Activity of the Volgograd
Academy of the Ministry of the Interior of Russia

**ORGANIZATIONAL ISSUES OF THE APPOINTMENT OF A FORENSIC
MEDICAL EXAMINATION IN THE INVESTIGATION OF CRIMES IN THE PROVISION
OF COSMETOLOGY SERVICES THAT DO NOT MEET SAFETY REQUIREMENTS**

KEYWORDS. Iatrogeny, iatrogenic crimes, crimes in the field of medical activity,
cosmetology services, forensic medical examination, special knowledge, procedural form.

ANNOTATION. Introduction. The article considers the problems of appointing forensic medical examinations within the framework of verification of reports of an illegal act and during the preliminary investigation of iatrogenic crimes committed in the field of rendering cosmetology services that do not meet safety requirements, resulting in harm to the patient's health or death. Taking into account the obtained empirical data, a number of organizational issues that have a negative impact on the effectiveness of the preliminary investigation of crimes of this category have been identified. Particular attention is paid to the stage of making a decision on appointing a forensic medical examination and the selection of materials to be provided to the expert. **Methods.** The article is the result of knowledge of the investigator's activities in appointing forensic medical examinations during the investigation of iatrogenic crimes in the field of cosmetology. The information obtained in the course of analysis, synthesis, comparison and generalization of materials of criminal cases, court decisions, forensic medical studies, as well as the results of questionnaires and interviews with employees of preliminary investigation bodies have been used. **Results.** The author has formulated forensic recommendations aimed at optimizing the stage of appointing forensic medical examinations within the framework of the investigation of criminal cases on iatrogenic crimes in the field of cosmetology. A list of objects that should be provided in such cases at the disposal of forensic medical experts has been compiled. The expediency of appointing a commission forensic medical examination has been substantiated. Optimal forensic requirements have been developed for subjects of application of special knowledge involved in conducting a commission forensic medical examination.

- механизма образования у потерпевшего телесных повреждений;
- причинно-следственной связи между действиями лица, выполнившего косметологическую процедуру, и наступившими у потерпевшего неблагоприятными последствиями;
- давности возникновения у потерпевшего патологий (патологических процессов) [5, с. 140; 6, с. 422].

Именно потребность в установлении перечисленных обстоятельств, определяющих целесообразность назначения СМЭ, согласно результатам анализа изученных нами материалов уголовных дел, экспертных исследований, решений судов, в свою очередь, создает основания для формулирования исчерпывающего перечня задач СМЭ, назначаемых при расследовании ятрогенных преступлений в сфере оказания косметологических услуг, не отвечающих требованиям безопасности.

Вместе с тем следует отметить, что установление давности образования патологических изменений у потерпевшего является одной из приоритетных задач СМЭ в ходе расследования преступлений рассматриваемого нами вида, поскольку, согласно результатам изучения следственной практики, между проведением процедур, повлекших возникновение у пациента неблагопри-

ятных последствий, и обращением потерпевшего в правоохранительные органы достаточно часто проходит большой временной промежуток (от нескольких месяцев до года). В связи с этим в рамках расследования ятрогенных преступлений в сфере косметологии имеется целесообразность в использовании специальных знаний в области медицины с целью установления соответствия времени, в которое образовалась патология, и даты проведения косметологических процедур.

Далее при рассмотрении особенностей назначения СМЭ в ходе расследования ятрогенных преступлений в сфере оказания косметологических услуг, не отвечающих требованиям безопасности, следует обратить внимание на целесообразность назначения комиссионной СМЭ [7, с. 227].

Ввиду широты спектра обстоятельств, обуславливающих необходимость назначения СМЭ, а также входящих в предмет доказывания по ятрогенным преступлениям в сфере оказания косметологических услуг, не отвечающих требованиям безопасности, проведение всестороннего экспертного исследования и получение ответов на все поставленные вопросы не всегда представляется возможным в рамках судебной экспертизы, производимой одним сотрудником (судебным экспертом) бюро судебно-медицинских экспертиз. Это связано с тем, что решение вопросов, касающихся

оценки качества оказания медицинской косметологической услуги и установления дефектов (нарушений правил) ее оказания, одним судебно-медицинским экспертом, не имеющим дополнительной профессиональной подготовки, как правило, вызывает затруднения. Причиной возникновения данной проблемы стало то, что клиническая медицина, разделом которой является косметология, не включена в программу обучения судебно-медицинских экспертов, следовательно, некоторые вопросы из тех, которые должны быть поставлены перед экспертом, выходят за пределы его профессиональной компетенции [8, с. 29].

В связи с этим формируется целесообразность привлечения к производству СМЭ нескольких специалистов, компетентных в узких направлениях медицины (косметология, пластическая хирургия, дерматология, анестезиология и т.д.), и назначения комиссионной экспертизы. Вместе с тем подчеркнем, что пренебрежение следователем возможностью назначения комиссионной СМЭ в ходе расследования преступлений в сфере оказания косметологических услуг, не отвечающих требованиям безопасности и повлекших причинение вреда жизни или здоровью пациента, может оказаться причиной возникновения необходимости назначения дополнительной СМЭ [9, с. 207], что негативным образом сказывается на сроках проверки сообщения о преступлении или производства предварительного расследования.

В качестве примера можно привести ситуацию, суть которой изложена в приговоре Рудничного районного суда города Кемерово Кемеровской области по делу № 1-442/2020. Следователем при назначении СМЭ перед экспертом бюро судебно-медицинских экспертиз были поставлены вопросы относительно наличия патологических изменений в области губ потерпевшей, механизма и срока их возникновения, а также степени тяжести причиненного здоровью вреда. Ввиду отсутствия у эксперта специальных знаний в области косметологии и пластической хирургии им было установлено только наличие патологий в области губ. Остальные вопросы решены не были (заключение эксперта от 17 января 2020 г.). В дальнейшем в результате производства комиссионной СМЭ были получены ответы на все интересовавшие следствие вопросы (заключение датировано 16 марта 2020 г.). Таким образом, ошибка следователя при принятии решения о назначении экспертизы, заключающаяся в поручении ее производства одному сотруднику бюро судебно-медицинских экспертиз, а не комиссии экспертов, увеличила время предварительного расследования на два месяца.

Продолжая изучать организационные вопросы назначения СМЭ при расследовании ятрогенных преступлений в сфере оказания косметологических услуг, не отвечающих требованиям безопасности, по нашему мнению, следует обратить внимание на порядок определения состава комиссии

экспертов и сбора достаточного количества объектов экспертного исследования [10, с. 10].

Традиционно СМЭ проводятся в экспертных учреждениях Министерства здравоохранения Российской Федерации – бюро СМЭ, штаты которых формируются экспертами, имеющими специальную подготовку по различным направлениям судебной медицины¹. Привлечение узкоквалифицированных специалистов к производству комиссионной СМЭ не противоречит законодательным требованиям. Необходимо лишь отметить, что участие в СМЭ, производимой комиссией экспертов узкого медицинского профиля, лиц, не являющихся сотрудниками бюро СМЭ, как правило, осуществляется на платной основе².

Между тем считаем важным отметить, что формирование экспертной комиссии для производства СМЭ, в соответствии со ст.ст. 14 и 15 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности», возложено на руководителя экспертного учреждения. Причем согласно ст. 14 данного федерального закона руководитель экспертного учреждения не вправе самостоятельно без согласования с лицом, назначившим комиссионную судебную экспертизу, привлекать к ее производству лиц, не являющихся штатными сотрудниками экспертного учреждения. А как показывают результаты анализа практики назначения комиссионных СМЭ, производство которых требует привлечения лиц, не состоящих в штате бюро судебно-медицинских экспертиз, у руководителя бюро не всегда имеется возможность поиска и привлечения специалистов в области медицины необходимого профиля. Сложившаяся практика назначения комиссионных СМЭ в ходе расследования ятрогенных преступлений свидетельствует о том, что следователь достаточно часто принимает непосредственное участие в подборе кандидатов в члены экспертной комиссии, осуществляя при этом действия по оценке их профессиональной квалификации и определению соответствия данных лиц требованиям, предъявляемым уголовно-процессуальным законодательством к судебным экспертам (независимостью, независимостью) [11, с. 16; 12].

Вместе с тем подчеркнем, что на выбор кандидатов в члены экспертной комиссии при назначении СМЭ при расследовании преступлений в сфере косметологии, совершенных лицами, не имеющими соответствующего медицинского образования, осуществляющими нелегальную медицинскую деятельность, фактор корпоративности медицинских работников не оказывает существенного влияния. Данное обстоятельство объясняется обособленностью от медицинского сообщества лиц, незаконно оказывающих косметологические услуги и не имеющих необходимого для этого медицинского образования.

Теперь в рамках рассмотрения организационных вопросов, связанных с назначением СМЭ при

¹ Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 12.05.2010 № 346н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации»; Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 25.09.2023 № 491н «Об утверждении Порядка проведения судебно-медицинской экспертизы».

² Багмет А.М. Указ. соч. С. 38.

расследовании ятрогенных преступлений в сфере оказания косметологических услуг, не отвечающих требованиям обеспечения безопасности жизни и здоровья пациента, необходимо обратить внимание на такие взаимосвязанные его этапы, как определение перечня вопросов, которые требуется представить для разрешения в ходе экспертизы, и подготовку материалов, которые должны быть предоставлены на экспертное исследование.

Перечень объектов, предоставляемых на экспертное исследование, обычно обуславливается поставленными перед экспертами вопросами [13, с. 39]. Результаты изучения нами материалов уголовных дел, решений судов, заключений СМЭ свидетельствуют о том, что достаточно редко поставленные перед комиссией экспертов вопросы выходили за рамки их профессиональной компетенции или носили правовой характер. Полагаем, что данное обстоятельство обусловлено более тщательной подготовкой следователей к назначению комиссионных СМЭ, привлечением в большинстве случаев руководителей бюро судебно-медицинских экспертиз или иных специалистов в области медицины к формулированию перечня вопросов для постановки перед экспертами¹.

Несмотря на то, что на этапе назначения СМЭ следователями достаточно часто осуществляется привлечение специалистов в области медицины, по-прежнему существует необходимость в научно обоснованном методическом обеспечении данного процесса. Об этом свидетельствуют, в частности, результаты проведенного нами анкетирования сотрудников органов предварительного расследования: около 70% респондентов отметили потребность в методической литературе, раскрывающей организационные особенности производства отдельных следственных действий, в том числе назначения СМЭ. С целью оптимизации деятельности по назначению СМЭ по делам о ятрогенных преступлениях в сфере косметологии за счет минимизации либо полного исключения затрат сил и времени на поиск и привлечение медицинских работников для оказания консультационной помощи следователю считаем целесообразным разработку методических рекомендаций, подробно раскрывающих сущность и порядок действий, осуществляемых на данном этапе расследования.

Кроме того, следует иметь в виду, что видовой спектр документальных материалов, предоставляемых в качестве объектов исследования на СМЭ по делам о преступлениях в сфере косметологии (и ятрогенным преступлениям в целом) весьма широк, и такие материалы существенно отличаются друг от друга [14, с. 16; 15, с. 141]. Различия обусловлены несоблюдением лицами, оказывающими косметологические услуги, не отвечающие требованиям безопасности, положений нормативной правовой базы, регламентирующей организацию медицинской деятельности по профилю «косметология» и «пластическая хирургия». Поэтому полагаем важным включить в вышеназванные

методические рекомендации примерный перечень объектов, которые должны предоставляться на комиссионную СМЭ.

В результате рассмотрения организационных вопросов назначения СМЭ в ходе расследования ятрогенных преступлений в сфере оказания косметологических услуг, не отвечающих требованиям безопасности, с целью оптимизации данного следственного действия нами был сформирован ряд предложений криминалистического характера.

1. При расследовании ятрогенных преступлений в сфере оказания косметологических услуг, не отвечающих требованиям безопасности, целесообразно назначать комиссионные СМЭ с привлечением специалистов в узких областях медицины (косметологов, пластических хирургов, анестезиологов, дерматологов и т.д.).

2. При формировании комиссии экспертов для производства СМЭ предпочтительнее осуществлять выбор кандидатов, имеющих значительный стаж работы (более 10-15 лет) и осуществляющих трудовую деятельность по соответствующей обстоятельствам дела профессии (врач-косметолог, врач-пластический хирург, дерматолог и т.п.) в лицензированной медицинской организации либо оказывающих медицинские услуги вне учреждений государственной и муниципальной систем здравоохранения в установленном законом порядке.

3. Необходимо учитывать специфику оказания косметологических услуг в условиях несоблюдения положений нормативной правовой базы, регламентирующей требования, предъявляемые к месту (обстановке) проведения косметологических процедур, ведению учетно-отчетной и иных видов документации, а также действия потерпевших, направленные на устранение наступивших в результате оказанных косметологических услуг неблагоприятных последствий путем обращения в лицензированные медицинские учреждения и организации. Эти обстоятельства обуславливают типовой перечень документальных материалов, которые должны быть предоставлены в качестве объектов комиссионной СМЭ:

- материалы переписки между подозреваемым и потерпевшим, в которых отражены сведения о примененных медицинских препаратах и изделиях;
- примененные при проведении косметологических процедур медицинские препараты, изделия и инструменты, а также инструкции к ним;
- сертификаты и удостоверения, подтверждающие источник происхождения медицинских препаратов, изделий и инструментов;
- документы, подтверждающие добровольное согласие на выполнение косметологической процедуры (при наличии);
- свидетельства, дипломы и иные документы, подтверждающие правомерность осуществления подозреваемым косметологических процедур, либо документы (сведения), подтверждающие их отсутствие;

¹ В ходе проведенного нами анкетирования сотрудников органов предварительного расследования более 50% респондентов отметили, что привлекали специалистов на этапе назначения судебно-медицинской экспертизы.

- материалы и результаты ведомственных/вневедомственных проверок качества оказания медицинской помощи;
- результаты инструментальных обследований потерпевшего, например ультразвуковых исследований, МРТ, отражающих наличие паталогических изменений или неблагоприятных для здоровья последствий;
- результаты клинико-лабораторных исследований, содержащие сведения о состоянии здоровья потерпевшего, а также наличие/отсутствие у него аллергических, эндокринных и аутоиммунных заболеваний;
- документы, отражающие состояние пациента, обратившегося за медицинской помощью с целью устранения негативных последствий оказанной ему с нарушением требований безопасности косметологической услуги;
- результаты гистологических исследований операционного материала – инородных тел (веществ), удаленных в ходе проведенных оперативных вмешательств;
- амбулаторные карты пациента, выписки из амбулаторных карт на имя потерпевшего, журналы учета приема пациентов, сформированные после проведения косметологических процедур, не отвечающих требованиям безопасности, при обращении в медицинское учреждение с целью устранения неблагоприятных для пациента последствий;

- лист нетрудоспособности на имя потерпевшего;
- документы, отражающие состояние здоровья потерпевшего до проведения косметологической процедуры, необходимые для изучения динамики развития патологического процесса и определения отсутствия патологии до оказания косметологических услуг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Назначение и производство СМЭ в рамках расследования ятрогенных преступлений в сфере оказания косметологических услуг, не отвечающих требованиям обеспечения безопасности жизни и здоровья пациента, является неотъемлемым инструментом установления истины по уголовному делу и собирания доказательственной базы. Функциональные и содержательные особенности проведения косметологических процедур в условиях несоответствия положениям нормативной правовой базы, обуславливающие специфическую следовую картину совершения ятрогенного преступления, определяют особый порядок назначения в таких случаях судебных экспертиз. Полагаем, что сформулированные нами предложения криминалистического характера, учитывающие организационные особенности назначения СМЭ по ятрогенным преступлениям в сфере оказания косметологических услуг, не отвечающих требованиям безопасности, будут способствовать повышению эффективности деятельности следователя в ходе назначения СМЭ. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Яворский М.А., Романова Н.В., Тороп С.С. Особенности первоначального этапа расследования преступлений ятрогенного характера // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 4 (55). С. 71-76.
2. Тузлукова М.В. Различные формы использования специальных знаний при расследовании ятрогенных преступлений // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2015. № 4. С. 148-153.
3. Тузлукова М.В. Актуальные вопросы расследования ятрогенных преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 11. С. 34-36.
4. Панькина И.Ю., Кириллов В.В. Основные направления и формы использования специальных медицинских знаний в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2008. № 9. С. 91-94.
5. Гаджирамазанова П.К. Актуальные вопросы назначения судебно-медицинской экспертизы // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2015. № 3. С. 139-143.
6. Кузнецов С.В. Ятрогенные преступления, совершаемые в сфере здравоохранения, и особый подход к судебно-медицинским экспертным исследованиям // Вестник Санкт-Петербургского университета. Медицина. 2018. № 4. С. 419-429.
7. Кушнарев А.П. Использование специальных знаний в расследовании преступлений, связанных с ненадлежащим исполнением своих профессиональных обязанностей медицинскими работниками // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 8-9. С. 225-230.
8. Козлов С.В., Авдеев А.И., Солохина Л.В. К вопросу об организации производства судебно-медицинских экспертиз по так называемым «врачебным» делам // Проблемы экспертизы в медицине. 2010. Т. 10. № 1. С. 28-30.
9. Моисеенко И.Я. Проблемы уголовно-процессуальной регламентации производства судебной экспертизы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2007. № 8. С. 202-210.
10. Барыгина А.А., Старикова И.Л. К вопросу о процессуальных ошибках при производстве судебно-медицинских экспертиз // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2017. № 4. С. 7-12.
11. Антонов О.Ю. Определение состава экспертной комиссии по производству судебно-медицинской экспертизы по фактам ненадлежащего оказания медицинской помощи // Судебные экспертизы в уголовном процессе: теория и практика. Материалы всероссийской научно-практической конференции. М.: Московская академия СК РФ, 2023. С. 12-18.
12. Зиненко Ю.В., Моисеев В.Ф., Черный В.В. Актуальные проблемы, связанные с назначением комиссионных судебно-медицинских экспертиз // Научный компонент. 2019. № 4 (4). С. 112-120.

13. Чаплыгина В.Н. Базовые проблемы назначения и проведения судебно-медицинских экспертиз при расследовании ятрогенных преступлений // Юрист - Правовед. 2017. № 3 (82). С. 36-41.
14. Петрова Т.Н. Особенности расследования преступлений, связанных с некачественным оказанием медицинской помощи при родовспоможении // Consilium Medicum. 2017. Т. 19. № 6. С. 9-31.
15. Каторгина Н.П. Процессуальные и тактические особенности назначения и производства судебной экспертизы на предварительном следствии // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2014. № 22 (193). С. 134-146.

REFERENCES

1. Yavorskiy M.A., Romanova N.V., Torop S.S. Osobennosti pervonachal'nogo etapa rassledovaniya prestupleniy yatrogennoogo kharaktera // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. 2023. № 4 (55). S. 71-76.
2. Tuzlukova M.V. Razlichnyye formy ispol'zovaniya spetsial'nykh znaniy pri rassledovanii yatrogennykh prestupleniy // Vestnik RGGU. Seriya «Ekonomika. Upravleniye. Pravo». 2015. № 4. S. 148-153.
3. Tuzlukova M.V. Aktual'nyye voprosy rassledovaniya yatrogennykh prestupleniy // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2012. № 11. S. 34-36.
4. Pan'kina I.Yu., Kirillov V.V. Osnovnyye napravleniya i formy ispol'zovaniya spetsial'nykh meditsinskikh znaniy v rossiyskom ugolovnom sudoproizvodstve // Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta imeni I. Kanta. Seriya: Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki. 2008. № 9. S. 91-94.
5. Gadzhiramazanova P.K. Aktual'nyye voprosy naznacheniya sudebno-meditsinskoy ekspertizy // Yuridicheskiy vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 3. S. 139-143.
6. Kuznetsov S.V. Yatrogennyye prestupleniya, sovershayemyye v sfere zdravookhraneniya, i osoby podkhod k sudebno-meditsinskim ekspertnym issledovaniyam // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Meditsina. 2018. № 4. S. 419-429.
7. Kushnarev A.P. Ispol'zovaniye spetsial'nykh znaniy v rassledovanii prestupleniy, svyazannykh s nenadlezhashchim ispolneniyem svoikh professional'nykh obyazannostey meditsinskimi rabotnikami // Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki. 2016. № 8-9. S. 225-230.
8. Kozlov S.V., Avdeyev A.I., Solokhina L.V. K voprosu ob organizatsii proizvodstva sudebno-meditsinskikh ekspertiz po tak nazyvayemym «vrachebnym» delam // Problemy ekspertizy v meditsine. 2010. Т. 10. № 1. S. 28-30.
9. Moiseyenko I.Ya. Problemy ugolovno-protseessual'noy reglamentatsii proizvodstva sudebnoy ekspertizy // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskiye nauki. 2007. № 8. S. 202-210.
10. Barygina A.A., Starikova I.L. K voprosu o protseessual'nykh oshibkakh pri proizvodstve sudebno-meditsinskikh ekspertiz // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2017. № 4. S. 7-12.
11. Antonov O.Yu. Opredeleniye sostava ekspertnoy komissii po proizvodstvu sudebno-meditsinskoy ekspertizy po faktam nenadlezhashchego okazaniya meditsinskoy pomoshchi // Sudebnyye ekspertizy v ugolovnom protsesse: teoriya i praktika. Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. M.: Moskovskaya akademiya SK RF, 2023. S. 12-18.
12. Zinenko Yu.V., Moiseyev V.F., Chernyy V.V. Aktual'nyye problemy, svyazannyye s naznacheniyem komissionnykh sudebno-meditsinskikh ekspertiz // Nauchnyy komponent. 2019. № 4 (4). S. 112-120.
13. Chaplygina V.N. Bazovyye problemy naznacheniya i provedeniya sudebno-meditsinskikh ekspertiz pri rassledovanii yatrogennykh prestupleniy // Yurist" - Pravoved". 2017. № 3 (82). S. 36-41.
14. Petrova T.N. Osobennosti rassledovaniya prestupleniy, svyazannykh s nekachestvennym okazaniyem meditsinskoy pomoshchi pri rodovspomozhenii // Consilium Medicum. 2017. Т. 19. № 6. С. 9-31.
15. Katorgina N.P. Protseessual'nyye i takticheskiye osobennosti naznacheniya i proizvodstva sudebnoy ekspertizy na predvaritel'nom sledstvii // НОМОТНЕТИКА: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo. 2014. № 22 (193). S. 134-146.

© Исаханова Е.В., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Исаханова Е.В. Организационные вопросы назначения судебно-медицинской экспертизы при расследовании преступлений в сфере оказания косметологических услуг, не отвечающих требованиям безопасности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3 (77). С. 37-43.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИИ

Дмитрий Валентинович МАКАРЕНКОВ,
Российский университет транспорта (г. Москва)
преподаватель кафедры уголовного права, уголовного
процесса и правоохранительной деятельности
ir-ma08@yandex.ru

Научная статья
УДК 343.976

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НЕЗАКОННЫХ ПРОИЗВОДСТВА, СБЫТА ИЛИ ПЕРЕСЫЛКИ НАРКОТИКОВ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Наркотические средства, незаконное производство наркотиков, незаконный сбыт наркотиков, незаконная пересылка наркотиков, предупреждение преступности, международное сотрудничество.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В статье рассматривается опыт некоторых зарубежных государств по предупреждению незаконных производства, сбыта или пересылки наркотических средств, а также незаконных сбыта и пересылки наркосодержащих растений. Представлены наиболее эффективные меры предупреждения преступлений этого вида, применяемые в разных странах, а также осложняющие их предупреждение явления, среди которых, в частности, коррупция, транснациональная организованная преступность, проблемы международного сотрудничества. В настоящее время незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств по-прежнему остаются глобальным вызовом системе международной безопасности и правоохранительной деятельности на национальном уровне, что обуславливает актуальность темы проводимого автором статьи исследования. Цель этого исследования заключается в изучении зарубежного опыта предупреждения незаконных производства, сбыта или пересылки наркотических средств, незаконных сбыта или пересылки наркосодержащих растений, выявлении положительного зарубежного опыта и определении направлений его возможного использования в законодательстве и правоприменительной практике правоохранительных органов России для повышения эффективности деятельности по предупреждению преступлений рассматриваемого вида. Перед исследованием были поставлены задачи выявить и проанализировать зарубежный опыт по предупреждению незаконных производства, сбыта или пересылки наркотических средств, а также незаконных сбыта или пересылки наркосодержащих растений на примере отдельных стран. **Методы.** В ходе исследования применялись методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, логический метод, методы обобщения и сравнения, а также социологический, аналитический и статистический методы. **Результаты.** По итогам проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что изучение особенностей деятельности по предупреждению незаконных производства, сбыта или пересылки наркотических средств, незаконных сбыта или пересылки наркосодержащих растений в ряде зарубежных государств позволяет выявить положительный опыт такой деятельности и определить направления его возможного использования в российской правоприменительной практике.

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире незаконные производство, сбыт, пересылка наркотических средств остаются в числе самых серьезных глобальных вызовов для системы международной безопасности и национальной правоохранительной деятельности, затрагивающих не только здоровье и благополучие отдельно взятого человека, но и

экономическую, социальную стабильность, безопасность общества и государства в целом. Транснациональная организованная преступность, связанная с незаконным оборотом наркотических средств и наркосодержащих растений, продолжает расширять сферу своей деятельности, вовлекая в нее всё новых и новых лиц, вооружаясь новейшими достижениями науки и техники [1, с. 79]. В

Dmitry V. MAKARENKOV,
Russian University of Transport (Moscow, Russia)
Lecturer at the Department of Criminal Law,
Criminal Procedure and Law Enforcement
ir-ma08@yandex.ru

FOREIGN EXPERIENCE IN PREVENTING ILLEGAL PRODUCTION, SALE OR SHIPMENT OF DRUGS

KEYWORDS. Narcotic drugs, illegal drug production, illegal drug trafficking, illegal drug trafficking, crime prevention, international cooperation.

ANNOTATION. Introduction. The article examines the experience of some foreign countries in preventing illegal production, sale or shipment of narcotic drugs, as well as illegal sale and shipment of narcotic plants. The most effective measures for preventing crimes of this type, applied in different countries, as well as the phenomena that complicate their prevention, including, in particular, corruption, transnational organized crime, and problems of international cooperation are presented. At present, illegal production, sale or shipment of narcotic drugs still remain a global challenge to the system of international security and law enforcement at the national level, which determines the relevance of the topic of the research conducted by the author of the article. The purpose of this study is to study foreign experience in preventing illegal production, sale or shipment of narcotic drugs, illegal sale or shipment of narcotic plants, identify positive foreign experience and study the directions of its possible use in legislation and law enforcement practice of law enforcement agencies of Russia to improve the effectiveness of activities to prevent crimes of this type. The objectives of the study were to identify and analyze foreign experience in preventing illegal production, sale or shipment of narcotic drugs, as well as illegal sale or shipment of narcotic plants using the example of individual countries. **Methods.** The study used methods of analysis and synthesis, induction and deduction, logical method, methods of generalization and comparison, as well as sociological, analytical and statistical methods. **Results.** Based on the results of the study, the author comes to the conclusion that the study of the features of activities to prevent illegal production, sale or shipment of narcotic drugs, illegal sale or shipment of narcotic plants in a number of foreign countries allows us to identify positive experience of such activities and determine the directions of its possible use in Russian law enforcement practice.

связи с этим исследование преступности в сфере незаконных производства, сбыта, пересылки наркотических средств, незаконных сбыта, пересылки наркосодержащих растений, а также современной практики ее предупреждения остается чрезвычайно актуальным [2, с. 168; 3].

Целью нашего исследования, некоторые результаты которого представлены в настоящей статье, являлся поиск на основе изучения международного опыта наиболее оптимальных мер предупреждения в России незаконных производства, сбыта, пересылки наркотических средств. В связи с этим на примере ряда зарубежных стран были проанализированы различные подходы к предупреждению преступлений рассматриваемого вида. Эти подходы учитывают особенности географического расположения стран, сложившегося наркотрафика, принимаемых государствами мер, направленных на противодействие незаконному обороту наркотиков. Отметим, что интерес для сравнительно-правового анализа представляли не только страны, лидирующие по показателям, характеризующим процессы незаконных производства и сбыта наркотиков, но и государства с наиболее спокойной криминальной ситуацией в этой сфере, где наркотики частично легализованы, а также те, в которых в качестве наказания за наркопреступления применяется смертная казнь.

Международный комитет по контролю над наркотиками Организации Объединенных Наций (далее – МККН) отмечает усиление угрозы, связанной с резким увеличением незаконного производства и оборота наркотиков в целом, и ко-

каина в частности. В группу государств, в которых сосредоточено производство кокаина, входят Боливия, Колумбия, Перу. Там в последнее годы количество произведенного наркотика возросло в два раза. Кроме того, обеспокоенность МККН по-прежнему вызывает Афганистан, относящийся к числу «лидеров» в мире по культивированию опийного мака и производству опиия [4, с. 28]. Одновременно с этим растут объемы производства и сбыта опиоидов. За последние 10 лет их потребление удвоилось, а рынок значительно расширился. Только в США от употребления синтетических опиоидов ежегодно погибает более 80 тысяч человек. В государствах Восточной и Юго-Восточной Азии отмечается тенденция по расширению рынка метамfetамина. В названных регионах изымается рекордное количество данного вещества, особенно много – в виде таблеток. Вместе с тем, следует обратить внимание на то, что в некоторых азиатских странах предусмотрена и применяется смертная казнь за преступления, связанные с наркотиками. Интересен опыт стран Европы, в которых ежегодно выявляется и ликвидируется порядка 350 подконтрольных криминальным структурам объектов, на которых изготавливаются наркотики. Как правило, это хорошо оснащенные лаборатории, предназначенные для вторичной обработки кокаина, изготовления большого количества метамfetамина и т.д. Это свидетельствует о значимости региона с точки зрения производства и транзита наркотиков, что не может не оказывать негативного влияния на объемы регионального их потребления. На этом

фоне фиксируется увеличение разнообразия видов наркотиков, их количества в нелегальном обороте, а также снижение цены на них¹.

МЕТОДЫ

Для достижения целей и выполнения задач исследования, предполагавших всестороннее и детальное изучение на примере ряда государств зарубежного опыта предупреждения незаконных производств, сбыта, пересылки наркотических средств, растений, пересылки наркосодержащих растений, применялись такие общенаучные методы, как анализ и синтез. Индукция, дедукция, логический метод, а также сравнение позволили на основе выборки зарубежных государств и сведений о наркоситуации в них сформулировать выводы о региональных особенностях наркотрафика и принимаемых разными государствами мерах предупреждения незаконных производств, сбыта, пересылки наркотических средств, растений, пересылки наркосодержащих растений. Было осуществлено сравнение результативности применения этих мер, на основе изучения статистики продемонстрирована динамика негативных для общества и государств последствий от незаконного оборота наркотиков, выявлен позитивный международный опыт по его предупреждению, определены направления использования данного опыта в российской правоприменительной практике.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Наиболее остро проблема незаконных производств, пересылки, сбыта наркотиков стоит в странах Карибского бассейна и Центральной Америки. Географическое положение государств этого региона обуславливает благоприятную среду для развития преступности рассматриваемого нами вида. Близость к ключевым рынкам сбыта, один из которых – США, большая протяженность береговых линий, существенная ограниченность возможностей правоохранительных органов по противодействию преступности, коррупция способствуют формированию условий для нелегальной деятельности по производству и сбыту наркотиков.

Наркотические средства поступают из стран Южной Америки в США через Панаму, Коста-Рику, Никарагуа, Гондурас, Сальвадор, Гватемалу (существует три способа транзита: сухопутный, морской и воздушный). Гондурас в настоящее время является самым популярным перевалочным пунктом для кокаина, следующего в США через Гватемалу и Мексику. Чаще всего для транзита используется авиасообщение. Спецслужбы и полиция за последнее время уничтожили в регионе в общей сложности 31 взлетно-посадочную полосу, которые использовались наркоторговцами для перевозки, как правило транзитом в Мексику и США, кокаина и других наркотиков. Кроме того,

фиксируется тенденция к увеличению площадей незаконных посадок куста коки в Центральной Америке, прежде всего в Гондурасе и Гватемале. Еще в 80-90-х годах прошлого века в качестве своих ключевых задач в этом регионе США рассматривали искоренение посевов коки, запрет на продажу кокаина, развертывание программ альтернативного развития территорий. По данным МККН, Гватемала, Гондурас и Ямайка среди всех стран Центральной Америки и Карибского бассейна чаще всего упоминаются как страны происхождения, отправления и транзита такого наркотикосодержащего растения, как каннабис². В связи с этим США и сейчас продолжают активно реализовывать меры по противодействию незаконным производству, сбыту, пересылке наркотиков в странах Карибского бассейна и Центральной Америки. Государства региона, прежде всего Никарагуа, Сальвадор и Гондурас, на протяжении многих лет в рамках борьбы с организованной преступностью и наркобизнесом используют свои вооруженные силы. Например, гондурасские Национальные межведомственные силы по поддержанию правопорядка (FUSINA) за один только прошлый год изъяли 3299 килограммов кокаина, более 10 тонн марихуаны, выявили и уничтожили 424900 кустов коки и 68121 растение каннабиса³.

В результате активизации мер по противодействию наркобизнесу в Южной Америке производство кокаина постепенно переместилось из Перу и Боливии в Колумбию, где борьба с нелегальными производством и сбытом наркотических средств осложняется высоким уровнем коррупции и связью наркокартелей с незаконными вооруженными формированиями [5, с. 80]. В Колумбии за последние годы были отмечены рекордные показатели по урожаям, занятым под незаконное культивирование коки. Общая площадь посевов увеличилась на 13%, достигнув 230 тысяч га. Объемы производства кокаина выросли на 24% – до 1738 тонн, что является самым высоким показателем для этой страны за всю ее историю⁴.

В связи с этим США разработали для реализации в Колумбии два вида программ, которые условно делятся на «жесткие» и «мягкие». В рамках «жестких» программ были проведены комплексные мероприятия по нейтрализации наркобизнеса в целых регионах, которые не контролировались ранее национальным правительством Колумбии. В результате вооруженные силы совместно с полицией обеспечили стабилизацию криминальной обстановки и ее удержание на нейтральном уровне. В рамках «мягких» программ осуществлялись мероприятия, направленные на защиту прав человека, экономическую и социальную помощь населению, на обеспечение верховенства закона.

¹ Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2022 год. Вена: ООН, 2023 // Международный комитет по контролю над наркотиками: сайт // URL: https://www.incb.org/documents/Publications/AnnualReports/AR2022/Annual_Report/E_INCB_2022_1_rus.pdf (дата обращения: 08.04.2024).

² Там же.

³ Экспресс-информация № 32 «О наркоситуации в Никарагуа, Сальвадоре и Гондурасе». М., 2024.

⁴ Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2023 год. Вена: ООН, 2024 // Международный комитет по контролю над наркотиками: сайт // URL: https://unis.unvienna.org/unis/uploads/documents/2024-INCB/2325540R_INCB_Annual_Report.pdf (дата обращения 30.06.2024).

Аналогичные программы США реализуют и в Мексике. В рамках их проведения выделяются денежные средства на подготовку мексиканских участников противодействия наркопреступности, оснащение полиции и вооруженных сил необходимой техникой и оборудованием. Кроме того, как было отмечено в Докладе МККН за 2023 год, Мексика и США продолжают совместную работу в рамках программы сотрудничества в сфере безопасности, здравоохранения и улучшения охраны общественного порядка. В первом полугодии 2023 года началось проведение очередного ее этапа, направленного на активизацию борьбы с незаконным производством, сбытом и употреблением синтетических опиоидов (фентанила), являющихся сегодня одной из главных наркоугроз для Северной Америки.

Кроме США, активное участие в реализации в Центральной Америке и Карибском бассейне программ по противодействию производству, пересылке и сбыту наркотиков принимают страны Европейского Союза, поскольку они по-прежнему остаются в зоне внимания наркоторговцев, налаживших контрабандные поставки кокаина и других наркотиков на их рынки¹. В рамках этих программ женщинам и уязвимым группам населения предоставляются специальные медицинские услуги, проводится лечение наркозависимых, разрабатываются методики ресоциализации лиц с расстройствами, возникшими на почве потребления наркотиков, механизмы использования конфискованных у наркоторговцев товаров и активны на общественные нужды, модернизируются уголовно-правовые нормы, регламентирующие ответственность за участие в незаконном обороте наркотиков². Перечисленные меры соответствуют потребностям в противодействии ключевым детерминантам наркобизнеса, среди которых наиболее значимыми являются: низкий уровень жизни местного населения, высокий уровень коррупции региональных властей, высокая доходность наркобизнеса и наличие повышенного спроса на наркотики на рынках США и Европы, осуществление сбыта и производства наркотиков картелями, обладающими современным вооружением, отсутствие политической воли национальных правительств либо их политическая слабость, зависимость от наркокартелей. Таким образом, в государствах Центральной Америки и Карибского бассейна сегодня особенно актуальна деятельность по профилактике незаконных производства, сбыта и пересылки наркотиков, поскольку данный регион остается мировым лидером по производству кокаина и марихуаны и их поставкам на рынки США и Европы.

Согласно данным, опубликованным в отчете Европола, объем розничного рынка наркотиков в странах Европейского Союза оценивается как минимум в 24 миллиарда евро в год. При этом

прибыли, полученные от торговли наркотиками, финансируют другие виды преступной деятельности, позволяющие преступным сообществам развиваться за счет благополучия и безопасности граждан ЕС. Так, семена и сырье, используемые для выращивания каннабиса, необходимое для этого оборудование доступны для приобретения посредством Интернета. Их местом происхождения зачастую оказываются Нидерланды, а основным источником каннабиса, реализуемого на территории Европейского Союза, является Албания. Кокаин в основном производится в Колумбии, Перу, Боливии и переправляется в ЕС через страны Южной Америки, такие как Бразилия, Венесуэла, Аргентина, Карибского бассейна и Западной Африки [6, с. 112]. По некоторым оценкам, около 14 миллионов человек из числа взрослого населения Европейского Союза в возрасте от 15 до 64 лет (около 5% этой возрастной группы) пробовали кокаин хотя бы раз в своей жизни [7, с. 257]. В настоящее время в ЕС предлагается реализовать ряд мер, направленных на предупреждение незаконных сбыта, производства и пересылки кокаина. Однако, как представляется, такие меры могут быть действенными по отношению к нелегальному распространению любых видов наркотиков. Среди них: систематический мониторинг с целью обнаружения лабораторий по производству наркотиков; активизация усилий по выявлению и ликвидации преступных сетей, занимающихся производством наркотиков; пресечение онлайн-каналов, которые используются для сбыта наркотиков; усиление контроля за отмытием доходов, полученных преступным путем; укрепление международного сотрудничества в сфере противодействия наркотрафику и наркотизации населения; популяризация здорового образа жизни среди населения, а также информационная политика, направленная на формирование в обществе неприятия к участию в незаконном обороте наркотиков, особенно среди молодежи, и ряд иных мер [8, с. 334].

Одной из европейских стран, которая обладает существенной спецификой в сфере регулирования оборота наркотиков, является Королевство Нидерланды. Здесь на государственном уровне признано, что сохранение здоровья нации – это ключевой аспект политики, направленной на противодействие незаконному обороту наркотиков. Между тем наркотики разделены на «тяжелые» и «легкие». «Тяжелые» запрещены, тогда как в отношении «легких» (каннабиса) введены специальные правила, разрешающие их потребление в специализированных местах, при определенных условиях и в размере, не превышающем 5 граммов. Сбыт и производство наркотиков находятся под законодательным запретом. Предусмотрено привлечение к уголовной ответственности за хищение наркотиков. Закон «Об опиуме» уста-

¹ Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2023 год. Вена: ООН, 2024 // Международный комитет по контролю над наркотиками: сайт // URL: https://unis.unvienna.org/unis/uploads/documents/2024-INCB/2325540R_INCB_Annual_Report.pdf (дата обращения 30.06.2024).

² Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2022 год. Вена: ООН, 2023. С. 82 // Международный комитет по контролю над наркотиками: сайт // URL: https://www.incb.org/documents/Publications/AnnualReports/AR2022/Annual_Report/E_INCB_2022_1_rus.pdf (дата обращения: 08.04.2024).

навликает ответственность за хранение, культивирование или изготовление, импорт или экспорт данного наркотика. В качестве санкции предусмотрено тюремное заключение на срок до 12 лет¹. Другой закон – «О помещении в учреждение для особо опасных преступников» – предусматривает лечение лиц, систематически совершающих правонарушения. Значительную долю таковых составляют потребители наркотиков. Применяемая в их отношении мера воздействия сочетает в себе тюремное заключение и медицинские процедуры, которые проводятся за пределами места содержания под стражей.

В последнее время в Нидерландах отмечается снижение количества наркопреступлений в целом, и незаконного сбыта наркотиков в частности. Так, за пять лет количество зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, снизилось на 15%, а со сбытом наркотиков – более чем на 68%². Впрочем, некоторые авторы научных работ связывают эту тенденцию в большей степени с недавней пандемией, чем с эффективностью реализуемых профилактических мер [9, с. 30]. Действительно, после 2022 года Международным комитетом по контролю над наркотиками в Нидерландах был зафиксирован рост показателей, характеризующих объемы незаконных производства и сбыта наркотиков. Однако всё же есть основания говорить о том, что общее состояние дел свидетельствует об успехах превентивных антинаркотических программ, разработанных в этом государстве. Главное их преимущество состоит в том, что в Нидерландах основной акцент в деятельности по предупреждению незаконного оборота наркотиков делается на оказании влияния на потребителя. В результате, в полном соответствии с законами экономики, снижение спроса приводит к уменьшению рыночного предложения.

Кроме Нидерландов, большая распространенность каннабиса отмечается в странах Восточной и Юго-Восточной Азии. Вслед за ним по уровню «популярности» идет метамфетамин и другие вещества амфетаминового ряда. Поэтому в странах Азии к числу наиболее острых проблем, связанных с наркоторговлей, относятся незаконные производство и сбыт метамфетамина, в том числе афганского происхождения, а также незаконное культивирование опийного мака, производство и сбыт опия [10, с. 39].

Наиболее суровое наказание за участие в незаконном обороте наркотиков (культивирование, изготовление, продажа) – смертная казнь – предусмотрена законодательством трех десятков стран мира, многие из которых расположены как раз в

Азии. Пожизненное лишение свободы и смертная казнь за наркопреступления применяются, например, в Индонезии, Иране, Пакистане, Сингапуре, Саудовской Аравии и т.д. В последней из названных стран, по данным ООН, в 2022 году за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, были казнены 17 человек³. Исследователи отмечают, что государства Азиатско-Тихоокеанского региона в целом придерживаются жестких уголовно-правовых подходов в деятельности по предупреждению преступности в сфере незаконных производства и сбыта наркотиков.

В XX веке первой страной, которая закрепила в законодательстве смертную казнь за совершение наркопреступления, стал Китай. Это произошло еще в 1948 году. КНР и по сей день входит в число государств, в которых казнят наркопреступников. Подобный подход является прямой противоположностью позиции европейской терпимости. Правительство Китая реализует концепцию, согласно которой борьба с незаконным распространением наркотиков является «народной войной» [11, с. 35]. В китайском механизме предупреждения незаконного оборота наркотиков присутствуют не только уголовно-правовые средства, но и меры, имеющие просветительский, воспитательный характер, а также административно-организационные меры, что отражено в Законе КНР от 29 декабря 2007 г. «О борьбе с наркотиками». Как показывают данные статистики, принимаемые жесткие меры дают позитивный результат: производство наркотиков внутри страны год от года снижается. Впрочем, применяются не только карательные, но и профилактические меры, в том числе ориентированные на антинаркотическую пропаганду. Вместе с тем правительство Китая оплачивает лечение наркоманов в специальных реабилитационных центрах, а также в местах их проживания [12, с. 17]. В результате просветительской работы по профилактике потребления наркотиков количество состоящих на наркологическом учете лиц сократилось на 24,3%⁴.

Проблемой, с которой в настоящее время столкнулись все национальные системы противодействия незаконным производству и сбыту наркотиков, является рост объемов их онлайн-продаж в сети Интернет. Еще в 2013 году в КНР Управлением по контролю за продуктами питания и лекарствами было опубликовано Уведомление об усилении администрирования онлайн-продаж наркотиков, в котором были предусмотрены меры по ужесточению контроля в этой сфере. Среди них: запрет на онлайн-продажу лекарств, отпускаемых по рецепту; запрет на размещение рекламы препаратов, содержащих эфедрин; допуск к

¹ Netherlands Country Drug Report 2017 // URL: https://web.archive.org/web/20180308110718/http://www.emcdda.europa.eu/countries/drug-reports/2017/netherlands/drug-laws-and-offences_en (дата обращения: 14.04.2024).

² Drug law offences. Offences by type. Supply // URL: www.emcdda.europa.eu/data/stats2022#displayTable: DLO-02-2shops (дата обращения: 13.04.2024).

³ В ООН призвали Саудовскую Аравию не казнить за связанные с наркотиками преступления // Информационное агентство ТАСС: сайт. 22.11.2022 // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16396985> (дата обращения: 14.04.2024).

⁴ Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2023 год. Вена: ООН, 2024 // Международный комитет по контролю над наркотиками: сайт // URL: https://unis.unvienna.org/unis/uploads/documents/2024-INCB/2325540R_INCBA_Annual_Report.pdf (дата обращения 30.06.2024).

торговле медикаментами в режиме онлайн только при получении соответствующего сертификата [13].

Еще одним государством, представляющим интерес для нашего исследования, является Индия. Это страна с самым большим в мире населением. А следовательно, это и потенциально крупнейший рынок сбыта. В том числе и наркотиков. В качестве уголовно-правовых и специально-криминалистических мер профилактики преступности, связанной с незаконными сбытом и пересылкой наркотиков, в Индии предлагается комплекс мер, включающий в себя, в частности: создание кибергрупп, занимающихся расследованием наркопреступлений; улучшение пограничной и внутренней систем выявления таких преступлений правоохранительными органами; ужесточение контроля за оборотом наркотиков и наказания за преступления в этой сфере; разработка и внедрение различных форм сотрудничества с судебными-медицинскими экспертами в рамках борьбы с наркопреступностью; совершенствование технической составляющей антинаркотической деятельности в целях повышения эффективности выявления наркотиков и исследования их состава; улучшение качества расследования преступлений, связанных с наркотиками [14, с. 36]. Кроме того, индийскими властями принимаются меры по повышению уровня осведомленности населе-

ния о вреде наркотиков (особенно в тех районах, которые наиболее криминализированы и наркотизированы), а также по реабилитации наркозависимых [15, с. 34].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам проведенного исследования нами составлено представление о системах предупреждения незаконных производства, сбыта, пересылки наркотических средств, сбыта и пересылки наркосодержащих растений в зарубежных странах. Эти системы включают в себя широкий спектр разнообразных мер, в том числе: систематический мониторинг с целью обнаружения лабораторий по производству наркотических средств; активизация усилий по выявлению и ликвидации преступных сетей, занимающихся производством наркотиков; пресечение онлайн-каналов, которые используются для сбыта наркотических средств или наркосодержащих растений; усиление контроля за отмыванием доходов, полученных преступным путем; укрепление международного сотрудничества в деятельности по предупреждению преступности рассматриваемого вида и др. В настоящее время для России и других стран мира большое значение имеет эффективное международное сотрудничество в противодействии незаконному производству, сбыту и пересылке наркотических средств, а также сбыту и пересылке наркосодержащих растений. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сенцов А.С., Волколупова В.А. Новое в правовой регламентации ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и наркосодержащих растений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 4 (23). С. 79-85.
2. Алексеева А.П. Приобщение молодежи к наркотическим средствам: способы противодействия // Проблемы совершенствования правовой системы в России. СПб: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2004. С. 168-171.
3. Алексеева А.П. Предупреждение наркотизма среди молодежи в регионе. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2005. 184 с.
4. Чирков Д.К. Антинаркотическая политика Афганистана в XXI веке // Наркоконтроль. 2022. № 3. С. 28-33.
5. Александров Р.А. Правовые аспекты противодействия наркобизнесу транснациональных организованных преступных сообществ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 3 (31). С. 79-84.
6. Семенова В.В. Российский и зарубежный опыт уголовного законодательства в сфере склонения к потреблению средств и веществ, представляющих угрозу здоровью населения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2 (74). С. 110-115.
7. Романова Н.Л., Сутурин М.А. Роль международного сотрудничества в борьбе государств с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 2 (105). С. 256-264.
8. Гайратов Т.М., Хакимов Ш.Ш. Международная система противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ // Вестник Таджикского государственного университета коммерции. 2022. № 4-1 (43). С. 333-337.
9. Клевцов К.К. Международно-правовое регулирование сотрудничества государств по делам о преступлениях в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // Наркоконтроль. 2023. № 1. С. 29-33.
10. Шестак В.А., Постоева Е.А. Взаимосвязь между наркоманией и преступностью: основные модели и мировая практика // Наркоконтроль. 2022. № 2. С. 38-42.
11. Васильева К.К., Кротова Д.Н., Очиров О.Р. Социальная профилактика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков: зарубежный опыт // Наркоконтроль. 2022. № 3. С. 34-39.
12. Грибанов Е.В. Теоретико-правовые основы и технология антинаркотической пропаганды // Наркоконтроль. 2023. № 3. С. 15-18.
13. Yang C., Tang D.E., Tham Y.M., Chan J.W.K. China Cracks down on Illegal Online Drug Sales // Lexology. 2013. № 11 // URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=9084f752-0128-493a-b017-e513d9d1feeb> (дата обращения: 14.04.2024).

14. Карпович В.Э. Международное сотрудничество в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в Республике Индия: правовое регулирование и порядок осуществления // Наркоконтроль. 2023. № 3. С. 36-40.

15. Patel K., Pandey A. Drug Trafficking: A Growing Problem for India // Asian Journal of Forensic Sciences. 2022. Vol. 1 (1). P. 34-41.

REFERENCES

1. Sentsov A.S., Volkolupova V.A. Novoye v pravovoy reglamentatsii otvetstvennosti za prestupleniya, svyazannyye s nezakonnym oborotom narkoticheskikh sredstv, psikhotropnykh veshchestv, ikh analogov i narkosoderzhashchikh rasteniy // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2012. № 4 (23). S. 79-85.

2. Alekseyeva A.P. Priobshcheniye molodezhi k narkoticheskim sredstvam: sposoby protivodeystviya // Problemy sovershenstvovaniya pravovoy sistemy v Rossii. SPb: Leningradskiy gosudarstvennyy universitet imeni A.S. Pushkina, 2004. S. 168-171.

3. Alekseyeva A.P. Preduprezhdeniye narkotizma sredi molodezhi v regione. Volgograd: Volgogradskaya akademiya MVD Rossii, 2005. 184 s.

4. Chirkov D.K. Antinarkoticheskaya politika Afganistana v XXI veke // Narkokontrol'. 2022. № 3. S. 28-33.

5. Aleksandrov R.A. Pravovyye aspekty protivodeystviya narkobiznesu transnatsional'nykh organizovannykh prestupnykh soobshchestv // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2006. № 3 (31). S. 79-84.

6. Semenova V.V. Rossiyskiy i zarubezhnyy opyt ugolovnoy zakonodatel'stva v sfere skloneniya k potrebleniyu sredstv i veshchestv, predstavlyayushchikh ugrozu zdorov'yu naseleniya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2017. № 2 (74). S. 110-115.

7. Romanova N.L., Suturin M.A. Rol' mezhdunarodnogo sotrudnichestva v bor'be gosudarstv s nezakonnym oborotom narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2023. № 2 (105). S. 256-264.

8. Gayratov T.M., Khakimov SH.SH. Mezhdunarodnaya sistema protivodeystviya nezakonnomu oborotu narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv // Vestnik Tadzhijskogo gosudarstvennogo universiteta kommertsii. 2022. № 4-1 (43). S. 333-337.

9. Klevtsov K.K. Mezhdunarodno-pravovoye regulirovaniye sotrudnichestva gosudarstv po delam o prestupleniyakh v sfere nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv // Narkokontrol'. 2023. № 1. S. 29-33.

10. Shestak V.A., Postoyeva Ye.A. Vzaimosvyaz' mezhdru narkomaniyey i prestupnost'yu: osnovnyye modeli i mirovaya praktika // Narkokontrol'. 2022. № 2. S. 38-42.

11. Vasil'yeva K.K., Krotova D.N., Ochirov O.R. Sotsial'naya profilaktika prestupleniy, svyazannykh s nezakonnym oborotom narkotikov: zarubezhnyy opyt // Narkokontrol'. 2022. № 3. S. 34-39.

12. Griбанov Ye.V. Teoretiko-pravovyye osnovy i tekhnologiya antinarkoticheskoy propagandy // Narkokontrol'. 2023. № 3. S. 15-18.

13. Yang C., Tang D.E., Tham Y.M., Chan J.W.K. China Cracks down on Illegal Online Drug Sales // Lexology. 2013. № 11 // URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=9084f752-0128-493a-b017-e513d9d1feeb> (data obrashcheniya: 14.04.2024).

14. Karpovich V.E. Mezhdunarodnoye sotrudnichestvo v sfere nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv v Respublike Indiya: pravovoye regulirovaniye i poryadok osushchestvleniya // Narkokontrol'. 2023. № 3. S. 36-40.

15. Patel K., Pandey A. Drug Trafficking: A Growing Problem for India // Asian Journal of Forensic Sciences. 2022. Vol. 1 (1). P. 34-41.

© Макаренков Д.В., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Макаренков Д.В. Зарубежный опыт предупреждения незаконных производства, сбыта или пересылки наркотиков // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3 (77). С. 44-50.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Леонид Анатольевич БАКЛАНОВ,
кандидат юридических наук, доцент
Омская академия МВД России (г. Омск)
доцент кафедры оперативно-разыскной
деятельности органов внутренних дел
kubkaz@rambler.ru

Хуан Викторiano Урбина РУИС,
Национальная полиция Республики
Никарагуа (г. Манагуа, Никарагуа)
начальник главного следственного
управления, генеральный комиссар

Научная статья
УДК 343.985.5((470+571)+728.5)

АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РОЗЫСКА СКРЫВШИХСЯ ЛИЦ В РЕСПУБЛИКЕ НИКАРАГУА И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Розыск скрывшихся лиц, проникновение в помещение, контроль корреспонденции, следственное действие, оперативно-разыскное мероприятие.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Конституции Российской Федерации и Республики Никарагуа демонстрируют идентичность понимания прав граждан и возможности их ограничения в общественно значимых целях. В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Никарагуа отсутствует регулирование значительного количества отношений, возникающих в процессе розыска скрывшихся преступников. Закон Республики Никарагуа «О предупреждении, расследовании и преследовании организованной преступности и управлении изъятыми, конфискованными и покинутыми активами» лишь частично восполняет пробелы. Объективная потребность использования ряда эффективных мер розыска при отсутствии должного правового регулирования создает предпосылки для нарушения прав граждан в Республике Никарагуа. В России Федеральный закон «Об оперативно-разыскной деятельности» в достаточной мере регламентирует использование методов установления местонахождения скрывшихся лиц с одновременным обеспечением гарантий защищенности прав граждан. **Методы.** В ходе исследования применялся общенаучный диалектический метод познания окружающей действительности, предполагающий полное и всестороннее изучение явлений, рассмотрение связей и противоречий между ними. Кроме того, были использованы методы описания, логического осмысления, абстрагирования и обобщения, сравнительно-правовой метод. **Результаты.** В статье аргументируется целесообразность принятия в Республике Никарагуа аналога российского закона «Об оперативно-разыскной деятельности» или включения норм, аналогичных закрепленным в нем, в отдельную главу уголовно-процессуального кодекса. Вместе с тем отмечается, что в никарагуанском законодательстве имеются нормы, появление аналогичных которым в Российской Федерации позволило бы повысить эффективность деятельности ее правоохранительных органов.

ВВЕДЕНИЕ

Розыск и задержание лиц, совершивших преступление, осуществляется в результате действий официальных властей государства. Эффективным способом получения информа-

ции о местонахождении разыскиваемого является контроль сведений, передаваемых операторами связи [1]. Другое значимое для установления местонахождения разыскиваемого лица действие состоит в проникновении представителей госу-

Leonid A. BAKLANOV,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor
Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Omsk, Russia)
Associate Professor of the Department of Operational
Investigative Activities of the Internal Affairs Bodies
kubkaz@rambler.ru

Juan Victoriano Urbina RUIZ,

National Police of the Republic of Nicaragua (Managua, Nicaragua)
Head of the Main Investigation Department, Commissioner General

ANALYSIS OF THE LEGAL REGULATION OF THE SEARCH FOR FUGITIVES IN THE REPUBLIC OF NICARAGUA AND THE RUSSIAN FEDERATION

KEYWORDS. Search for escaped persons, entry into premises, control
of correspondence, investigative action, operational-search measure.

ANNOTATION. Introduction. *The Constitutions of the Russian Federation and the Republic of Nicaragua demonstrate an identical understanding of the rights of citizens and the possibility of limiting them for socially significant purposes. The Criminal Procedure Code of the Republic of Nicaragua does not regulate a significant number of relations arising in the process of searching for absconding criminals. The Law of the Republic of Nicaragua «On the Prevention, Investigation and Prosecution of Organized Crime and the Management of Seized, Confiscated and Abandoned Assets» only partially fills the gaps. The objective need to use a number of effective search measures in the absence of proper legal regulation creates preconditions for the violation of the rights of citizens in the Republic of Nicaragua. In Russia, the Federal Law «On Operational Investigative Activities» sufficiently regulates the use of methods for establishing the location of absconding persons while simultaneously ensuring guarantees of the protection of citizens' rights.*
Methods. *The study used the general scientific dialectical method of cognition of the surrounding reality, which involves a complete and comprehensive study of phenomena, consideration of the connections and contradictions between them. In addition, the methods of description, logical comprehension, abstraction and generalization, and the comparative legal method were used.*
Results. *The article argues for the advisability of adopting in the Republic of Nicaragua an analogue of the Russian law «On Operational Investigative Activities» or including norms similar to those enshrined in it in a separate chapter of the criminal procedure code. At the same time, it is noted that Nicaraguan legislation contains norms, the appearance of similar ones in the Russian Federation would improve the efficiency of its law enforcement agencies.*

дарственных органов в жилые и нежилые помещения, осуществлении там поисковых действий с целью обнаружения разыскиваемого лица или предметов, документов и материалов, содержащих необходимую для его розыска информацию [2]. Такое проникновение может осуществляться втайне от проживающих или находящихся в помещении лиц. Действия официальных властей государства по розыску и задержанию скрывающихся лиц неразрывно связаны с ограничением прав и свобод граждан [3]. Гарантом защищенности прав и свобод являются основные законы государств: соответственно тематике нашего исследования это конституции Республики Никарагуа (далее – Никарагуа) и Российской Федерации (далее – Россия).

МЕТОДЫ

При проведении исследования применялся общенаучный диалектический метод познания окружающей действительности, предполагающий полное и всестороннее изучение явлений, рассмотрение связей и противоречий между ними. Кроме того, были использованы: метод описания, необходимый для сбора фактического материала о проблемах, возникающих в процессе оперативно-розыскной деятельности; метод логического

осмысления, позволивший определить понятие «розыск и задержание лиц, совершивших преступление» и его свойства; абстрагирование и обобщение, призванные систематизировать установленные нами факты и дать им толкование. Сравнительно-правовой метод позволил выявить сходства и различия между юридическими понятиями, явлениями, процессами, что помогло определить их связи между собой и с другими явлениями, общее и особенное в их развитии. Вместе с тем сравнительно-правовой метод способствовал выявлению возможностей совершенствования законодательства Никарагуа и России в области розыска и задержания лиц, совершивших преступление.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Согласно ст. 26 Политической Конституции Республики Никарагуа¹ каждый человек имеет право: на свою частную жизнь и жизнь своей семьи; уважение своей чести и репутации; на знание всей информации, которая была зарегистрирована о нем в частных и государственных организациях, а также право знать, почему и с какой целью эта информация хранится; на неприкосновенность жилища, корреспонденции и всех видов сообщений. Обыск в жилище может быть про-

¹ Политическая Конституция Республики Никарагуа // Gazeta: сайт. Официальный вестник. № 181 от 28.09.2022 // URL: <http://legislacion.asamblea.gob.ni/Normaweb.nsf/xpNorma.xsp?documentId=799683A327E172CD062589E300549408&action=openDocument&SessionID=18C9F70F05E779D90FEF040D3A3> (дата обращения: 01.07.2024).

изведен только по письменному распоряжению компетентного судьи, за исключением ряда случаев:

а) если проживающие в жилище заявляют, что там совершается преступление или им требуется помощь;

б) если из-за пожара, наводнения, катастрофы или другой подобной причины жизнь жителей или имущество находится под угрозой;

в) когда сообщается, что в доме были замечены подозрительные лица с явными признаками того, что они собираются совершить преступление;

г) при задержании лица, совершающего преступление, или в ходе его преследования непосредственно после совершения преступления;

д) при необходимости спасти похищенного.

Ограничение перечисленных выше прав осуществляется исключительно в соответствии с требованиями законодательства. Закон устанавливает случаи и порядок проверки документов, содержащих персональные сведения, бухгалтерских книг и приложений к ним, когда это необходимо для судебного разбирательства.

Незаконно перехваченные сообщения не имеют юридической силы и не могут использоваться в суде в качестве доказательств преступной деятельности.

Конституция России в ст. 23 закрепляет право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права возможно только на основании судебного решения. Согласно ст. 24 Конституции России сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются. Органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом [4]. Статья 25 Конституции России гарантирует неприкосновенность жилища. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц, кроме как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения [5].

Анализируя конституционные нормы двух государств, констатируем, что по содержанию они идентичны и направлены на обеспечение прав и свобод человека согласно общепризнанным международным стандартам. Отличие заключается в перечислении в Конституции Никарагуа случаев, допускающих проведение обыска в жилище без судебного решения. В России нормативные положения, касающиеся таких случаев, закреплены в законах, регламентирующих основания и порядок ограничения права на неприкосновенность жилища при осуществлении действий государственных органов.

В Никарагуа, как и в России, права человека могут ограничиваться только на основании закона. В Никарагуа основным документом, регламентирующим деятельность по борьбе с преступностью, является Уголовно-процессуальный кодекс¹ (далее – УПК РН). Согласно ст. 217 (Обыск в жилище) обыск в жилом помещении либо в его отдельных частях, в местах осуществления предпринимательской деятельности или офисах проводится при наличии судебного решения, для получения которого необходимо в письменном виде направить ходатайство с указанием оснований для его производства. Обыск проводится, как правило, в период с 6 до 18 часов. Однако он может быть проведен в любое время суток при согласии проживающего лица или его представителя либо в случаях, не терпящих отлагательства, при которых судья выносит постановление в течение не более одного часа после направления ходатайства прокурора или начальника полицейского подразделения, отвечающего за расследование. В постановлении о производстве обыска должна содержаться информация, подтверждающая его неотложность.

Ходатайство о производстве обыска, выемки или задержания должно содержать указания на причины возникновения необходимости в этих действиях, на места их проведения, на предметы и вещества, которые планируется обнаружить, на лиц, которых предполагается задержать (ст. 218 УПК РН).

Согласно ст. 219 УПК РН постановление суда о производстве обыска, выемки или задержания должно содержать:

- 1) имя судьи, выявленные обстоятельства расследования или, в отдельных случаях, процесса;
- 2) точный адрес объекта недвижимости с указанием конкретного места (или мест) производства действия;
- 3) имя сотрудника, который будет проводить действие;
- 4) время и дату производства;
- 5) основания производства обыска, выемки или задержания с точным указанием предметов, которые планируется обнаружить, или лиц, которых планируется задержать;
- 6) сведения о необходимости производства действия в ночное время.

Если во время поиска предметов, веществ или лиц, в отношении которых было разрешено производство обыска, обнаружены другие предметы, вещества или лица, связанные с этой или другой расследуемой преступной деятельностью, такие предметы и вещества могут быть изъяты, а лица задержаны без необходимости расширения мотивировочной части судебного разрешения. Изъятие предметов или веществ либо задержание лиц, не указанных в судебном постановлении о производстве обыска, обнаруженных на месте, не соответствующем указанному в судебном постановлении, признается незаконным, и, следовательно, результаты таких действий не могут быть исполь-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Никарагуа. Закон № 406, принят 13.11.2001 // Gazeta: сайт. Официальный вестник. № 243 от 21.12.2001, № 244 от 24.12.2001 // URL: <http://legislacion.asamblea.gob.ni/Normaweb.nsf/%28%24All%29/5EB5F629016016CE062571A1004F7C62> (дата обращения: 01.07.2024).

зованы в качестве доказательств в судебном процессе.

Согласно ст. 220 УПК РФ копия судебного постановления о разрешении производства обыска и выемки вручается владельцу или жильцу помещения, в котором они проводятся, либо при отсутствии такового – его представителю, а при отсутствии последнего – любому совершеннолетнему лицу, которое находится на месте, желательно из числа родственников собственника. Должностные лица, проводящие обыск, должны стремиться обеспечить неприкосновенность частной жизни. О результатах производства обыска составляется протокол, подтверждающий соблюдение правовых норм. В случае отсутствия владельцев помещения или их представителей на месте производства обыска это обстоятельство указывается в протоколе, составляемом по результатам обыска. Протокол подписывается присутствующими, в случае отказа от подписи об этом делается отметка.

В соответствии с требованиями ст. 242 УПК РФ судебного разрешения для проведения обыска в общественном месте, в помещениях, открытых для свободного посещения и не предназначенных для проживания, не требуется. Ответственные за такие помещения должны быть уведомлены о производстве обыска, если такое уведомление не может негативно повлиять на ход расследования.

Статья 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) называется «Основания и порядок производства обыска». Данная статья содержит нормы, похожие на те, которые имеются в УПК РФ, однако есть и довольно важные, на наш взгляд, отличия:

1. В постановлении суда на обыск не указывается дата, время его проведения и имя сотрудника, который будет проводить обыск. Это представляется разумным, так как позволяет сотрудникам правоохранительных органов России самостоятельно определять наиболее удобный для обыска момент и не зависеть от необходимости проведения обыска только тем конкретным представителем правоохранительной системы, который указан в судебном постановлении [6].

2. Часть 8 ст. 182 УПК РФ предоставляет следователю право запретить лицам, присутствующим в месте, где производится обыск, покидать его, а также общаться друг с другом или иными лицами до окончания обыска. Данная норма обеспечивает возможность применения мер принуждения во время обыска. Законодательством Никарагуа описанные выше поступки присутствующих расцениваются как попытка оказать противодействие деятельности полиции, и совершившие их лица подлежат уголовному преследованию [7].

3. В случае обнаружения в месте обыска предметов, запрещенных к хранению, но не имеющих отношения к расследуемому преступлению, российское законодательство не требует дополнительной аргументации в постановлении на обыск при необходимости их изъятия [8].

4. Существенным, по нашему мнению, недостатком российского порядка производства обыска является обязательность присутствия понятых,

которые привлекаются для удостоверения хода и результата следственного действия. На наш взгляд, это свидетельствует о недоверии государства сотрудникам правоохранительных органов, которых оно же и приняло на службу для борьбы с преступностью. Привлекая граждан в качестве понятых (с последующим их участием в уголовном судопроизводстве на стороне обвинения), государство фактически создает предпосылки для противоправного воздействия на этих лиц, что абсолютно недопустимо [9].

5. Российское законодательство обязывает вручать копию протокола обыска лицу, в помещении которого это следственное действие было произведено, либо совершеннолетнему члену его семьи, а никарагуанское – копию постановления на обыск [10].

6. В России, по общему правилу, не требуется судебного разрешения на обыск в коммерческих помещениях [11]. Судебное решение необходимо получать в случаях, если осуществляемые действия предполагают обнаружение и изъятие документов и материалов, содержащих сведения, охраняемые законами, предусматривающими судебное санкционирование ограничения права на сохранение в тайне той или иной информации. Речь идет о сведениях, составляющих государственную тайну, банковскую (ст. 183 УПК РФ) и коммерческую тайны, при этом последняя должна быть соответствующим образом оформлена¹.

Обыск, проводимый для установления местонахождения разыскиваемых лиц, УПК РФ предусмотрен, однако на практике с этой целью он проводится крайне редко [12]. По нашим оценкам, такой обыск осуществляется менее чем в одном проценте случаев [13]. Чаще для розыска и задержания преступника, а также получения информации о месте его возможного нахождения проводится оперативно-розыскное мероприятие (далее – ОРМ) – обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств [14]. Данное мероприятие предусмотрено п. 8 ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД).

Названный закон предусматривает возможность проведения 15 ОРМ: опрос; наведение справок; сбор образцов для сравнительного исследования; проверочная закупка; исследование предметов и документов; наблюдение; отождествление личности; обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров; снятие информации с технических каналов связи; оперативное внедрение; контролируемая поставка; оперативный эксперимент; получение компьютерной информации. Статья 17 Закона об ОРД предусматривает возможность привлечения отдельных лиц к участию в ОРМ, в том числе на конфиденциальной основе.

Каждое из предусмотренных законом ОРМ может проводиться как гласно, то есть без со-

¹ Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне».

крытия осуществляемых действий, так и с применением мер конспирации, вследствие чего граждане остаются в неведении об их проведении. В соответствии с Законом об ОРД оперативные подразделения органов внутренних дел без участия следователя самостоятельно могут принимать решения и проводить разрешенные ОРМ [15].

Аналогичного закона в Никарагуа нет, что, на наш взгляд, сужает возможности полиции этого государства в применении эффективных мер по розыску преступников.

Одним из ОРМ, наиболее востребованных в работе по обнаружению сведений о местонахождении разыскиваемых лиц, является «Наблюдение». Закон об ОРД предусматривает эффективные меры надзора и контроля за соблюдением прав граждан при проведении ОРМ. Если ОРМ проводятся в жилище, то разрешение на их проведение выдает судья. Кроме того, у российских прокуроров имеется дополнительная возможность осуществлять надзор за соблюдением законов, и они на регулярной основе проверяют законность проводимых ОРМ.

Следующим методом получения сведений о разыскиваемых лицах является контроль информации, передаваемой операторами связи (электрической и почтовой).

Статья 213 УПК РН предусматривает прослушивание телефонных переговоров. Перехват сообщений, передаваемых по телефону или с использованием любых других видов телекоммуникаций, производится по делам о: терроризме; похищении с целью вымогательства; торговле органами и людьми в сексуальных целях; преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными и другими контролируруемыми веществами; легализации капиталов и отмывании денежных средств и активов; международном обороте оружия, взрывчатых веществ и похищенных транспортных средств.

Перехват любых сообщений между обвиняемым и его защитником запрещен. Содержащийся в УПК РН запрет на перехват таких сообщений направлен на защиту тайны методов и средств правовой защиты обвиняемого. Этот запрет является важным элементом обеспечения принципа состязательности уголовного судопроизводства. Однако со столь категоричным запретом трудно согласиться, поскольку обвиняемый и защитник могут посредством передаваемых друг другу сообщений планировать и организовать новые преступления, например убийство свидетеля. По нашему мнению, правовое государство не может защищать информацию о подготавливаемых или совершаемых преступлениях, даже если эти преступления замыслил сторона защиты. Представляется, что перехват сообщений между защитником и обвиняемым может иметь место в исключительных случаях при наличии достаточных

оснований полагать, что такие сообщения носят преступный характер, и только по разрешению суда.

Перехват телекоммуникаций в Никарагуа производится по мотивированному ходатайству Генерального прокурора Республики или Генерального директора Национальной полиции, которые обязаны подтвердить, что предшествующая информация была ими оценена и прослушивание обоснованно, а также указать срок, на который принимается данная мера, и лиц, которые будут иметь доступ к сообщениям. Судья определяет продолжительность осуществления данной меры в мотивированном постановлении и указывает дату прекращения прослушивания, которое не может длиться более 30 дней.

По приведенному выше перечню преступлений и в аналогичном порядке допускается также перехват письменных, телеграфных и электронных сообщений (ст. 214 УПК РН).

Признавая, что УПК РН предоставляет действительные средства получения информации о предполагаемом местонахождении скрывающегося лица, обращаем внимание на то, что возможность ограничения конституционного права на тайну корреспонденции допускается далеко не по всем преступлениям. В закрепленном в кодексе перечне отсутствуют: убийства, кражи, разбои, мошенничества и т.д. По нашему мнению, законодательство Никарагуа не готово к борьбе с дистанционными мошенничествами и другими преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, получить доказательств по которым невозможно без контроля каналов связи. Кроме того, считаем необходимым предоставить право ходатайства о проведения мероприятий, ограничивающих конституционные права на тайну корреспонденции и неприкосновенность жилища, не только Генеральному прокурору Республики и Генеральному директору Национальной полиции, но и руководителям соответствующих ведомств на региональном и районном уровнях.

В Никарагуа, помимо УПК, имеются законы, регламентирующие борьбу с преступлениями отдельных видов или их формами. В частности, ряд мер, позволяющих получать информацию о разыскиваемых лицах, закреплен в законе № 735 «О предупреждении, расследовании и преследовании организованной преступности и управлении изъятыми, конфискованными и покинутыми активами, и поправки к нему»¹ (далее – закон № 735). Этим законом разрешены к использованию следующие силы и средства:

1. Внедренный в преступную среду сотрудник Национальной полиции или армии Никарагуа.
2. Агент-разоблачитель. Это должностное лицо полиции, которое с разрешения Генерального директора Национальной Полиции имитирует

¹ Исполнительный указ № 16-2017, принят 11.08.2017 «О внесении поправок и дополнений в регламент к Закону № 735: Закон о предотвращении, расследовании и преследовании организованной преступности и управлении арестованным, конфискованным и оставленным имуществом» // Gazeta: сайт. Официальный вестник. № 160 от 23.08.2017 // URL: <http://legislacion.asamblea.gob.ni/normaweb.nsf/3133c0d121ea3897062568a1005e0f89/b21f3948aa48fde1062572aa0067f0b1?OpenDocument> (дата обращения: 01.07.2024).

заинтересованность в передаче, покупке, приобретении или транспортировке для себя или третьих лиц денег, товаров, людей, услуг, оружия, веществ, перечисленных в списке или таблице, прилагаемых к названному закону, или заинтересованность в любой другой организованной преступной деятельности, демонстрируя проявление противоправного поведения или деяния, в целях изъятия незаконных веществ или товаров, идентификации или поимки виновных в совершении преступлений или участников преступной деятельности.

3. Информатор (осведомитель). Лицо, которое предоставляет специализированным органам Национальной полиции или разведки армии Никарагуа сведения о подготовке или совершении преступления, о тех, кто в нем участвовал или будет участвовать.

4. Перехват сообщений. При расследовании преступлений, перечень которых закреплен законом № 735, при наличии мотивированного ходатайства Генерального прокурора Республики или Генерального директора Национальной полиции окружные судьи по уголовным делам вправе давать им разрешение на воспрепятствование осуществлению, прерывание, перехват, запись сообщений электронной переписки. То же самое на тех же основаниях возможно в отношении сообщений, передаваемых посредством других радио- и электротехнических информационных средств связи (стационарных, мобильных, беспроводных, цифровых или любых других). Все это может быть разрешено исключительно для целей уголовного расследования и в соответствии с нормами, установленными УПК РН.

Законом № 735 существенно расширены полномочия государственных органов по получению информации о преступлениях и лицах, их совершивших. Вместе с тем остается много других видов опасных преступлений, для выявления и при расследовании которых не могут использоваться эффективные средства розыска, предусмотренные законодательством. Фактически лица, совершившие такие преступления, оказываются защищенными от применения Национальной полицией Никарагуа эффективных способов получения сведений об их местонахождении и их задержания.

Представляется целесообразным рассмотреть вопрос о законодательном разрешении правоохранительным органам Никарагуа проводить наблюдение (визуальное, электронное или комплексное) и обследовать различные объекты, в том числе с ограничением права на неприкосновенность жилища, при наличии судебного решения, разрешающего проведение таких мероприятий. Рассматриваемые действия должны проводиться при наличии информации о признаках совершения преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, и причастных к нему лиц. Названные нами

розыскные мероприятия часто ограничивают наиболее охраняемые права граждан и поэтому должны регулироваться исключительно на уровне законов.

Анализируя правовое регулирование розыска лиц, не можем обойти вниманием выдающийся, на наш взгляд, международный договор от 16 февраля 1887 г. «О выдаче» (опубликован в газете «La Gaceta» от 16 марта 1887 г. № 11)¹. Договор заключен между правительствами Никарагуа, Коста-Рики, Гватемалы, Гондураса и Сальвадора. Этот международный нормативный правовой акт, заключенный правительством Никарагуа с соседними государствами, с незначительными изменениями действует по настоящее время. В нем более 130 лет назад были нормативно закреплены основные принципы международного розыска и экстрадиции, которые используются в настоящее время во всем мире. Аналогичный договор со своими соседями Россия заключила лишь 22 января 1993 г. Это подписанная в Минске Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам. Полагаем, что договор «О выдаче» является одним из основополагающих документов современного международного розыска лиц, совершивших преступления, и их экстрадиции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в результате проведения сравнительно-правового анализа законодательства Российской Федерации и Республики Никарагуа, регламентирующего розыск и задержание скрывшихся преступников, нами выявлено следующее:

1. Конституции двух государств демонстрируют идентичность понимания прав граждан и возможности их ограничения в общественно значимых целях.

2. Отсутствие в Никарагуа аналога российского закона «Об оперативно-розыскной деятельности» приводит к фрагментарности нормативного регулирования деятельности правоохранительных органов по установлению местонахождения скрывшихся лиц и создает предпосылки для нарушения прав граждан. В связи с этим имеется целесообразность в принятии в Никарагуа закона, системно регламентирующего оперативно-розыскную деятельность, или включения соответствующего содержания нормы в отдельную главу уголовно-процессуального кодекса.

3. Обязательность участия понятых при производстве следственных действий в Российской Федерации является нецелесообразным явлением, в связи с чем видится необходимость рассмотреть вопрос о ее упразднении.

4. В действующем по сей день международном договоре от 16 февраля 1887 г. «О выдаче», заключенном Никарагуа с соседними странами, заложены первоосновы современного правового регулирования международного розыска лиц. ■

¹ Международный договор от 16.02.1887 «О выдаче» // La Gaceta. № 11 от 16.03.1887 // URL: <http://legislacion.asamblea.gob.ni/gacetas/1887/3/g11.pdf>; [http://legislacion.asamblea.gob.ni/normaweb.nsf/\(\\$All\)/0830A94A832444F2062577AD00643B1A?OpenDocument](http://legislacion.asamblea.gob.ni/normaweb.nsf/($All)/0830A94A832444F2062577AD00643B1A?OpenDocument) (дата обращения: 01.07.2024).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Муртазина А.А. Розыск лиц, скрывающихся от органов дознания, суда и следствия // Синергия Наук. 2022. № 78. С. 441-468.
2. Королькова О.А. Проблемы правового регулирования розыскной работы органов внутренних дел // Научный портал МВД России. 2012. № 4 (20). С. 52-55.
3. Новодон В.В. Правовые основы оперативно-служебной деятельности сотрудников уголовного розыска при раскрытии преступлений, имеющиеся проблемы и пути их решения // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022. Т. 43. № 3. С. 160-168.
4. Логунов О.В., Кутуев Э.К. Процессуальное принуждение: понятие, цели и виды мер. Задержание подозреваемого и обвиняемого // Правовое поле современной экономики. 2016. № 9. С. 182-195.
5. Ткачева Е.С. Производство обыска в контексте ограничения конституционного права на неприкосновенность жилища // Законодательство и практика. 2023. № 1 (50). С. 31-36.
6. Демидов Н.Н. Уголовно-процессуальные аспекты производства следственного действия обыска по законодательству Республики Никарагуа в сравнительно-правовом контексте // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 4 (37). С. 92-95.
7. Поляков Н.В., Флорес Р.Х.Г. Организационно-тактические особенности производства обыска в Республике Никарагуа // Научный компонент. 2023. № 2 (18). С. 39-46.
8. Берова Д.М., Гаужаева В.А. Тактические особенности обнаружения и изъятия предметов и веществ ограниченного оборота // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 2. С. 201-204.
9. Струкова В.В. Роль понятого как участника уголовного процесса в рамках осуществления уголовно-процессуального доказывания на досудебных стадиях // Юридический аналитический журнал. 2021. Т. 16. № 2. С. 28-37.
10. Фонова Т.П. Гарантии прав гражданина при производстве обыска // Центральный научный вестник. 2016. Т. 1. № 10 (10). С. 11-13.
11. Аббасов Ф.Н., Агаев Г.А., Гурбанов А.Г. Процессуальные решения и действия органов предварительного расследования, в отношении которых необходимо судебное решение, по УПК Российской Федерации и УПК Азербайджанской Республики // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 2 (30). С. 69-75.
12. Белицкий В.Ю. Деятельность следователя (дознателя) по розыску подозреваемого (обвиняемого) на стадии предварительного расследования // Алтайский юридический вестник. 2021. № 2 (34). С. 101-106.
13. Бакланов Л.А. Совершенствование условий проведения гласного обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 2 (45). С. 100-103.
14. Омелин В.Н., Габзалилов В.Ф. Проблемы правового регулирования оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2017. Т. 9. № 5. С. 16-21.
15. Катков С.В., Семенов Г.М., Костенко Н.С., Алексеева А.П. О мерах совершенствования организации работы оперативных и следственных подразделений МВД России по выявлению, раскрытию и расследованию хищений денежных средств с использованием банковских карт на территории Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 4 (55). С. 123-128.

REFERENCES

1. Murtazina A.A. Rozysk lits, skryvayushchikhsya ot organov doznaniya, suda i sledstviya // Sinergiya Nauk. 2022. № 78. S. 441-468.
2. Korol'kova O.A. Problemy pravovogo regulirovaniya rozysknoy raboty organov vnutrennikh del // Nauchnyy portal MVD Rossii. 2012. № 4 (20). S. 52-55.
3. Novodon V.V. Pravovyye osnovy operativno-sluzhebnoy deyatelnosti sotrudnikov ugolovno rozyska pri raskrytii prestupleniy, imeyushchiesya problemy i puti ikh resheniya // Yuridicheskiy vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. T. 43. № 3. S. 160-168.
4. Logunov O.V., Kutuyev E.K. Protsessual'noye prinuzhdeniye: ponyatiye, tseli i vidy mer. Zaderzhaniye podozrevayemogo i obvinyayemogo // Pravovoye pole sovremennoy ekonomiki. 2016. № 9. S. 182-195.
5. Tkacheva Ye.S. Proizvodstvo obyska v kontekste ogranicheniya konstitutsionnogo prava na neprikosnovennost' zhilishcha // Zakonodatel'stvo i praktika. 2023. № 1 (50). S. 31-36.
6. Demidov N.N. Ugolovno-protsessual'nyye aspekty proizvodstva sledstvennogo deystviya obyska po zakonodatel'stvu Respubliki Nikaragua v sravnitel'no-pravovom kontekste // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2019. № 4 (37). S. 92-95.
7. Polyakov N.V., Flores R.KH.G. Organizatsionno-takticheskiye osobennosti proizvodstva obyska v Respublike Nikaragua // Nauchnyy komponent. 2023. № 2 (18). S. 39-46.
8. Berova D.M., Gauzhayeva V.A. Takticheskiye osobennosti obnaruzheniya i iz'yatiya predmetov i veshchestv ogranichennogo oborota // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. 2020. № 2. S. 201-204.
9. Strukova V.V. Rol' ponyatogo kak uchastnika ugolovno protsessa v ramkakh osushchestvleniya ugolovno-protsessual'nogo dokazyvaniya na dosudebnykh stadiyakh // Yuridicheskiy analiticheskiy zhurnal. 2021. T. 16. № 2. S. 28-37.

10. Fonova T.P. Garantii prav grazhdanina pri proizvodstve obyska // Tsentral'nyy nauchnyy vestnik. 2016. T. 1. № 10 (10). S. 11-13.
11. Abbasov F.N., Agayev G.A., Gurbanov A.G. Protsessual'nyye resheniya i deystviya organov predvaritel'nogo rassledovaniya, v otnoshenii kotorykh neobkhodimo sudebnoye resheniye, po UPK Rossiyskoy Federatsii i UPK Azerbaydzhanskoj Respubliki // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2006. № 2 (30). S. 69-75.
12. Belitskiy V.Yu. Deyatel'nost' sledovatelya (doznavatelya) po rozysku podozrevayemogo (obvinyayemogo) na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya // Altayskiy yuridicheskiy vestnik. 2021. № 2 (34). S. 101-106.
13. Baklanov L.A. Sovershenstvovaniye usloviy provedeniya glasnogo obsledovaniya pomeshcheniy, zdaniy, sooruzheniy, uchastkov mestnosti i transportnykh sredstv // Nauchnyy vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2012. № 2 (45). S. 100-103.
14. Omelin V.N., Gabzalilov V.F. Problemy pravovogo regulirovaniya operativno-razysknogo meropriyatiya «obsledovaniye pomeshcheniy, zdaniy, sooruzheniy, uchastkov mestnosti i transportnykh sredstv» // Aktual'nyye problemy prava i gosudarstva v XXI veke. 2017. T. 9. № 5. S. 16-21.
15. Katkov S.V., Semenenko G.M., Kostenko N.S., Alekseyeva A.P. O merakh sovershenstvovaniya organizatsii raboty operativnykh i sledstvennykh podrazdeleniy MVD Rossii po vyyavleniyu, raskrytiyu i rassledovaniyu khishcheniy denezhnykh sredstv s ispol'zovaniyem bankovskikh kart na territorii Rossiyskoy Federatsii // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2020. № 4 (55). S. 123-128.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© **Бакланов Л.А., Руис Х.В.У., 2024.**

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Бакланов Л.А., Руис Х.В.У. Анализ правового регулирования розыска скрывшихся лиц в Республике Никарагуа и Российской Федерации // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 2 (76). С. 51-58.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Наталья Алексеевна СОЛОВЬЕВА,

кандидат юридических наук, доцент, ORCID 0000-0002-9698-0845
Волгоградский государственный университет (г. Волгоград)
заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики
solovieva_na@volsu.ru, natalisoul13@mail.ru

УДК 343.148

РЕАЛИЗАЦИЯ ОБЩИХ УСЛОВИЙ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Эксперт, общие условия судебного разбирательства, непосредственность, устность, гласность, свобода оценки доказательств, экспертная инициатива.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В статье рассматриваются современные проблемы реализации общих условий судебного разбирательства в экспертной деятельности. В рамках проведенного автором исследования было осуществлено научно-практическое переосмысление экспертной деятельности сквозь призму общих условий судебного разбирательства, а также соотношения экспертной инициативы и необходимости соблюдения основополагающих правил судебного производства. Корреляция общих условий судебного разбирательства с особенностями экспертной деятельности на данной стадии уголовного процесса позволила сделать выводы о тактике участия эксперта в суде, а также объеме исследования того или иного доказательства. Вопросы сужения или превышения объема и пределов экспертного исследования всегда являлись предметом острых дискуссий, и в данной статье нашли свое отражение, поскольку не перестают быть актуальными, по-прежнему востребованными остаются ответы на них. **Методы.** В ходе проведенного автором статьи исследования использовались диалектические и общенаучные методы познания: наблюдение, описание, теоретическое осмысление материала, системная интерпретация. Из частнонаучных методов изучения предмета научного поиска были применены формально-юридический метод и методы индукции и дедукции. **Результаты.** Экспертиза в суде характеризуется рядом своеобразных черт, отличающих ее от экспертизы на предварительном следствии. Она содержит в себе элементы и повторных исследований, и дополнительных, и самостоятельных, при этом осуществляется в рамках процессуальных правил, основанных на принципах непосредственности, гласности, состязательности уголовного процесса. Для того чтобы эксперт мог успешно выполнять свои обязанности в суде и содействовать деятельности последнего, он должен уметь правильно разбираться в том, относится ли к его компетенции задание, даваемое ему судом. Вместе с тем суду необходимо с особой тщательностью подходить к определению экспертного задания. Инициатива, проявляемая и реализуемая экспертом, не должна выходить за рамки его специальных знаний. По мнению автора, институт экспертной инициативы и процессуальную самостоятельность эксперта целесообразно рассматривать в качестве объектов перспективных научных исследований.

ВВЕДЕНИЕ

Раскрытие и расследование преступлений, осуществление правосудия по уголовным делам, а также создание действенного правового механизма обеспечения, соблюдения и защиты прав и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, являются сложными задачами. Для их решения активно ис-

пользуются результаты экспертных исследований [1, с. 10]. Эксперт, обладающий специальными знаниями, призван помогать судебным и следственным работникам в процессе доказывания.

Несмотря на достаточную разработанность отдельных вопросов участия эксперта в уголовном судопроизводстве, следует признать, что деятельность данного участника уголовного процесса в

Natalya A. SOLOVYEVA,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, ORCID 0000-0002-9698-0845

Volgograd State University (Volgograd, Russia)

Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics

solovieva_na@volsu.ru, natalisoul13@mail.ru

IMPLEMENTATION OF THE GENERAL TERMS OF THE TRIAL IN EXPERT ACTIVITY

KEYWORDS. Expert, general conditions of the trial, immediacy, verbatim, publicity, free evaluation of evidence, expert initiative.

ANNOTATION. Introduction. The article considers modern problems of implementation of general conditions of judicial proceedings in expert activity. Within the framework of the study conducted by the author, a scientific and practical rethinking of expert activity was carried out through the prism of general conditions of judicial proceedings, as well as the relationship between expert initiative and the need to comply with the fundamental rules of judicial proceedings. Correlation of general conditions of judicial proceedings with the peculiarities of expert activity at this stage of criminal proceedings allowed us to draw conclusions about the tactics of expert participation in court, as well as the scope of study of a particular piece of evidence. The issues of narrowing or exceeding the scope and limits of expert research have always been the subject of heated discussions, and are reflected in this article, since they do not cease to be relevant, and the answers to them are still in demand. **Methods.** In the course of the study conducted by the author of the article, dialectical and general scientific methods of cognition were used: observation, description, theoretical understanding of the material, systemic interpretation. Of the specific scientific methods of studying the subject of scientific research, the formal-legal method and the methods of induction and deduction were used. **Results.** An expert examination in court is characterized by a number of unique features that distinguish it from an expert examination during a preliminary investigation. It contains elements of repeated, additional, and independent studies, while it is carried out within the framework of procedural rules based on the principles of immediacy, publicity, and competitiveness of criminal proceedings. In order for an expert to successfully perform his duties in court and facilitate the activities of the latter, he must be able to correctly understand whether the task given to him by the court falls within his competence. At the same time, the court must be especially careful in determining the expert task. The initiative shown and implemented by the expert should not go beyond the scope of his special knowledge. According to the author, the institution of expert initiative and the procedural independence of the expert should be considered as objects of promising scientific research.

суде по-прежнему нуждается в глубоком изучении. Довольно часто ошибочно считается, что всю экспертную деятельность можно свести к даче экспертом заключения на стадии предварительного следствия и, соответственно, лишь к подтверждению либо опровержению содержащихся в заключении выводов в ходе судебного разбирательства. Вместе с тем отметим, что обстановка судебного заседания вызывает у экспертов большие трудности при выполнении экспертных обязанностей, и это дает основания говорить о необходимости подробного рассмотрения особенностей его участия в судебном разбирательстве.

Идея соотносить экспертную деятельность с общими условиями судебного разбирательства обусловлена тем, что именно эти условия являются фундаментом деятельности эксперта в судебном заседании. Первоначально нами задумывалось рассмотрение особенностей экспертной деятельности через призму принципов уголовного процесса, но, к сожалению, реализация такого подхода оказалась невозможной, так как выявилось смешение некоторых принципов и общих условий уголовного процесса. Например, такое условие судебного разбирательства, как непосредственность, имеющее огромное значение для деятельности эксперта, вполне могло бы претендовать на роль принципа, а, в свою очередь, принцип свободной оценки доказательств – на роль общего условия судебного разбирательства. Но, несмотря на некоторую неоднозначность отнесения глас-

ности, устности, непосредственности, свободной оценки доказательств к числу принципов или к числу общих условий уголовного процесса, всё это – основополагающие правила, от соблюдения которых напрямую зависят особенности экспертной деятельности в суде.

Общий механизм оценки заключения эксперта в суде включает в себя взаимодействие нескольких систем (групп) критериев: процессуальной, криминалистической, логической, психологической [2, с. 26]. Ученые выделяют и иные критерии оценки заключения эксперта, такие как юридический и научно-фактический, а также методический и тактический, что, как представляется, может быть предметом отдельного исследования. В рамках же проводимого нами следует говорить об использовании содержательно-познавательного подхода, включающего в себя процессуальный и тактический компоненты.

Очевидно, что итоговая оценка заключения эксперта и, соответственно, принятие решения о возможности использования его в качестве доказательства осуществляется судом [3, с. 389]. Поэтому так важно определить особенности экспертной деятельности в суде, ведь ее результаты влияют на формирование доказательственной базы.

МЕТОДЫ

Как известно, конечная задача участия эксперта в судебном разбирательстве остается той же, что и на предварительном следствии: дать заключение по вопросам, требующим специальных

знаний в науке, технике, ремесле. Иными тут оказываются только процессуальные условия деятельности: открытое судебное заседание, присутствие публики и – что весьма немаловажно – почти всегда уже имеющееся по делу суждение эксперта, данное в ходе предварительного следствия. Естественно, что все эти обстоятельства могут создавать для эксперта затруднения в выборе линии поведения на суде, а также в осуществлении исследований.

Пути решения возникающих при этом коллизий следует искать в общих условиях, положенных в основу судебного разбирательства. Именно они являются тем компасом, по которому эксперт должен ориентировать свою деятельность в суде. Использование методов индукции и дедукции позволяет выделить специфические черты экспертной деятельности. С одной стороны – общие условия, характеризующие специфику стадии судебного разбирательства, с другой – экспертная деятельность, которая должна им соответствовать. Такая корреляция позволяет найти те точки пересечения, которые и позволят определить особенности экспертной деятельности на рассматриваемой стадии уголовного процесса.

В самом деле, такие весьма сложные, затрудняющие работу эксперта проблемы, как пределы и объем экспертного исследования, характер ответа на пресловутый вопрос, подтверждает ли эксперт заключение, данное на предварительном следствии, разрешение заданий, связанных с оценкой тех или и иных обстоятельств по делу, становятся ясными и простыми, если подходить к их решению, руководствуясь основными процессуальными правилами судебного разбирательства, каковыми являются гласность, устность, непосредственность, состязательность, и принципом свободной оценки доказательств. Соблюдение этих основополагающих условий обязательно для всех участников судебной стадии уголовного процесса, начиная от председательствующего и заканчивая секретарем. Эти условия организуют деятельность суда, придают ей определенную направленность и смысл, в рамках которых должно осуществляться применение статей закона о порядке судебного разбирательства. На основе этих же норм должна осуществляться и деятельность экспертов.

Метод системной интерпретации позволяет осуществить теоретическое осмысление вопроса об экспертной деятельности в судебном разбирательстве комплексно и всесторонне, с пониманием того, что в таком вопросе части не всегда равны целому, если их рассматривать самостоятельно. Благодаря системной интерпретации можно определиться с целями судебного разбирательства, которые, в свою очередь, отражаются на особенностях экспертной деятельности в суде.

Реализация общих условий судебного разбирательства обеспечивает достижение двух основных его целей: правильного разрешения дела по существу и воспитания граждан в духе закона. Именно этим целям прежде всего служит непосредственность судебного разбирательства, состоящая в том, что суд выносит свое решение о вине и наказании подсудимого исключительно на основании дока-

зательств, рассмотренных и проверенных в судебном заседании (ст. 240 УПК РФ). С одной стороны, это дает возможность судьям самим воспринимать все доказательства, сопоставлять их, проверять и анализировать. С другой стороны, все граждане, присутствующие в суде, как бы получают доступ к тем материалам, на основании которых выносятся приговор. Они могут наблюдать, как суд работает с доказательствами, составлять свое суждение по отдельным обстоятельствам дела и о деятельности суда в целом. Этим и достигается воспитательный эффект судебных процессов. Здесь особенно ярко выступает неразрывная связь непосредственности с принципом гласности судебного разбирательства, ибо смысл последнего заключается не в простом присутствии граждан в судебном заседании, а в активном восприятии ими всех материалов судебного следствия. Всякое нарушение принципа непосредственности неизбежно означает ограничение гласности, равно как и препятствует состязанию сторон по какому-либо обстоятельству, почему-то выпавшему из орбиты непосредственного судебного рассмотрения. Именно поэтому принцип непосредственности представляется краеугольным камнем всей организации судебного разбирательства. Таким он должен быть и для эксперта при разрешении неясных для него ситуаций и выборе линии поведения на суде, при определении подхода к исследованию тех или иных вопросов.

Например, очень часто эксперту, присутствующему в суде, задают вопрос: подтверждает ли он заключение, данное им по материалам рассматриваемого дела на предварительном следствии? И также часто эксперт отвечает: да, подтверждаю, не приводя в обоснование такого ответа результатов никаких исследований и аргументируя его обычно тем, что обстоятельства дела остались прежними и в судебном заседании ничего нового, что могло бы изменить мнение эксперта, не добыто.

Казалось бы, такая позиция эксперта в данной ситуации резонна. Но вывод в подобной форме не отвечает требованиям принципа непосредственности. Во-первых, для судей остается не воспринятым процесс рассуждения и аргументации эксперта, положенный в основу выводов. Во-вторых, присутствующие в суде граждане остаются фактически в неведении относительно такого важного доказательства, каким является заключение эксперта; в цепи демонстрируемых перед ними доказательств образуется пробел. В-третьих, стороны лишаются возможности выяснить, каждая под своим углом зрения, отдельные обстоятельства экспертного исследования и потому не реализуют свои права, предоставленные законом, не облегчают суду задачу всестороннего анализа заключения. Последнее обстоятельство, в свою очередь, наносит ущерб принципу свободной оценки доказательств: лаконичный ответ эксперта на вопрос о том, подтверждает ли он заключение, данное на предварительном следствии, затрудняет суду анализ и оценку этого заключения, отдаляет от прямых путей установления обстоятельств по делу.

Следовательно, благодаря формально-логическому методу, исходя из вышеприведенных

рассуждений, можно констатировать, что единственно правильной и процессуально обоснованной тактикой поведения эксперта при ответе на вопрос о том, подтверждает ли он заключение, данное им по материалам рассматриваемого дела на предварительном следствии, должно быть возвращенное исследование по соответствующим материалам, и только как результат этого – суждение о подтверждении или отрицании раннее данного заключения. Такая тактика диктуется общими условиями судебного разбирательства.

В научной литературе описан случай, когда специалист установил важный негативный признак, указывающий на отсутствие повреждения у пострадавшего в проверяемый период времени, который ранее не был обнаружен экспертом, и суд, несмотря на протест прокурора, приобщил заключение специалиста к материалам дела, но не придавал ему должного значения, даже не вызвав эксперта для дачи пояснений, так как «специалист не был ознакомлен со всеми материалами дела» и не предупреждался об уголовной ответственности. Самого специалиста также не вызвали в суд для допроса и устранения возникших сомнений в его осведомленности и независимости [4, с. 41].

Вышеописанные обстоятельства позволяют говорить о явном ограничении процессуальной возможности стороны защиты по собиранию доказательственной информации в уголовном состязательном процессе и необходимости правовой регламентации порядка предоставления заключения специалиста стороной защиты [5, с. 77].

Практическое развитие (и одновременное продвижение большей юридической значимости) института участия специалиста в уголовном процессе как непосредственно, так и отдельно через письменное заключение отвечает не только современным принципам совершенствования реализации конституционных гарантий на правосудие, доступ к суду и получение профессиональной юридической помощи, но и положениям о праве на справедливое судебное разбирательство.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Если суд, кроме вопроса о подтверждении прежних выводов, других вопросов не предлагает, эксперт должен обратиться к заданию, поставленному перед экспертизой на предварительном следствии: проанализировать его и дать оценку. В тех же случаях, когда за этим – основным для суда – вопросом ставятся и другие, касающиеся обстоятельств, исследованных на стадии предварительного следствия, целесообразно разрешать сначала их, а затем отвечать на основной вопрос.

Такая тактика поведения эксперта при разрешении им вопроса о подтверждении (или неподтверждении) раннее данного заключения представляется правильной.

При этом эксперту не следует опасаться того, что, развертывая перед судом уже однажды проведенное исследование и вынося по нему свое суждение, он берет на себя определенные оценочные функции. Так, например, эксперт может отказаться от ответа на вопрос о том, подтверждает ли он заключение, мотивируя это тем, что решение о подтверждении выводов связано с оценкой дока-

зательств и не относится к компетенции той или иной экспертизы. Между тем принципы гласности и свободной оценки доказательств, лежащие в основе судебного разбирательства, не оставляют сомнения в том, что экспертиза в суде одной из своих целей должна иметь оценку раннее проведенного исследования.

В самом деле, как суд и присутствующие в суде граждане могут разобраться в экспертизе, проведенной на предварительном следствии, если для этого надо проверять расчеты, специфические методы исследования, эксперименты, научную аргументацию? Кто может помочь им во всем этом разобраться, как не эксперт?

Не нужно считать, что в подобных случаях экспертная оценка заключения подменяет судебную. В процессе работы с таким доказательством, как заключение эксперта, у суда могут возникнуть затруднения, требующие для их разрешения специальных знаний: для объяснения примененных методов, процесса исследования, терминологии и т.д. Все это типичные случаи, и предоставление таких объяснений отнюдь не равнозначно судебной оценке доказательств.

То обстоятельство, что экспертиза в суде часто проводится по тем же вопросам, по которым эксперты работали и в период предварительного следствия, а иногда и на тех же материалах, наводит на мысль о том, не является ли она повторной. Однако условия проведения повторной экспертизы, регламентированные ст. 207 УПК РФ, не имеют места при экспертизе в суде: последняя назначается не по мотивам необоснованности или сомнений в правильности выводов раннее проведенного исследования.

В то же время принципы непосредственности, состязательности, гласности и свободной оценки доказательств, соблюдение которых необходимо в целях правильного разрешения дела, требуют повторения исследований с тем же оценочным элементом, что и повторная экспертиза. Следовательно, основания назначения этих экспертиз – повторной и в суде – различны, а содержание имеет много общего, хотя экспертиза в суде часто и не сводится к разрешению только тех же самых вопросов, одновременно с ними могут возникать и новые, появляться новые материалы, требующие дополнительных исследований.

Нельзя обойти молчанием и значение помощи, какую оказывает эксперт суду, присутствуя на судебном следствии. Его заключение часто является не только простым доказательством по делу, не только содержит в себе элементы консультации по оценке того или иного факта, но нередко нацеливает суд на проверку тех или иных обстоятельств, как бы подсказывая, что именно в процессе рассмотрения данного дела еще следует установить.

Для того чтобы эксперт мог успешно выполнять свои обязанности в суде и содействовать его деятельности в духе принципов непосредственности и гласности, он должен уметь правильно разбираться в относимости (неотнесимости) к его компетенции задания, даваемого судом. Казалось бы, вопрос этот не должен затруднять экспертов, поскольку в ст. 57 УПК РФ имеется прямое указа-

ние на то, что эксперт вправе давать заключение в пределах своей компетенции, в том числе по вопросам, хотя и не сформулированным в постановлении о назначении судебной экспертизы, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования. Знакомство с заключениями, однако, показывает, что в этом отношении у экспертов не всё благополучно: затруднения встречаются, и они нередко вызывают ошибки в определении относимости или неотносимости задания к компетенции данного эксперта.

Объект и объем экспертного исследования определяется вопросами, содержащимися в процессуальном документе о назначении экспертизы. Впрочем, в некоторых случаях судьи то ли из-за незнания возможностей экспертиз, то ли из-за невнимательности, проявленной при осмотре документов, направляемых на экспертизу, ставят не все вопросы, решение которых имеет большое значение для установления картины происшедшего.

Принцип непосредственности судебного разбирательства многократно становился объектом рассмотрения ученых-процессуалистов [6, с. 107]. При этом его исследование всегда носило не только теоретический, но и прикладной характер, поскольку независимо от того, где закреплены нормы о непосредственности судебного разбирательства, они успешно применялись и применяются на практике. Интерес к изучению этого принципа активизировался в условиях пандемии COVID-19, поскольку суды вынуждены были приспособлять свою деятельность к изменившимся условиям. Соответственно, потребовалась корректировка подходов к его содержанию и механизму реализации [7, с. 35; 8, с. 57; 9, с. 45].

ОБСУЖДЕНИЕ

Практика показывает, что большое значение имеет инициатива эксперта. Согласно ст. 57 УПК РФ эксперт имеет право расширять рамки исследования в случаях, когда при производстве экспертизы им будут обнаружены обстоятельства, по поводу которых не были поставлены вопросы, но они важны для расследования. Классическое определение было дано Р.С. Белкиным: «Экспертная инициатива – установление экспертом по собственному усмотрению фактов и обстоятельств, не предусмотренных экспертным заданием, но имеющих значение для дела... Обстоятельства, инициативно устанавливаемые экспертом, излагаются в заключении наряду с выводами эксперта»¹. Крупнейший русский криминалист Е.Ф. Буринский отводил инициативе ключевую роль в работе эксперта² и в своей практической деятельности часто выходил из круга вопросов, поставленных судом. Он первым из русских криминалистов

обосновал необходимость расширения экспертом объема исследования. Отечественные процессуалисты М.В. Духовский [10], Л.Е. Владимиров [11], И.Я. Фойницкий [12] также позитивно оценивали осуществление такого расширения.

В юридической литературе в основном давались рекомендации об обязанности эксперта сообщать следователю о новых фактах, прежде чем отражать их в заключении. Так, М.А. Чельцов и Н.В. Чельцова выступали за то, что эксперт в случаях выявления им новых обстоятельств, важных для следствия, обязан сообщить об этом следователю, чтобы тот был в курсе исследований и в случае необходимости мог поставить дополнительные вопросы [13]. Такой порядок, по их мнению, помогает следователю в расследовании преступления, выдвигании новых версий, привлечении новых обвиняемых, или, наоборот, исключении одних обвиняемых и привлечении других и т.п. Они, таким образом, не рассматривают инициативу эксперта как самостоятельный институт, а связывают ее с разрешением следователя, что в некоторой мере ограничивает активность эксперта и затягивает сроки проведения экспертизы, поскольку для получения такого разрешения требуется дополнительное время.

Взгляд на экспертную инициативу как особое, формально признанное, но не закрепленное в законе (в силу объективных причин, прежде всего отставания правового регулирования от нужд судебно-следственной практики) право эксперта претерпел многочисленные изменения – от признания [14, с. 35-36], отрицания³ до выработки «взвешенной позиции»⁴ и т.д.

Инициатива, проявляемая и реализуемая экспертом, не должна выходить за рамки его специальных знаний. Подобный подход, бесспорно, ограничивает инициативу лиц, привлекаемых в качестве экспертов, но способствует рациональному, разумному, целенаправленному использованию их знаний [15, с. 60]. Расширительное толкование экспертной инициативы происходит по причине нивелирования грани между экспертной инициативой как видом профессиональной деятельности эксперта и инициативой как видом мыслительной деятельности. Е.А. Зайцева полагает, что целесообразно законодательно закрепить экспертную инициативу посредством предоставления эксперту права с разрешения следователя и суда переформулировать поставленные вопросы. При этом дополнительные вопросы, формулируемые по инициативе эксперта, не должны выходить за пределы его специальных знаний⁵.

Ошибки, допускаемые при проявлении экспертом инициативы, заключаются либо в отказе

¹ Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Мегатрон-XXI, 2000. С. 42.

² Буринский Е.Ф. Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею: Пособие для гг. судей, судеб. следователей, лиц прокурор. надзора, поверенных, защитников, судеб. врачей и граф. экспертов. СПб: тип. Спб. т-вапеч. и изд. дела «Труд», 1903. VI [2]. 352 с.

³ См.: Шляхов А.Р. Процессуальные и организационные основы криминалистической экспертизы: Методическое пособие. М., 1972. С. 83.

⁴ См.: Кульчицкий С.М. Вопросы теории и практики экспертной инициативы при производстве криминалистических экспертиз: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1980. С. 10.

⁵ См.: Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2008. С. 8.

от исследования того или иного вопроса, требующего специальных знаний, под тем предлогом, что он не относится к компетенции эксперта, либо, напротив, в даче ответов на такие вопросы, которые действительно не относятся к ведению экспертизы вообще или данного эксперта в частности. Большая доля ошибок первого рода обуславливается тем, что некоторые эксперты неявно представляют себе, в какой мере они могут входить в оценку доказательств и чем экспертная оценка отличается от оценки, осуществляемой судом.

В отличие от суда эксперт оценивает те или иные данные по делу не как доказательства, а как специальные материалы и подходит к ним только с позиции своей науки. Судьи же, оценивая те же материалы, сопоставляют суждение эксперта о них со всеми другими доказательствами по делу, анализируют, насколько они согласуются с ними, учитывают, была ли соблюдена процессуальная форма при их получении, и выносят свое собственное суждение на основе внутреннего убеждения. И следует подчеркнуть, что внутреннее убеждение судьи качественно отличается от убеждения эксперта тем, что в основе его лежат не специальные исследования, произведенные по правилам науки, а исследование материалов дела в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом, на основании общечеловеческой логики и правосознания.

Для того чтобы не нарушать ст. 57 УПК РФ, эксперт, получив задание суда, должен определиться по следующим трем моментам: требует ли ответ на поставленный перед ним вопрос специальных знаний; относятся ли эти знания к области той науки, которую он представляет; конкретен ли данный вопрос, и возможно ли ответить на него, не входя в сферу судебной оценки доказательств. Лишь если во всех трех случаях эксперт говорит «да», он может быть уверен, что верно определил относимость того или иного вопроса к своей компетенции. Если же это не так, эксперт обязан отказаться от дачи заключения в порядке п. 6 ст. 57 УПК РФ и не опускаться до уровня просто рассуждающего обывателя. А это случается, например, и тогда, когда эксперт берет за разрешать вопросы в отношении ситуаций, которые возникли благодаря стечению совершенно случайных обстоятельств, и поэтому не охватываются никакими законами науки.

Можно предположить такую ситуацию. Эксперту задается вопрос: «Должна ли возникать деформация обливки передней части автобуса в результате удара ею находящегося в вертикальном положении человека?» Ответ: «Возникновение деформации обливки определяется сочетанием множества условий, в частности силы контакта, зависящей от скорости и массы взаимодействующих объектов, направления взаимодействия, площади контактирующих объектов, свойств объектов на участке контакта и других. При наезде автобуса на пешехода возможно такое сочетание условий, когда явление остаточной деформации не возникнет». В данном случае есть основания говорить о том, что вопрос сформулирован судом неконкретно, и эксперт, если считал

себя компетентным отвечать на него, должен был уточнить обстоятельства, при которых совершился наезд. Но даже тогда представляется сомнительной возможность квалифицированного ответа, поскольку все условия происшествия могут быть учтены судом в той или иной мере лишь при окончательной оценке всех доказательств по делу. Кроме того, известно, что в ситуациях, подобных описанному дорожному происшествию, так много случайностей, что проанализировать их совершенно невозможно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Такие общие условия судебного разбирательства, как гласность, устность и непосредственность (гл. 35 УПК РФ), являются работающими принципами российского права независимо от того, маркированы они законодателем в качестве принципов или нет. Полагаем, что законодателю следует исправить ранее допущенную технико-юридическую ошибку и закрепить нормы о гласности, устности и непосредственности судебного разбирательства в качестве принципов уголовно-процессуального права (в гл. 2 УПК РФ), а принцип свободной оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ) можно отнести к категории общих условий судебного разбирательства. Но независимо от законодательного обозначения этих правил их влияние на экспертную деятельность очевидно, им обуславливается наличие специфических черт, отличающих экспертизу в суде от экспертизы на предварительном следствии. Первая содержит в себе элементы и повторных исследований, и дополнительных, и самостоятельных, при этом она осуществляется в рамках процессуальных правил, основанных на принципах непосредственности, гласности, состязательности.

Все это позволяет определить экспертизу в суде как самостоятельный процессуальный институт, отличный от института экспертизы, проводимой на предварительном следствии. При единстве основной цели, которой является дача заключения по вопросам, требующим специальных знаний, эти экспертизы отличаются по объему стоящих перед ними задач и главным образом по процессуальной обстановке.

По нашему мнению, перспективным для дальнейшего исследования остается затронутая нами проблема экспертной инициативы. Полагаем, что, несмотря на отсутствие как в юридической литературе, так и на практике ясности по вопросам возможности и объемов проявления экспертом инициативы, следует исходить из процессуальной самостоятельности эксперта, особенно в тех случаях, когда дополнительное заключение объективно вытекает из всего хода проведенного экспертом исследования. Представляется целесообразным проанализировать институт экспертной инициативы в ретроспективном контексте, чтобы сформировать четкое представление о ней и, проанализировав различные аргументы за и против, выработать наиболее оптимальный путь решения проблемы.

Спорным является вопрос о том, может ли эксперт сузить объем задания, определенного при назначении экспертизы. Представляется, что су-

жение задания без ущерба для получаемой судом от эксперта информации допустимо в том случае, если в ходе исследования какого-либо материала интересующие суд данные устанавливаются при изучении не всего объекта, а только его части, вследствие чего эксперт может ограничиться от- ветом, имеющим отношение именно к ней.

Естественно, что требовать от суда точного определения объема исследования нельзя, по-

скольку это иногда бывает настолько трудно, что даже эксперт лишь в конце исследования обнаруживает новые данные, не упомянутые в документе о назначении экспертизы. Поэтому закон и уполномочивает эксперта расширять объем исследования, если при производстве экспертизы будут установлены обстоятельства, имеющие значение для дела, по поводу которых ему не были поставлены вопросы. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гришина Е.П. Ошибки экспертной инициативы // Эксперт-криминалист. 2012. № 2. С. 9-10.
2. Хорошева А.Е. Некоторые особенности оценки заключения эксперта в суде с участием присяжных заседателей // Российский следователь. 2020. № 2. С. 26-29.
3. Елагина Е.В. Отдельные вопросы судебной оценки заключения эксперта // Сибирское юридическое обозрение. 2022. № 4. С. 384-398.
4. Божченко А.П., Семенов С.Л., Никитин И.М., Назаров Ю.В. Проблемы реализации в уголовном процессе принципов равноправия и состязательности (на примере возможности предъявления стороной защиты заключения специалиста) // Судебная медицина. 2021. Т. 7. № 1. С. 41-47.
5. Верхотурова С.В., Соболевская С.И. О роли специалиста в уголовном процессе // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 1 (55). С. 71-80.
6. Курченко В.Н. Толкование принципа непосредственности судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2019. № 6. С. 104-110.
7. Илюхина В.А. Принцип непосредственности судебного разбирательства в российской правовой системе // Мировой судья. 2023. № 10. С. 33-37.
8. Григорьевский В.А. Обеспечение доказательств в его связи с принципом непосредственности судебного разбирательства // Законодательство. 2023. № 2. С. 52-58.
9. Пахомова О.А. Актуальные проблемы реализации принципа непосредственности судебного разбирательства в условиях информатизации гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 3. С. 44-46.
10. Духовский М.В. Русский уголовный процесс: Монография. М.: типография А.П. Поплавского, 1910. 448 с.
11. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Части: общая и особенная: Монография / 3-е изд., изм. и законч. СПб: Законоведение, 1910. 400 с.
12. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства / Соч. И.Я. Фойницкого. Т. 2. СПб, 1899. 608 с.
13. Чельцов М.А., Чельцова Н.В. Проведение экспертизы в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1954. 280 с.
14. Виницкий Л.В., Мельник С.Л. Экспертная инициатива в уголовном судопроизводстве. М.: Экзамен, 2009. 382 с.
15. Пинхасов Б.И. Инициатива эксперта при производстве судебной экспертизы // Вопросы криминалистики. 1964. № 12/27. С. 57-66.

REFERENCES

1. Grishina Ye.P. Oshibki ekspertnoy initsiativy // Ekspert-kriminalist. 2012. № 2. S. 9-10.
2. Khorosheva A.Ye. Nekotoryye osobennosti otsenki zaklyucheniya eksperta v sude s uchastiyem prisyazhnykh zasedateley // Rossiyskiy sledovatel'. 2020. № 2. S. 26-29.
3. Yelagina Ye.V. Otdel'nyye voprosy sudebnoy otsenki zaklyucheniya eksperta // Sibirskoye yuridicheskoye obozreniye. 2022. № 4. S. 384-398.
4. Bozhchenko A.P., Semenov S.L., Nikitin I.M., Nazarov Yu.V. Problemy realizatsii v ugovnom protsesse printsipov ravnopraviya i sostyazatel'nosti (na primere vozmozhnosti pred'yavleniya storonoy zashchity zaklyucheniya spetsialista) // Sudebnaya meditsina. 2021. T. 7. № 1. S. 41-47.
5. Verkhoturova S.V., Sobolevskaya S.I. O roli spetsialista v ugovnom protsesse // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. 2021. № 1 (55). S. 71-80.
6. Kurchenko V.N. Tolkovaniye printsipa neposredstvennosti sudebnogo razbiratel'stva v ugovnom sudoproizvodstve // Ugovnoye pravo. 2019. № 6. S. 104-110.
7. Ilyukhina V.A. Printsip neposredstvennosti sudebnogo razbiratel'stva v rossiyskoy pravovoy sisteme // Mirovoy sud'ya. 2023. № 10. S. 33-37.
8. Grigorevskiy V.A. Obespecheniye dokazatel'stv v yego svyazi s printsipom neposredstvennosti sudebnogo razbiratel'stva // Zakonodatel'stvo. 2023. № 2. S. 52-58.
9. Pakhomova O.A. Aktual'nyye problemy realizatsii printsipa neposredstvennosti sudebnogo razbiratel'stva v usloviyakh informatizatsii grazhdanskogo sudoproizvodstva // Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess. 2023. № 3. S. 44-46.
10. Dukhovskiy M.V. Russkiy ugovnyy protsess: Monografiya. M.: tip. A.P. Poplavskago, 1910. 448 s.

11. Vladimirov L.Ye. Ucheniye ob ugovolnykh dokazatel'stvakh. Chasti: obshchaya i osobennaya: Monografiya / 3-ye izd., izm. i zakonch. SPb: Zakonovedeniye, 1910. 400 s.
12. Foynitskiy I.Ya. Kurs ugovolnogo sudoproizvodstva / Soch. I.Ya. Foynitskogo. T. 2. SPb, 1899. 608 s.
13. Chel'tsov M.A., Chel'tsova N.V. Provedeniye ekspertizy v sovetskom ugovolnom protsesse. M.: Gosyurizdat, 1954. 280 s.
14. Vinitskiy L.V., Mel'nik S.L. Ekspertnaya initsiativa v ugovolnom sudoproizvodstve. M.: Ekzamen, 2009. 382 s.
15. Pinkhasov B.I. Initsiativa eksperta pri proizvodstve sudebnoy ekspertizy // Voprosy kriminalistiki. 1964. № 12/27. S. 57-66.

© Соловьева Н.А., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Соловьева Н.А. Реализация общих условий судебного разбирательства в экспертной деятельности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3 (77). С. 59-66.

Андрей Иванович ТАМБОВЦЕВ,

кандидат юридических наук, доцент, ORCID 0009-0004-9418-7060

Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург)

доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности в органах внутренних дел

bestcopat@mail.ru

Научная статья

УДК 351.745.7

ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ТОЛКОВАНИЯ ТЕРМИНА «ДОКУМЕНТЫ ПРИКРЫТИЯ» В ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Оперативно-разыскная деятельность, негласность, конспирация, документы прикрытия, легенда, легендирование, зашифровывание личности, зашифровывание ведомственной принадлежности.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* При осуществлении оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) сотрудники оперативных подразделений и их конфиденнты вынуждены сохранять в тайне информацию о негласных силах, средствах и методах ОРД. С одной стороны, это обеспечивается соблюдением обязательных требований и запретов, называемых «режимом секретности». С другой стороны, негласность обеспечивается соблюдением конспирации – особых правил поведения участников ОРД. Одним из действенных средств конспирации являются документы, зашифровывающие личности должностных лиц, ведомственную принадлежность предприятий, учреждений, организаций, подразделений, помещений и транспортных средств органов, осуществляющих ОРД, а также личности граждан, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе. В профессиональной среде такие документы называются документами прикрытия. Являясь вспомогательным негласно-конспиративным средством, документы прикрытия крайне сжато регламентированы в Федеральном законе «Об оперативно-разыскной деятельности» и законах о специальных службах, что порождает коллизии в толковании сущности, содержания и видов рассматриваемого негласно-конспиративного инструментария. В рамках проводимого автором статьи исследования частной теории негласности в ОРД анализируются современные воззрения законодателя и правоведов на перечисленные аспекты. **Методы.** При проведении исследования применялись диалектический и формально-логический общенаучные методы, а также сравнительно-правовой метод и метод контент-анализа нормативных правовых актов. Автором осуществлен сравнительный и содержательный анализ положений ряда федеральных законов, регламентирующих сферу ОРД, а также проанализированы научные воззрения современных исследователей теории ОРД на рассматриваемую проблематику. **Результаты.** В ходе исследования положений Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» и законов о деятельности спецслужб автором статьи были выявлены противоречия норм, касающихся использования документов прикрытия. Констатируется недостаточность и неопределенность правовой регламентации видов документов прикрытия, целей и направлений их использования. Представлены собственные взгляды автора на пути и способы оптимизации нормативной правовой регламентации данного аспекта осуществления ОРД.

ВВЕДЕНИЕ

Оперативно-разыскная деятельность (далее – ОРД) на протяжении практически всей своей многовековой истории сопряжена с правомерным и социально обусловленным сокрытием ее многочисленных тайн, во-первых, от представителей противоборствующей стороны, занимающихся преступной деятельностью, и их прямых или косвенных пособников, а во-вторых, от представителей широкой общественности, способных своим праздным любопытством, проявляемым интересом и «ненужными» действиями раскрыть негласно-конспиративные силы, сред-

ства и методы ОРД и тем самым осложнить или вообще сорвать решение задач по борьбе с преступностью, обеспечению общественной безопасности и охране правопорядка.

Ранее и сама ОРД, и в особенности различные аспекты обеспечения защиты ее секретов регламентировались исключительно «закрытыми» внутриведомственными нормативными правовыми актами. Однако вступление в силу закона Российской Федерации от 13 марта 1992 г. № 2506-1 «Об оперативно-разыскной деятельности в Российской Федерации», а затем сменившего его Федерально-го закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об опе-

Andrei I. TAMBOVTSEV,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, ORCID 0009-0004-9418-7060

Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia (Saint-Petersburg, Russia)

Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities in the Internal Affairs Bodies
bestcopat@mail.ru

PROBLEMS AND FEATURES OF INTERPRETATION OF THE TERM «COVER DOCUMENTS» IN OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES

KEYWORDS. Operational investigative activity, secrecy, conspiracy, cover documents, legend, legend-making, encryption of identity, encryption of departmental affiliation.

ANNOTATION. Introduction. When carrying out operational investigative activities (hereinafter referred to as OIA), employees of operational units and their confidants are forced to keep information about covert forces, means and methods of OIA secret. On the one hand, this is ensured by compliance with mandatory requirements and prohibitions, called the «secrecy regime». On the other hand, secrecy is ensured by observing conspiracy - special rules of conduct for OIA participants. One of the effective means of conspiracy are documents that encrypt the identities of officials, departmental affiliation of enterprises, institutions, organizations, units, premises and vehicles of bodies carrying out OIA, as well as the identities of citizens assisting them on a confidential basis. In the professional environment, such documents are called cover documents. Being an auxiliary covert-conspiratorial tool, cover documents are extremely sparingly regulated in the Federal Law «On Operational Investigative Activities» and laws on special services, which gives rise to collisions in the interpretation of the essence, content and types of the considered covert-conspiratorial toolkit. As part of the study of a private theory of secrecy in operational-investigative activities conducted by the author of the article, modern views of the legislator and legal scholars on the listed aspects are analyzed. **Methods.** The study used dialectical and formal-logical general scientific methods, as well as the comparative legal method and the method of content analysis of regulatory legal acts. The author carried out a comparative and substantive analysis of the provisions of a number of federal laws regulating the sphere of operational-investigative activities, and also analyzed the scientific views of modern researchers of the operational-investigative activities theory on the issue under consideration. **Results.** In the course of the study of the provisions of the Federal Law «On Operational Investigative Activities» and laws on the activities of special services, the author of the article identified contradictions in the norms regarding the use of cover documents. The insufficiency and uncertainty of legal regulation of types of cover documents, purposes and directions of their use are stated. The author's own views on the ways and means of optimizing the normative legal regulation of this aspect of the implementation of operational investigative activities are presented.

ративно-розыскной деятельности» (далее – закон об ОРД) и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» (далее – закон о Государственной тайне) придало всему, что имеет отношение к ОРД, отчасти «открытый» легитимный характер. Впрочем, это обстоятельство и не устранило имевшихся правовых проблем, связанных с осуществлением ОРД, и не упразднило регламентацию ее организационно-тактических аспектов внутриведомственными наставлениями и инструкциями, имеющими ограниченное распространение.

В практике ОРД сокрытие ее тайн как прикладной процесс обеспечения необходимого уровня негласности реализуется двумя самостоятельными, но при этом активно взаимодействующими и дополняющими друг друга способами (методами) – соблюдением режима секретности и соблюдением конспирации, с чем безапелляционно соглашается абсолютное большинство исследователей [1, 2, 3, 4, 5]. При этом режим секретности определяется нормами вышеупомянутого закона о Государственной тайне, имплементированными в совершенно конкретные регламенты – перечни обязательных к исполнению должностными лицами соответствующих правоохранительных и не только субъектов (исполнителями или пользователями) требований, предписаний и запретов. Негласно-конспиративный же инструментарий, хотя и обеспечивает сохранение ведомственных и государственных тайн в процессе непосред-

ственного осуществления ОРД, предписанное законом о Государственной тайне, содержательно и функционально определяется совокупностью норм закона об ОРД и коррелирующими с ними положениями «смежных» нормативных правовых актов: Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности», Федерального закона от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке», Федерального закона от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране», – регламентирующих деятельность соответствующих правоохранительных структур.

В то же время представляется непонятной и нелогичной позиция российского законодателя, который декларировал в законе об ОРД (п. 4 ст. 15) право на использование «документов прикрытия», тем самым распространяя его на всех без исключения субъектов ОРД, но при этом в отличие от «специальных» законов о ФСБ, о внешней разведке, о государственной охране, в аналогичные «специальные» законы, регламентирующие деятельность таможенных органов и Федеральной службы исполнения наказаний, указанное право не включил. Аналогичным пороком также «страдал» и закон Российской Федерации от 24 июня 1993 г. № 5238-1 «О федеральных органах налоговой полиции», регламентировавший ранее деятельность еще одного субъекта ОРД – органов налоговой полиции, утративший силу в 2003 году в виду упразднения самого этого субъекта. И хотя мы всецело солидарны с профессором В.А. Гусе-

вым во мнении о том, что дублирование норм в федеральных законах одинаковой юридической силы нецелесообразно [6, с. 55], в данном случае считаем, что законодателем должен быть все-таки реализован единый формат нормотворчества в рамках аналогичных по своей структуре и содержанию «специальных» законов.

Следует отметить, что полное сокрытие оперативно-разыскной информации (в самом широком понимании этого термина) зачастую представляется трудновыполнимой или вообще невыполнимой задачей в силу самых различных причин объективного и субъективного свойства. Поэтому наиболее действенным и рациональным представляется не сокрытие планов, фактов, обстоятельств и результатов применения (использования) оперативно-разыскных сил, средств и методов, а придание им иной, то есть не оперативно-разыскной и не правоохранительной «окраски» – видимости стороннего, не имеющего к ОРД никакого отношения явления. Этот процесс в профессиональной и юридической среде обозначается такими терминами, как «легендирование» и «зашифровка». К негласно-конспиративному инструментарию, способствующему решению данной вспомогательной задачи ОРД, ч. 4 ст. 15 закона об ОРД «Права органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность» относит, помимо прочего, «документы, зашифровывающие личность должностных лиц, ведомственную принадлежность предприятий, учреждений, организаций, подразделений и транспортных средств органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, а также личность граждан, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе».

В оперативно-разыскной среде такие документы называются документами прикрытия. Однако виды и особенности их использования закон об ОРД прямо не раскрывает, оставляя это на усмотрение ведомственных нормотворцев. Отдельные попытки исследовать данный вид оперативно-разыскного инструментария в «открытой» научной юридической печати предпринимались и ранее, но не привели к окончательному разрешению вопросов толкования и правоприменения упомянутой нормы закона об ОРД и «смежных» законов о спецслужбах. Сказанное позволяет в рамках проводимого нами исследования частной теории негласности в оперативно-разыскной деятельности еще раз обратиться к вопросу о содержании понятия «документы прикрытия» и к рассмотрению видов таких документов.

МЕТОДЫ

Для объективного исследования теоретических и практических вопросов содержания понятия «документы прикрытия» были использованы общенаучный диалектический метод познания окружающей действительности, а также методы формальной логики, содержательного и сравнительного правового анализа нормативных правовых актов, что позволило выявить, подтвердить и сформулировать важнейшие, по нашему убеждению, проблемы теоретического осмысления социально-правового института документов прикрытия и предложить аутентичные воззрения

о содержании и видах таких документов в ОРД, а также о некоторых прикладных аспектах их применения. В процессе исследования были выявлены несогласованные и противоречивые положения ряда статей нормативных актов, порождающие коллизионность их юридической интерпретации и последующей реализации на практике. Это позволяет нам констатировать недостаточность правовой регламентации использования субъектами и участниками ОРД документов прикрытия и необходимость скорейшей оптимизации системы нормативной регламентации использования «документов, зашифровывающих личность должностных лиц, ведомственную принадлежность предприятий, учреждений, организаций, подразделений, помещений и транспортных средств органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, а также личность граждан, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе».

РЕЗУЛЬТАТЫ

Нашими предшественниками, изучавшими разнообразные аспекты использования документов прикрытия, практически единодушно и вполне объективно отмечается прагматичность и прикладной характер вышеупомянутой нормы закона об ОРД, предоставляющей ее субъектам право на использование таких документов для обеспечения достоверности легенд, «прикрытия» оперативных сотрудников, зданий, объектов, транспортных средств, имеющих оперативное предназначение, конфиденциальности в целом [7, 8, 9, 10, 11]. При этом федеральное законодательство и правоведы оперируют процитированной выше достаточно длинной, сложной, но при этом предельно обобщенной дефиницией рассматриваемого нами негласно-конспиративного инструментария ОРД, априори предполагая ее «понятность» для непосредственного правоприменителя (теоретика и практика).

В то же время и разработанные исследователями научные позиции, и действующие правовые нормы ряда федеральных законов содержат близкие по значению термины и терминологические конструкции, вносящие диссонанс в профессиональный оперативно-разыскной глоссарий. Таковыми являются:

- «документы, зашифровывающие личность должностных лиц, ведомственную принадлежность предприятий, учреждений, организаций, подразделений, помещений и транспортных средств органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, а также личность граждан, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе» или так называемые «документы прикрытия» – термины, фигурирующие в вышеуказанных законах;

- «документы», «документы, удостоверяющие личность», «иные документы с измененными анкетными данными», «замена документов» – термины, встречающиеся в нормах Федерального закона от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (далее – закон о защите судей) и Федерального

закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (далее – закон о защите свидетелей);

- «выдача новых документов» – термин, находящий себе место в научных рассуждениях некоторых авторов печатных трудов, исследовавших проблематику возмездности конфиденциального содействия оперативным подразделениям и допускающих возможность выдачи новых документов конфиденгенту как один из вариантов «немонетарной оплаты оказанного им содействия».

Прежде всего, считаем обязательным разграничить принципиально разное содержание, вкладываемое законом об ОРД в понятие «документы прикрытия» и законами о защите судей и о защите свидетелей в понятие «документы с измененными анкетными данными», являющееся составной частью понятия «замена документов».

В соответствии с положениями закона об ОРД документы прикрытия – это разновидность оперативно-разыскных средств, а их использование есть решение вспомогательной оперативно-разыскной задачи, заключающейся в обеспечении конспирации (и негласности в более общем смысле). Суть использования таких документов – введение в заблуждение определенных людей или части социума относительно реальных персональных данных лиц, социальных объектов и транспортных средств, их принадлежности к оперативным подразделениям и действительного предназначения. То есть документы прикрытия отражают некоторые вымышленные (или измененные) персональные данные или факты. Эта мера конспирации является временной (хотя и может быть весьма продолжительной) и применяется ситуативно по месту и времени и избирательно в отношении конкретных лиц (реципиентов информации). В остальное же («нерабочее») время носители / владельцы документов прикрытия могут жить и взаимодействовать с социумом, не скрывая своих реальных персональных данных.

В соответствии же с положениями законов о защите судей и о защите свидетелей «замена документов» является одной из многочисленных мер безопасности, применяемых в отношении лиц, подлежащих охране. Заключается она в официальном (хотя и негласном) изменении анкетных данных защищаемых лиц и последующей замене имеющихся у них документов со старыми анкетными данными на документы с новыми данными. То есть документы с измененными анкетными данными отражают не вымышленные на время, а реальные, измененные ранее, персональные данные лиц, подлежащих защите. Эта мера безопасности предполагает использование новых персональных данных защищаемым лицом во всех сферах его дальнейшей жизни на всем ее протяжении вплоть до устранения (исчезновения) угрозы. То есть не исключается вероятность «бесконечного» действия этой меры безопасности.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают упомянутые научные взгляды на «замену до-

кументов» как на один из способов материальной, но не финансовой компенсации возмездного конфиденциального содействия лиц органам, осуществляющим ОРД. Выражаем свое несогласие с позицией А.В. Демина, который еще в 1997 г. (то есть всего через пять лет после выхода в свет первой версии закона об ОРД и через два года с момента принятия действующего закона об ОРД) предполагал, что «возмездный характер контракта может означать не только денежную оплату услуг лица, оказывающего содействие, но и иные формы эквивалентного «вознаграждения»: освобождение от уголовной ответственности, передачу имущества в собственность, устройство на работу, выдачу новых документов, пластическую операцию и др.» [12, с. 11]. Фактически об этом же и в то же самое время говорят в своих работах профессора А.В. Федоров и А.В. Шахматов: «...контракт может оговаривать условия безопасности лица, оказывающего содействие, и членов его семьи, включая как общие условия (установленные Законом об ОРД для всех случаев сотрудничества), так и индивидуальные условия (изменение внешности; выдача новых документов, удостоверяющих личность; переезд в другую местность и т.п.)»¹. Полагаем допустимым указать на полемичность данных позиций в современных условиях и признать подобного рода авторские воззрения особенностью начального периода научного осмысления закона об ОРД, связанной с недостаточностью проанализированного сугубо российского эмпирического материала соответствующего содержания, отсутствием в отечественном правовом поле того времени законов о защите судей и о защите свидетелей, а также необоснованностью проведения аналогий с малоизученными, но популяризированными в зарубежном кино и художественной литературе программами по защите свидетелей и взаимодействием иностранных детективов с информаторами.

В своих предшествующих научных работах мы рассматривали этот аспект более подробно, более аргументированно доказывая невозможность рассматривать «замену документов» в качестве формы немонетарной, то есть неденежной, компенсации негласного содействия [13], однако, будучи ограниченными объемом и форматом данной статьи, остановимся на вышеизложенном.

Продолжая исследование социально-правового института документов прикрытия, мы провели анализ ч. 4 ст. 15 «Права органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность» закона об ОРД, а также многочисленных авторских воззрений на ее содержание. Это позволило нам сделать вывод, что в ней законодателем указывается предназначение данного оперативно-разыскного инструментария. С некоторой долей условности перечисленные в статье закона цели использования документов прикрытия можно представить следующим образом:

- зашифровка личности должностных лиц органов, осуществляющих ОРД, или лиц, оказывающих им конфиденциальное содействие;

¹ Федоров А.В., Шахматов А.В. Содействие граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность: Лекция / 2-е изд., перераб. и доп. СПб: СПбУ МВД России, 1999. С. 33.

- зашифровка ведомственной принадлежности предприятий, учреждений, организаций, подразделений, помещений и транспортных средств органов, осуществляющих ОРД;

- зашифровка действий оперативных сотрудников или конфиденентов при проведении оперативно-разыскных мероприятий (осуществлении ОРД).

Считаем, что названные в данной норме закона документы, зашифровывающие различные обстоятельства осуществления ОРД, не являются обособленными друг от друга, а могут (и должны) изготавливаться и использоваться комплексно, с учетом предполагаемых многочисленных и вариативных условий и ситуаций легенд и их участников, а также задействованных объектов: зданий, сооружений, предприятий, транспортных средств и многого другого. В то же время, предваряя дальнейшие рассуждения о видах документов прикрытия, полагаем необходимым и важным отметить, что современная редакция рассматриваемой статьи закона об ОРД не предполагает использование документов прикрытия для зашифровки предприятий, помещений и транспортных средств конфиденентов, используемых при осуществлении ОРД. Этим законодатель невольно ограничил оперативно-разыскной потенциал органов, осуществляющих ОРД в части обеспечения негласности (путем зашифровки и легендирования). Ситуация, несомненно, нуждается в скорейшем исправлении. Внесение дополнений и изменений в текст рассматриваемой нормы позволило бы, во-первых, содержательно расширить перечень применяемых средств ОРД (и соответствующих им методов), а во-вторых – оптимизировать нормативную правовую регламентацию использования изучаемого нами оперативно-разыскного инструментария и ОРД в целом.

Продолжая научное осмысление содержания и видов документов прикрытия как вспомогательного (обеспечивающего) оперативно-разыскного инструментария, можно констатировать, что перечисленные в ч. 4 ст. 15 закона об ОРД цели использования документов прикрытия определяют их виды и категории, а соответственно – и совокупность предъявляемых требований и ограничений, обязательно учитываемых при изготовлении и непосредственном применении (демонстрации или предъявлении) таких документов.

Закон об ОРД лишь декларирует право субъектов на использование документов прикрытия с определенными (обобщенно перечисленными) целями, но при этом виды документов законодателем не указаны, что предполагает определенную «свободу» правоприменителя в их выборе. Основываясь на общеправовом принципе «разрешено всё то, что прямо не запрещено», полагаем, что включенной в закон об ОРД формулировкой нормы законодатель разрешил использование любых документов для достижения указанных им целей в ходе решения соответствующих задач ОРД. При этом, несмотря на отсутствие в ч. 4 ст. 15 «Права органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность» закона об ОРД прямого перечисления видов документов прикрытия, анализ

ряда положений данной нормы позволяет сделать опосредованный, но при этом вполне обоснованный вывод о том, какие именно виды таких документов могут быть использованы. Свои выводы мы базируем на общепризнанных и потому не требующих какого-либо дополнительного обоснования и доказательств положениях нормативных правовых актов (целого ряда законов и кодексов Российской Федерации, Постановлений Правительства, ГОСТов и регламентов), а также основных постулатах учения о делопроизводстве, определяющих виды, формы различных документов и требования к ним.

Часть 4 ст. 15 «Права органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность» закона об ОРД гласит, что с помощью документов прикрытия оперативной зашифровке (легендированию) могут быть подвергнуты следующие объекты:

- личность должностных лиц органов, осуществляющих ОРД / лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим ОРД;

- предприятия, учреждения, организации, подразделения, помещения органов, осуществляющих ОРД;

- транспортные средства органов осуществляющих ОРД. В связи с отсутствием в рассматриваемой статье закона конкретизации под транспортными средствами органов, осуществляющих ОРД, нами предлагается понимать любые транспортные средства, используемые субъектами ОРД в процессе решения задач оперативно-разыскной деятельности: автотранспорт, воздушный, водный, железнодорожный транспорт и т.д. Вместе с тем считаем обязательным отнесение к этой категории транспортных средств конфиденентов: автомобилей, мотоциклов, квадроциклов, лодок, катеров, яхт и пр.

Рассматривая далее документы прикрытия по их видам и предназначению, считаем необходимым обратить внимание на то, что представленные ниже документы могут иметь мультиединое предназначение – зашифровывать одновременно и личность их владельца, и его принадлежность (причастность) к оперативным подразделениям или правоохранительным органам вообще, а также предоставлять определенные права. Не дифференцируя документы прикрытия по данным основаниям, с некоторой долей условности можно выделить следующие группы документов, используемых для зашифровки (легендирования) личности:

1. Документы, удостоверяющие личность. Их полный и окончательный перечень представляется нам трудноопределимым в виду объективно огромного количества документов государственных органов, общественных организаций, объединений, предприятий различных форм собственности и т.п. В данной ситуации мы полностью солидарны с профессором Н.В. Павличенко, указывающим в своих работах на бесперспективность попыток всеобъемлющего определения объектов, подлежащих конспирации (зашифровке) [14, с. 23; 15, с. 103; 16, с. 68-69]. К числу наиболее известных и общеупотребимых можно отнести: российские и иностранных государств общегражданские, загра-

ничные, служебные и дипломатические паспорта, паспорт моряка, удостоверение личности (например депутата, судьи, прокурора, корреспондента, сотрудника организации и пр.), удостоверение офицера, водительское удостоверение, военный билет, пенсионное удостоверение, студенческий билет, справки государственных органов (в том числе справка об освобождении из мест лишения свободы), вид на жительство и пр.

2. Документы, отражающие наличие у их владельца определенных прав (полномочий), профессиональных навыков и т.д. или отсутствие негативных социально-правовых характеристик. К числу таких документов относятся: удостоверение на право управления транспортным средством, удостоверение сотрудника / работника организации, удостоверение на право / допуск к определенной деятельности, пропуск на «закрытый» социальный объект, диплом об образовании (повышении квалификации), служебное (командировочное) предписание, медицинская книжка, спортивная книжка, охотничий билет, разрешение на оружие, удостоверения к наградам, нотариальные (и приравненные к ним) доверенности, справки об отсутствии судимости, об отсутствии банковских и прочих задолженностей и кредитных обязательств и т.д.

3. Документы, отражающие юридические (правопорождающие) факты (право на имущество, льготы, преференции). Это договоры о гражданско-правовых сделках, трудовые договоры (контракты), паспорт транспортного средства, паспорт объекта недвижимости, нотариальная доверенность, трудовая книжка, приказы руководителей организаций в отношении конкретного лица, билеты на транспорт, ваучер на заселение в гостиницу (санаторий, хостел и т.п.) и пр.

Особенностями документов данного вида можно считать наличие в них фотографии и определенного количества рукописных (или биометрических) полностью или частично видоизмененных персональных данных: фамилия, имя, отчество; дата и место рождения; место регистрации; семейный статус; наличие детей; отношение к воинской обязанности; место работы (службы), должность, звание, класс или разряд; полные или кодированные данные (реквизиты) организации, выдавшей документ и пр., – что позволяет немедленно удостовериться в соответствии внешности и персональных данных предъявителя. Некоторые документы могут считаться действительными лишь при предъявлении документов, удостоверяющих личность (например диплом об образовании).

Следующий вид документов прикрытия – документы, зашифровывающие принадлежность предприятий учреждений, организаций, подразделений и помещений органов, осуществляющих ОРД. К их числу можно отнести:

1. Документы, отражающие генезис (создание, реорганизацию, ликвидацию) общественной организации, предприятия, объединения, юридического лица: комплект учредительных докумен-

тов, свидетельствующих о создании организации, ее юридической регистрации, лицензировании деятельности, устав организации, штатное расписание, лицензии и разрешения тех или иных органов и пр.

2. Документы, отражающие принадлежность социального объекта, предприятия, здания, сооружения, помещения и т.п. конкретной организации, учреждению или частному лицу: договор о приобретении недвижимого имущества (собственности), документ о государственной регистрации права собственности на объект строительства (жилья), договор аренды и пр.

3. Документы, отражающие производственно-хозяйственную деятельность объекта: графики работы, плановые и отчетные банковские / финансовые / бухгалтерские / налоговые документы, документы складского учета, служебная внутренняя и внешняя (с взаимодействующими структурами) переписка и т.д.

И последний вид документов прикрытия – зашифровывающие ведомственную принадлежность и истинное предназначение транспортных средств. К таковым, по нашему мнению, можно отнести:

1. Документы, подтверждающие право собственности лица или организации на транспортное средство: договор купли-продажи (аренды, лизинга или иной формы приобретения), доверенность, технический паспорт транспортного средства, паспорт транспортного средства (ПТС), пропуск на «закрытые» объекты и территории и пр.

2. Документы, отражающие процесс использования транспортного средства: путевые / маршрутные листы, командировочные удостоверения (предписания), экспедиционные документы, товарно-транспортные накладные, листы прохождения технических осмотров и пр.

Считаем важным отметить, что рассматриваемый инструментарий, а именно документы, зашифровывающие личность должностных лиц, ведомственную принадлежность предприятий, учреждений, организаций, подразделений, помещений и транспортных средств органов, осуществляющих ОРД, а также личность граждан, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, являющийся важнейшей и действенной составляющей зашифровки (легендирования), не может считаться обособленным и самодостаточным. В дополнение к использованию вышеназванных документов оперативно-разыскная практика выработала весьма эффективные способы усиления информационного воздействия на реципиентов информации (то есть тех субъектов, от которых зашифровывается личность или принадлежность) путем использования так называемых «средств оперативной маскировки» – инвентаря, атрибутов, аксессуаров, оперативного гардероба и т.п. – вещей, предметов, документов, технических средств и т.д., необходимых для обеспечения конспирации, а также эффективного осуществления оперативно-разыскных мероприятий¹. Для пред-

¹ См., например: Брылев В.И., Митина Е.А. Сборник терминов и определений по курсу «Оперативно-разыскная деятельность органов внутренних дел». Екатеринбург: ВШ МВД России, 1992; Шкуркин А.С. Оперативно-разыскная деятельность органов внутренних дел в терминах и определениях: словарь-справочник. Н.Новгород: НижОИ МВД

приятый и организаций это могут быть соответствующие их предназначению и легенде помещения, вывески, мебель, оборудование, наглядная агитация и пр. Для транспорта – соответствующие легенде его виды (грузовой, пассажирские, специальный) с подобающими обязательными реквизитами, бортовыми знаками (рисунками), атрибутами. Для лиц – одежда или обязательная униформа, профессиональные аксессуары, используемый лексикон и т.п. Именно совокупность использования документов прикрытия и иных средств оперативной маскировки является гарантом решения задач по обеспечению негласности при осуществлении ОРД.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, мы видим возможность сформулировать ряд выводов.

Целями использования документов прикрытия являются:

- зашифровка личности должностных лиц органов, осуществляющих ОРД, и/или лиц, оказывающих им конфиденциальное содействие;
- зашифровка принадлежности предприятий, учреждений, организаций, подразделений, помещений и транспортных средств к органам, осуществляющим ОРД, и их реального предназначения;
- ситуативное по времени, месту и избирательное по кругу лиц легендирование действий должностных лиц органов, осуществляющих ОРД, и/или лиц, оказывающих им конфиденциальное

содействие при непосредственном осуществлении ими ОРД.

Документами зашифровки / легендирования личности являются:

- документы, удостоверяющие личность владельца / предъявителя;
- документы, предоставляющие владельцу / предъявителю права или полномочия;
- документы, отражающие правопрораждающие факты в отношении владельца / предъявителя или его имущества.

Документами зашифровки / легендирования предприятий, учреждений, организаций, подразделений и помещений органов, осуществляющих ОРД, являются:

- документы, отражающие факты создания (учреждения, регистрации, лицензирования) или ликвидации юридического лица;
- документы, отражающие принадлежность некоего социального объекта (здания, сооружения, территории и пр.) организации, учреждению или частному лицу;
- документы, отражающие производственно-хозяйственную деятельность объекта.

Документами зашифровки / легендирования транспортных средств являются:

- документы, отражающие право собственности на транспортное средство;
- документы, отражающие процесс использования транспортного средства. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Михайлов Б.П., Меринова С.А. Понятие и отличительные признаки института конспирации в оперативно-розыскной деятельности (теоретико-прикладной аспект) // Оперативник (сшщик). 2010. № 3 (24). С. 18-24.
2. Павличенко Н.В., Поправко А.С. Обеспечение государственной тайны в работе с лицами, оказывающими конфиденциальное содействие // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 1 (24). С. 92-97.
3. Попандопуло Д.В. Проблемы защиты государственной тайны в оперативно-розыскной деятельности: Монография. Ростов-на-Дону, 2016. 132 с.
4. Катков С.В., Корнаухова Н.Г. Режим секретности в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: отдельные проблемы теории и практики // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 4 (51). С. 137-146.
5. Бакланов Л.А. Допуск участников негласных оперативно-розыскных мероприятий к государственной тайне // Оперативно-розыскная деятельность. 2020. № 1. С. 38-40.
6. Гусев В.А. Права оперативных подразделений полиции: законодательство и практика: Монография. М., 2014. 127 с.
7. Маркушин А.Г. Оперативно-розыскная деятельность – необходимость и законность. Н.Новгород: НижЮИ МВД России, 1997. 380 с.
8. Павличенко Н.В., Самоделкин А.С. Перспективы развития оперативно-розыскного законодательства (анализ проекта Федерального закона «Оперативно-розыскной Кодекс Российской Федерации») // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 3 (33). С. 90-96.
9. Железняк Н.С. О необходимости корректировки положений статьи 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Вестник Сибирского юридического института МВД России. № 2 (27). 2017. С. 7-12.
10. Щетнёв Л.Е., Томилин С.М. Оперативное внедрение и розыскная деятельность под прикрытием: сравнительно-правовой анализ // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2017. № 3 (13). С. 138-144.
11. Румянцев Н.В., Омелин В.Н. О правовой защите граждан, содействующих оперативно-розыскным органам // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № (5) С. 233.

России, 1998; Железняк Н.С., Васильев А.Д. Словарь-справочник терминов, применяемых в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: Учебное пособие. Красноярск: СибЮИ МВД России, 1998. 68 с.; Кваша Ю.Ф., Матвеев С.Е., Сурков К.В. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел. Словарь-справочник. М.: Московский институт МВД России; Новгород: типография УВД Новгородской области, 1998. 403 с.; Оперативно-розыскная энциклопедия / Авт.-сост. А.Ю. Шумилов. М., 2004. 364 с. и др.

12. Демин А.В. Контракты в сфере оперативно-розыскной деятельности // Российская юстиция. 1997. № 6. С. 11.
13. Тамбовцев А.И., Павличенко Н.В. Содействие граждан правоохранительным органам как социально-правовой феномен: Монография. М.: Проспект, 2022. 344 с.
14. Павличенко Н.В. Конспирация в оперативно-розыскной деятельности: вопросы теории. М., 2008. 47 с.
15. Павличенко Н.В. Правовая охрана лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность: Монография. Омск: Омский юридический институт, 2011. 248 с.
16. Павличенко Н.В. Правовые и теоретические проблемы обеспечения негласности в оперативно-розыскной деятельности: Монография. М., 2016. 186 с.

REFERENCES

1. Mikhaylov B.P., Merinova S.A. Ponyatiye i otlichitel'nyye priznaki instituta konspiratsii v operativno-rozysknoy deyatel'nosti (teoretiko-prikladnoy aspekt) // Operativnik (syshchik). 2010. № 3 (24). S. 18-24.
2. Pavlichenko N.V., Popravko A.S. Obespecheniye gosudarstvennoy tayny v rabote s litsami, okazyvayushchimi konfidentsial'noye sodeystviye // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2013. № 1 (24). S. 92-97.
3. Popandopulo D.V. Problemy zashchity gosudarstvennoy tayny v operativno-rozysknoy deyatel'nosti: Monografiya. Rostov-na-Donu, 2016. 132 s.
4. Katkov S.V., Kornaukhova N.G. Rezhim sekretnosti v operativno-rozysknoy deyatel'nosti organov vnutrennikh del: ot del'nyye problemy teorii i praktiki // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2019. № 4 (51). S. 137-146.
5. Baklanov L.A. Dopusk uchastnikov neglasnykh operativno-rozysknykh meropriyatii k gosudarstvennoy tayne // Operativno-rozysknaya deyatel'nost'. 2020. № 1. S. 38-40.
6. Gusev V.A. Prava operativnykh podrazdeleniy politzii: zakonodatel'stvo i praktika: Monografiya. M., 2014. 127 s.
7. Markushin A.G. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' – neobkhodimost' i zakonnost'. N.Novgorod: NizhYUI MVD Rossii, 1997. 380 s.
8. Pavlichenko N.V., Samodelkin A.S. Perspektivy razvitiya operativno-rozysknogo zakonodatel'stva (analiz proyekta Federal'nogo zakona «Operativno-rozysknoy Kodeks Rossiyskoy Federatsii») // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. 2015. № 3 (33). S. 90-96.
9. Zheleznyak N.S. O neobkhodimosti korrektyrovki polozheniy stat'i 15 Federal'nogo zakona «Ob operativno-rozysknoy deyatel'nosti» // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. № 2 (27). 2017. S. 7-12.
10. Shchetnov L.Ye., Tomilin S.M. Operativnoye vnedreniye i rozysknaya deyatel'nost' pod prikrityem: sravnitel'no-pravovoy analiz // Penitentsiarnoye pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimenitel'naya praktika. 2017. № 3 (13). S. 138-144.
11. Rumyantsev N.V., Omelin V.N. O pravovoy zashchite grazhdan, sodeystvuyushchikh operativno-rozysknym organam // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2018. № (5) S. 233.
12. Demin A.V. Kонтракты в сфере оперативно-розыскной деятельности // Rossiyskaya yustitsiya. 1997. № 6. С. 11.
13. Тамбовцев А.И., Павличенко Н.В. Содействие граждан правоохранительным органам как социаль'но-правовой феномен: Монография. М.: Проспект, 2022. 344 с.
14. Павличенко Н.В. Конспиративная в оперативно-розыскной деятельности: вопросы теории. М., 2008. 47 с.
15. Павличенко Н.В. Правовая охрана лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность: Монография. Омск: Омский юридический институт, 2011. 248 с.
16. Павличенко Н.В. Правовые и теоретические проблемы обеспечения негласности в оперативно-розыскной деятельности: Монография. М., 2016. 186 с.

© Тамбовцев А.И., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Тамбовцев А.И. Проблемы и особенности толкования термина «документы прикрытия» в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3 (77). С. 67-74.

Серик Сайлауханулы ЗАКЕН,
ORCID 0009-0006-2796-360X
Волгоградская академия МВД России (г. Волгоград)
адъюнкт
zss.zss.zss.78@gmail.com

Научный руководитель:
Марина Сергеевна КОЛОСОВИЧ,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права учебно-
научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России

Научная статья
УДК 343.132.5(574)

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА НЕГЛАСНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Уголовное судопроизводство, негласные следственные действия, досудебное производство, следственный суд.

АННОТАЦИЯ. Введение. В статье проводится сравнительный анализ норм, касающихся урегулирования оснований и порядка осуществления негласных следственных действий, первоначальной редакции уголовно-процессуального закона Республики Казахстан, принятого в 2014 году, и его современной редакции. Обращается внимание на отличие негласных следственных действий от оперативно-разыскных мероприятий, имеющих собственное правовое регулирование. Автором отмечаются отдельные сходства и различия правового регулирования института негласных (тайных) следственных действий по законодательству Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Грузии. Опыт названных государств, по мнению автора, можно признать положительным с точки зрения обеспечения дополнительных гарантий защиты прав участников уголовного судопроизводства. **Методы.** Методологическую основу исследования составляют диалектический, логический, системный методы, а также ряд других методов научного познания (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, обобщение, описание). **Результаты.** История становления и развития рассматриваемого правового института является короткой, но она уже позволила выявить и исправить некоторые проблемы его правовой регламентации. Особое внимание автором обращено на возможные перспективы дальнейшего совершенствования порядка проведения негласных следственных действий в части установления трехзвенной системы санкционирования их производства, определения предельного срока их проведения, а также уточнения начального момента срока направления материалов следственному судье для получения санкции на производство неотложных негласных следственных действий.

ВВЕДЕНИЕ

Охрана общества от преступных посягательств – одна из приоритетных задач, стоящих перед любым государством. Важность снижения преступности в стране заставляет государственный аппарат искать эффективные пути решения обозначенной проблемы. Уголовное судопроизводство выполняет функции предотвращения и пресечения преступной деятельности. При этом уголовный процесс требует надлежащей правовой регламентации, для чего во многих странах мира принимаются уголовно-процессуальные законы. Как отмечает профессор

С.К. Журсимбаев, с целью повышения эффективности деятельности органов, осуществляющих уголовное преследование, а также для расширения гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве Республика Казахстан (далее – РК) стремится вводить новые правовые институты, в числе таковых и институт негласных следственных действий (далее – НСД) [1, с. 118].

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (далее – УПК РК), принятый в 2014 г., содержит гл. 30 «Негласные следственные действия». Ее содержание оказалось в центре серьезной научной дискуссии. Однако вопреки всем до-

Serik S. ZAKEN,
ORCID 0009-0006-2796-360X
Vologograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia (Vologograd, Russia)
Adjunct
zss.zss.zss.78@gmail.com

Scientific supervisor:

Marina S. KOLOSOVICH,
Doctor of Law, Professor, Professor of the Department
of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex
for Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies
of the Vologograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia

**HISTORICAL ASPECT OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT
OF THE INSTITUTE OF SECRET INVESTIGATIVE ACTIONS
IN CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN**

KEYWORDS. Criminal proceedings, secret investigative actions, pre-trial proceedings, investigative court.

ANNOTATION. Introduction. The article provides a comparative analysis of the rules concerning the regulation of the grounds and procedure for implementing secret investigative actions, the original version of the Criminal Procedure Law of the Republic of Kazakhstan adopted in 2014, and its current version. Attention is drawn to the difference between covert investigative actions and operational-search measures, which have their own legal regulation. The author notes certain similarities and differences in the legal regulation of the institution of secret (covert) investigative actions under the legislation of the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic and Georgia. The experience of these states, in the author's opinion, can be considered positive in terms of providing additional guarantees for the protection of the rights of participants in criminal proceedings.

Methods. The methodological basis of the study is dialectical, logical, systemic methods, as well as a number of other methods of scientific knowledge (analysis, synthesis, induction, deduction, comparison, generalization, description). **Results.** The history of the formation and development of the legal institution under consideration is short, but it has already allowed to identify and correct some problems of its legal regulation. The author pays special attention to possible prospects for further improvement of the procedure for conducting secret investigative actions in terms of establishing a three-tier system for authorizing their production, determining the maximum time for their implementation, as well as clarifying the starting point of the period for sending materials to the investigating judge to obtain authorization for the production of urgent secret investigative actions.

водам противников введения в законодательство закреплённых ею норм с 1 января 2015 г. данная глава УПК РК вступила в силу.

МЕТОДЫ

Методологическую основу исследования составляют диалектический, логический, системный методы, а также ряд других методов научного познания: анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, обобщение, описание.

ОБСУЖДЕНИЕ

Как отмечает М.С. Колосович, внедрение института НСД в уголовно-процессуальное право стран постсоветского пространства началось не в Казахстане, а на Украине в 2012 г. Принятый в то время новый Уголовно-процессуальный кодекс Украины разделил следственные действия на гласные и негласные (разыскные). Ко второй группе отнесены такие действия, сведения о факте и методах проведения которых не подлежат разглашению (ст. 246). И только спустя несколько лет институт НСД был реципирован правовой системой Казахстана [2, с. 141].

Понятие НСД дано в п. 12 ст. 7 УПК РК и уточнено Верховным Судом Республики Казахстан в 2020 г. Под таковыми предложено понимать производимые в рамках досудебного производства действия, которые направлены на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, без предварительного уведомления об их проведении лиц, интересов которых они касаются¹.

Если обратиться к опыту других бывших советских республик, то можно заметить, что в некоторых из них аналогичные следственные действия называются тайными (в Грузии) или специальными (в Киргизии). Вопрос о терминологии обсуждается в научных кругах, но, как представляется, он не имеет большого практического значения. Как бы ни проявлял законодатель свое терминологическое творчество, сущность не меняется. Негласные, тайные, специальные следственные действия в названных странах проводятся в рамках уголовного судопроизводства на досудебной стадии с целью собирания доказательств без оповещения

¹ См.: Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 11.12.2020 № 5 «О санкционировании негласных следственных действий» // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33544408#sub_id=1800 (дата обращения: 16.03.2024).

об этом заинтересованных субъектов (участников процесса). По мнению Ю.А. Андриенко, появление НСД в уголовном процессе ряда государств постсоветского пространства (Украины, Казахстана, Киргизии, Молдавии, Грузии) продиктовано стремлением к более полному использованию материалов, которые получены в ходе оперативно-разыскной деятельности [3, с. 34].

Вместе с тем следует отметить, что дискуссия о целесообразности и обоснованности наличия в уголовном судопроизводстве Казахстана возможности производства НСД, которая началась еще на стадии обсуждения проекта УПК РК, продолжается до сих пор.

Так, например, заслуженный работник МВД СССР и МВД РК, кандидат юридических наук А.Я. Гинзбург отозвался об институте НСД крайне негативно. По его мнению, два различных по форме и сущности вида деятельности (уголовно-процессуальная и оперативно-разыскная) искусственно сливаются в единое целое, что «недопустимо, так как ведет в конечном итоге к хаотичности и разрушению процессов указанных государственных видов деятельности и их законодательных основ»¹. Аналогичные суждения приводит в своей статье А.Н. Халиков [4, с. 148]. Похожей позиции придерживаются А.Н. Ахпанов и А.Л. Хан, которые в слиянии двух названных видов деятельности усматривают опасность парализации производства оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ) [5, с. 152].

Доктор юридических наук С.Б. Россинский не усматривает каких-либо принципиальных различий между НСД и ОРМ, замечая при этом, что введение в законодательство Казахстана и других стран института НСД есть не что иное, как «процессуальная легализация ОРМ». Пополнение системы следственных действий негласными формами работы противоречит самой сущности предварительного расследования [6, с. 131].

Такой же точки зрения придерживается и М.С. Колосович. Она указывает на общую сущность НСД и негласных ОРМ и обращает внимание на то, что при производстве НСД применяются негласные методы и средства, которые ранее были характерны исключительно для оперативно-разыскной деятельности. Последовательно отстаивая свои научные позиции, М.С. Колосович неоднократно отмечала неконкурентоспособность доказательств, полученных посредством НСД российского уголовно-процессуального законодательства (ст.ст. 185, 186, 186.1 УПК РФ), и предлагала расширить контрольные полномочия следователя и объем прав лиц, интересы которых производством таких действий затрагиваются² [7, 8, 9, 10].

В противовес мнению большинства Р.А. Медиев позитивно оценивает появление института НСД. В своей диссертации он пишет, что произошедшая

модернизация правовой системы Казахстана, в том числе появление в уголовном процессе института НСД, имеет целью повышение эффективности борьбы с преступностью, обеспечение уверенности граждан в безопасности, защите их прав и интересов. Разыскная функция может осуществляться в рамках не только оперативно-разыскной, но и уголовно-процессуальной деятельности. В связи с этим их нельзя дистанцировать друг от друга. Два данных вида деятельности сблизились в НСД, что соответствует международной практике³.

Не вдаваясь более в подробности продолжающейся дискуссии, отметим, что слово «негласный» является синонимом слова «тайный». Это обстоятельство дает некоторым ученым основания говорить о взаимосвязи тайных розыскных мероприятий, которые проводились царской полицией еще в XIX веке, и последующим появлением (правовой регламентацией) не только ОРМ, но и НСД. Тем самым исследователи увязывают становление и развитие института НСД с историей оперативно-разыскной деятельности в уголовном процессе Казахстана.

На территории Казахстана даже после вхождения в состав Российской империи длительное время господствовало обычное право, что было обусловлено кочевым образом жизни казахского народа. Заявления о преступлениях не имели четкого отграничения от гражданских исков, а судебные процедуры проводились быстро и безотлагательно. Специальных органов досудебного расследования не существовало, соответствующие функции возлагались на истца. Дознание, которое проводилось по уголовным делам русскими служащими, было непонятно казахскому народу и вызывало подозрения.

Д.К. Рамазанов пишет о том, что уголовный процесс Казахстана впервые получил четкую правовую регламентацию с принятием Устава уголовного судопроизводства 1864 г. В этом законодательном акте были отражены вопросы производства тайных следственных действий и использования их результатов в качестве доказательств по уголовному делу. В числе таких действий Уставом предусматривались: розыск, негласное наблюдение, негласное полицейское изыскание (ст.ст. 254, 312). Результаты названных действий не подлежали предоставлению участникам судопроизводства для ознакомления. Д.К. Рамазанов приходит к выводу, что в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. был закреплен прототип оперативно-разыскных мероприятий [11, с. 43].

Средства и методы оперативно-разыскной деятельности по Уставу 1864 г. стали более разнообразными, но их совершенствование осуществлялось только благодаря практике применения. Нормативного регулирования тактика осуществ-

¹ Гинзбург А. О так называемых «негласных следственных действиях» // Новостной интернет-портал «Zakon.kz». 23.07.2013 // URL: <https://journal.zakon.kz/4568011-o-tak-nazyvaemykh-neglasnykh.html> (дата обращения: 16.03.2024).

² Колосович М.С. Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве: Дисс. ... докт. юрид. наук. Волгоград, 2020. 535 с.

³ Медиев Р.А. Уголовно-процессуальный синтез следственных и оперативно-розыскных полномочий следователя в условиях реформирования правовой системы Республики Казахстан: Дисс. ... докт. философии, PhD: Правоохранительная деятельность. Караганда, 2015. С. 188. С. 70.

вления негласных действий по-прежнему не имела. К началу XX века широкое распространение получили такие методы, как внедрение секретных агентов в преступные группы, наружное наблюдение, познавательная фотосъемка и пр. Только после появления на практике конкретных приемов разрабатывались инструкции по их применению. В 1907 г. была разработана и утверждена Инструкция по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения, в 1910 г. – Инструкция по организации наружного (филерного) наблюдения и Инструкция чинам сыскных отделений [12, с. 20].

На наш взгляд, с мнением авторов, отождествляющих истории становления и развития институтов ОРМ и НСД, нельзя согласиться в полной мере. Несмотря на тайный характер и ОРМ, и НСД, они представляют собой два самостоятельных правовых института, которые имеют различную законодательную основу. Производство НСД регламентируется нормами УПК РК, а осуществление ОРМ регулируется Законом Республики Казахстан от 15 сентября 1994 г. № 154-ХІІІ «Об оперативно-розыскной деятельности».

Отметим, что в законодательстве более раннего периода (в частности в Уголовно-процессуальном кодексе Казахской ССР 1959 г., Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан 1997 г.) понятие тайных или негласных следственных действий не употреблялось. В качестве доказательств по уголовному делу допускались данные, полученные в ходе ОРМ.

Таким образом, можно утверждать, что история становления института НСД в уголовном судопроизводстве Казахстана берет свое начало именно с принятия УПК РК 2014 г.

В первоначальной редакции ст. 231 УПК РК предусматривала десять видов НСД:

- 1) негласные аудио- и (или) видеоконтроль лица или места;
- 2) негласные контроль, перехват и снятие информации, передающейся по сетям электрической (телекоммуникационной) связи;
- 3) негласное получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами;
- 4) негласное снятие информации с компьютеров, серверов и других устройств, предназначенных для сбора, обработки, накопления и хранения информации;
- 5) негласный контроль почтовых и иных отправлений;
- 6) негласные проникновение и (или) обследование места;
- 7) негласное наблюдение за лицом или местом;
- 8) негласная контролируемая поставка (исключена в 2017 году);
- 9) негласный контрольный закуп;
- 10) негласные внедрение и (или) имитация преступной деятельности (исключены в 2019 г.).

Для реализации соответствующих положений уголовно-процессуального закона в декабре 2014 г. совместным приказом ряда государственных органов (МВД РК, Министерства финансов РК, Агентства РК по делам государственной службы и противодействию коррупции, Службы государственной охраны РК и Комитета национальной безопасности РК) были утверждены Правила проведения НСД¹ (далее – Правила). Ими устанавливался порядок подготовки и направления поручения о проведении НСД, его получения и исполнения, представления, исследования и оценки результатов НСД. В качестве приложений к Правилам были утверждены формы процессуальных документов, составляемых уполномоченными должностными лицами в рамках проведения НСД. Формы документов относятся к категории открытой информации и могут быть свободно использованы любыми уполномоченными должностными лицами.

Более двух лет нормативные правовые акты, регулирующие производство НСД, действовали в первоначальной редакции. Со временем практика правоприменения выявила проблемы, которые требовалось решать путем совершенствования законодательства.

Законом РК от 17 июля 2017 г. из ст. 231 УПК РК, закрепляющей виды НСД, был исключен п. 8 «Негласная контролируемая поставка». Теоретики и практики объясняют такое решение законодателя тем, что подобное негласное мероприятие проводится только по высоко латентным преступлениям (торговля оружием или наркотиками, контрабанда и пр.). Его проведение целесообразно на доследственной стадии, то есть до внесения сведений в Единый реестр досудебных расследований (далее – ЕРДР). В связи с этим негласная контролируемая поставка – действие, которое необходимо проводить в рамках оперативно-розыскной деятельности [13, с. 38].

Данная точка зрения представляется достаточно обоснованной, поскольку целью контролируемой поставки является отслеживание фактов реализации запрещенных или ограниченных в обороте предметов (веществ, продукции). Уголовное дело будет возбуждено после такой реализации, а значит, проведение контролируемой поставки на этом этапе потеряет свою актуальность. Следует согласиться с тем, что эффективность осуществления подобного мероприятия выше на стадии перемещения указанных предметов (веществ, продукции) и подготовки их к реализации, то есть до возбуждения уголовного дела.

Между тем внедрение в преступную среду (исключенное из перечня видов НСД в 2019 г.) осуществляется, что очевидно, с целями получения информации о подготавливаемых и (или) совершенных преступлениях. Следовательно, проведение данного мероприятия в зависимости

¹ Совместный приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 12.12.2014 № 892, Министра финансов Республики Казахстан от 12.12.2014 № 565, Председателя Агентства Республики Казахстан по делам государственной службы и противодействию коррупции от 12.12.2014 № 62, Начальника Службы государственной охраны Республики Казахстан от 15.12.2014 № 146 и Председателя Комитета национальной безопасности Республики Казахстан от 18.12.2014 № 416 «Об утверждении Правил проведения негласных следственных действий» // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V14C0010027> (дата обращения: 16.03.2024).

от конкретных обстоятельств может быть эффективным и до возбуждения уголовного дела, и на стадии предварительного расследования. Поэтому, как представляется, внедрение могло бы сохранять статус НДС.

При этом следует отметить, что в настоящее время перечень оперативно-разыскных мероприятий включает в себя и контролируруемую поставку, и внедрение (ст. 11 Закона Республики Казахстан от 15 сентября 1994 г. № 154-ХІІІ «Об оперативно-разыскной деятельности»).

Условия и основания производства НДС, предусмотренные ст. 232 УПК РК, за десятилетие действия закона существенных изменений не претерпели. Как и ранее, о проведении НДС лицо, получившее соответствующее поручение, выносит постановление. Его содержание регламентировано ст. 233 УПК РК.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Согласно первоначальной редакции ст. 234 УПК РК проведение НДС осуществлялось на основании постановления органа досудебного расследования после получения санкции прокурора областного уровня и выше. С 1 марта 2018 г. указанная статья закона изложена в новой редакции, согласно которой полномочия по санкционированию производства НДС переданы следственным судьям. В июле того же года уточнено, что санкцию выдают следственные судьи специализированных следственных и межрайонных следственных судов.

Такое решение законодателя учеными признается обоснованным. Они отмечают, что прокурор как сторона обвинения не должен вовлекаться в досудебное производство и проводить его совместно с органами предварительного расследования. Передача полномочий по санкционированию осуществления НДС позволяет дистанцировать прокурора от расследования преступления и тем самым сохранить его объективность и беспристрастность на последующих стадиях уголовного процесса [14, с. 24].

Для сравнения обратим внимание на то, что УПК Кыргызской Республики 2021 г., допускающий производство специальных следственных действий, являющихся аналогом НДС в Казахстане, предусматривает трехзвенную систему принятия решения о проведении данных действий. Следователь составляет ходатайство в адрес следственного судьи, но подает его только после получения согласия от прокурора (ст. 219 УПК Киргизии)¹. Такое правовое регулирование представляется оправданным, поскольку вводит дополнительные гарантии защиты прав участников уголовного судопроизводства (в том числе конституционных прав человека) от необоснованных ограничений. За действиями следователя в части организации и производства специальных следственных действий фактически осуществляется двойной контроль – прокурорский и судебный.

Имея в виду вышеизложенное, а также то обстоятельство, что УПК Кыргызской Республики является более современным документом, то есть в нем учтены отдельные ошибки, которые выявила практика реализации НДС в других государствах, можно определить тенденции дальнейшего развития института НДС в Республике Казахстан. В частности, это закрепление нормы о получении санкции следственного судьи только после согласования ходатайства о производстве НДС прокурором.

Статья 235 УПК РК допускает проведение НДС без получения санкции (в первоначальной редакции – прокурора, в действующей редакции – следственного судьи), если его производство не терпит отлагательства. В этом случае сведения о проведении НДС должны быть направлены в течение 24 часов лицу, уполномоченному на санкционирование. Рассмотрев поступившие материалы, это лицо может либо санкционировать постановление о производстве НДС, либо признать результаты проведенного действия недопустимыми.

В данной норме процессуального закона проявляется неопределенность правового регулирования. Как следует из существа НДС, их производство является длящейся процедурой, занимающей не один день. Возлагая на уполномоченных лиц обязанность по уведомлению следственного судьи о неотлагательном проведении НДС, законодатель не уточнил время, от которого начинается исчисление суточного срока – от момента начала НДС или от момента его окончания.

В этом отношении положительным видится опыт Грузии. В уголовно-процессуальном законе этой страны аналогом НДС являются тайные следственные действия. Их производство также санкционируется судьей, но на основании ходатайства прокурора. В случае «безотлагательной необходимости» допускается проведение тайных следственных действий в отсутствие определения судьи, но в таком случае «прокурор обязан не позднее 24 часов с указанного в постановлении времени начала производства тайного следственного действия обратиться в районный (городской) суд с ходатайством о признании законным тайного следственного действия» (ст. 143.3 УПК Грузии)².

Базовый срок проведения НДС – тридцать суток – на протяжении действия УПК РК 2014 г. не менялся. Этот срок может быть продлен по ходатайству органа, который инициировал проведение НДС. Такая просьба оформляется в виде постановления, которое подлежит санкционированию в порядке, аналогичном порядку санкционирования постановления о производстве НДС. В первоначальной редакции ст. 236 УПК РК отмечалось, что на срок до шести месяцев разрешение на продление производства НДС дается прокурором области или приравненным к нему. Свыше указанного срока продление проведения НДС могло осуществляться только Генеральным прокурором РК и его заместителями. С 1 марта

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28.10.2021 № 129 // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36639004&pos=4;-89#pos=4;-89 (дата обращения: 16.03.2024).

² Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 09.10.2009 № 1772-Іс (по сост. на 24.02.2024) // URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/90034?publication=162> (дата обращения: 16.03.2024).

2018 г. эта норма закона утратила силу. Согласно действующей редакции ст. 236 УПК РК предельный срок производства НСД не ограничен, но его продление допускается каждый раз не более чем на тридцать суток. При необходимости повторного продления уполномоченный орган должен подать следственному судье новое ходатайство и поучить очередную санкцию.

Иным образом решается этот вопрос в уголовно-процессуальном законодательстве Кыргызстана. Срок проведения специальных следственных действий может сразу устанавливаться до двух месяцев, а затем продлеваться каждый раз на дополнительный срок до двух месяцев. При этом существует предельный период проведения специального следственного действия – один год (ст. 222 УПК Кыргызской Республики).

В Грузии тайное следственное действие может проводиться в три этапа, длительность каждого из которых не должна превышать 90 дней. Таким образом, по общему правилу, максимальный срок производства тайного следственного действия – 270 дней. Однако из этого правила имеются исключения. Если определение судьи о проведении указанного действия принималось в рамках осуществления международного сотрудничества Грузии по уголовным делам, то допускается четвертый этап производства тайного следственного действия продолжительностью до 90 дней. По отдельным же категориям уголовных дел, перечисленным в процессуальном законе, возможно неограниченное количество продлений срока производства тайных следственных действий, если имеется такая необходимость, но каждый раз не более чем на 90 дней (ст. 143.3 УПК Грузии).

По нашему мнению, в процессуальное законодательство Казахстана предельный срок проведения НСД также должен быть возвращен. Ограничения прав участников судопроизводства не могут быть потенциально бесконечными, тем более по преступлениям небольшой или средней тяжести. Если в течение достаточно длительного периода времени (например год и более) НСД не дали ожидаемых результатов, то их проведение должно быть прекращено безусловно, а не по усмотрению следственного судьи, который не выдаст очередную санкцию. Между тем в законе могут быть закреплены исключения из данного правила, как это сделано в Грузии, если уголовное дело возбуждено по преступлению, относящемуся к категории особо тяжких.

УПК РК в редакции 2014 г. не предусматривал уведомления лица, в отношении которого проводилось НСД, о том, что такие действия осуществлялись. С 2018 г. ст. 240 УПК РК дополнена новой частью, в соответствии с которой орган досудебного расследования обязан уведомлять об этом лицо, в отношении которого проводилось НСД, но без ознакомления с полученными в результате этого действия результатами. Такое уведомление

направляется в течение шести месяцев после вынесения окончательного решения по уголовному делу. Орган предварительного расследования вправе заявить следственному судье ходатайство о ненаправлении указанного уведомления. Просьба органа расследования может быть удовлетворена, если:

- НСД проводилось по уголовному делу о совершении террористического, экстремистского или группового преступления;

- уведомление может привести к разглашению государственной тайны;

- вследствие уведомления может возникнуть угроза безопасности каких-либо лиц, в том числе осуществляющих конфиденциальную или конспиративную деятельность.

Одновременно с внесением в ст. 240 УПК РК нормы, обязывающий направлять уведомления о производстве НСД, данная статья была дополнена частью, предоставляющей право обращения заинтересованного лица в следственный суд с заявлением о признании проведения НСД незаконным и возмещении причиненного этим действием вреда.

Как отмечается в научной литературе, описанные выше изменения в уголовно-процессуальном законодательстве направлены на снижение репрессивности уголовного процесса, а также на улучшение процессуального положения лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование [11, с. 44; 15].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. История становления и развития института НСД в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан достаточно коротка, поскольку до введения в действие Уголовно-процессуального кодекса 2014 г. подобного правового института в законодательстве не имелось. Несмотря на непродолжительность времени своего существования, правовые нормы, регулирующие перечень видов НСД, основания и порядок их производства, претерпели некоторые изменения.

Дальнейшие перспективы совершенствования института НСД в Республике Казахстан видятся нами в следующем:

- установление трехзвенной структуры принятия решения о проведении НСД (получение санкции следственного судьи после согласования ходатайства о проведении НСД прокурором);

- возвращение в Уголовно-процессуальный кодекс нормы, закрепляющей предельный срок производства НСД, за исключением случаев расследования тяжких и особо тяжких преступлений, в которых срок производства НСД ограничивать нецелесообразно;

- уточнение момента, от которого начинается течение 24-часового срока, предоставленного для направления материалов о производстве НСД в случаях, не терпящих отлагательства, следственному судье для санкционирования. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Журсимбаев С.К. Досудебное производство Казахстана // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 1 (81). С. 118-123.

2. Колосович М.С. Производство негласных следственных действий по УПК России, Украины, Казахстана и Киргизии // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 3 (33). С. 139-146.
3. Андриенко Ю.А. Негласные следственные действия в российском уголовном процессе: за и против // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2022. № 2 (43). С. 34-36.
4. Халиков А.Н. Институт негласных следственных действий в уголовно-процессуальном законе России и стран ближнего зарубежья (сравнительно-правовое исследование) // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 1 (75). С. 142-150.
5. Ахпанов А.Н., Хан А.Л. Негласные следственные действия в контексте оперативно-розыскных мероприятий // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы конференции. Красноярск, 2021. Ч. 1. С. 150-153.
6. Россинский С.Б. Следственные действия vs негласные приемы установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 129-132.
7. Колосович М.С. Деятельность следователя негласного характера по уголовному делу // Актуальные проблемы предварительного расследования: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. Волгоград, 2021. С. 206-213.
8. Kolosovich M.S., Popova L.V., Zotova A.F., Bondar M.M., Shamshina O.S. Investigator's covert-nature procedural activities // IX Baltic Legal Forum «Law and Order in the Third Millennium». SHS Web of Conferences 108, 04011 (2021) // URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2021/19/shsconf_blf2021_04011/shsconf_blf2021_04011.html.
9. Колосович М.С. Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны уголовного судопроизводства: Монография. Волгоград: ВА МВД России, 2018. 580 с.
10. Колосович М.С. Негласная деятельность следователя: сравнительно-правовой анализ // Криминалистика и судебно-экспертная деятельность в условиях современности: материалы IV Международной научно-практической конференции. Краснодар: КрУ МВД России, 2016. С. 458-463.
11. Рамазанов Д.К. Ретроспективный анализ развития процедуры проведения и ознакомления с материалами негласных следственных действий по уголовно-процессуальному законодательству Республики Казахстан // Мир закона. 2021. № 5-6 (229-230). С. 42-46.
12. Медиев Р.А., Сулейманова Г.Ж. Негласные следственные действия в теории и практике органов уголовного преследования Республики Казахстан: Монография. Актобе: Актюбинский ЮИ МВД РК им. М. Букенбаева, 2017. 200 с.
13. Бачурин С.Н. Законодательное совершенствование уголовно-процессуальных норм о негласных следственных действиях // Наука. 2020. № 3 (66). С. 36-41.
14. Амиргалиев А.А. О некоторых вопросах совершенствования института негласных следственных действий // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилёва. Серия: Право. 2020. № 2 (131). С. 21-27.
15. Доронин К.С. Новеллы уголовно-процессуального законодательства постсоветских стран: введение института негласных следственных действий // Законодательство. 2018. № 2. С. 60-68.

REFERENCES

1. Zhursimbayev S.K. Dosudebnoye proizvodstvo Kazakhstana // Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii. 2021. № 1 (81). S. 118-123.
2. Kolosovich M.S. Proizvodstvo neglasnykh sledstvennykh deystviy po UPK Rossii, Ukrainy, Kazakhstana i Kirgizii // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. 2015. № 3 (33). S. 139-146.
3. Andriyenko Yu.A. Neglasnyye sledstvennyye deystviya v rossiyskom ugovolnom protsesse: za i protiv // Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 2 (43). S. 34-36.
4. Khalikov A.N. Institut neglasnykh sledstvennykh deystviy v ugovolno-protsessual'nom zakone Rossii i stran blizhnego zarubezh'ya (sravnitel'no-pravovoye issledovaniye) // Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika. 2024. № 1 (75). S. 142-150.
5. Akhpanov A.N., Khan A.L. Neglasnyye sledstvennyye deystviya v kontekste operativno-rozysknykh meropriyatiy // Aktual'nyye problemy bor'by s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki: materialy konferentsii. Krasnoyarsk, 2021. CH. 1. S. 150-153.
6. Rossinskiy S.B. Sledstvennyye deystviya vs neglasnyye priemy ustanovleniya obstoyatel'stv, imeyushchikh znachenie dlya ugovolnogo dela // Kriminologicheskii zhurnal. 2023. № 2. S. 129-132.
7. Kolosovich M.S. Deyatel'nost' sledovatelya neglasnogo kharaktera po ugovolnomu delu // Aktual'nyye problemy predvaritel'nogo rassledovaniya: sbornik statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Volgograd, 2021. S. 206-213.
8. Kolosovich M.S., Popova L.V., Zotova A.F., Bondar M.M., Shamshina O.S. Investigator's covert-nature procedural activities // IX Baltic Legal Forum «Law and Order in the Third Millennium». SHS Web of Conferences 108, 04011 (2021) // URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2021/19/shsconf_blf2021_04011/shsconf_blf2021_04011.html.
9. Kolosovich M.S. Protsessual'nyye sredstva obespecheniya glasnosti i tayny ugovolnogo sudoproizvodstva: Monografiya. Volgograd: VA MVD Rossii, 2018. 580 s.

10. Kolosovich M.S. Neglasnaya deyatel'nost' sledovatelya: sravnitel'no-pravovoy analiz // Kriminalistika i sudebno-ekspertnaya deyatel'nost' v usloviyakh sovremennosti: materialy IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Krasnodar: KrU MVD Rossii, 2016. S. 458-463.

11. Ramazanov D.K. Retrospektivnyy analiz razvitiya protsedury provedeniya i oznakomleniya s materialami neglasnykh sledstvennykh deystviy po ugovolno-protsessual'nomu zakonodatel'stvu Respubliki Kazakhstan // Mir zakona. 2021. № 5-6 (229-230). S. 42-46.

12. Mediyev R.A., Suleymanova G.ZH. Neglasnyye sledstvennyye deystviya v teorii i praktike organov ugovolnogo presledovaniya Respubliki Kazakhstan: Monografiya. Aktobe: Aktyubinskiy YUI MVD RK im. M. Bukenbayeva, 2017. 200 s.

13. Bachurin S.N. Zakonodatel'noye sovershenstvovaniye ugovolno-protsessual'nykh norm o neglasnykh sledstvennykh deystviyakh // Nauka. 2020. № 3 (66). S. 36-41.

14. Amirgaliyev A.A. O nekotorykh voprosakh sovershenstvovaniya instituta neglasnykh sledstvennykh deystviy // Vestnik Yevraziyskogo natsional'nogo universiteta imeni L.N. Gumilova. Seriya: Pravo. 2020. № 2 (131). S. 21-27.

15. Doronin K.S. Novelly ugovolno-protsessual'nogo zakonodatel'stva postsovetskikh stran: vvedeniye instituta neglasnykh sledstvennykh deystviy // Zakonodatel'stvo. 2018. № 2. S. 60-68.

© **Закен С.С., 2024.**

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Закен С.С. Исторический аспект становления и развития института негласных следственных действий в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3 (77). С. 75-82.

Александр Иванович МЕЛИХОВ,

доктор юридических наук, доцент, ORCID 0000-0001-8987-713X
Академия управления МВД России (г. Москва)
профессор кафедры теории и методологии государственного управления
stl13913@gmail.com

Николай Иванович КОСТЮЧЕНКО,

доктор юридических наук, доцент
Краснодарский университет МВД России (г. Симферополь)
профессор кафедры административного права
и административной деятельности Крымского филиала
nikiv1948@gmail.com

Научная статья
УДК 351:342.41

ПРИЧИНЫ КРИЗИСА ТРАДИЦИОННЫХ СИСТЕМ КОЛЛЕКТИВНОГО ВЫЖИВАНИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Общенациональная безопасность, мировая безопасность, государственная безопасность, тысячелетние государства, государства-цивилизации.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В условиях кризиса мировой системы безопасности и систем безопасности государств следует обратиться к выявлению причин произошедшего и предложить новую модель коллективного выживания, которая названа авторами статьи общенациональной безопасностью. *Методы.* В качестве методологической основы исследования использованы система, схемы и понятия авторской теории национальной безопасности, межотраслевые и межнаучные связи естественных и гуманитарных наук. *Результаты.* По мнению авторов, в современном мире субъектом безопасности, способным самостоятельно выжить, становится такое коллективное образование, которое объединяет человека, общество и государство в прошлом, будущем и настоящем посредством единого порядка и мировоззрения. Подобным характеристикам отвечает понятие «цивилизация», или используемое авторами – «тысячелетнее государство». Целью Российской Федерации, рассматриваемой в качестве такого субъекта, является обеспечение «общенациональной безопасности» и устойчивого развития многонационального народа нашей страны. Авторы выражают уверенность в том, что модель обеспечения безопасности народа исключительно государством в условиях информационного общества безвозвратно устарела, а существование модели мировой безопасности представляется нереализуемой до формирования многополярного мира. Прагматизм должен найти свое место в современном российском законодательстве как один из основных принципов безопасности. Авторы предлагают дополнить перечень принципов обеспечения безопасности, изложенный в ст. 2 Федерального закона «О безопасности», принципами «необходимости и достаточности усилий и затрат по обеспечению национальной безопасности», «приоритетности национальной безопасности», «взаимовыгодности международного сотрудничества в сфере безопасности».

ВВЕДЕНИЕ

Один из наиболее известных футурологов XX века А. Азимов на заре XXI века оптимистично утверждал: «Если действовать рационально и по-человечески, если спокойно подойти к проблемам, стоящим перед лицом всего рода людского, и не вдаваться в эмоции по поводу таких вопросов девятнадцатого века, как

национальная безопасность и местнический патриотизм, если мы поймем, что нашими врагами являются совсем не соседи, а нищета, невежество и холодное безразличие к законам природы, все стоящие перед нами проблемы можно решить. Можно обдуманно сделать выбор и в итоге избежать катастроф. И если мы сделаем этот выбор в двадцать первом столетии, мы можем распростра-

Aleksandr I. MELIKHOV,

Doctor of Law, Associate Professor, ORCID 0000-0001-8987-713X
Academy of Management of the Ministry of Interior of Russia (Moscow, Russia)
Professor of the Department of Theory and Methodology of Public Administration
stl13913@gmail.com

Nikolay I. KOSTYUCHENKO,

Doctor of Law, Associate Professor,
Krasnodar University of the Ministry of Interior of Russia (Simferopol, Russia)
Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Crimean Branch
nikiv1948@gmail.com

CAUSES OF THE CRISIS OF TRADITIONAL SYSTEMS OF COLLECTIVE SURVIVAL

KEYWORDS. National security, global security, state security, thousand-year states, civilization states.

ANNOTATION. Introduction. In the conditions of the crisis of the global security system and the security systems of states, it is necessary to turn to identifying the causes of what happened and proposing a new model of collective survival - national security. **Methods.** The system, schemes and concepts of the author's theory of national security, intersectoral and interscientific connections of natural and humanitarian sciences were used as a methodological basis. **Results.** According to the authors, in the modern world, a collective entity that unites a person, societies and states in the past, future and present through a single order and worldview becomes a subject of security capable of independently surviving. The concept of «civilization» or the word «millennial state» we use, the purpose of which is to ensure «national security» and sustainable development of the multinational people of the Russian Federation, meets such characteristics. Therefore, the model of ensuring the security of the people exclusively by the state in the conditions of the information society is irrevocably outdated, and the existence of a world security model seems unrealistic until the formation of a multipolar world. Pragmatism as the main principle of security requires implementation in modern Russian security legislation. The authors propose to supplement the list of security principles in Article 2 of the Federal Law «On Security» with the principle of «necessity and sufficiency of efforts and costs to ensure national security», «priority of national security», «mutual benefit of international cooperation in the field of security».

ниться в космосе и утратить свою уязвимость. Мы больше не будем зависеть от одной планеты или от одной звезды. И тогда человечество или его разумные потомки и их союзники смогут существовать и после прекращения существования Земли, после прекращения существования Солнца, после (кто знает?) прекращения существования нашей Вселенной¹. В чем прав великий футуролог, сын двух великих государств (России и США) А. Азимов, так это в том, что термин «национальная безопасность» уже давно ассоциируется не с объективными потребностями, а с субъективным удовлетворением эмоциональных (политических) потребностей государства, общества и личности. Данное словосочетание сильно дискредитировано имперскими амбициями вождей и алчной эксплуатации народа во имя «безопасности», но в ущерб ее изначальной сущности – самосохранения, самоподдержания и самовоспроизводства.

Нахождение механизма реализации концепции А. Азимова о «всеземной» безопасности, рецепта всемирного благоденствия, направило научную мысль на исследование «глобальной», «интегральной», «мировой» безопасности, отодвинув на второй план исследование первичной задачи общенациональной безопасности.

В настоящее время наблюдается откровенная профанация сущности мировой безопасности, поскольку мир наполнен квази- и прокси-государствами, обладающими формальным суверенитетом, имеющим значение только при голосовании в международных организациях. Последние с раз-

валом СССР стали псевдоблжителями мировой безопасности, оказавшись частью системы обеспечения национальной безопасности США и их союзников [1].

В условиях кризиса мировой системы безопасности и систем безопасности государств следует обратиться к выявлению причин произошедшего.

Целью проведенного нами исследования было рассмотрение причин неэффективности коллективных моделей безопасности: модели безопасности СССР и модели, как нам когда-то казалось, абсолютной безопасности, а именно мировой безопасности.

МЕТОДЫ

Согласно данному нами определению, использованному в качестве методологической базы для данного исследования, общенациональная безопасность Российской Федерации – это результат деятельности по оценке и поддержанию силами и средствами граждан, общества и государства такого бытия многонационального народа Российской Федерации, при котором суверенно и самостоятельно удовлетворяются его витальные потребности в самосохранении, самоподдержании и самовоспроизводстве в прошлом, настоящем и будущем.

Предлагаемое определение, по нашему мнению, вводя актуальный объект обеспечения общенациональной безопасности и меняя характер взаимоотношений между субъектами, создает доктринальную основу для перехода к коллективной модели выживания в современной геополитической обстановке.

¹ Азимов А. Выбор катастроф: от гибели вселенной до энергетического кризиса / Пер. с англ. А.А. Делева и Л.А. Девель. СПб: Амфора, 2000. С. 506.

Основной научной проблемой обеспечения безопасности, по общему признанию, является «отсутствие в нашей стране не только общепринятой и строгой теории национальной безопасности, но и ее понятия» [2]. Одно из решений данной проблемы было предложено нами в виде авторской теории безопасности [3].

Таким образом, в качестве методологической основы причин и условий кризиса государственной и мировой систем коллективной безопасности нами использованы система, схемы и понятия авторской теории национальной безопасности, а также межотраслевые и межнаучные связи естественных и гуманитарных наук.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Используя ранее созданные нами методологические схемы, мы можем отчетливо проследить причины краха моделей «государственной безопасности СССР» и «мировой безопасности», предшествовавших предлагаемой нами современной модели «общенациональной безопасности».

На примере СССР можно наблюдать, как потерпела крах модель государственной безопасности, то есть модель, в которой функция безопасности выполнялась исключительно органами государства.

Не повторяя перечисление причин развала СССР, названных другими авторами [4], сосредоточимся на системе безопасности советского народа. Если рассматривать ее через призму нашей теории безопасности, то становится очевидным, что она имела два серьезных недостатка:

1. В СССР не сложилось системы сдержек и противовесов в обеспечении внутренней безопасности. Обеспечение государственной безопасности и безопасности советского народа (как аналога национальной безопасности) возлагалось исключительно на один орган. Этот искусственно созданный субъект обеспечения безопасности в какой-то момент стал самодостаточным и излишне влиятельным во всех сферах жизни страны, в результате чего заместил собой субъекта безопасности (государство – это я). Необходимо отметить, что нежизнеспособность отдельных субъектов обеспечения безопасности, сил и средств безопасности и ее обеспечения – как несамодостаточность и несuverенность, при которых только совокупность этих субъектов, сил и средств создает основу для выживания – является важным аспектом национальной безопасности. В связи с этим ученым следует обратить внимание на **соблюдение условия несамостоятельности искусственно созданных и естественно образованных субъектов обеспечения безопасности** (субъектов Российской Федерации, органов публичной власти (МВД, ФСБ и др.)), а также **сил и средств безопасности** (подразделений, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, подразделений собственной безопасности). Результатом их несамостоятельности является **реализация принципа разделения властей и единства государственной власти**, а также **создание системы сдержек и противовесов** как залога национальной безопасности.

Модель государственной безопасности СССР, при которой безопасность советского народа

обеспечивалась только отдельными государственными органами, была неорганична. В живом организме нет отдельного органа, отвечающего за обеспечение всех витальных потребностей, в этом отношении обеспечение национальной безопасности только специальными службами выглядит очень неорганично и, как показал опыт развала СССР, оказывается неэффективным. У организма существует множество систем и органов, обеспечивающих его самосохранение, дублирующих важные для жизни функции. Механизм и алгоритмы самосохранения не должны быть просты и познаваемы, чтобы обеспечить живучесть организма. Тысячелетние государства потому и тысячелетние, что сложны в своем содержании и организации, а потому самостоятельны и устойчивы. Система национальной безопасности должна быть сложной, дублировать наиболее важные свои функции, обеспечивать взаимный контроль со стороны ее субъектов и их эффективное взаимодействие.

В связи с этим следует выделить **силы и средства безопасности**, то есть органы государства, специально для нее предназначенные, а также **силы и средства обеспечения безопасности**, включающие в себя всё население и всю окружающую среду Российской Федерации (термин «обеспечение» нами используется для указания опосредованности и второстепенности этой деятельности). Оба названных вида сил должны соответственно применяться и использоваться в системе национальной безопасности.

2. В поздний период СССР и ранний период Российской Федерации механизм применения полезных свойств населения в обеспечении внутренней безопасности был задействован не в полной мере, хотя активно использовался ранее в ходе гражданской и Великой Отечественной войн [5].

Сохраняющийся в настоящее время государственный монополизм в сфере обеспечения безопасности и справедливости отстраняет важнейшие общественные силы от дела обеспечения национальной безопасности, что пагубно сказывается на ее состоянии. Пораженческая стратегия поведения представителей органов публичной власти России, не обладавших авторитетом у населения, в условиях реальной угрозы национальной безопасности была наглядно продемонстрирована во времена Первой мировой войны, русских революций XX века и смены власти на Украине в 2014 г., в то время как общество в период отечественных войн 1812 и 1941-1945 гг., укрепленное каркасами институтов религии и общины в первом случае, партийных, профессиональных и местных сообществ – во втором, даже в отрыве от центральной власти в условиях оккупации захватническими силами смогло остаться носителем национальных интересов, вести эффективную борьбу за восстановление государственного суверенитета.

Модель национальной безопасности подразумевает включение всех сил общества в дело обеспечения самосохранения государственной формы и общественного содержания бытия нации, то есть ее сохранения в прошлом, существования в

настоящем и становления в будущем. Согласно существовавшему национальному алгоритму обеспечения государственной безопасности основным субъектом ее обеспечения в России являлась Федеральная служба безопасности как правопреемник Комитета государственной безопасности СССР. Поскольку государственность в нашей стране существует на федеральном уровне и уровне субъектов федерации, использование термина «государственный» в названии данной службы стало неприемлемым в силу существующей схемы разделения властей, а также сдержек и противовесов, существующих в федеративном государстве. Осуществленного в 2015 г. в Стратегии обеспечения национальной безопасности нормативного расширения круга ее субъектов было не достаточно, чтобы изменить сложившийся национальный алгоритм, в рамках которого «...национальной безопасностью занимается и каждый милиционер, каждый участковый, каждый вообще чиновник, защищающий по должности каждую личность в своей епархии...»¹. Описанного стереотипа в настоящее время, согласно результатам проведенного нами опроса, придерживаются действующие сотрудники полиции, в том числе и их руководители.

Однако, несмотря на серьезность негативного воздействия двух вышеназванных недостатков рассматриваемой модели, главной причиной ее крушения оказалась другая проблема. Она заключалась в том, что **модель государственной безопасности СССР не охватывала выполнения всех витальных потребностей народа, в частности – самоподдержания**. Эгоизм как губительная для национальной безопасности стратегия человеческого поведения чаще всего начинает реализовываться при необходимости удовлетворения витальных потребностей. Ведущие государства давно поняли правильность утверждения о том, что «голод и жажда разрушают не только физические, но также и духовные и нравственные силы человека; они лишают его человеческого образа, лишают рассудка и сознания» [6, с. 250], поэтому «обязательным условием сохранения самостоятельности страны является такой прогресс благосостояния народа и общих условий его жизни, при которых каждый гражданин понимает, что это стоит всех затрат на оборону» (по воспоминаниям К.Г. Маннергейма, эту фразу сказал руководитель социал-демократической фракции парламента Финляндии Вяйне Альфред Таннер)².

Перевод понятий «безопасность» и «нация» в измерение органической теории требует и перевода биологических понятий самосохранения, самовоспроизводства и самоподдержания, раскрывающих витальные потребности, в гуманитарное содержание для детального исследования коллективных моделей безопасности.

Обеспечение самосохранения как внешней целостности наиболее часто оказывается целью коллективной модели обеспечения безопасности. При этом самоподдержание и самовоспроизводство обеспечиваются самостоятельно. В качестве

примеров можно назвать военные блоки НАТО, ОДКБ и др. На государственном уровне это воплощается в модель государства как «ночного сторожа» или государства-«бандита» [7].

Обеспечение **самоподдержания и социально-го самовоспроизводства** наряду с самосохранением – это цель более развитых государств, которые занимаются обеспечением поддержания внутренних свойств образовавшихся их субъектов. Поддержание как витальная функция обеспечивалось такими коллективными моделями выживания, как семья, религия, социальное государство.

Самоподдержание, в свою очередь, включает в себя потребность в сенсорном притоке, потребность в информационном притоке, потребность в эмоциях, потребность в приятных ощущениях (гедонистическая потребность) [8, с. 130-138]. Важность последней из перечисленных витальных потребностей и ее влияние на государство можно проследить по последствиям введения сухого закона в США (1920-1933 гг.) и СССР (1985-1990 гг.). В первом случае он предшествовал Великой депрессии, во втором – развалу Советского Союза. По сути самоподдержание – на биологическом уровне – это реализация функций органов тела, удовлетворение посредством органов чувств, поощряемое выделение приятных для человека гормонов.

В связи с этим представляется очевидным, что на индивидуальном уровне советский человек не был удовлетворен однообразным сенсорным притоком в области информации и культуры, а также скудным ассортиментом пищевых и промышленных товаров, что явилось следствием, в частности, отсутствия и несоблюдения принципа достаточности и необходимости усилий и затрат по обеспечению национальной безопасности советского народа ввиду гонки вооружений и оказания помощи другим странам.

На социальном уровне «самоподдержание» означат обучение человека, его программирование в плане целеполагания обществом в соответствии с его способностями и предоставление возможности реализовать заложенную в него программу с пользой для обеспечения витальных функций коллективного субъекта. То есть изготовление полезной для коллективного субъекта клеточки организма.

В новейшей истории России проблемы безопасности связаны с реализацией уже другого ее компонента – самовоспроизводства.

Помимо того, информационные и сетевые войны современности, не убивающие человека, но так изменяющие его сознание и так манипулирующие его действиями, что приводят его к гибели, вызвали осознание потребности в суверенитете не только как территориальной целостности и неприкосновенности, наличию вооруженных сил и ядерного оружия, обеспечивающих внешнюю безопасность, реализующих формальную сторону безопасности, а именно самосохранение, но и как обладания собственной суверенной

¹ Кольцов В.А. Философские основы концепции национальной безопасности: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Н.Новгород, 2006. С. 3.

² Маннергейм К.Г. Мемуары. М.: Вагриус, 1999. 508 с.

информационной сферой, то есть сохранении своего национального мировоззрения, порядка, ценностей, истории и т.д. для обеспечения внутренней безопасности, потребности самоподдержания и самовоспроизводства.

Социальные практики самоподдержания напрямую связаны с социальным аспектом реализации функции самовоспроизводства. Реализация витальной функции социального самоподдержания – программирования и целеполагания населения – осуществлялась за счет воспитания (как института целеполагания) и образования (как процесса передачи полезных знаний для реализации заданных воспитанием целей и задач). Эту функцию выполняли семья, религия, образовательные учреждения, государственная идеология.

Социальное программирование как воздействие на человека со стороны субъекта безопасности и общества (как силы и средства обеспечения безопасности), рассматривающееся в либеральной идеологии как «лишение и ограничение свободы», «нарушение естественных прав человека», на самом деле обусловлено объективной природой сущности человека как феномена и является необходимым условием индивидуального и коллективного выживания человека.

С рождения в человека заложено эгоистическое отношение к окружающему миру как один из полезных факторов, обеспечивающих его выживание. Однако воспитание, или социопрограммирование, человека осуществляется с взаимовыгодными целями (а именно с целями достижения личного жизненного успеха и процветания общества и государства) посредством развития, оптимального или необходимого для выполнения определенных общих функций, альтруистических и эгоистических начал в его мировоззрении и поведении.

Отказ от прагматизма обеспечения собственной безопасности ради альтруизма обеспечения мировой безопасности, насаждение эгоизма в мировоззрение советских граждан вследствие отказа от необходимого и достаточного программирования населения для обеспечения витальных функций коллективного субъекта безопасности, несоблюдение баланса между функциональными группами населения (к неудовлетворенности витальных потребностей самоподдержания население привело, в частности, распространение советской системой высшего образования знаний при невозможности их полноценной реализации в хозяйственном секторе экономики страны и творчестве) привели к краху нашей коллективной формы выживания – СССР. Это событие Президент Российской Федерации В.В. Путин назвал «крупнейшей геополитической катастрофой века». Отсутствие идеологии и воспитания как механизма целеполагания, приведение в упадок процесса передачи знаний – всё это обернулось частичной потерей человеком самоуправления на индивидуальном уровне и ослаблением государственного и общественного управления в коллективном субъекте безопасности, поскольку управление – это процесс, заключающийся в распространении информации. Отказ от распространения информации – это отказ от управления

объектом. И это управление обязательно будет перехвачено тем, кто станет оказывать своё информационное воздействие на объект.

Здесь необходимо отметить, что самовоспроизводство человека имеет биологический механизм реализации, а воспроизводство человека как личности – социальный. Воспроизводство как функция безопасности состоит в передаче во времени и пространстве полезных индивидуальных биологических и социальных свойств человека и объединений людей. Регламентация биологического воспроизводства на индивидуальном уровне обеспечивалась в тоталитарных обществах, а на общественном и государственном обеспечивается практически во всех современных государствах посредством демографической политики. В связи с этим современная политика государств так называемого коллективного Запада по популяризации и навязыванию образа половых отношений, не приводящих к реализации витальной функции самовоспроизводства, является, по сути, геноцидом в отношении их собственного населения, что обусловлено отказом западной цивилизации как коллективной формы выживания от своих обязанностей по защите репродуктивной функции населения.

Таким образом, мы приходим к выводу, что **человек и общество являются носителями и насаждателями основной ценности – присущих только им индивидуальных генетических и социальных свойств.**

В прошедший с 1991 г. исторический период использование России как средства обеспечения «мировой безопасности» в ущерб ее национальной безопасности происходило незаметно, поскольку имело форму манипуляции, в том числе в научной сфере и теории безопасности, в частности. Формально Российская Федерация являлась самостоятельным и самодостаточным субъектом международных отношений за счет обеспечения ее самосохранения, так как было необходимо, чтобы Российская Федерация имела государственную форму субъекта обеспечения безопасности. Однако ее функция самоподдержания (благоприятные условия проживания населения и достойное место страны на мировой арене), а также процесс поддержания и воспроизводства социальной составляющей многонационального народа Российской Федерации (ценности, культура, история, традиции) фактически были заблокированы и замещены в мировоззрении «гражданского общества» и государства на ценности коллективного Запада, а в мировоззрении населения – на деструктивные ценности.

В результате соглашения большинства мировых стран был образован новый объект обеспечения безопасности – весь мир, планета, – что не предполагало потери части субъектности стран, его организовавших. Однако впоследствии был образован и новый субъект обеспечения безопасности – мировое сообщество, объединенное аморфным представительство мировых интересов в виде международных органов (ООН и т.п.), которые со временем попали под влияние США как лидера НАТО. После устранения влияния на

ООН и другие международные организации иных стран (за счет бюрократических процедур, в том числе вследствие увеличения в ООН количества недееспособных стран, появившихся на пространстве бывшего СССР и Восточной Европы) управление мировой безопасностью было взято под контроль США и их союзниками. В новых условиях они перешли к правилам второй из названных нами выше модели коллективного выживания, когда субъекты, образовавшие общность, теряют часть своей субъектности и права на управление силами и средствами. В связи с этим возникли международные миссии и органы, где национальные государства утрачивали контроль за своими силами обеспечения национальной безопасности, в том числе и за полицией.

Создав мировую безопасность как новую модель выживания и форму коллективной безопасности, ее субъект, во-первых, не обеспечил защищенность и охрану привлеченных сил и средств, а во вторых, отождествив объект обеспечения мировой безопасности и объект обеспечения собственной безопасности, начал использовать силы и средства мировой безопасности в собственных целях. Неслучайно Президентом Российской Федерации на встрече с участниками Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности была отмечена необходимость построения системы единой мировой безопасности, поскольку «невозможно обеспечивать безопасность одного государства за счет другого, невозможно обеспечивать безопасность, допустим, одного блока за счет конфронтации с другим блоком или с другими странами»¹. Кризис мировой и международных региональных систем безопасности подтверждается результатами современных исследований в этой области [9, 10, 11, 12].

В настоящее время можно констатировать крах модели обеспечения мировой безопасности с образованием ее нового субъекта в виде «мирового сообщества» с международными организациями в качестве органов управления. Дальнейшее развитие обеспечения мировой безопасности должно проходить по другой модели – без образования нового субъекта обеспечения безопасности, но с привлечением сил и средств суверенных государств. Такую модель принято называть «многополярной».

В связи с этим необходимо закрепить в Федеральном законе «О безопасности» принцип **приоритета обеспечения национальной безопасности** перед обеспечением мировой, региональной и иных видов безопасности. Силы и средства обеспечения национальной безопасности могут использоваться Россией для обеспечения мировой или региональной безопасности только в случае обеспеченности своей собственной национальной безопасности.

Трагедия всей истории Украины состоит в том, что, являясь несамодостаточным субъектом своей безопасности и осознавая это, политические элиты этой страны пытаются выйти из органической

и взаимовыгодной коллективной формы обеспечения безопасности вместе Россией и присоединится к такой же несамодостаточной европейской системе коллективной безопасности. Однако ее полезные свойства интересны коллективному Западу только как средства обеспечения своей безопасности от России, в связи с этим они отрицают возможность образования нового субъекта коллективной безопасности вместе с Украиной, а используют ее как силы и средства обеспечения собственной безопасности без предоставления гарантий ее защищенности и охраны.

Нельзя не сказать и о дефектах вековой политики национальной безопасности России: отрицая эгоизм (прагматизм) международных отношений, Россия альтруистично помогает всем своим родственникам, друзьям и даже бывшим врагам, не требуя ничего взамен, чем растрчивает свой потенциал обеспечения национальной безопасности. Однако необходимо помнить, что дружба и родство с позиций выживания как результата обеспечения безопасности – это использование полезных свойств окружающего мира для собственного выживания. Поэтому, прежде чем оказывать помощь, мы должны подумать о том, будет ли это полезно для нашего выживания, какие возможности по использованию полезных свойств своих родственников, друзей и бывших врагов мы получим в настоящем или будущем, какое место они займут в обеспечении коллективной безопасности. В противном случае оказание безответной помощи как растрчивание потенциала страны является угрозой национальной безопасности. В связи с этим можно сформулировать еще один принцип безопасности, в котором проявляется разумный эгоизм выживания: **«взаимовыгодность международного сотрудничества»** как взаимодействия между суверенными субъектами и объектами обеспечения национальной безопасности. Несомненно, потенциальная угроза реализации этого принципа может быть нивелирована посредством предложенного нами принципа **«приоритетности национальной безопасности перед иными видами безопасности»**. Установление «взаимовыгодности» наряду с установлением ее «необходимости и достаточности» должно входить в компетенцию коллективных субъектов безопасности – Совета безопасности Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. А споры о выполнении этих принципов должны стать предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации.

В настоящее время отсутствие принципа приоритетности приводит к тому, что даже в работах по теории оперативно-разыскной деятельности цель обеспечения национальной безопасности легко подменяется целью обеспечения международной безопасности и безопасности межгосударственных объединений. Это касается, в частности, научных работ, посвященных международному сотрудничеству в сфере оперативно-разыскной деятельности, где словосочетание «национальная

¹ Стенографический отчет о встрече с участниками Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности // Официальный сайт Президента Российской Федерации. 21.10.2010 // URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/9299>.

безопасность Российской Федерации» практически не встречается [13, 14, 15, 16]. Однако напомним, что международное сотрудничество в сфере безопасности, согласно нашей теории, – это использование внешних сил и средств окружающего мира для собственного выживания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современном мире субъектом безопасности, способным самостоятельно выжить, становится такое коллективное образование, которое объединяет человека, общества и государства в прошлом, будущем и настоящем посредством единого порядка и мировоззрения. Подобным характеристикам отвечает понятие «цивилизация», наравне с которым нами используется понятие «тысячелетнее государство». В нашей стране целью такого государства-цивилизации является обеспечение «общенациональной безопасности» и устойчивого развития многонационального народа Россий-

ской Федерации. Представляется очевидным, что модель обеспечения безопасности народа исключительно государством в условиях информационного общества безвозвратно устарела, а модель мировой безопасности в современном многополярном мире является неактуальной.

Прагматизму как основному принципу безопасности, несомненно, требуется место в современном отечественном законодательстве о безопасности. Предлагаем дополнить перечень основных принципов безопасности в ст. 2 Федерального закона «О безопасности», включив в него принцип «приоритетности национальной безопасности». Этот перечень, по нашему мнению, следует также расширить посредством добавления в него принципов «необходимости и достаточности усилий и затрат по обеспечению национальной безопасности» и «взаимовыгодности международного сотрудничества в сфере безопасности». ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Фурсов А.И. Методология исследования современных политических тенденций в контексте исторического развития (Конец эпохи водораздела (1989-2021): глобальный порядок versus международный порядок) // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2021. № 1. С. 12-19.
2. Белов П.Г. Молчать нельзя говорить. О всестороннем обеспечении национальной безопасности России // Информационные войны. 2018. № 2 (46). С. 69-78.
3. Мелихов А.И. Теоретические основы обеспечения национальной безопасности в оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел: Монография. Волгоград: ВА МВД России, 2023. 344 с.
4. Фурсов А.И. Системные и субъектные факторы разрушения СССР. Крупнейшие социальные и геополитические катастрофы XX века // Вестник политической психологии. 2020. № 1 (11). С. 26-30.
5. Прокурова Н.С. Подвиг Сталинграда в жизни и литературе: Монография / 3-е изд., доп. Волгоград: ПринТерр-Дизайн, 2018. 298 с.
6. Фейербах Л. Сочинения / в 2 т.: пер. с нем. Т. 2. М.: Наука, 1995. 425 с.
7. Олсон М. Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп / пер. Е. Окороченко. Т. 1. М.: ФЭИ, 1995. 165 с.
8. Жуков Д.А. Стой, кто ведет? Биология поведения человека и других зверей / в 2 т. Т. 1. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 974 с.
9. Тарханов О.В. Кризис международной безопасности как следствие системы научных заблуждений // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2017. № 3 (19). С. 93-100.
10. Черкашина Т.Н. Отношения Россия – США – ЕС: кризис международной системы безопасности // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2020. № 1. С. 142-146.
11. Ницевич В. Ф. Методологические подходы к познанию международной безопасности // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. № 3. С. 186-191.
12. Грачев Н.И. Методологические проблемы исследования суверенитета и его политико-правовая природа в условиях становления многополярного мира // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 3. С. 67-84.
13. Кожокар В.В., Маслов А.А., Бабушкин А.А. Основы оперативно-розыскного обеспечения коллективной безопасности государств - членов ОДКБ: Монография. М.: ВНИИ МВД России, 2020. 228 с.
14. Парманасов А.Д. Сравнительный анализ законов об оперативно-розыскной деятельности стран - участников Евразийского экономического союза // Мир юридической науки. 2017. № 1-2. С. 67-75.
15. Никитина И.Э. Правовые механизмы и криминалистические аспекты обеспечения сотрудничества европейских государств при раскрытии и расследовании транснациональных преступлений // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. № 12 (2). С. 82-89.
16. Колосович О.С. Международное сотрудничество правоохранительных органов нескольких государств при расследовании преступлений, совершенных в сфере компьютерной информации: дискуссионные аспекты // Актуальные проблемы уголовного законодательства на современном этапе. Волгоград, 2022. С. 147-151.

REFERENCES

1. Fursov A.I. Metodologiya issledovaniya sovremennykh politicheskikh tendentsiy v kontekste istoricheskogo razvitiya (Konets epokhi vodorazdela (1989-2021): global'nyy poryadok versus mezhdunarodnyy poryadok) // Mezhdunarodnoye sotrudnichestvo yevraziyskikh gosudarstv: politika, ekonomika, pravo. 2021. № 1. S. 12-19.

2. Belov P.G. Molchat' nel'z'ya govorit'. O vsestoronnem obespechenii natsional'noy bezopasnosti Rossii // Informatsionnyye voyny. 2018. № 2 (46). S. 69-78.
3. Melikhov A.I. Teoreticheskiye osnovy obespecheniya natsional'noy bezopasnosti v operativno-razysknoy deyatel'nosti organov vnutrennikh del: Monografiya. Volgograd: VA MVD Rossii, 2023. 344 s.
4. Fursov A.I. Sistemnyye i sub'yektnyye faktory razrusheniya SSSR. Krupneyshiye sotsial'nyye i geopoliticheskiye katastrofy KHKH veka // Vestnik politicheskoy psikhologii. 2020. № 1 (11). S. 26-30.
5. Prokurova N.S. Podvig Stalingrada v zhizni i literature: Monografiya / 3-ye izd., dop. Volgograd: PrinTerr-Dizayn, 2018. 298 s.
6. Feyyerbakh L. Sochineniya / v 2 t.: per. s nem. T. 2. M.: Nauka, 1995. 425 s.
7. Olson M. Logika kollektivnykh deystviy: Obshchestvennyye blaga i teoriya grupp / per. Ye. Okorochenko. T. 1. M.: FEI, 1995. 165 s.
8. Zhukov D.A. Stoy, kto vedet? Biologiya povedeniya cheloveka i drugikh zverey / v 2 t. T. 1. M.: Al'pina non-fikshn, 2014. 974 s.
9. Tarkhanov O.V. Krizis mezhdunarodnoy bezopasnosti kak sledstviye sistemy nauchnykh zabluzhdeniy // Natsional'naya bezopasnost' i strategicheskoye planirovaniye. 2017. № 3 (19). S. 93-100.
10. Cherkashina T.N. Otnosheniya Rossiya – SSHA – YES: krizis mezhdunarodnoy sistemy bezopasnosti // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskiye nauki». 2020. № 1. S. 142-146.
11. Nitsevich V. F. Metodologicheskiye podkhody k poznaniyu mezhdunarodnoy bezopasnosti // Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk. 2012. № 3. S. 186-191.
12. Grachev N.I. Metodologicheskiye problemy issledovaniya suvereniteta i yego politiko-pravovaya priroda v usloviyakh stanovleniya mnogopolyarnogo mira // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya. 2022. № 3. S. 67-84.
13. Kozhokar' V.V., Maslov A.A., Babushkin A.A. Osnovy operativno-rozysknogo obespecheniya kollektivnoy bezopasnosti gosudarstv - chlenov ODKB: Monografiya. M.: VNII MVD Rossii, 2020. 228 s.
14. Parmanasov A.D. Sravnitel'nyy analiz zakonov ob operativno-rozysknoy deyatel'nosti stran - uchastnikov Yevraziyskogo ekonomicheskogo soyuza // Mir yuridicheskoy nauki. 2017. № 1-2. S. 67-75.
15. Nikitina I.E. Pravovyye mekhanizmy i kriminalisticheskiye aspekty obespecheniya sotrudnichestva yevropeyskikh gosudarstv pri raskrytii i rassledovanii transnatsional'nykh prestupleniy // Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy. 2017. № 12 (2). S. 82-89.
16. Kolosovich O.S. Mezhdunarodnoye sotrudnichestvo pravookhranitel'nykh organov neskol'kikh gosudarstv pri rassledovanii prestupleniy, sovershennykh v sfere komp'yuternoy informatsii: diskussionnyye aspekty // Aktual'nyye problemy ugolovnoy zakonodatel'stva na sovremennom etape. Volgograd, 2022. S. 147-151.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Мелихов А.И., Костюченко Н.И., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Мелихов А.И., Костюченко Н.И. Причины кризиса традиционных систем коллективного выживания // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3 (77). С. 83-90.

Светлана Витальевна ИВАНОВА,

доктор юридических наук, доцент, ORCID 0000-0002-9723-0990
Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (г. Оренбург)
заведующий кафедрой теории государства
и права Оренбургского института (филиала)
servis-05@list.ru

Светлана Викторовна РЫБАК,

кандидат юридических наук, доцент, ORCID 0000-0002-7280-86X
Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону)
заведующий кафедрой гражданского права
Svetoch_2504@mail.ru

Научная статья
УДК 349.6:(338.48:502.3)

РАЗВИТИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА КАК ПРИОРИТЕТНОГО НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Экологический туризм, особо охраняемые территории, флора и фауна, биоразнообразие, туристская инфраструктура, экологическое просвещение, экологическое воспитание.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Экологический туризм соответствует основным целям устойчивого развития туризма, включая сохранение биоразнообразия, борьбу с бедностью и сохранение объектов окружающей среды. Местные жители осознают необходимость сохранения окружающей среды, поскольку в рамках экотуризма они пытаются реализовать в своей повседневной жизни долгосрочную выгоду для себя. Экотуризм представляет собой эффективную стратегию для многих стран, так как помогает одновременно решать несколько задач: сохранять природные территории, получать доход для развития страны и трудоустраивать местных жителей. *Методы.* Методологическую основу проведенного авторами статьи исследования составила система философских, общенаучных и частнонаучных (анализ, синтез, конкретно-исторический метод, логический метод и др.) методов познания. *Результаты.* В ходе исследования было проанализировано текущее состояние дел в сфере экологического туризма, определены проблемы развития данного сектора туристского рынка в России и ряде зарубежных стран. Авторы статьи описали позитивные и негативные последствия реализации экологического туризма. Ими рассмотрены некоторые проблемы экотуризма, предложены варианты их разрешения (на примере отдельных особо охраняемых природных территорий). В статье отражен положительный опыт организации воздействия экологических, экономических и социальных факторов экотуризма на территории ряда заповедников России. Это воздействие представлено как способ обеспечения устойчивого использования и сохранения объектов природы в контексте концепции устойчивого развития. Описанный положительный опыт, по мнению авторов, может стать основой для развития экологического туризма в других государствах. В статье также рассматриваются усилия правительства по продвижению экотуризма как средства решения современных экологических проблем и результаты внедрения новых популярных направлений экотуризма в России.

ВВЕДЕНИЕ

Иntenсивное развитие науки и техники, социально-экономический прогресс выступили основой для быстрого развития туризма. Большие потоки туристов стали негативно воздействовать на состояние экологических систем, привели к серьезным проблемам в области культуры и социальной сфере. Неорганизован-

ный процесс развития туризма, направленный на получение большой прибыли, часто приводит к серьезным сбоям экологического и социального характера. Эти факторы требуют от мирового сообщества принятия мер по сохранению природных, исторических и культурных ценностей. Для решения подобных глобальных проблем в 1992 году в Рио-де-Жанейро на конференции ООН

Svetlana V. IVANOVA,

Doctor of Law, Associate Professor, ORCID 0000-0002-9723-0990

Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MGUA) (Orenburg, Russia)

Head of the Department of Theory of State and Law of the Orenburg Institute (Branch)

servis-05@list.ru

Svetlana V. RYBAK,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, ORCID 0000-0002-7280-86X

Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russia)

Head of the Department of Civil Law

Svetoch_2504@mail.ru

**THE DEVELOPMENT OF ECOLOGICAL TOURISM
AS A PRIORITY AREA OF ENVIRONMENTAL POLICY:
PROBLEMS OF IMPLEMENTATION IN RUSSIA AND ABROAD**

KEYWORDS. Ecological tourism, specially protected areas, flora and fauna, biodiversity, tourism infrastructure, environmental education, environmental training.

ANNOTATION. Introduction. Ecological tourism meets the key goals of sustainable tourism development, including biodiversity conservation, poverty alleviation and environmental conservation. Local residents are aware of the need to preserve the environment because they try to realize long-term benefits for themselves in their daily lives through ecotourism. Ecotourism is an effective strategy for many countries because it helps to solve several problems at the same time: preserve natural areas, generate income for the country's development and employ local residents. **Methods.** The methodological basis of the study conducted by the authors of the article is a system of philosophical, general scientific and specific scientific (analysis, synthesis, specific historical method, logical method, etc.) methods of cognition. **Results.** The study analyzed the current state of affairs in the field of ecotourism, identified the problems of development of this sector of the tourism market in Russia and a number of foreign countries. The authors of the article described the positive and negative consequences of the implementation of ecotourism. They considered some of the problems of ecotourism, proposed options for their resolution (using the example of certain specially protected natural areas). The article reflects the positive experience of organizing the impact of environmental, economic and social factors of ecotourism on the territory of a number of reserves in Russia. This impact is presented as a way to ensure sustainable use and conservation of natural objects in the context of the concept of sustainable development. The authors believe that the described positive experience can become the basis for the development of ecotourism in other countries. The article also examines the government's efforts to promote ecotourism as a means of solving modern environmental problems and the results of the introduction of new popular ecotourism trends in Russia.

по окружающей среде и развитию был принят программный документ «Повестка дня на XXI век» («Agenda 21»), а также была одобрена Декларация по окружающей среде и развитию. В этих документах заложен принцип устойчивого развития туризма, что стало началом внедрения радикального нововведения в сферу туризма [1, с. 80]. Данный принцип позволил по-новому взглянуть на туристическую индустрию в целом, на взаимоотношения туристов и представителей бизнеса.

МЕТОДЫ

Методологическая основа исследования, результаты которого отражены в статье, включает в себя систему философских, общенаучных и частнонаучных методов познания. Авторы использовали исторический метод, изучая научную литературу, посвященную широкому спектру вопросов, начиная с истоков возникновения экологического туризма до современных проблем реализации его принципов. Кроме того, при исследовании особенностей экотуризма в России и зарубежных странах применялся сравнительный метод познания. В методологии исследования представлен также ряд частнонаучных методов (анализ, синтез, логический метод).

РЕЗУЛЬТАТЫ

К числу основных направлений развития туризма относится экологический туризм. Это один из самых быстрорастущих подсекторов индустрии туризма. По данным Всемирного совета по туризму и экскурсиям и Всемирной туристической организации, доля экотуризма в мировой индустрии туризма составляет от 10% до 20%, доход от экотуристских услуг достигает 55 млрд долларов, а его ежегодный прирост – 30% [2, с. 20]. Экотуризм ориентирован на сохранение объектов природы, он оказывает незначительное воздействие на окружающую среду, вовлекает местных жителей в планирование и реализацию программ по развитию особо охраняемых природных территорий, а также предопределяет необходимость воспитания и просвещения туристов. Экотуризм отличается от других видов туризма тем, что в его основу положена идея о необходимости поддержания природных экосистем. В некоторых странах экотуризм стал даже рассматриваться как основной источник дохода.

В Канаде общий объем дохода от экологического туризма составляет 1,7 млрд долларов в год. По словам специалистов, это более чем в 5 раз превышает размер средств, выделяемых правительством

на программу охраны дикой природы (300 млн долларов). Таким образом, экотуризм вносит большой экономический вклад в реализацию природоохранных мероприятий, он оказывает значительную финансовую поддержку реализации природоохранных мер [3].

По данным Организации Объединенных Наций и Всемирной торговой организации, за последние 20 лет количество экотуристов в развивающихся странах увеличилось, а их доходы от экотуризма растут с каждым годом. Например, доход от экотуризма в Кении составляет 1,4 млрд долларов, в Непале – 1,5 млрд долларов, в Коста-Рике – 11,4 млрд долларов, в Эквадоре – 11,8 млрд долларов.

Согласно результатам исследований, проведенных в Китае [4, с. 221], экологический туризм способствует стабильности экономики страны посредством увеличения объема производства, получения доходов от посещения особо охраняемых природных территорий и создания рабочих мест. Экотуризм стал рассматриваться местным населением как основной источник дохода, а традиционные виды деятельности, такие как охота, земледелие, разведение скота, утратили свою актуальность [5, с. 641].

На территории России располагаются более 12 тысяч особо охраняемых природных территорий, которые являются комплексным природным ресурсом для перспективного развития экологического туризма. Преимуществом экологического туризма на этих территориях является то обстоятельство, что объекты флоры и фауны находятся под защитой государства, обладают особым статусом (заповедники, заказники, национальные парки), имеют собственную инфраструктуру [6]. Большое внимание к развитию экотуризма обусловлено в России наличием уникальных природных ландшафтов и богатого биоразнообразия фауны и флоры. Однако этот потенциал на сегодняшний день, к сожалению, пока не отличается высоким уровнем востребованности. По данным статистики, хотя 60% россиян и предпочли внутренний туризм, но только 4% населения выбрало экологический туризм в качестве наиболее привлекательного вида проведения отпуска на территории своей страны в противовес санаторно-курортному (20%), пляжно-экскурсионному (15%), круизному (14%) и т.д. [7, с. 62]. Это свидетельствует об отсутствии социальных установок на экологизацию отпуска, о недостатке специально оборудованных зон для занятия экотуризмом, о низкой степени ориентации средств массовой информации на освещение экологических туров. Для сравнения: в развитых странах мира среди всех видов туризма доля внутреннего туризма составляет 80-90%¹. Экологический туризм во многих государствах является приоритетным видом туризма.

Экотуризм соответствует основным целям устойчивого развития туризма, включая сохра-

нение биоразнообразия, борьбу с бедностью и сохранение объектов окружающей среды. Местные жители осознают необходимость сохранения окружающей среды, и в рамках экотуризма пытаются реализовать в своей повседневной жизни долгосрочную выгоду для себя. Экотуризм представляет собой эффективную стратегию для многих стран, поскольку он помогает решать одновременно несколько задач: сохранять природные территории, получать доход для развития страны, трудоустраивать местных жителей. За рубежом наибольшие финансовые дивиденды от развития экотуризма за последние годы были получены Коста-Рикой [8, с. 140] и Южно-Африканской Республикой [9, с. 235], где отмечают значительный рост доходов от туризма в целом благодаря именно этой его отрасли. Таким образом, экотуризм рассматривается сегодня как движущая сила экономического роста государств и отдельных их регионов. Экологический туризм – самая быстрорастущая часть индустрии туризма, и его развитие имеет множество позитивных эффектов, в том числе создание рабочих мест, повышение уровня занятости местного населения, стимулирование новых инвестиционных возможностей.

Для успешной реализации программ устойчивого экологического туризма важны социальные и культурные факторы. Развитие экотуризма напрямую воздействует на социальную сферу жизнедеятельности конкретного региона, поддерживая и развивая при этом национальные традиции и культуру. Экологический туризм способствует активному участию местного населения в осуществлении различных программ, ориентированных на сохранение природных ландшафтов и объектов животного мира². Ученые отмечают, что экологический туризм в некоторых странах привел к снижению показателей незаконной вырубке леса, уменьшению количества незаконной добычи ресурсов охоты и рыболовства [10, с. 130]. Следовательно, одним из важнейших элементов устойчивого экотуризма является сохранение ресурсов природы и естественной среды их обитания. Исследования показали, что экотуризм играет важнейшую роль в сохранении экосистем, в борьбе с обезлесением, защите дикой природы и растительного мира. Кроме того, он способствует сохранению природных территорий и, как следствие, биоразнообразия регионов их расположения. Сущность экотуризма состоит в том, чтобы использовать как можно меньше природных ресурсов региона для получения максимальной долгосрочной выгоды как для местного населения, так и для окружающей среды. Устойчивый экологический туризм сосредоточен на минимизации негативного воздействия на природную среду и максимальном позитивном воздействии на местное население.

В России основными документами стратегического планирования в сфере экотуризма являются

¹ Бюллетень Международного общества экотуризма (TIES) // URL: http://www.ecotourism-russia.ru/eshche_odna_vnutrennjaja/bulleten_mezhdunarodnogo_obschestva_ekoturizma_ties.html.

² Chen, Z., Yang, J. and Xie, Z. Economic development of local communities and biodiversity conservation: A case study from Shennongjia National Nature Reserve, China // Biodiversity and Conservation. 2005. Vol. 14. P. 2095-2108; URL: <https://doi.org/10.1007/s10531-004-4360-2>.

Национальный проект «Экология» и «Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года». Однако действующее законодательство не раскрывает сущности экологического туризма, в связи с чем возникают сложности в его правовом регулировании и дальнейшем развитии. За основу экологического туризма в нашей стране была взята американская модель его развития на особо охраняемых природных территориях. Эта модель является одним из наиболее успешных примеров развития данного вида туризма. Отдельные элементы модели в настоящее время успешно реализуются на особо охраняемых природных территориях в нашей стране. К примеру, в Оренбургском государственном природном заповеднике, где разрешена рекреационная деятельность, компактно располагается туристско-рекреационная инфраструктура. Все маршруты по заповеднику оборудованы экотропами, смотровыми площадками и интерактивными информационными стендами.

Для обеспечения устойчивого туризма необходимо наличие на особо охраняемых природных территориях туристской инфраструктуры. Характерными для нее объектами в рассматриваемых нами случаях являются экологические тропы и смотровые площадки. Назначение подобных объектов ориентировано на сохранение дикой фауны и флоры, отдельных экосистем. Организация компактной инфраструктуры позволяет обеспечить минимальное воздействие на природные объекты. Посредством создания экологических троп, смотровых площадок, организованных стоянок, мест для костров происходит снижение антропогенной нагрузки на экосистемы.

В России существуют объекты, на территории которых направлен большой поток экотуристов: как отечественных, так и иностранных. Это, например, Национальный парк «Лосиный остров», Байкальский государственный природный биосферный заповедник и др. Национальный парк «Лосиный остров» располагается на территории Москвы и Московской области, и потому он очень удобен для посещения. Ежегодно здесь бывает около 2,5 млн человек¹. Благодаря развитой инфраструктуре, близости к столице и многолетнему опыту в развитии экотуризма этот парк стал лидером среди других особо охраняемых территорий. Особенностью парка является кластерная модель развития туризма. На территории парка организовано 4 туристских кластера, создана уникальная туристско-рекреационная инфраструктура, способствующая росту популярности экологического туризма и сохранению природных комплексов.

К числу преимуществ экологического туризма, по нашему мнению, следует отнести следующие обстоятельства:

1) экотуризм позволяет получать немонетарные доходы посредством повышения правовой культуры и правосознания, экологического об-

разования и воспитания, понимания необходимости сохранения объектов природы для будущего поколения;

2) экотуризм осуществляется в границах особо охраняемых природных территорий, что позволяет сконцентрировать усилия по сохранению природных ландшафтов и ресурсов природы;

3) экотуризм предоставляет местному населению возможность получить работу и доходы от реализации произведенных им натуральных продуктов, от продажи ремесленных изделий;

4) организованный экотуризм привлекает большое количество туристов, что предполагает развитие туристской инфраструктуры и привлечение финансовых инвестиций.

Преимущества экологического туризма стимулируют субъектов предпринимательской деятельности к дальнейшему развитию и совершенствованию туристских услуг, к реализации совместно с местным населением проектов по созданию новых рабочих мест.

Несмотря на многочисленные положительные аспекты экотуризма, он сталкивается с рядом серьезных проблем. В их числе, например: обеспечение баланса между экономическим развитием и охраной окружающей среды; управление количеством туристов для предотвращения перенаселенности и деградации природных территорий; обеспечение вовлеченности и выгод для местных сообществ; устранение потенциальных конфликтов между целями туризма и охраны природы; снижение выбросов углекислого газа, вызванных поездками в отдаленные места, предназначенные для экотуризма².

В определенной степени в контексте изучения проблем экотуризма интересен опыт Индии, которая богата географическими достопримечательностями, включая водопады, проливы, реки, горы, диких животных и разнообразие флоры. По мнению специалистов, эта страна может привлекать гораздо больше туристов, чем сейчас. Для привлечения туристов из-за рубежа Индии необходимо принять меры по улучшению инфраструктуры экологического туризма. Данная мера приведет к созданию новых рабочих мест и повышению темпов экономического роста. Индийские туристические показатели будут оставаться неудовлетворительными до тех пор, пока местные жители не станут ценить то, что они могут предложить. Бытующие заблуждения необходимо исправлять на культурном и образовательном уровне. Другая серьезная проблема заключается в том, что местные жители не осознают значимости природных, культурных и исторических достопримечательностей страны. Они должны считать эти объекты своим достоянием и достоянием своих потомков. Трудности в развитии экотуризма связаны и с тем, что в стране не проводится тщательного его планирования, а также не осуществляется организованное продвижение туристических проектов. Потенциал обширных и разнообразных возмож-

¹ Лучшие практики экологического туризма в Российской Федерации / под ред. Л.Б.-Ж. Максановой. М: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2018. С. 56.

² Lopez V. The Negative Impacts of Ecotourism: A Closer Look // Appgecet.co.in. October 6, 2023 // URL: <https://www.appgecet.co.in/the-negative-impacts-of-ecotourism-a-closer-look/>.

ностей экотуризма в Индии не был реализован, в результате чего отрасль не получила должного развития [11, с. 1602]. В результате неспособности определить приоритетные направления экотуризма и отсутствия вспомогательной инфраструктуры эта отрасль находится на начальной стадии становления. Экотуризм в Индии сталкивается с рядом экономических препятствий, включая низкое качество жизни, отсутствие экономических стратегий в секторе данного вида туризма, недостаток и неэффективность инфраструктуры. Индустрия экотуризма в Индии испытывает трудности из-за отсутствия стратегического маркетинга и всеобъемлющей стратегии на национальном уровне. В Индии до сих пор остается неизвестным объем потенциальных маршрутов экотуризма.

Другой страной, столкнувшейся с проблемами в сфере развития экотуризма, является Узбекистан, где отсутствует реклама этого вида деятельности, неразвита инфраструктура ряда туристических объектов, есть трудности с привлечением инвестиций [2, с. 21].

Для России основными факторами, которые препятствуют развитию экологического туризма, являются активная добыча и эксплуатация природных ресурсов, ухудшение экологической обстановки, изменение климата, браконьерство и исчезновение редких природных комплексов [12, с. 11].

В связи с этим стоит вспомнить мексиканского ученого Г. Цебалос-Ласкурэйна, который первым исследовал вопрос о понятии, принципах экологического туризма и негативных последствиях развития туризма для окружающей среды [13, с. 72]. По его мнению, такие последствия следует разделить на две группы: прямые и косвенные. Прямые возникают непосредственно от воздействия туристов, их присутствия на территории особо охраняемых природных объектов (заповедников, национальных парков и т.д.). Косвенное воздействие на окружающую среду осуществляется посредством использования туристской инфраструктуры, транспорта.

В России вопросы экологического туризма впервые были исследованы учеными из Института географии Академии наук СССР в рамках такого научного направления, как рекреационная география [14, с. 84]. В частности, были рассмотрены вопросы допустимых нагрузок туристов на окружающую среду, ответных реакций природной среды на воздействия от туризма, скорости и масштабов таких реакций, линий взаимодействия между туристом и компонентами природной среды. Кроме того, были определены количественные параметры устойчивости природной среды к рекреационным нагрузкам [15, с. 26]. Авторы исследования пришли к выводу о том, что от экологического туризма происходит негативное воздействие на почву посредством антропогенной нагрузки. Большую нагрузку почва испытывает при строительстве объектов инфраструктуры. Последствиями пеших прогулок по склонам гор могут стать оползни и обвалы, сползание почвы со склонов [16, с. 21]. Организация палаточных лагерей негативно воздействует на верхние слои

почвы, что приводит к нарушению естественного баланса в экологических системах, сокращению количества или уничтожению микроорганизмов.

Регулярное посещение природных объектов большими потоками туристов приводит к уплотнению почвы. Особенно заметно это по берегам озер и на лесных тропах. В результате наблюдается снижение способности почвы к естественному восстановлению. Организация экологических туров на машинах и лошадях оборачивается эрозией почвы, заболачиванием, гибелью растений, микроорганизмов и насекомых. Ученые считают, что в естественных условиях требуется порядка 12 тысяч лет на восстановление и развитие почвы [17, с. 1147].

Кроме того, экологический туризм негативно отражается на свойствах водных объектов. На прибрежных территориях, где организованы рекреационные зоны, наблюдается химическое и бактериальное загрязнение воды, происходят выбросы сточных вод, что приводит к гибели водной биоты и фауны.

Еще одним негативным следствием экотуризма является воздействие на диких животных. Ученые отмечают, что в местах, где проводятся экологические туры, у диких животных наблюдается снижение репродуктивной способности, нарушается пищевое поведение [18, с. 160]. К числу актуальных проблем, требующих решения, следует отнести подкармливание туристами диких животных, в результате чего они теряют способность к самостоятельной жизни в естественной среде обитания, что в дальнейшем приводит к их гибели [19, с. 34].

Ярким примером, демонстрирующим подобного рода негативные последствия, представляется Байкальский государственный природный биосферный заповедник. Специалисты отмечают, что на озере Байкал появились «условно новые» проблемы, связанные с рекреационной нагрузкой на водоем. Темпы развития туризма увеличиваются в геометрической прогрессии. Ежегодно озеро Байкал посещает около 2,5 млн человек. Для организации туристических потоков появляются новые объекты инфраструктуры, многие из которых не отвечают требованиям законодательства, касающимся соблюдения экологических норм. В частности, отсутствует система вывоза мусора, в результате чего происходит локальное загрязнение воды и ухудшение ее санитарно-биологических показателей. Отели строят без очистных сооружений, сточные воды сбрасываются в озеро. Местное население массово переключилось на туристический бизнес. Приобретаемый им транспорт (машины, гидроциклы, катера и др.) функционирует бесконтрольно, неорганизованно. Все стоки от прогулочных катеров сливаются в озеро. Подобные негативные последствия развития экологического туризма требуют внимания государственной власти: предлагается внести изменения в действующее законодательство, в части установления запрета на сброс сточных вод в Байкал, а также на возведение объектов инфраструктуры (отелей, турбаз), не соответствующих экологическим требованиям.

Таким образом, очевидно, что развитие инфраструктуры экотуризма влечет за собой большие проблемы. Строительство объектов туристической индустрии может приводить к вырубке лесов, загрязнению вод, потере среды обитания представителей фауны, нарушению экосистем. Поэтому, хотя экотуризм и направлен на защиту окружающей среды, одновременно он наносит ей и ощутимый ущерб. Приток посетителей, желающих познакомиться с объектами природы, может создавать чрезмерные нагрузки на экосистемы, что ведет, например, к изменениям в поведении животных, смене среды их обитания, нарушению естественного процесса их размножения. Кроме того, приток туристов может способствовать росту стоимости жизни местного населения, его вытеснению из привычных районов проживания.

Смещение акцента в сторону обслуживания туристов часто приводит к пренебрежению традиционными видами жизнеобеспечения, такими как сельское хозяйство и рыболовство, что порой оборачивается потерей культурного наследия и самобытности сообщества. Так, в Австралии в 2019 году было запрещено посещение приезжими скалы Улуру. Решение принято из-за того, что большой поток туристов привел к негативным экологическим последствиям для данного памятника природы и лишил местных аборигенов возможности посещать данное место, которое является для них святыней.

В юридической литературе к числу негативных факторов воздействия экологического туризма относят нарушение принципов экотуризма посредством несоответствия заявленных программ туристических туров их реализации на практике. Организаторы туров часто не обеспечивают условия для сохранения природы. Руководство особо охраняемых природных территорий не привлекает в качестве экскурсоводов специалистов из числа местного населения, что приводит к отсутствию мотивации у его представителей к обеспечению устойчивого туризма, ограничивает возможности местных жителей в развитии экономической и культурной жизни в интересах представителей туристического бизнеса¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экологический туризм является эффективной мерой обеспечения устойчивого использования

объектов природы, но он имеет негативные стороны. Изучение теоретических и практических проблем экотуризма позволило сформулировать предложения, касающиеся путей их разрешения посредством функционирования особо охраняемых природных территорий, реализующих цели концепции устойчивого развития и обеспечивающих баланс экологических, экономических и социальных интересов.

В России существуют все условия для развития экологического туризма. Однако при его реализации возникает много проблем правового, финансового, социального характера. Решение этих проблем возможно только с помощью совместных усилий государства, бизнеса, местного населения. В целом работа особо охраняемых территорий направлена на получение немонетарных доходов (повышение уровня правовой культуры, воспитания, образования, сохранение объектов природы для настоящего и будущего поколений). Поэтому финансирование развития экологического туризма (проектов, планов развития) должно осуществляться, кроме прочего, и из государственного бюджета.

Анализ развития экотуризма в России показал, что есть примеры эффективной реализации на практике взаимодействия руководства особо охраняемых природных территорий с местным населением, их взаимной поддержки, обеспечения жителей таких районов рабочими местами. Наблюдается позитивная тенденция в деятельности по сохранению почвенного слоя посредством принятия соответствующих нормативных правовых актов, направленных на расчет предельно допустимой нагрузки на почву при большом потоке туристов. Осуществляется большая работа по освещению экологического туризма путем проведения открытых лекций, семинаров, конкурсов, выступлений специалистов на телевидении и в социальных сетях. Однако наряду с положительными аспектами при реализации экологического туризма возникает множество негативных последствий. На федеральном уровне в рамках комплексного подхода к поиску баланса экологических, экономических и социальных интересов прилагаются усилия для их устранения и предупреждения. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Богатырева Д.С. Экологический туризм: компаративный анализ определений // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 11. С. 78-82.
2. Ablakulova I.K. Eco tourism and its problems // Экономика и социум. № 10 (77). 2020. С. 19-22.
3. Gapparov A.K. Problems in the Development of Ecological Tourism // Procedia on Digital Economics and Financial Research. 2023. Vol. 2. 12-14 // URL: <https://procedia.online/index.php/economic/article/view/636>.
4. Salman A., Jaafar M., Mohamad D. A Comprehensive Review of the Role of Ecotourism in Sustainable Tourism Development // e-Review of Tourism Research. 2020. Vol. 18. № 2. 215-233. // URL: <https://ertr-ojs-tamu.tdl.org/ertr/article/view/482/222>.
5. Mbaiwa J.E., Stronza A.L. The Effects of Tourism Development on Rural Livelihoods in the Okavango Delta, Botswana // Journal of sustainable tourism. 2010. Vol. 18. Iss. 5. 635-656. // URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09669581003653500?needAccess=true>.
6. Актуальные проблемы теории экологического права: Монография / Е.Н. Абанина, А.П. Алексеева, А.П. Анисимов [и др.]. М.: Юрлитинформ, 2019. 520 с.

¹ Бочкарева Т.В. Экотуризм: анализ существующего международного опыта // Все о туризме. Образовательный туристический интернет-портал // URL: http://tourlib.net/statti_tourism/bochkareva.htm.

7. Ермолаева П.О. Экологический туризм как форма проявления экологизации образа жизни // Ученые записки Казанского государственного университета. 2009. Т. 151. Кн. 5. Ч. 1. С. 60-63.
8. Courvisanos J., Ameeta J. A Framework for Sustainable Ecotourism: Application to Costa Rica // Tourism and Hospitality Planning & Development. 2006. Vol. 3. № 2. 131-142 // URL: https://www.researchgate.net/profile/Jerry-Courvisanos/publication/228364559_A_framework_for_sustainable_Ecotourism_Application_to_Costa_Rica/links/0deec521c1a8e8df3f000000/A-framework-for-sustainable-Ecotourism-Application-to-Costa-Rica.pdf.
9. Lyon A., Hunter-Jones P., Warnaby G. Are We Any Closer to Sustainable Development? Listening to Active Stakeholder Discourses of Tourism Development in the Waterberg Biosphere Reserve, South Africa // Tourism Management. 2017. Vol. 61. 234-247 // URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0261517717300109>.
10. Алексеева А.П. Ответственность за экологические правонарушения (преступления) // Пути развития российской юридической науки и образования в XXI веке: Тезисы докладов научно-практической конференции. Волгоград: Волгоградский филиал Московского университета потребительской кооперации, 2001. С. 129-132.
11. Tanesh I., Muthukumar P.K. Role of Ecotourism in Sustainable Development: an Overview // Journal of Pharmaceutical Negative Results. 2023. Vol. 14. Iss. 02. 1600-1608 // URL: <https://www.pnrjournal.com/index.php/home/article/view/7587/10020>.
12. Шабалина Н.В., Никанорова А.Д. Экологический туризм: особенности и проблемы развития в России // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2021. Т. 15. № 1. С. 4-14.
13. Ceballos-Lascurain H. Tourism, Ecotourism, and Protected Areas: the State of Nature-Based Tourism around the World and Guidelines for its Development // Cambridge: IUCN, 1996. P. 55-83.
14. Веденин Ю.А. Динамика территориальных рекреационных систем. М.: Наука, 1982. 190 с.
15. Преловский В.И. О содержании понятия «экологический туризм» // География и природные ресурсы. 2002. № 2. С. 24-31.
16. Виноградов Е.С. Негативные аспекты развития природоориентированного туризма // Сервис в России и за рубежом. 2017. Т. 11. № 5 (75). С. 19-30.
17. Курушина Е.В. Экономическая интеграция с позиций методологии научного познания (вопросы классификации) // Фундаментальные исследования. 2013. № 8-5. С. 1146-1150.
18. Spenceley A. Responsible Tourism: Critical Issues for Conservation and Development. London: Earthscan, 2010. 416 p.
19. Boo E. Ecotourism: Potential and Pitfalls. Washington, D.C.: World Wildlife Fund, 1990. 72 p.

REFERENCES

1. Bogatyreva D.S. Ekologicheskiy turizm: komparativnyy analiz opredeleniy // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2015. № 11. S. 78-82.
2. Ablakulova I.K. Eco tourism and its problems // Ekonomika i sotsium. № 10 (77). 2020. S. 19-22.
3. Gapparov A.K. Problems in the Development of Ecological Tourism // Procedia on Digital Economics and Financial Research. 2023. Vol. 2. 12-14 // URL: <https://procedia.online/index.php/economic/article/view/636>.
4. Salman A., Jaafar M., Mohamad D. A Comprehensive Review of the Role of Ecotourism in Sustainable Tourism Development // e-Review of Tourism Research. 2020. Vol. 18. № 2. 215-233. // URL: <https://ertr-ojs-tamu.tdl.org/ertr/article/view/482/222>.
5. Mbaiwa J.E., Stronza A.L. The Effects of Tourism Development on Rural Livelihoods in the Okavango Delta, Botswana // Journal of sustainable tourism. 2010. Vol. 18. Iss. 5. 635-656. // URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09669581003653500?needAccess=true>.
6. Aktual'nyye problemy teorii ekologicheskogo prava: Monografiya / Ye.N. Abanina, A.P. Alekseyeva, A.P. Anisimov [i dr.]. M.: Yurlitinform, 2019. 520 s.
7. Yermolayeva P.O. Ekologicheskiy turizm kak forma proyavleniya ekologizatsii obraza zhizni // Uchenyye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. Т. 151. Кн. 5. Ч. 1. С. 60-63.
8. Courvisanos J., Ameeta J. A Framework for Sustainable Ecotourism: Application to Costa Rica // Tourism and Hospitality Planning & Development. 2006. Vol. 3. № 2. 131-142 // URL: https://www.researchgate.net/profile/Jerry-Courvisanos/publication/228364559_A_framework_for_sustainable_Ecotourism_Application_to_Costa_Rica/links/0deec521c1a8e8df3f000000/A-framework-for-sustainable-Ecotourism-Application-to-Costa-Rica.pdf.
9. Lyon A., Hunter-Jones P., Warnaby G. Are We Any Closer to Sustainable Development? Listening to Active Stakeholder Discourses of Tourism Development in the Waterberg Biosphere Reserve, South Africa // Tourism Management. 2017. Vol. 61. 234-247 // URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0261517717300109>.
10. Alekseyeva A.P. Otvetstvennost' za ekologicheskiye pravonarusheniya (prestupleniya) // Puti razvitiya rossiyskoy yuridicheskoy nauki i obrazovaniya v XXI veke: Tezisy dokladov nauchno-prakticheskoy konferentsii. Volgograd: Volgogradskiy filial Moskovskogo universiteta potrebitel'skoy kooperatsii, 2001. S. 129-132.
11. Tanesh I., Muthukumar P.K. Role of Ecotourism in Sustainable Development: an Overview // Journal of Pharmaceutical Negative Results. 2023. Vol. 14. Iss. 02. 1600-1608 // URL: <https://www.pnrjournal.com/index.php/home/article/view/7587/10020>.

12. Shabalina N.V., Nikanorova A.D. Ekologicheskiy turizm: osobennosti i problemy razvitiya v Rossii // Vestnik assotsiatsii vuzov turizma i servisa. 2021. T. 15. № 1. S. 4-14.
13. Ceballos-Lascurain H. Tourism, Ecotourism, and Protected Areas: the State of Nature-Based Tourism around the World and Guidelines for its Development // Cambridge: IUCN, 1996. P. 55-83.
14. Vedenin Yu.A. Dinamika territorial'nykh rekreatsionnykh sistem. M.: Nauka, 1982. 190 s.
15. Prelovskiy V.I. O sodержanii ponyatiya «ekologicheskiy turizm» // Geografiya i prirodnyye resursy. 2002. № 2. S. 24-31.
16. Vinogradov Ye.S. Negativnyye aspekty razvitiya prirodooriyentirovannogo turizma // Servis v Rossii i za rubezhom. 2017. T. 11. № 5 (75). S. 19-30.
17. Kurushina Ye.V. Ekonomicheskaya integratsiya s pozitsiy metodologii nauchnogo poznaniya (voprosy klassifikatsii) // Fundamental'nyye issledovaniya. 2013. № 8-5. S. 1146-1150.
18. Spenceley A. Responsible Tourism: Critical Issues for Conservation and Development. London: Earthscan, 2010. 416 p.
19. Boo E. Ecotourism: Potential and Pitfalls. Washington, D.C.: World Wildlife Fund, 1990. 72 p.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© **Иванова С.В., Рыбак С.В., 2024.**

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Иванова С.В., Рыбак С.В. Развитие экологического туризма как приоритетного направления экологической политики: проблемы реализации в России и за рубежом // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 2 (76). С. 91-98.

Анна Александровна КРИЦКАЯ,

кандидат политических наук, ORCID 0000-0001-5890-0528

Российская академия народного хозяйства и государственной

службы при Президенте Российской Федерации (г. Ростов-на-Дону)

доцент кафедры политологии и этнополитики Южно-Российского

института управления (филиала РАНХиГС)

enigmaann@bk.ru

Сафарби Мухамедович ИНЖИЖОКОВ,

Российская академия народного хозяйства и государственной

службы при Президенте Российской Федерации (г. Ростов-на-Дону)

аспирант Южно-Российского института управления (филиала РАНХиГС)

injjokov@yandex.ru

Научная статья

УДК 349.6:327

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Экологическая политика, международное сотрудничество в сфере экологии, политический институт, экополитические процессы, экологическая безопасность.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В статье рассматриваются основные направления современной экологической политики на глобальном и национальном уровнях. Экологическая политика является неотъемлемой частью современного экополитологического процесса. Если ранее во времена доминирования индустриального общества экологическая политика была направлена на интенсивное природопользование в целях экономического роста, то переход к постиндустриальному обществу характеризуется сменой вектора государственной экологической политики. Теперь он направлен прежде всего на рациональное природопользование, сохранение биоразнообразия и перевод экономик на возобновляемые или неиссякаемые энергетические источники. Исходя из этого, авторы выявляют особенности реализации государственной экологической политики Российской Федерации. Анализ основных этапов становления международных отношений в сфере экологии и природопользования позволил выявить базовые проблемы реализации государственной экологической политики России и определить, какие затруднения возникают в современных международных отношениях по вопросам решения проблем экологии, рационального природопользования и изменения климата. **Методы.** В ходе исследования применялся общенаучный диалектический метод познания окружающей действительности, предполагающий полное и всестороннее изучение явлений, рассмотрение связей и противоречий между ними. Кроме того, были использованы методы описания, логического осмысления, абстрагирования и обобщения. **Результаты.** Выявлены основные экологические проблемы, актуальные для всех современных государств. Определена необходимость в разработке политико-правовых механизмов обеспечения экологической безопасности и межгосударственного взаимодействия в решении экологических проблем. Сделан вывод о том, что требуется повышение эффективности реализации экологической политики в новых условиях складывающегося многополярного мира с учетом геополитического противостояния.

ВВЕДЕНИЕ

Экологическая политика является неотъемлемой частью современного экополитологического процесса. Ранее, во времена доминирования индустриального общества, экологическая политика была направлена на интенсивное природопользование в целях экономического роста. Переход к постиндустриальному обществу характеризуется сменой вектора государственной экологической политики: теперь она направлена прежде всего на рациональное природопользование, сохранение биоразнообразия и перевод экономик на возобновляемые или неиссякаемые источники энергии [1, с. 106]. Особое место в со-

временной экологической политике отводится безопасной утилизации отходов производства и потребления и экологически обоснованному природопользованию [2, с. 10].

В современном глобальном мире, где существует международное экономическое разделение на богатый Север и бедный Юг, проявилось несколько подходов к разработке и реализации экологической политики [3, с. 328]. С одной стороны, страны «золотого миллиарда» заботятся об экологическом благополучии своих граждан и потому переносят экологически опасные производства в страны глобального Юга, не заботясь об их экологической безопасности [4, с. 9]. С другой

Anna A. KRITSKAYA,

Cand. Sci. (Politics), ORCID 0000-0001-5890-0528

Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (Rostov-on-Don, Russia)

Associate Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics
at the South Russian Institute of Management (Branch of RANEPA)

enigmaann@bk.ru

Safarbi M. INJIZHOKOV,

Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (Rostov-on-Don, Russia)

Postgraduate Student of the South Russian

Institute of Management (Branch of RANEPA)

injjjokov@yandex.ru

ENVIRONMENTAL POLICY IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS: MAIN DIRECTIONS AND STAGES OF FORMATION

KEYWORDS. Environmental policy, international cooperation in the field
of ecology, political institution, ecopolitical processes, environmental safety.

ANNOTATION. *Introduction.* The article considers the main directions of modern environmental policy at the global and national levels. Environmental policy is an integral part of the modern ecopolitical process. If earlier, during the dominance of industrial society, environmental policy was aimed at intensive nature management for the purpose of economic growth, the transition to a post-industrial society is characterized by a change in the vector of state environmental policy. Now it is aimed primarily at rational nature management, conservation of biodiversity and the transition of economies to renewable or inexhaustible energy sources. Based on this, the authors identify the features of the implementation of the state environmental policy of the Russian Federation. An analysis of the main stages of the formation of international relations in the field of ecology and nature management made it possible to identify the basic problems of implementing the state environmental policy of Russia and determine what difficulties arise in modern international relations on issues of solving environmental problems, rational nature management and climate change. *Methods.* The study used the general scientific dialectical method of cognition of the surrounding reality, which involves a complete and comprehensive study of phenomena, consideration of the connections and contradictions between them. In addition, methods of description, logical comprehension, abstraction and generalization were used. *Results.* The main environmental problems relevant to all modern states were identified. The need for the development of political and legal mechanisms to ensure environmental safety and interstate cooperation in solving environmental problems was determined. It was concluded that it is necessary to increase the effectiveness of environmental policy implementation in the new conditions of the emerging multipolar world, taking into account the geopolitical confrontation.

стороны, страны бедного Юга, вопреки установленным экологическим стандартам, вынуждены эксплуатировать свою природоресурсную базу в целях достижения краткосрочных экономических результатов [5, с. 181].

Глобальная экологическая политика, сформированная в настоящее время развитыми странами, в значительной степени коммерциализирована, многие предлагаемые в ее рамках меры по устранению экологических проблем человечества на практике ведут к ухудшению экологической ситуации в мире, способствуя лишь увеличению прибыли транснациональных компаний, а не повышению уровня экологической безопасности [6, с. 92].

МЕТОДЫ

В ходе проведения исследования применялся общенаучный диалектический метод познания окружающей действительности, предполагающий полное и всестороннее изучение явлений, рассмотрение связей и противоречий между ними. Для сбора фактического материала о рациональ-

ном природопользовании был использован метод описания; метод логического осмысления позволил определить механизм перевода экономик на возобновляемые или неиссякаемые источники энергии; абстрагирование и обобщение способствовали систематизации установленных нами фактов и их толкованию.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Россия занимает особое место в глобальной экологической политике. С одной стороны, она относится к числу ведущих индустриально развитых стран с огромным природоресурсным потенциалом, с другой – выступает за сохранение экосистемы и является своеобразным экологическим донором, что требует специфических национальных подходов к разработке и реализации государственной экологической политики.

Динамика экологической политики Российской Федерации во многом обусловлена изменением актуальности тех или иных экологических проблем и характеризуется сменой приоритетов в различные периоды времени:

¹ Артюхин О.А., Иванова Л.Л., Кондратенко Е.Н., Крицкая А.А. Экополитология: Учебник. Ростов-на-Дону: ЮРИУ РАНХиГС, 2018. С. 15.

1. Ранний (постсоветский) период. В начале 1990-х годов, после распада Советского Союза, Россия столкнулась с серьезными экологическими проблемами. Важнейшими из них были загрязнение водных ресурсов, отсутствие эффективных механизмов управления отходами и проблемы с радиоактивными отходами на территории бывших ядерных объектов [7, с. 129].

2. Середина 1990-х – начало 2000-х годов. В этот период Россия начала проводить экологическую политику, направленную на обеспечение экологической безопасности, осуществлялась разработка экологического законодательства и мер по снижению выбросов загрязняющих веществ. Были созданы политические институты и агентства, ответственные за экологию и природопользование [8, с. 27].

3. 2000-е – начало 2010-х годов. В это время экологическая политика обуславливается проблемами устойчивого развития и климатическими изменениями. Подписание Российской Федерацией Киотского протокола к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата, предусматривающего обязательства по сокращения выбросов парниковых газов в атмосферу Земли для противодействия глобальному потеплению, поставила под международный контроль добычу углеводородов и индустриальное развитие [2, с. 13].

4. В 2010-х годах начался современный этап реализации экологической политики. Он связан с решением множества проблем экологического и климатического характера. На данном этапе ведется активная разработка технологических, политических и правовых механизмов обеспечения экологической безопасности Российской Федерации и мероприятий по адаптации к климатическим изменениям [9, с. 32].

5. В настоящее время в экологической политике особое внимание уделяется вопросам энергоэффективности, переходу к «зеленой экономике» и разработке мер по обеспечению экологической безопасности России в условиях изменяющегося климата и глобальных экологических вызовов [10, с. 183].

В последние годы наблюдаются попытки совершенствования экологического законодательства на федеральном уровне. Кроме того, очевидной становится тенденция к расширению экологической образованности населения и развитию у него экологической культуры [11, с. 32].

Российские тренды экологической политики во многом определялись общемировыми и неразрывно связаны с международным сотрудничеством в экологической и природоресурсной сферах. В связи с этим следует отметить, что законодательная деятельность представляет собой сложный процесс, в ходе которого юридические нормы принимаются в несколько последовательных этапов: от внесения законодательной инициативы, рассмотрения и одобрения законопроектов Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации до подписания законов Президентом Российской Федерации. После принятия законодательный акт, закрепляющий ту

или иную правовую норму, подлежит обнародованию. Действие любого нормативного правового акта начинается с момента его вступления в силу в установленном законодателем порядке. В процессе принятия нормативного правового акта предусматриваются механизмы для его реализации, в частности «действие иных правовых норм», в том числе обеспечивающих возможность его выполнения и предусматривающих наступление юридической ответственности за его неисполнение (гражданской, административной, уголовной) [12, с. 549]. Кроме того, определяется орган, уполномоченный осуществлять от лица государства контроль за исполнением требований законодательного акта [13, с. 52].

Формирование международного экологического сотрудничества происходило в несколько этапов. Они выделяются на основе анализа глобальных экополитологических процессов и их репрезентации экологической международной общественностью. Данные этапы можно классифицировать в соответствии с ходом развития международного экологического сотрудничества, которое имеет богатую историю. Рассмотрим основные этапы развития международной природоохранной деятельности.

Начало пониманию важности урегулирования отношений человека и природы было положено в начале XX века. Проведение в 1913 году в Швейцарии Международной конференции по охране природы стало точкой отчета в истории международного сотрудничества в деятельности по охране природы. Первая мировая война приостановила развитие международных отношений в сфере природопользования, и лишь спустя десять лет прошел первый Международный конгресс по охране природы. Накануне глобального экономического кризиса в 1928 году создается Международное бюро защиты природы. Вторая мировая война вычеркнула из политической повестки экологические императивы, но после ее окончания и учреждения Организации Объединенных Наций проблемам охраны природы и окружающей среды вновь стали уделять значительное внимание. В октябре 1948 года создается Международный совет защиты природы, который возобновил природоохранную деятельность по экологической повестке. На данном этапе закладываются основы международного взаимодействия в сфере охраны окружающей среды.

Второй этап, который охватывает период с 1948 по 1968 год, начинается как раз с создания Международного совета защиты природы, который в 1959 году по инициативе ЮНЕСКО был преобразован в Международный союз охраны природы и природных ресурсов (МСОП)¹. Для этого этапа характерна активизация Организацией Объединенных Наций экологической политики в сфере охраны окружающей среды. ООН и по настоящее время является базовым политическим институтом по решению глобальных экологических проблем и связанных с ними международных проблем гуманитарного характера. Несмотря на то, что намечилось заметное расширение международно-

¹ Павлова Е.И., Новиков В.К. Общая экология: Учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2023. С. 71.

го сотрудничества в сфере охраны окружающей среды, проводимые в его рамках мероприятия осуществлялись на базе только двух международных политических институтов – ЮНЕСКО и МСОП. Их деятельности во всемирных масштабах оказалось недостаточно. В середине XX века еще существовало ложное убеждение в том, что глобальные экологические проблемы можно решать посредством функционирования различных организаций на национальном уровне, то есть с помощью экологических усилий отдельных государств. Кроме того, финансовая поддержка экологических разработок осуществлялась (в том числе и в Советском Союзе) по остаточному принципу. В качестве проблемы отмечалась необходимость учета при планировании экологической политики социальных и экономических факторов, характерных для различных национальных государств. К концу периода экологические проблемы начали оцениваться как общечеловеческие, их решение стало одной из основных задач для политики глобального уровня. Своеобразным итогом данного этапа, ознаменовавшим переход к новым взглядам на природопользование, осознание глобальности экологических проблем и ограниченности природных ресурсов, было создание в 1969 году Римского клуба, который взял на себя функции центра исследования глобальных проблем современности, включая и экологическую проблематику. Римский клуб предпринял попытку наметить необходимый политический курс действий для поддержания благоприятного состояния окружающей среды и оказался одной из важнейших организаций XX века, решающих экологические проблемы на общественно-политическом уровне [14, с. 31].

Важными вехами третьего этапа развития межгосударственного экологического взаимодействия стали конференции ООН по проблемам окружающей среды (Стокгольмская конференция) 1972 года и по населенным пунктам 1976 года (проведена в канадском Ванкувере). Декларации данных международных мероприятий провозгласили важность рационального использования природных ресурсов каждым государством и необходимость улучшения состояния биосферы. Экологическая тематика поднималась на заседаниях сессий Генеральной Ассамблеи ООН, проведенных в 1976 и 1977 годах. Помимо проблемы голода и недоедания, ООН приступила к рассмотрению вопросов, касающихся обеспечения водоснабжения населения, предложив искать их решение, в частности, путем рационального пользования водными ресурсами. В 1977 году в Москве представители более чем 60 государств подписали Конвенцию о запрещении военного или любого враждебного использования средств воздействия на природу. Венская конвенция об охране озонового слоя, вступившая в силу в 1988 году, имела целью организацию проведения регулярных наблюдений за состоянием озонового слоя и его исследований, а также международного обмена информацией в данной сфере.

Все эти мероприятия и их решения были ориентированы на то, чтобы способствовать обеспечению нынешних и будущих поколений населения

Земли благоприятными условиями для существования, а также оценке и по возможности устранению негативных последствия экономической деятельности для окружающей среды и здоровья человека. Таким образом, третий этап развития международного экологического сотрудничества был ознаменован бурной экологической деятельностью под эгидой ООН.

Условно четвертый этап начинается с Конференции ООН по окружающей среде и развитию, названной «Саммитом Земли», состоявшейся в Рио-де-Жанейро (Бразилия) в 1992 году, и продолжается по настоящее время. В научный и политический дискурс вводится понятие устойчивого развития, подразумевающее баланс между экономическим ростом и сохранением биологического разнообразия. На международном уровне подавляющее большинство стран взяли на себя обязательства по рациональному использованию природных ресурсов и бережному сохранению экосистем. Появляется множество научных исследований, посвященных проблемам потребления и истощения природных ресурсов. Например, Т. Веблен в своем труде «Теория праздного класса» определяет господствующую в конце XX века эколого-экономическую модель престижного, или демонстративного, потребления как «использование потребления для доказательства обладания богатством», «средство поддержания репутации» [14, с. 33]. Значительный интерес в мире вызвала теория пределов роста Медоузов, доказывающая, что при нынешнем уровне потребления природных богатств вероятно возникновение глобальной экологической катастрофы, и призывающая к так называемому «нулевому росту», то есть отказу от развития в ущерб экологической ситуации. Вызвавшие общественный резонанс ее положения послужили причиной того, что к концу XX века на экологические проблемы обращают внимание многие ученые и видные политические деятели, и это привело, в свою очередь, к разработке новых государственных экологических программ.

Важную роль сыграли фундаментальные научные исследования Х. Дэли, П. Хоукена, Л. Брауна, Р. Мюррея, Р. Раства, Л. Маргулиса и ряда других авторов. Вслед за учеными на проблемы ухудшения экологической ситуации на планете стали обращать внимание многие крупные общественные международные организации и политики. Примерами обращения к вопросам экологии стали: Доклад Всемирной комиссии ООН по окружающей среде 1987 года; Повестка дня на XXI век, принятая в Рио-де-Жанейро в 1992 году; Декларация тысячелетия 2000 года; Йоханнесбургский план выполнения решений 2002 года; Решения Экономической и Социальной комиссии для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО) 2005 года; Парижская декларация об экологически чистом росте 2009 года; Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП) 2009 года; итоговый документ Конференции ООН «Рио+20», посвященной проблемам развития «зеленой» экономики, искоренения бедности и реализации планов устойчивого развития, под названием «Будущее, которого мы хотим» 2012 года.

Каждый из вышеназванных программных документов имел целью поддержку национальных инициатив в сфере экологической политики и призывал к устойчивому рациональному использованию природных ресурсов. Все эти доклады, декларации и программы, несомненно, оказали позитивное влияние на развитие и становление экологической политики отдельных государств, как развитых, так и развивающихся. Но есть у них и большой недостаток: он заключается в том, что они не принимают во внимание финансовую и экономическую составляющую предлагаемых решений экологических проблем [15, с. 592].

Немаловажную роль в международном экологическом сотрудничестве играет Российская Федерация, проводящая суверенную экологическую политику. Помимо участия в крупных международных форумах, конференциях и саммитах, Россия нацелена на регулирование экологических отношений с государствами-партнерами, прежде всего со странами Содружества Независимых Государств, членами БРИКС, ШОС и ЕАЭС.

В условиях усиления международной напряженности, нарастающего геополитического давления со стороны так называемого коллективного Запада возникла новая угроза – экологический терроризм [16, с. 199; 17, с. 54]. Наиболее ярким примером проявления современного экологического терроризма являются действия руководства

Украины в ответ на проведение Россией специальной военной операции. Киевский режим не гнушается использовать методы государственного терроризма, в том числе и в сфере экологии. Речь идет, например, о разрушении Каховской ГЭС, обстрелах Запорожской АЭС угрозах нападения на Курскую АЭС с целью ядерного шантажа и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современное геополитическое противостояние, выразившееся в возобновлении старых и возникновении новых военных конфликтов, отодвинуло на задний план не только экологические проблемы, но и принципы устойчивого развития, принятые большинством стран. Это провоцирует углубление экологических и гуманитарных проблем, что представляет серьезную угрозу для всего человечества. Сложившаяся политическая и экономическая ситуация предопределяет необходимость разработки новых форматов и механизмов реализации экологической политики и обеспечения экологической безопасности в условиях становления нового многополярного миропорядка. Без совместной эффективной деятельности по решению существующих экологических проблем и профилактике возникновения таких проблем в будущем реализация грамотной экологической межгосударственной стратегии в рамках современной системы международных отношений крайне затруднительна. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Анисимов А.П., Иванова С.В. Правовая охрана экологических систем в России: вопросы теории // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 52. С. 104-126.
2. Анисимов А.П. О некоторых направлениях развития климатического законодательства Российской Федерации и его вкладе в укрепление экологического правопорядка // Правовой порядок и правовые ценности: Сборник научных статей VII Национальной научно-практической конференции с международным участием. Дивноморское: ДГТУ-ПРИНТ, 2023. С. 10-15.
3. Емельянова В.Л. Проблема «Север-Юг»: история развития и современное состояние // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 3. С. 327-333.
4. Экология и право в XXI веке: теория и практика: Монография / Н.Н. Аверьянова, А.П. Анисимов, О.А. Артюхин [и др.]. М.: Юрлитинформ, 2023. 520 с.
5. Актуальные проблемы теории экологического права: Монография / Е.Н. Абанина, А.П. Алексева, А.П. Анисимов [и др.]. М.: Юрлитинформ, 2019. 520 с.
6. Кручинина Н.В. Международная экологическая политика: баланс интересов // США и Канада: экономика, политика, культура. 2019. Т. 4. С. 85-97.
7. Алексева А.П. Ответственность за экологические правонарушения (преступления) // Пути развития российской юридической науки и образования в XXI веке: Тезисы докладов научно-практической конференции. Волгоград: Волгоградский филиал МУПК, 2001. С. 129-132.
8. Анисимов А.П., Исакова Ю.И., Працко Г.С. Теория и практика юридической ответственности за экологические правонарушения: региональный аспект // Правовой порядок и правовые ценности. 2024. Т. 2. № 1. С. 26-38.
9. Рыженков А.Я. Принцип охраны, воспроизводства и рационального использования природных ресурсов как необходимых условий обеспечения благоприятной окружающей среды и экологической безопасности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 3 (42). С. 32-38.
10. Мелихов А.И., Працко Г.С., Никитина Г.А. Понятие «безопасность» в современных гуманитарных науках и законодательстве России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 2. С. 183-188.
11. Анисимов А.П., Резванова Л.А. Право и экология: взаимовлияние научных областей в процессе подготовки юриста // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. Т. 1. № 1. С. 31-42.
12. Алексева А.П. Профилактика правонарушений в России: законодательные основы и перспективы реализации // Преступность, уголовная политика, уголовный закон: Сборник научных трудов. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2013. С. 549-551.
13. Новиков С.М. Отечественная правовая экология как раздел социальной экологии: управленческий аспект // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 2. С. 51-55.
14. Демчук О.В. Влияние международных акторов на экологию и экологическое право // Наука и инновации – современные концепции. Сборник научных статей. М., 2023. С. 31-36.

15. Николаев Н.П. Политическое влияние международных экологических институтов на законодательное решение актуальных проблем в области экологии и климата в России // Вопросы политологии. 2024. Т. 14. № 2 (102). С. 592-606.

16. Алексеева А.П., Анисимов А.П. О понятии и классификации видов экологического терроризма // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 2А. С. 199-211.

17. Алексеева А.П., Анисимов А.П. «Экологический терроризм» и «экологический радикализм» в доктрине и законодательстве России: разграничение понятий // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 2 (65). С. 54-58.

REFERENCES

1. Anisimov A.P., Ivanova S.V. Pravovaya okhrana ekologicheskikh sistem v Rossii: voprosy teorii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2024. № 52. S. 104-126.
2. Anisimov A.P. O nekotorykh napravleniyakh razvitiya klimaticheskogo zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii i yego vklade v ukrepleniye ekologicheskogo pravoporyadka // Pravovoy poryadok i pravovyye tsennosti: Sbornik nauchnykh statey VII Natsional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem. Divnomorskoye: DGTU-PRINT, 2023. S. 10-15.
3. Yemel'yanova V.L. Problema «Sever-Yug»: istoriya razvitiya i sovremennoye sostoyaniye // Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya. 2018. № 3. S. 327-333.
4. Ekologiya i pravo v XXI veke: teoriya i praktika: Monografiya / N.N. Aver'yanova, A.P. Anisimov, O.A. Artyukhin [i dr.]. M.: Yurlitinform, 2023. 520 s.
5. Aktual'nyye problemy teorii ekologicheskogo prava: Monografiya / Ye.N. Abanina, A.P. Alekseyeva, A.P. Anisimov [i dr.]. M.: Yurlitinform, 2019. 520 s.
6. Kruchinina N.V. Mezhdunarodnaya ekologicheskaya politika: balans interesov // SSHA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura. 2019. Т. 4. S. 85-97.
7. Alekseyeva A.P. Otvetstvennost' za ekologicheskiye pravonarusheniya (prestupleniya) // Puti razvitiya rossiyskoy yuridicheskoy nauki i obrazovaniya v XXI veke: Tezisy dokladov nauchno-prakticheskoy konferentsii. Volgograd: Volgogradskiy filial MUPK, 2001. S. 129-132.
8. Anisimov A.P., Isakova Yu.I., Pratsko G.S. Teoriya i praktika yuridicheskoy otvetstvennosti za ekologicheskiye pravonarusheniya: regional'nyy aspekt // Pravovoy poryadok i pravovyye tsennosti. 2024. Т. 2. № 1. S. 26-38.
9. Ryzhenkov A.Ya. Printsip okhrany, proizvodstva i ratsional'nogo ispol'zovaniya prirodnykh resursov kak neobkhodimyy usloviy obespecheniya blagopriyatnoy okruzhayushchey sredy i ekologicheskoy bezopasnosti // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2017. № 3 (42). S. 32-38.
10. Melikhov A.I., Pratsko G.S., Nikitina G.A. Ponyatiye «bezopasnost'» v sovremennykh gumanitarnykh naukakh i zakonodatel'stve Rossii // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2019. № 2 (49). S. 183-188.
11. Anisimov A.P., Rezvanova L.A. Pravo i ekologiya: vzaimovliyaniye nauchnykh oblastey v protsesse podgotovki yurista // Pravovoy poryadok i pravovyye tsennosti. 2023. Т. 1. № 1. S. 31-42.
12. Alekseyeva A.P. Profilaktika pravonarusheniy v Rossii: zakonodatel'nyye osnovy i perspektivy realizatsii // Prestupnost', ugovornaya politika, ugovornyy zakon: Sbornik nauchnykh trudov. Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 2013. S. 549-551.
13. Novikov S.M. Otechestvennaya pravovaya ekologiya kak razdel sotsial'noy ekologii: upravlencheskiy aspekt // Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya. 2024. № 2. S. 51-55.
14. Demchuk O.V. Vliyaniye mezhdunarodnykh aktorov na ekologiyu i ekologicheskoye pravo // Nauka i innovatsii – sovremennyye kontseptsii. Sbornik nauchnykh statey po itogam raboty Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma. M., 2023. S. 31-36.
15. Nikolayev N.P. Politicheskoye vliyaniye mezhdunarodnykh ekologicheskikh institutov na zakonodatel'noye resheniye aktual'nykh problem v oblasti ekologii i klimata v Rossii // Voprosy politologii. 2024. Т. 14. № 2 (102). S. 592-606.
16. Alekseyeva A.P., Anisimov A.P. O ponyatii i klassifikatsii vidov ekologicheskogo terrorizma // Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava. 2017. Т. 7. № 2А. S. 199-211.
17. Alekseyeva A.P., Anisimov A.P. «Ekologicheskyy terrorizm» i «ekologicheskyy radikalizm» v doktrine i zakonodatel'stve Rossii: razgranicheniye ponyatiy // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. 2017. № 2 (65). S. 54-58.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Крицкая А.А., Инжижиков С.М., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Крицкая А.А., Инжижиков С.М. Экологическая политика в системе международных отношений: основные направления и этапы формирования // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3 (77). С. 99-104.

Сергей Анатольевич ЧАРКИН,
кандидат юридических наук, доцент
Волгоградский гуманитарный институт (г. Волгоград)
доцент кафедры гражданского права и процесса
charkin.sergey@icloud.com

Научная статья
УДК 347.2/3

ПРЕКРАЩЕНИЕ ПРАВООТНОШЕНИЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ НЕДВИЖИМОСТИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Земельный участок, прекращение права, реквизиция, изъятие, государственные нужды, собственность.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В отношении объектов земельной недвижимости могут возникать (изменяться) или прекращаться самые различные виды правоотношений, которые в самом общем виде подразделяются на вещные и обязательственные. Предметом исследования, некоторые результаты которого, отражены в настоящей статье, стали основания прекращения правоотношений частной собственности на земельную недвижимость, которое влечет за собой юридические факты разной отраслевой принадлежности, образующие сложные фактические составы, включающие уникальные комбинации юридических фактов-действий (юридических актов) и событий. Исследование такой динамики позволяет лучше понимать механизм действия права и вносит вклад в теорию гражданских правоотношений. **Методы.** При осуществлении исследования были использованы различные методы научного познания: диалектический, системного анализа, сравнительно-правовой. В качестве материалов исследования использованы нормативные акты гражданского и земельного законодательства, регламентирующие прекращение правоотношений собственности на земельную недвижимость, а также научные работы по вопросам применения российского и зарубежного гражданского права. **Результаты.** Основания прекращения правоотношений, связанных с земельной недвижимостью, носят межотраслевой характер, но их ядром являются нормы гражданского права. В числе таких оснований: добровольное отчуждение имущества; изъятие недвижимости для государственных нужд; реквизиция; прекращение права собственности на земельный участок как санкция за правонарушение; принудительное изъятие земельного участка у лица, которому он не может принадлежать в силу закона. Изъятие земельного участка для публичных нужд и реквизицию следует объединить в общую доктринальную категорию, именуемую экспроприацией (предложена еще дореволюционными цивилистами). В настоящий момент в законодательстве нет исчерпывающего перечня публичных нужд, являющихся основанием для изъятия земельных участков. Это порождает ряд негативных последствий, связанных с возможностью перехода изъятых органом публичной власти земельных участков в частную собственность коммерческих юридических лиц.

ВВЕДЕНИЕ

В отношении объектов земельной недвижимости могут возникать (изменяться) или прекращаться правоотношения различных видов, которые можно в самом общем представлении подразделить на вещные и обязательственные. Не имея возможности охватить в рамках одной статьи весь этот массив оснований и процедур, ограничимся рассмотрением оснований прекращения правоотношений частной собственности на земельную недвижимость. Как и в большинстве случаев возникновения правоотношений частной собственности на объекты недвижимости, их прекращение связано с юридическими фактами разной отраслевой принадлежности, образующими сложные фактические составы, включающие уникальные комбинации юридических фактов-действий

(юридических актов) и событий. Такого рода исследования позволяют лучше понимать механизм действия права и вносят вклад в теорию гражданских правоотношений.

МЕТОДЫ

При проведении исследования, результаты которого представлены в данной статье, были использованы различные методы научного познания: диалектический метод, который помог оценить актуальность изучаемого явления, его значимость; метод системного анализа, который позволил исследовать искусственные системы (социальные, экономические, организационные, технические и другие); сравнительно-правовой метод, примененный для сопоставления однопорядковых юридических понятий, явлений, процессов и выяснения сходства и различий между

Sergey A. CHARKIN,
Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor
Volgograd Humanitarian Institute (Volgograd, Russia)
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
charkin.sergey@icloud.com

TERMINATION OF LEGAL RELATIONS OF LAND REAL ESTATE: ISSUES OF THEORY

KEYWORDS. Land plot, termination of right, requisition, seizure, state needs, ownership.

ANNOTATION. Introduction. In relation to real estate objects, various types of legal relations may arise (change) or terminate, which in the most general terms are divided into property and obligatory. The subject of the study, some results of which are reflected in this article, were the grounds for termination of legal relations of private ownership of real estate, which entails legal facts of different industry affiliation, forming complex factual compositions, including unique combinations of legal facts-actions (legal acts) and events. The study of such dynamics allows for a better understanding of the mechanism of action of law and contributes to the theory of civil legal relations. **Methods.** In carrying out the study, various methods of scientific knowledge were used: dialectical, systems analysis, comparative legal. The materials of the study are normative acts of civil and land legislation governing the termination of legal relations of ownership of real estate, as well as scientific works on the application of Russian and foreign civil law. **Results.** The grounds for termination of legal relations related to land real estate are interdisciplinary in nature, but their core is the norms of civil law. Among such grounds are: voluntary alienation of property; seizure of real estate for state needs; requisition; termination of ownership of a land plot as a sanction for an offense; forced seizure of a land plot from a person to whom it cannot belong by law. The seizure of a land plot for public needs and requisition should be combined into a common doctrinal category called expropriation (proposed by pre-revolutionary civilists). At present, the legislation does not contain an exhaustive list of public needs that are grounds for the seizure of land plots. This gives rise to a number of negative consequences associated with the possibility of the transfer of land plots seized by a public authority to the private ownership of commercial legal entities.

ними. Материалом исследования стали нормативные акты гражданского и земельного законодательства, регламентирующие прекращение правоотношений собственности на земельную недвижимость, а также научные работы по вопросам применения российского и зарубежного гражданского права.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Основания прекращения права частной собственности на земельные участки представлены рядом разновидностей, отличающихся уникальным перечнем юридических фактов:

1) добровольное отчуждение собственником объекта недвижимости. Собственник земельного участка может его подарить, продать, обменять на иное имущество, либо добровольно отказаться от него (ст. 53 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ)). В последнем случае прекращение правоотношений собственности предусматривает два правомерных юридических факта-действия: подачу собственником заявления об отказе в орган, осуществляющий государственную регистрацию прав на недвижимое имущество (Росреестр), и юридический акт регистрации прекращения права частной собственности. В эту же подгруппу следует включить добровольное прекращение деятельности юридического лица (его ликвидацию), использующего земельный участок на праве собственности. Своя специфика есть и у фактического состава, влекущего добровольное прекращение права аренды или сервитута;

2) прекращение права частной собственности на земельную недвижимость лица, не совершившего противоправных деяний, осуществляемое в публичных интересах. Наиболее типичными примерами тут являются реквизиция и национализа-

ция (принудительное изъятие земельного участка для государственных или муниципальных нужд). Кроме того, в состав данной подгруппы входит принудительное отчуждение имущества, которое в силу закона не может принадлежать конкретному субъекту (например, если иностранному гражданину перешел по наследству земельный участок на приграничной территории);

3) прекращение права собственности (или иных вещных или обязательственных прав) на земельный участок как санкция за земельное правонарушение. В отличие от всех остальных случаев здесь имеет место не регулятивное, а охранительное правоотношение. Его типичный пример – принудительное прекращение права собственности за нерациональное или нецелевое использование земельной недвижимости (ст. 54.1 ЗК РФ), что наиболее характерно для земельных участков из состава земель сельскохозяйственного назначения [1, 2]. Данную процедуру нельзя смешивать с конфискацией, поскольку после реализации земельного участка с торгов, его бывшему собственнику выплачивается полученная сумма за вычетом расходов на проведение публичных торгов. Особым случаем является прекращение прав на участок при неисполнении обязательств лица (включая процедуру банкротства). Его особое место в механизме принудительного прекращения права собственности на землю обусловлено тем, что изымаемое у лица недвижимое имущество само по себе не нужно для удовлетворения публичного интереса (и потому такой участок не переходит в государственную или муниципальную собственность). Государственный интерес здесь состоит в обеспечении исполнения взятых на себя обязательств.

Применение государственного принуждения в случае национализации и реквизиции влекут фактические составы с рядом характерных особенностей: в случае национализации – это наличие правомерного поведения собственника; наличие государственных или муниципальных нужд, реализация которых невозможна без изъятия земельного участка; истечение установленного законом срока с момента уведомления собственника о предстоящем изъятии; определение размера возмещения в связи с изъятием, исходя из принципа полного возмещения частному собственнику всех понесенных расходов. В случае реквизиции ключевым юридическим фактом в фактическом составе является наличие события – чрезвычайного происшествия, которое и порождает необходимость постоянного (временного) занятия земельного участка и компенсации понесенных расходов. В случае прекращения прав на земельную недвижимость как санкции за земельное правонарушение главным юридическим фактом является противоправное деяние, влекущее применение данной меры. Сходными чертами всех этих фактических составов являются: необходимость защиты публичных интересов, наличие юридического факта – события (истечение срока), а также юридического факта – решения суда (кроме реквизиции). Отличия заключаются в том месте, которое занимают события в фактическом составе (наиболее важное место при реквизиции), а также в наличии / отсутствии противоправности в действиях лица.

Национализацию и реквизицию как основания прекращения права собственности на земельную недвижимость в научной юридической литературе иногда предлагают объединить в одну общую родовую группу, называемую экспроприацией. Данный термин впервые был предложен и теоретически обоснован еще дореволюционными российскими цивилистами. Так, Г.Ф. Шершеневич предлагал понимать под экспроприацией принудительное возмездное отчуждение (ограничение) прав, осуществляемое государством для достижения общепольной цели¹. В.И. Синайский определял экспроприацию как принудительное и возмездное отчуждение недвижимости в установленном порядке по решению органов государственной власти ввиду общепольной цели с возможным соблюдением справедливых и законных интересов собственника². По мнению М.В. Венецианова, экспроприация – это «право государственной власти принудительно отчуждать недвижимости и неразрывно связанные с ними другие имущественные права, а также устанавливать сервитуты, поскольку это необходимо для осуществления общепольных предприятий, с уплатой полного вознаграждения за отчуждаемые права» [3, с. 5].

Современные ученые понимают под экспроприацией принудительное возмездное отчуж-

дение недвижимости либо принудительное, как правило безвозмездное, ограничение права собственности на участок, которые производятся по требованию государственных или муниципальных органов в публичных интересах в судебном порядке вне связи с обстоятельствами чрезвычайного характера³. В свою очередь, О.Л. Алтенгова называет экспроприацией принудительное возмездное отчуждение частного имущества, временное его занятие, установление сервитутов или ограниченных прав на него в интересах общества, производимое органом публичной власти. Ее квалифицирующими признаками выступают общепольность и возмездность⁴. Существуют и другие точки зрения по данному вопросу. Не пытаясь произвести их полноценный охват, заметим, что само по себе возрождение этой дореволюционной цивилистической категории можно только приветствовать. Другое дело – какое содержание она должна принять. Представляется, что с О.Л. Алтенговой можно согласиться не во всем, поскольку установление сервитутов (вероятно, публичных сервитутов) имеет несколько иную юридическую природу, отличную от принудительного изъятия земельного участка или его временного занятия при реквизиции. Анализ ст. 23 ЗК РФ позволяет установить, что публичный сервитут может носить постоянный или временный характер и быть установлен для сенокосения, выпаса животных, рыболовства и иных подобных нужд, которые трудно назвать в полном смысле слова «публичными». Скорее, речь идет о «частно-публичных» нуждах местного населения [4, с. 90]. При этом в отличие от случаев «классической» экспроприации публичный сервитут является безвозмездным, но при наличии указанных в ст. 23 ЗК РФ обстоятельств правообладатель земельного участка вправе требовать изъятия у него такого участка для государственных или муниципальных нужд с выплатой компенсации или соразмерной платы. Столь же дискуссионной является и позиция О.Л. Алтенговой относительно возможности установления неких ограниченных прав на имущество в интересах общества. Если речь в данном случае идет об ограниченных вещных правах, то такие при экспроприации на изымаемое (ограничиваемое в использовании и обороте) недвижимое имущество не устанавливаются. Исключение составляет сервитут, который все-таки не является типичным случаем экспроприации. Исходя из этого, сформулируем наше доктринальное определение экспроприации как родовой категории.

Экспроприация – это принудительное возмездное отчуждение в государственную (муниципальную) собственность или временное использование недвижимого (реже движимого) имущества в публичных интересах (чаще всего по решению суда) с обязательным возмещением всех расходов, понесенных частным собственником такого имуще-

¹ Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. Тула, 2001. С. 272.

² Синайский В.И. Русское гражданское право. Выпуск I. Общая часть. Киев, 1917. С. 182.

³ Аксюк И.В. Недвижимость в законодательстве России: понятие, основания и способы возникновения права собственности на нее: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007. С. 11-12.

⁴ Алтенгова О.Л. Принудительное прекращение права собственности на недвижимое имущество: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2012. С. 14.

ства. Наиболее типичными случаями экспроприации являются реквизиция и национализация земельной недвижимости.

Реквизиция земельной недвижимости – это возмездное временное занятие или изъятие в государственную собственность земельных участков граждан и юридических лиц, обусловленное необходимостью ликвидации последствий стихийных бедствий, аварий, эпидемий, эпизоотий и иных обстоятельств, носящих чрезвычайный характер, осуществляемое для защиты жизненно важных интересов граждан, общества и государства в целом от возникающих в связи с этими чрезвычайными обстоятельствами реальных угроз. Необходимо выделить следующие принципиальные особенности фактического состава, влекущего возникновение правоотношений реквизиции земельного участка: наличие нормативного (юридического) акта, определяющего основание и порядок проведения реквизиции; наличие события – чрезвычайной ситуации природного или техногенного характера, угрожающей жизни, здоровью или иным защищаемым законом благам; принятие уполномоченным органом публичной власти административного акта о временном занятии земельного участка с выдачей его собственнику соответствующего документа; по окончании чрезвычайной ситуации добровольное (или в судебном порядке) возмещение органом публичной власти причиненных убытков, а также (в случае изъятия) рыночной стоимости участка.

Примечательно, что в ст. 51 ЗК РФ речь идет только о реквизиции у собственника, а не у всех правообладателей земельной недвижимости, что снижает уровень гарантированности их прав. Довольно дискуссионным является и понимание юридической природы реквизиции, наличие или отсутствие в этой процедуре отдельных элементов сделки. Последние, на наш взгляд, проявляются в том, что орган публичной власти вступает в правоотношения с частным лицом по поводу компенсаций, причем расчет убытков или стоимости участка (при его изъятии) может быть сделан не только в судебном, но и в добровольном порядке. Кроме того, заметим, что в рассматриваемом межотраслевом институте существует коллизия норм Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) и ЗК РФ. Так, формулировка «временно изъят», используемая ст. 51 ЗК РФ в определении реквизиции, противоречит ст.ст. 242 и 235 ГК РФ, согласно которым реквизиция является основанием прекращения права собственности. Думается, что, исходя из реальных обстоятельств принятия решений о реквизиции, более обоснованным является ее трактовка как временного или постоянного изъятия, поскольку далеко не всегда реквизируемому имуществу причиняется непоправимый вред.

В свою очередь, при национализации происходит изъятие земельной недвижимости для государственных или муниципальных нужд. Есть принципиальное отличие такого изъятия земельного участка от изъятия земельного участка сельскохо-

зяйственного или иного назначения по причине его ненадлежащего использования (использования не по целевому назначению). В первом случае при изъятии земельного участка преследуется определенная государственная цель, поскольку земельный участок изымается для реализации потребностей государства, органа местного самоуправления, удовлетворения которых необходимо для осуществления их функций и возможно только путем изъятия. Во втором случае изъятие осуществляется в целях предотвращения нецелевого, а порой неправомерного использования земельного участка. Если во втором случае изъятие происходит без равноценного возмещения, то изъятие земельного участка для государственных или муниципальных нужд сопровождается выплатой равноценной компенсации и представляет собой сложный юридический (фактический) состав, предусматривающий не только акт органа публичной власти об изъятии, но и соглашение о выплате компенсации.

ОБСУЖДЕНИЕ

Правовой базой изъятия земельных участков для публичных нужд являются Конституция Российской Федерации, ГК РФ и ЗК РФ. Согласно ч. 3 ст. 35 Конституции никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения.

Если рассматривать процедуру изъятия земельной недвижимости для государственных или муниципальных нужд через призму теории правоотношений, то такое изъятие представляет собой совокупность правомерных действий органов публичной власти, направленных на принудительное прекращение в судебном порядке и на возмездной основе права собственности граждан и юридических лиц, не вызванное совершением последними противоправных деяний, осуществляемое в исключительных случаях для удовлетворения публичных интересов. Данная процедура является фактической разновидностью национализации¹.

В цивилистической литературе вопрос о юридической природе заключаемого при изъятии участка соглашения продолжает оставаться дискуссионным. Одни авторы считают заключение этого соглашения гражданско-правовой сделкой (называя ее разновидностью купли-продажи) и указывают на фактор равенства прав сторон, хотя и констатируют необходимость наличия административного решения [5, с. 48]. Другие авторы обращают внимание на социальную направленность таких сделок с участием публично-правовых образований, из-за чего их нельзя в полном смысле слова считать рыночными сделками. Поэтому переход государству частного участка при его изъятии для государственных нужд они называют «квазисделкой» [6, с. 75-76]. Обобщая существующие точки зрения, А.Я. Рыженков убедительно доказывает, что рассматриваемое соглашение не

¹ Анисимов А.П. Теоретические основы правового режима земель поселений в Российской Федерации: Дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 343.

является обычной разновидностью купли-продажи, поскольку в традиционном договоре мы видим встречное волеизъявление, тогда как в данном случае вполне достаточно решения одной стороны (органа публичной власти), что означает ограничение принципа равенства сторон и свободы договора; в то же время это правоотношение характеризуется возмездным характером, поэтому рассматриваемое соглашение все же является сделкой. Предложение считать его «квазисделкой» несостоятельно [7].

На наш взгляд, решение об изъятии – это носящий волевой характер публично-правовой акт, на основании которого изъятие происходит независимо от волеизъявления другой стороны, в связи с чем его нельзя в полной мере отождествлять со сделкой. Впрочем, собственник изымаемого имущества имеет возможность участвовать в переговорах, предшествующих подписанию соглашения об изъятии, и влиять на определение размера компенсации. И только в случае недостижения такого соглашения размер денежных выплат при изъятии определяется судом. Это позволяет говорить не о публичном, а о частно-публичном характере данных отношений. Причем в случае подписания обеими сторонами соглашения об изъятии это будет обычная сделка купли-продажи недвижимости, а не «квазисделка» (термин, который не известен гражданскому праву). Специфическими особенностями такого договора являются сложный фактический состав, повлекший возникновение данного правоотношения, а также способ определения цены в ходе переговоров гражданина (или юридического лица) и органа публичной власти, что подтверждает наличие частноправовых элементов в рассматриваемой процедуре.

Особо подчеркнем, что в рамках отстаиваемой нами научной концепции о межотраслевом характере правоотношений, связанных с земельной недвижимостью, наличие публичного элемента в договорных отношениях является следствием неизбежной и объективно имеющей место в системе российского права тенденции по взаимопроникновению норм различной отраслевой принадлежности. Приведенный нами пример тут не единственный (достаточно вспомнить про публичный договор, ст. 426 ГК РФ), а юридическую природу соглашения об изъятии недвижимости для публичных нужд можно обозначить как договор, прямо не поименованный в ГК РФ (с явно выраженным публичным содержанием). Несмотря на достаточно детальное правовое регулирование рассматриваемой процедуры, остается и ряд нерешенных проблем:

1. В научной доктрине и судебной практике не решен вопрос о надлежащем толковании правовой категории «государственные и муниципальные нужды». Одни авторы научных работ считают, что под государственными и муниципальными нуждами следует понимать потребности Российской Федерации, ее субъекта или муниципального образования в имуществе граждан или юридических лиц для обеспечения общественных

интересов, удовлетворение которых невозможно без принудительного изъятия этого имущества в соответствии с законодательством Российской Федерации при соблюдении баланса частных и публичных интересов [8]. Другие полагают, что государственные нужды – это обеспечиваемые за счет средств федерального бюджета, бюджета субъектов Российской Федерации и внебюджетных источников финансирования потребности Российской Федерации в товарах, работах, услугах, необходимых для осуществления функций и полномочий Российской Федерации, исполнения ее международных обязательств [9]. Третьи пишут, что под публичными нуждами следует понимать потребности Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования в имуществе граждан и юридических лиц, выражающие общий интерес и связанные с защитой основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечением обороны и безопасности, удовлетворение которых невозможно иначе как путем принудительного прекращения права частной собственности (их примерный перечень содержится в федеральном законе) с соблюдением баланса частных и публичных интересов¹.

Представляется, что авторы всех приведенных выше точек зрения придерживаются линейной модели изъятия (которая действительно существует), связанной с прекращением права частной собственности на земельную недвижимость и возникновением права государственной или муниципальной собственности на такой земельный участок, который будет использоваться для очевидных и всеми признаваемых целей – оборона и безопасность, исполнение международных обязательств и т.д. Между тем действующий ЗК РФ (ст. 56.4) называет довольно широкий круг частных субъектов, наделенных правом ходатайствовать об изъятии частного участка для публичных нужд (недропользователи, субъекты естественных монополий и т.д.). Многие такие субъекты являются коммерческими юридическими лицами, и изымаемые земельные участки впоследствии могут быть им переданы для деятельности, направленной на извлечение прибыли (разработки перспективного месторождения полезных ископаемых, например, и т.д.).

Е.В. Аббасова и Е.В. Ерохина подразумевают под государственными или муниципальными нуждами потребности публично-правовых образований, удовлетворение которых нацелено на реализацию интересов общества (достижение общественно-полезных целей) и невозможно без изъятия имущества, принадлежащего частным субъектам. Таким образом, «принудительное изъятие не может осуществляться только или преимущественно в целях получения выгоды другими частными лицами, деятельность которых лишь опосредованно служит интересам общества» [10, с. 85]. В.И. Галкин отмечает, что под «публичными интересами в сфере осуществления права собственности на недвижимое имущество

¹ Алтенгова О.Л. Принудительное прекращение права собственности на недвижимое имущество: Дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2012. С. 169.

понимаются интересы государства и признанные им интересы общества, обеспеченные правовой охраной и защитой, в надлежащем, безопасном и эффективном осуществлении права собственности на недвижимое имущество субъектами вещного права и в отсутствии дисбаланса частных и публичных интересов»¹. Последний аспект видится очень важным. Со своей стороны, А.П. Ревякин указывает, что раз термин «публичный интерес» является межотраслевым, то выработка определения понятия «публичный интерес» и закрепление этого понятия на легальном (нормативном) уровне будут контрпродуктивными².

Из этого вытекает вопрос о правомерности изъятия земельного участка у одного частного лица с его передачей другому частному лицу, балансе частных и публичных интересов. Е.М. Тужилова-Орданская полагает, что отсутствие в законодательстве четкого определения понятия «государственные или муниципальные нужды» позволяет трактовать его в ущерб частным собственникам. Зачастую такие нужды могут включать в себя не только публичные потребности, но и частнохозяйственные интересы органов власти как обычных собственников. Поэтому необходимо установить более жесткие критерии определения общепользовности интересов [11, с. 270].

Позиция о недопустимости изъятия частного недвижимого имущества для публичных нужд с последующей передачей его частным лицами весьма распространена в научной литературе. Н.А. Сыродоев даже предлагает вернуться к термину общественные нужды, так как понятие «государственные или муниципальные нужды» не всегда соответствует действительным потребностям общества: строительство дорог, разработка месторождений полезных ископаемых и иные подобные действия часто осуществляются не государственными, а коммерческими организациями, в связи с чем вряд ли данные случаи правомерно подпадают под понятие «государственные нужды» [12, с. 69]. Аналогичную точку зрения высказывали и многие другие российские ученые [13, с. 349].

Из этого следует необходимость четкой формулировки публичных нужд.

На наш взгляд, нормативное закрепление содержания понятия «государственные или муниципальные нужды», равно как и исчерпывающего перечня таких нужд в федеральном законе (в ст. 49 ЗК РФ такой перечень сейчас носит открытый характер) является обязательным. Это позволит гарантировать права и законные интересы правообладателей земельной недвижимости. Полагаем, что *публичные нужды* – это определяемые федеральными законами и обусловленные реальными общественными потребностями цели, достижение которых невозможно иначе как посредством изъятия земельной недвижимости у частных лиц в собственность Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований (без

права передачи другим частным собственникам) с дальнейшим ее использованием для защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны и безопасности страны и иных публичных интересов. Данное определение, по нашему мнению, следует нормативно закрепить в ЗК РФ.

Таким образом, необходимо дать четкий ответ на весьма неоднозначный вопрос о том, может ли быть передано изъятое для публичных нужд недвижимое имущество в частную собственность или аренду другим гражданам и юридическим лицам. Отметим, что такие эксперименты много лет назад уже проводились в Соединенных Штатах, когда Верховный суд США по делу «Кело против города Нью-Лондон» уже пытался изменить (расширить) трактовку понятия «общественное назначение имущества», разрешив изымать у частных лиц их имущество для государственных нужд с последующей его передачей более эффективным собственникам. В результате сразу после вступления в силу данного решения суда в законах многих штатов появились специальные нормы о запрете такого изъятия, к тому же данное судебное решение вызвало негативный общественный резонанс [14].

Фактически мы можем говорить о существовании частных, публичных и частно-публичных нужд и интересов, из которых только публичные (оборона, транспорт, строительство объектов коммунальной инфраструктуры и т.д.) не вызывают никаких возражений в качестве оснований изъятия частных земельных участков для государственных или муниципальных нужд. В то же время многие публичные нужды (причем эта тенденция есть не только в России, но и во многих других странах мира, где есть частная собственность на недвижимость) на самом деле являются частно-публичными. Последние отличаются от частных нужд тем, что все же несут некоторую публичную (общественную) нагрузку.

Представляется, что частно-публичные нужды не отражают насущных потребностей значительных общественных групп (например, строительство нового стадиона вряд ли можно считать публичной нуждой, поскольку огромное количество людей равнодушно к спорту; разработка нового нефтяного месторождения принесет большую прибыль только нефтяной компании – коммерческому юридическому лицу; всего этого нельзя сказать про строительство новой автомобильной магистрали, которой пользуются все жители города) [15]. Из этого проистекает необходимость дальнейшей научной проработки категории «частно-публичные нужды» с тем, чтобы дать четкий и убедительный ответ на вопрос о том, какие потребности общества должны считаться публичными, а какие нет, с запретом на изъятие земельной недвижимости для частных и частно-публичных нужд.

¹ Галкин В.И. Соотношение частных и публичных интересов при осуществлении права собственности на недвижимое имущество: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 10.

² Ревякин А.П. Ограничения прав на земельные участки в публичных интересах: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 14.

2. Не менее важной стороной реформирования оснований прекращения правоотношений собственности на земельную недвижимость является дальнейшее развитие института защиты права частной собственности. В этом плане Н.Ю. Чаплин предлагает установить исчерпывающий перечень оснований изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд; закрепить в гражданском законодательстве право собственника в случае изъятия земельного участка для государственных или муниципальных нужд получить по своему выбору компенсацию его стоимости в соответствии либо с кадастровой оценкой, либо оценкой, произведенной субъектом оценочной деятельности; исключить из ст. 54.1 ЗК РФ п. 12, допускающий изъятие земельного участка без какого-либо встречного возмещения¹. Полностью поддерживая два первых тезиса, в отношении третьего следует высказать ряд критических замечаний. Дело в том, что в научной литературе иногда смешиваются два основания прекращения правоотношений земельной недвижимости: изъятие земельного участка для публичных нужд у законопослушного собственника и прекращение права собственности на земельную недвижимость как санкция за земельное правонарушение (например за неисполнение обязанности собственника использовать земельный участок по целевому назначению). В обоих случаях собственнику выплачивается компенсация, но определяется она разными методами и отличается по размеру. Различаются и сами процедуры прекращения прав на земельный участок, что не позволяет говорить об одинаковых механизмах защиты прав собственников.

3. Необходимо решить ряд тактических вопросов, связанных с процедурой изъятия земельной недвижимости для публичных нужд. Во-первых, требуется разработать механизм возврата земельного участка правообладателю в случае отказа от реализации проекта, ради которого участок был изъят у его собственника. Подобная норма существовала еще в Своде законов Российской империи (1832 г.), где содержалось правило, устанавливающее приоритетное право собственника выкупить изъятый у него земельный участок в случае, если у органов власти отпала в нем необходимость. Во-вторых, возмещение рыночной стоимости земельной недвижимости, а также убытков можно только приветствовать. Однако жизнь людей не всегда строго рациональна – утрата земельной и иной недвижимости может причинять гражданам тяжелые моральные переживания. Для их компенсации необходимо выплачивать гражданам при изъятии объектов земельной и иной недвижимости не 100% их стоимости, а, например, 120%.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Правоотношения принудительного прекращения права частной собственности или иных прав на земельную недвижимость – это относительные межотраслевые правоотношения, направ-

ленные, по общему правилу, на принудительное прекращение одной формы собственности на земельный участок и возникновение другой ввиду необходимости такого участка для осуществления публичных нужд на основании справедливого и полного возмещения убытков и рыночной стоимости. Субъектами таких правоотношений являются, с одной стороны, орган публичной власти, и, с другой стороны, граждане и юридические лица. Объектом правоотношения является прекращение имущественных прав на земельный участок, предметом – сами земельные участки любых категорий.

2. Основания прекращения правоотношений земельной недвижимости носят межотраслевой характер, однако их ядром выступают нормы гражданского законодательства. К числу таких оснований можно отнести: добровольное отчуждение имущества; изъятие недвижимости для государственных нужд; реквизицию; прекращение права собственности на земельный участок в качестве санкции за правонарушение; принудительное изъятие земельного участка у лица, которому он не может принадлежать в силу закона. Изъятие земельного участка для публичных нужд и реквизицию предлагается объединить в общую доктринальную категорию, предложенную еще дореволюционными цивилистами и называемую экспроприацией.

3. Экспроприация – это принудительное возмездное отчуждение в государственную или муниципальную собственность или временное использование недвижимого (реже движимого) имущества в публичных интересах (чаще всего по решению суда) с обязательным возмещением всех расходов, понесенных частным собственником земельного участка и иного имущества.

4. В случае национализации (изъятия для публичных нужд) главным юридическим фактом является наличие исключительной публичной необходимости в земельном участке или ином имуществе, которую невозможно обеспечить другим образом. В случае реквизиции в фактическом составе ключевым юридическим фактом оказывается наличие события – чрезвычайного происшествия, которое порождает необходимость постоянного или временного занятия земельного участка и компенсации понесенных расходов. В случае прекращения прав на землю в качестве санкции за земельное правонарушение главным юридическим фактом будет противоправное деяние, влекущее применение этой меры.

5. В настоящее время в законодательстве нет четкого определения публичных нужд, являющихся основанием изъятия земельных участков, равно как и исчерпывающего перечня самих оснований для такого изъятия. Это порождает ряд негативных последствий, связанных с возможностью перехода изъятых органом публичной власти земельных участков в частную собственность коммерческих юридических лиц (например недропользователей и др.). Для решения данной проблемы требуется доктринальная проработка

¹ Чаплин Н.Ю. Гражданско-правовой режим земельных участков: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 15.

категории «частно-публичные нужды», являющейся резервом для расширения категории «государственные или муниципальные нужды». К числу последних следует относить только возведение объектов, предназначенных для удовлетворения жизненно важных интересов широких групп населения безотносительно к их личным интересам

(в этом смысле строительство театра или стадиона не является публичной надобностью).

6. Для укрепления гарантий прав частных собственников следует сформулировать новый принцип земельного законодательства (ст. 1 ЗК РФ): принцип исключительности изъятия земельных участков для государственных нужд. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Анисимов А.П., Алексеева А.П., Мелихов А.И. Актуальные проблемы противодействия экологической преступности // Актуальные проблемы теории экологического права. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 181-190.
2. Алексеева А.П. Ответственность за экологические правонарушения (преступления) // Пути развития российской юридической науки и образования в XXI веке: Тезисы докладов научно-практической конференции. Волгоград: Волгоградский филиал Московского университета потребительской кооперации, 2001. С. 129-132.
3. Венецианов М.В. Экспроприация с точки зрения гражданского права. Казань, 1891. 114 с.
4. Анисимов А.П., Рыженков А.Я. К вопросу о поиске баланса частных и публичных интересов при изъятии земельных участков в Российской Федерации // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 4. Правазнаўства. 2019. Т. 9. № 3. С. 86-92.
5. Кабытов Н.П., Хмелева Т.И. Гражданско-правовые коллизии: выкуп земельного участка. Самара, 2005. 139 с.
6. Евстигнеев В.А. Собственность на землю в фокусе интересов // Журнал российского права. 2004. № 8. С. 69-80.
7. Рыженков А.Я. Выкуп как юридический факт в гражданском праве // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 40. С. 184-191.
8. Тоточенко Д.А. Изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд // Нотариус. 2021. № 7. С. 30-33.
9. Лисица А.А., Масленникова Л.В. Изъятие земельного участка для государственных и муниципальных нужд: краткий правовой анализ российского законодательства // Современные научные исследования и разработки. 2018. Т. 1. № 5. С. 394-396.
10. Аббасова Е.В., Ерохина Е.В. Проблемы законодательного регулирования изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд // Вестник совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. 2019. Т. 1. № 1. С. 84-89.
11. Тужилова-Орданская Е.М. Современное состояние и тенденции развития российского частного права // Современное состояние и тенденции развития частного права в Российской Федерации: материалы заочной конференции. Уфа, 2008. С. 270-273.
12. Сыродоев Н.А. Возникновение прав на землю // Государство и право. 2004. № 10. С. 65-72.
13. Крассов О.И. Право частной собственности на землю. М.: Юристъ, 2000. 379 с.
14. Anisimov A.P., Ryzhenkov A.J., Boltanova E.S. Limitations of rights of land plot owners: where is the boundary between reasonability and abuse? // Law and Economics Yearly Review. 2019. Vol. 8. P. 1. Pp. 148-181.
15. Рыженков А.Я. О принципе сочетания интересов общества и законных интересов граждан в сфере использования и охраны земель // Современное общество и право. 2017. № 2. С. 82-89.

REFERENCES

1. Anisimov A.P., Alekseyeva A.P., Melikhov A.I. Aktual'nyye problemy protivodeystviya ekologicheskoy prestupnosti // Aktual'nyye problemy teorii ekologicheskogo prava. M.: Yurlitinform, 2019. S. 181-190.
2. Alekseyeva A.P. Otvetstvennost' za ekologicheskiye pravonarusheniya (prestupleniya) // Puti razvitiya rossiyskoy yuridicheskoy nauki i obrazovaniya v XXI veke: Tezisy dokladov nauchno-prakticheskoy konferentsii. Volgograd: Volgogradskiy filial Moskovskogo universiteta potrebitel'skoy kooperatsii, 2001. S. 129-132.
3. Venetsianov M.V. Ekspropriatsiya s tochki zreniya grazhdanskogo prava. Kazan', 1891. 114 s.
4. Anisimov A.P., Ryzhenkov A.Ya. K voprosu o poiske balansa chastnykh i publicnykh interesov pri iz'yatii zemel'nykh uchastkov v Rossiyskoy Federatsii // Vesnik Grodzenskaga dzyarzhaynaga univertsiteta imya Yanki Kupaly. Seryya 4. Pravaznaustva. 2019. T. 9. № 3. S. 86-92.
5. Kabytov N.P., Khmeleva T.I. Grazhdansko-pravovyye kollizii: vykup ze-mel'nogo uchastka. Samara, 2005. 139 s.
6. Yevstigneyev V.A. Sobstvennost' na zemlyu v fokuse interesov // Zhurnal rossiyskogo prava. 2004. № 8. S. 69-80.
7. Ryzhenkov A.Ya. Vykup kak yuridicheskiy fakt v grazhdanskom prave // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2021. № 40. S. 184-191.
8. Totochenko D.A. Iz'yatiye zemel'nykh uchastkov dlya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd // Notarius. 2021. № 7. S. 30-33.

9. Lisitsa A.A., Maslennikova L.V. Iz'yatiye zemel'nogo uchastka dlya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd: kratkiy pravovoy analiz rossiyskogo zakonodatel'stva // Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i razrabotki. 2018. T. 1. № 5. S. 394-396.

10. Abbasova Ye.V., Yerokhina Ye.V. Problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya iz'yatiya zemel'nykh uchastkov dlya gosudarstvennykh ili munitsipal'nykh nuzhd // Vestnik soveta molodykh uchenykh i spetsialistov Chelyabinskoy oblasti. 2019. T. 1. № 1. S. 84-89.

11. Tuzhilova-Ordanskaya Ye.M. Sovremennoye sostoyaniye i tendentsii razvitiya rossiyskogo chastnogo prava // Sovremennoye sostoyaniye i tendentsii razvitiya chastnogo prava v Rossiyskoy Federatsii: materialy zaachnoy konferentsii. Ufa, 2008. S. 270-273.

12. Syrodoyev N.A. Vozniknoveniye prav na zemlyu // Gosudarstvo i pravo. 2004. № 10. S. 65-72.

13. Krassov O.I. Pravo chastnoy sobstvennosti na zemlyu. M.: Yurist, 2000. 379 s.

14. Anisimov A.P., Ryzhenkov A.J., Boltanova E.S. Limitations of rights of land plot owners: where is the boundary between reasonability and abuse? // Law and Economics Yearly Review. 2019. Vol. 8. P. 1. Pp. 148-181.

15. Ryzhenkov A.Ya. O printsipe sochetaniya interesov obshchestva i za-konnykh interesov grazhdan v sfere ispol'zovaniya i okhrany zemel' // Sovremennoye obshchestvo i pravo. 2017. № 2. S. 82-89.

© Чаркин С.А., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Чаркин С.А. Прекращение правоотношений земельной недвижимости: вопросы теории // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3 (77). С. 105-113.

Никита Дмитриевич КАЗАКОВ,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)
преподаватель Института государственной службы и управления
n.kazakov@rightsrf.ru

Научная статья
УДК 342.7:342.5(470+571)

ИНСТИТУТ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Уполномоченный по правам человека, права и свободы граждан, мониторинговая деятельность, омбудсмен, правозащитная деятельность.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Деятельность правозащитных учреждений необходима в любом правовом государстве. Гармоничное и сбалансированное участие Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (далее – Уполномоченный) в деятельности государственных органов позволяет проводить успешную правозащитную работу в нашей стране. В статье рассмотрен вопрос об основных функциях института Уполномоченного, проведен исторический обзор учреждений и должностных лиц, рассматривавших жалобы на деятельность государственных органов в царский период Российского государства и в советское время. **Методы.** При проведении исследования были использованы различные методы научного познания: диалектический метод, метод системного анализа, исторический метод. Материалом исследования стали нормативные акты российского законодательства, регламентирующие деятельность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, а также научные работы по вопросам функционирования учреждений и должностных лиц, рассматривавших жалобы на деятельность государственных органов. **Результаты.** Исходя из специфики института правозащитника, автор определяет основные его особенности в современной России. Институт Уполномоченного продолжает развиваться в новых исторических условиях, приобретая значимую роль в функционировании правового государства, что делает актуальным проведение оценки эффективности его деятельности. Показатели этой оценки не могут дублировать показатели оценки деятельности органов исполнительной власти или контрольно-надзорных органов, а должны соответствовать тем функциям, которые возложены на институт Уполномоченного.

ВВЕДЕНИЕ

Защита прав и свобод граждан – основополагающая задача правового государства, закрепленная в Конституции Российской Федерации (ст. 2). Правозащитный институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (далее – Уполномоченный), учрежденный Федеральным конституционным законом от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ¹, стал одним из главных механизмов эффективного решения этой задачи в нашей стране. На региональном уровне роль правозащитника исполняют Уполномоченные по правам человека в субъектах Российской Федерации, деятельность которых регла-

ментируется Федеральным законом от 18 марта 2020 г. № 48-ФЗ².

С самого основания институт Уполномоченного стал объектом научных дискуссий о его роли и статусе в системе государственной власти России. Повышенный интерес к нему связан с тем, что деятельность Уполномоченного вплетена в правозащитный государственный механизм и затрагивает самые «болевые» точки общества. Участники дискуссий проводят поиск путей дальнейшего совершенствования данного института.

В России институт омбудсмана появился в конце XX века, позже, чем в странах Западной Европы. И тем не менее он не является абсолютно за-

¹ Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 9. Ст. 1011.

² Федеральный закон от 18.03.2020 № 48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 12. Ст. 1640.

Nikita D. KAZAKOV,
Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration (Moscow, Russia)
Lecturer at the Institute of Public Administration and Management
n.kazakov@rightsrf.ru

INSTITUTE OF THE COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION: MAIN FEATURES AND EVALUATION OF THE EFFECTIVENESS OF ACTIVITIES

KEYWORDS. Commissioner for Human Rights, rights and freedoms of citizens, monitoring activities, ombudsman, human rights activities.

ANNOTATION. Introduction. *The activities of human rights institutions are necessary in any legal state. Harmonious and balanced participation of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation (hereinafter referred to as the Commissioner) in the activities of state bodies allows for successful human rights work in our country. The article examines the main functions of the Commissioner's institution, provides a historical review of the institutions and officials who considered complaints about the activities of state bodies in the tsarist period of the Russian state and in Soviet times.*

Methods. *The study used various methods of scientific knowledge: the dialectical method, the method of systems analysis, and the historical method. The material for the study was the normative acts of the Russian legislation regulating the activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, as well as scientific works on the functioning of institutions and officials who considered complaints about the activities of state bodies.*

Results. *Based on the specifics of the human rights defender's institution, the author determines its main features in modern Russia. The institution of the Commissioner continues to develop in new historical conditions, acquiring a significant role in the functioning of the rule of law, which makes it relevant to conduct an assessment of the effectiveness of its activities. The indicators of this assessment cannot duplicate the indicators for assessing the activities of executive authorities or supervisory bodies, but must correspond to the functions assigned to the institution of the Commissioner.*

имствованным из европейской правозащитной практики, а имеет корни в истории российской государственности. Определение основной цели Уполномоченного – гарантировать государственную защиту прав и свобод граждан – и вытекающие отсюда задачи формулируются исследователями достаточно единообразно, вопрос же об оценке результатов деятельности института правозащитника, напротив, остается одним из наиболее обсуждаемых в современной правоведческой литературе.

Проводя исследование, результаты которого представлены в настоящей статье, мы ставили перед собой цель определить особенности института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации.

МЕТОДЫ

При проведении исследования были использованы различные методы научного познания. В первую очередь это диалектический метод познания окружающей действительности, который предполагает полное и всестороннее изучение явлений, рассмотрение связей и противоречий между ними. Метод системного анализа использовался для изучения сложных систем, включая анализ и моделирование их структуры, взаимосвязей и поведения. С помощью исторического метода проведен ретроспективный анализ деятельности учреждений и должностных лиц, рассматривавших жалобы на работу государственных органов, в царский период Российского государства и в советское время.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В странах Европы омбудсмен поначалу выполнял в основном функцию контроля за деятельностью государственных органов. Позднее к ней прибавилась правозащитная функция, основанная на общепризнанных принципах международного права [1, с. 247], что, в свою очередь, привело к еще большему расширению перечня функций омбудсмена.

В.В. Эмих, исследовавший институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, сосредоточил свое внимание на основных его функциях [2, с. 61-62]. В числе главных он назвал корректирующую функцию. Ее исполнение, по сути, определяет механизм рассмотрения жалобы на деятельность государственных органов и меры по исправлению ситуации, в которой были ущемлены права гражданина. Превентивная функция Уполномоченного не выражается в конкретном алгоритме действий. Иначе ее еще называют воспитательной, поскольку ее исполнение направлено на повышение правовой культуры в обществе [3, с. 53]. Эффективность работы института Уполномоченного отражается на повышении его статуса и авторитета в системе государственных органов, а деятельность последних становится более ориентированной на правомерное поведение. Кроме консультационно-ориентирующей и просветительской функций, целесообразно говорить и об информационной функции рассматриваемого нами института. Ее реализация связана с работой официального сайта, а также с предоставлением

ем информации органам государственной власти и общественным организациям. Отметим также, что в настоящее время в рамках исполнения информационно и просветительской функций действует Информационно-просветительский проект Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации «Правозащитная карта России»¹.

Кроме перечисленных, некоторыми авторами научных работ выделяется контрольная функция [4, с. 74; 5, с. 41; 6, с. 11; 7, с. 79]. Согласно Федеральному конституционному закону от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» «Уполномоченный рассматривает жалобы на решения или действия (бездействие) государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных служащих» (ст. 16). В дальнейшем, после рассмотрения и изучения материалов, связанных с жалобой, инициируются проверки для выявления и устранения нарушений (ст. 22-23). По нашему мнению, контрольную функцию, связанную непосредственно с проведением проверок, можно считать частью корректирующей функции. Информация, полученная по итогам контрольных действий, обобщается и анализируется с целью вскрытия и устранения недостатков существующей системы гарантий защиты прав и свобод граждан со стороны государства. В этом случае речь идет об аналитической и диагностической функциях института Уполномоченного. Впрочем, при отсутствии императивных полномочий выводы, сформулированные в результате проверок и направленные в органы исполнительной власти, могут носить только рекомендательный характер.

Используя понятие контроля, рассматривающее его в качестве деятельности, направленной «на предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований»², всю работу Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации можно охарактеризовать как контрольную, а по целеполаганию – как правозащитную.

До недавнего времени с недостаточной степенью эффективности Уполномоченным исполнялась координационная функция: не был налажен полноценный обмен информацией между правозащитниками на федеральном и региональном уровне (по вертикали), между правозащитниками субъектов Российской Федерации (по горизонтали). Изменения, способствовавшие повышению эффективности деятельности Уполномоченных, произошли благодаря принятию Федерального конституционного закона от 6 апреля 2015 г. № 3-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»»³. Этот доку-

мент дополнил главу III Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» статьей 36.2, согласно которой федеральный Уполномоченный вправе оказывать уполномоченным по правам человека в субъектах Российской Федерации «организационную, правовую, информационную и иную помощь». Кроме того, он получил возможность создать консультативно-совещательный совет, в состав которого входят правозащитники от каждого федерального округа из числа уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации.

Осознание необходимости реформирования правозащитной деятельности на региональном уровне способствовало принятию Федерального закона от 18 марта 2020 г. № 48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации». Это закон, по словам Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Т.Н. Москальковой, «вывел институт региональных уполномоченных по правам человека на более высокий уровень развития». Благодаря данному закону граждане российских регионов в случае нарушения их прав могут воспользоваться правом бесплатного обращения к Уполномоченному в своем субъекте федерации для защиты своих интересов [8, с. 32].

Содействие в работе над законодательными актами в правозащитной сфере также является одной из функций Уполномоченного. Важно отметить и международную деятельность – сотрудничество и взаимодействие с международными организациями и правозащитными организациями других стран.

Далее обратим внимание на исторические аспекты становления и развития института омбудсмена. Изначально этот институт появился в Западной Европе: в 1809 году – в Швеции, а затем, более века спустя, в 1918 году – в Финляндии. Слово омбудсмен, по мнению исследователей, имеет скандинавское либо германское происхождение, им обозначается «представитель интересов», «доверенное лицо». Основная волна распространения института правозащитников по всему миру относится к 50-70 годам XX века. Появившись достаточно поздно в историческом контексте, этот институт прочно занял свое место в системе государственных органов современных стран.

В настоящее время в мире существует три модели института омбудсмена. Парламентская модель основывается на избрании законодательной властью правозащитника из числа наиболее авторитетных граждан страны. Ее ключевая задача – обеспечение защиты законности деятельности исполнительных органов (например в Швеции). Омбудсмен в этом случае подотчетен законода-

¹ Информационно-просветительский проект Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации «Правозащитная карта России» // URL: <https://map.ombudsmanrf.org> (дата обращения: 01.08.2024).

² См.: ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (Ч. I). Ст. 5007; Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 1. Ст. 6.

³ Федеральный конституционный закон от 06.04.2015 № 3-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 14. Ст. 2007.

тельной власти. При иной модели рассматриваемого института – исполнительной – назначение омбудсмена осуществляет правительство, ему же он и подотчетен (например во Франции). Модель суверенного омбудсмена основана на независимости правозащитника от всех ветвей власти. Занимая свою должность путем назначения президентом или парламентом, омбудсмен ведет самостоятельную деятельность и неподотчетен ни законодательной, ни исполнительной власти (например в Португалии).

Институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, заимствованный из европейской практики, имеет глубокие корни и в истории нашей страны. С появлением христианства в Древней Руси начали оформляться зачатки нравственно-правового мировоззрения. В «Слове о Законе и Благодати» митрополита Иллариона, датируемом примерно серединой XI века, прослеживается идея о том, что власть должна основываться на принципах справедливости и законности, что, по мнению автора, соответствует христианской морали [9, с. 204]. В «Русской правде» отмечается необходимость защиты прав всех слоев общества, включая смердов [10, с. 74].

Значительным этапом становления института защиты прав стало основание челобитного приказа во времена правления Ивана IV. Приказ принимал челобитные от населения, определял суть вопроса и отправлял жалобы с рекомендациями в те органы, к компетенции которых они относились. Таким образом, челобитный приказ был органом-посредником между населением и органами государственной власти. По выражению В.О. Ключевского, в челобитных отражались недостатки суда и управления¹. Петр I учредил в 1722 году должность рекетмейстера, отвечавшего за подаваемые челобитные. Позже, в 1810 году, при правлении Александра I была учреждена Комиссия прошений, принимавшая жалобы на деятельность государственных органов и учреждений.

После Революции 1917 года вопрос о рассмотрении жалоб оставался весьма актуальным. В апреле 1919 года принимается Декрет «О государственном контроле», согласно которому при Госконтроле было создано особое бюро для приема заявлений «о неправильных действиях, злоупотреблениях и правонарушениях должностных лиц». В Советском Союзе в 1965 году был принят закон «Об органах народного контроля в СССР», в результате чего в составе Комитета народного контроля стал функционировать специальный отдел жалоб².

Преобразования начала 90-х годов XX века затронули все стороны жизни общества. Впервые в

нашей стране об институте правозащитника речь зашла в Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой 22 ноября 1991 года Верховным Советом РСФСР. Позже была учреждена Комиссия по правам человека при Президенте Российской Федерации³. Аналогичные комиссии были созданы и в субъектах Российской Федерации. Деятельность комиссии по правам человека носила консультативно-совещательный характер. В 2004 году она была преобразована в Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека (далее – Совет), призванный оказывать «содействие главе государства в реализации его конституционных полномочий в области обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина»⁴.

Функции института Уполномоченного по правам человека не дублируют функции Совета, несмотря на их схожесть по сути. У него свои специализированные функции. С датой принятия Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ, по словам Т.Н. Москальковой, «связано начало практического строительства института уполномоченных по правам человека в Российской Федерации» [8, с. 29].

ОБСУЖДЕНИЕ

Научные дискуссии о модели института правозащитника в Российской Федерации сводятся к поиску доказательств в пользу независимой или парламентской модели. Пункт 2 ст. 1 Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ закрепляет положение о том, что Уполномоченный назначается и освобождается от должности Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации. По нашему мнению, в России правозащитник осуществляет свою деятельность в рамках парламентской модели, о чем свидетельствует и ст. 5 Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ «О парламентском контроле»⁵, в которой в качестве одной из форм парламентского контроля определяется «осуществление Государственной Думой взаимодействия с Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации».

Институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации имеет ряд особенностей:

- он не относится ни к одной из ветвей власти, является специализированным институтом, осуществляющим деятельность контрольного характера, которая имеет четко определенную цель, каковой является защита прав и свобод граждан;
- будучи институтом, действующим в рамках парламентской модели, правозащитник в Российской Федерации назначается на должность

¹ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в 3-х книгах. Книга 2. Лекция XL. М., 1993. С. 34;

Ключевский В.О. Боярская дума Древней Руси. М.: Академический проект, 2018. С. 89.

² Кабашов С.Ю. Организация работы с обращениями граждан в истории России: Учебное пособие. М., 2021. С. 228.

³ Указ Президента Российской Федерации от 01.11.1993 № 1798 «Об обеспечении деятельности Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 45. Ст. 4325.

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 06.11.2004 № 1417 «О Совете при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 46. (Ч.ч. I-II). Ст. 4511.

⁵ Федеральный закон от 07.05.2013 № 77-ФЗ «О парламентском контроле» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 19. Ст. 2304.

и освобождается от нее Государственной Думой, но при осуществлении своих полномочий является «независимым и неподотчетным каким-либо государственным органам и должностным лицам», по итогам своей деятельности он готовит ежегодный доклад и направляет его Президенту Российской Федерации, в Совет Федерации и Государственную Думу, Правительство Российской Федерации и ряд других органов;

- рассматривая жалобы, Уполномоченный общается непосредственно с их подателями, выступая посредником или, по выражению В.П. Лукина, занимавшего эту должность с 2004 по 2014 год, «мостом между органами власти и обществом» в целях реализации защиты прав и свобод граждан [11, с. 3];

- осуществление взаимодействия института Уполномоченного с органами исполнительной власти носит характер конструктивного сотрудничества, направленного на недопущение нарушений прав человека в их деятельности и ее корректировки в правозащитной сфере;

- отсутствие у Уполномоченного рычагов исполнительной власти не отменяет его права при проведении проверки по жалобе получать объяснения от должностных лиц и государственных служащих (за исключением судей) по вопросам, подлежащим выяснению в ходе рассмотрения жалобы¹, применять методы критики и убеждения;

- рассматриваемый институт относится к сфере публичной власти, Уполномоченный осуществляет тесное взаимодействие со средствами массовой информации, его деятельность поддерживается широкой общественностью и институтами гражданского общества;

- Уполномоченный по правам человека – персонифицированный институт, поэтому большое значение имеет личность назначаемого на эту должность, которая должна отвечать требованиям и объективного (гражданство, возраст, наличие счетов в иностранных банках, отсутствие личной заинтересованности и др.), и оценочного (навыки и опыт работы в сфере защиты прав и свобод граждан) характера, пользоваться общественным авторитетом, иметь безупречную репутацию, проявлять высокие моральные качества [12, с. 19];

- Уполномоченный принимает участие в решении наиболее острых, болезненных проблем, стоящих перед обществом в тот или иной исторический период.

Институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации стал важным элементом системы государственных органов в области правозащитной деятельности. Поскольку он призван защищать и гарантировать права граждан, то от его деятельности логично ждать позитивных определенных результатов, а значит, есть необходимость оценить ее эффективность.

И здесь ключевым становится вопрос о критериях такой оценки. В отличие от оценки деятельности субъектов в частном секторе, где этот во-

прос достаточно подробно проработан, в органах государственной власти и общественных организациях поиск критериев оценки продолжает оставаться актуальным. Оценка эффективности деятельности Уполномоченного еще более проблематична, так как определить, насколько полно и качественно реализована защита прав граждан, – задача не из легких. Обращаются в своих исследованиях к этой теме и отечественные ученые² [13; 14, с. 9]. Как правило, при этом используются системы оценки эффективности деятельности частных компаний, органов исполнительной власти, прокуратуры, публичных организаций и зарубежный опыт. Выдвигается немало предложений по составу перечня критериев оценки. И все исследователи сходятся во мнении, что этот перечень не должен быть ограничен только показателями, характеризующими количество рассмотренных Уполномоченным обращений.

Как представляется, в качестве критерия оценки деятельности Уполномоченного можно использовать динамику изменения роли института правозащитника в обществе, его влияния на государственные органы, его авторитетности. В этом случае необходимо анализировать оценку деятельности данного института со стороны граждан, общественных организаций и органов исполнительной власти, с которыми взаимодействуют федеральный и региональные Уполномоченные. При этом, разумеется, оценка может в значительной мере зависеть от субъективных факторов, связанных со сложившимися в обществе представлениями о справедливости, честности, а также от степени оправдания ожиданий от результатов рассмотрения жалоб.

В рамках научной дискуссии поставлен вопрос о том, может ли являться критерием оценки работы правозащитника показатель количества поданных жалоб (его снижение или увеличение). Если допустимо предположить, что заслугой Уполномоченного оказывается снижение числа поступающих жалоб, что может быть связано с решением тех или иных проблем в сфере защиты прав граждан, то есть основания говорить и о том, что увеличение количества жалоб – признак повышения авторитета института Уполномоченного, а также уровня доверия граждан к нему. Таким образом, динамику изменения (снижение или увеличение) количества поданных жалоб нецелесообразно считать критерием оценки эффективности деятельности института правозащитника.

Уполномоченный по правам человека в Воронежской области Т.Д. Зражевская предлагает оценку эффективности рассматриваемого нами института осуществлять в субъектах Российской Федерации по показателям, согласующимся с его полномочиями, прописанными в Федеральном законе от 18 марта 2020 г. № 48-ФЗ [15, с. 128]. К их числу должна относиться и эффективность рассмотрения жалоб, определяемая на основании

¹ См. ст. 23 Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997 г.

№ 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации».

² См., например: Деев А.С., Хвоцинин А.А. Эффективность и результативность публичного управления: Учебное пособие. Тюмень, 2007. 255 с.

того, оказались ли восстановленными нарушенные права. Кроме того, предлагается при оценке работы правозащитников учитывать результаты их информационно-аналитической деятельности. Эти и другие показатели содержатся в ежегодном докладе по результатам деятельности Уполномоченного.

Оценка эффективности деятельности рассматриваемого института часто сводится к оценке результативности, под которой понимают выполнение им задач в рамках основных направлений деятельности согласно полномочиям. Оценка результативности, несомненно, важна, и она может включать в себя как количественные, так и качественные показатели. Ее можно считать внутренней оценкой деятельности института Уполномоченного, которая имеет определяющее значение для дальнейшего его совершенствования. Внутренняя оценка деятельности, учитывающая статистические данные, необходима еще и для характеристики тематики обращений и жалоб граждан, что способствует определению наиболее злободневных проблем общества. Наряду с внутренней оценкой результативности деятельности института правозащитника важна и оценка внешняя, которая основывается на мнении граждан, экспертных групп, научных коллективов, организаций, специализирующихся на защите прав человека, а также органов исполнительной власти. При осуществлении внешней оценки деятельности Уполномоченного необходимо, чтобы была предусмотрена возможность высказывать предложения и замечания. Результаты их рассмотрения должны способствовать совершенствованию института правозащитника в России, повышению эффективности его деятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Институт Уполномоченного по правам человека играет заметную роль в системе правозащитных организаций нашей страны. Важность данного института определяется, в частности, тем, что он учрежден посредством федерального конституционного закона, то есть закона повышенной юридической силы. Процесс создания данного ин-

ститута стал ответом на запрос общества о возможности граждан обращаться за помощью к органу, гарантирующему защиту их прав. На протяжении веков в нашей стране накапливался опыт работы с обращениями и жалобами на государственном уровне. Этот исторический фундамент и международный опыт функционирования института Омбудсмана стали основой для определения в России основных направлений работы Уполномоченного по правам человека. Функции и полномочия правозащитника определили его статус в системе органов власти: сочетание парламентской модели института правозащитника с независимостью и неподотчетностью; двухуровневая структура института, включающая в себя федерального и региональных Уполномоченных; использование российского и международного опыта правозащитной деятельности; роль посредника между обществом и властью; индивидуальная работа с подателем жалобы; влияние на деятельность органов исполнительной власти в сфере защиты прав граждан, несмотря на отсутствие рычагов воздействия, аналогичных тем, которые имеются у исполнительной и судебной власти; публичность деятельности, тесное взаимодействие со средствами массовой информации и общественными организациями; значительная роль личностных качеств и авторитета лица, занимающего должность Уполномоченного; деятельность в качестве индикатора острых проблем, существующих в обществе, и активное участие в их решении; исполнение традиционных иобретение новых функций в связи с развитием информационного общества; «очеловеченность» института Уполномоченного, использующего методы критики, убеждения, объяснения, а также призывы и рекомендации поступать справедливо и по совести; сложность поиска основных критериев оценки деятельности института.

Совершенствование института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в настоящее время продолжается, что, по нашему мнению, приводит к повышению результативности и эффективности его деятельности. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Плотникова А.Э. Функции уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2012. Т. 2. № 34-1. С. 247-249.
2. Эмих В.В. Компетенция Уполномоченных по правам человека в Российской Федерации: Монография. Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН, 2010. 214 с.
3. Воротилина Т.В. Место института Уполномоченного по правам человека в правозащитной системе Российской Федерации // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VII Международной научной конференции. Т. 8: Юридические науки. Донецк, 2022. С. 53-55.
4. Колобова Т.В. Государственный контроль уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации: понятие, направления, полномочия // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2020. № 6. С. 74-77.
5. Шамрин М.Ю., Мигачева Е.В. Институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 1 (134). С. 41-48.
6. Мухитдинов Е.Н. Эволюция института омбудсмана // Право и политика. 2009. № 5. С. 10-12.
7. Мархгейм М.В. Институт Уполномоченного по правам человека в России: верификация правозащитного потенциала // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. 2003. № 12. С. 77-86.
8. Москалькова Т.Н. Институт Уполномоченных по правам человека: вчера, сегодня, завтра // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2021. № 4 (80). С. 23-44.

9. Гараева Г.Ф. Представления о естественном праве в русской правовой мысли IX-XVIII вв. // Теория и практика общественного развития. 2011. № 8. С. 203-205.
10. Эльмурзаева Х.Р. Истоки возникновения и этапы развития механизмов обеспечения прав человека в России // Вестник ГОУ ДПО ТО «ИПК и ППРО ТО». Тульское образовательное пространство. 2020. № 3. С. 73-77.
11. Лукин В.П. Роль и значение института омбудсмана в деле защиты прав человека (на примере Российской Федерации) // История государства и права. 2009. № 22. С. 2-6.
12. Синцов Г.В., Феоктистов Д.Е. Требования, предъявляемые к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации // Проблемы экономики и юридической практики. 2011. № 3. С. 15-19.
13. Скрыжова Е.В. Размышления о сути правозащитной работы: постановка проблемы // Будущее прав человека в России. Вып. 1. Пермь: Пермская гражданская палата, 2006. С. 41-50.
14. Шелкоплясова Г.С., Шелкоплясов А.Д. Эффективность и результативность – основные показатели профессиональной деятельности государственных гражданских служащих. // Сборник научных трудов Сборник научных трудов Северо-Кавказского государственного технического университета. Серия «Экономика». 2009. № 9. С. 9-16.
15. Зражевская Т.Д. Эффективность института уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. 2021. № 4 (80). С. 125-133.

REFERENCES

1. Plotnikova A.E. Funktsii upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiyskoy Federatsii // Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2012. T. 2. № 34-1. S. 247-249.
2. Emikh V.V. Kompetentsiya Upolnomochennykh po pravam cheloveka v Rossiyskoy Federatsii: Monografiya. Yekaterinburg: Institut filosofii i prava UrO RAN, 2010. 214 s.
3. Vorotilina T.V. Mesto instituta Upolnomochennogo po pravam cheloveka v pravozashchitnoy sisteme Rossiyskoy Federatsii // Donetskiye chteniya 2022: obrazovaniye, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti: Materialy VII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. T. 8: Yuridicheskiye nauki. Donetsk, 2022. S. 53-55.
4. Kolobova T.V. Gosudarstvennyy kontrol' upolnomochennogo po pravam cheloveka v sub'yekte Rossiyskoy Federatsii: ponyatiye, napravleniya, polnomochiya // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo. 2020. № 6. S. 74-77.
5. Shamrin M.YU., Migacheva Ye.V. Institut Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiyskoy Federatsii // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. 2022. T. 17. № 1 (134). S. 41-48.
6. Mukhitdinov Ye.N. Evolyutsiya instituta ombudsmana // Pravo i politika. 2009. № 5. S. 10-12.
7. Markhgeym M.V. Institut Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossii: verifikatsiya pravozashchitnogo potentsiala // Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. 2003. № 12. S. 77-86.
8. Moskal'kova T.N. Institut Upolnomochennykh po pravam cheloveka: vchera, segodnya, zavtra // Vestnik Universiteta imeni O.Ye. Kutafina. 2021. № 4 (80). S. 23-44.
9. Garayeva G.F. Predstavleniya o yestestvennom prave v russkoy pravovoy mysli IX-XVIII vv. // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2011. № 8. S. 203-205.
10. El'murzayeva Kh.R. Istoki vozniknoveniya i etapy razvitiya mekhanizmov obespecheniya prav cheloveka v Rossii // Vestnik GOU DPO TO «IПК i PPRO TO». Tul'skoye obrazovatel'noye prostranstvo. 2020. № 3. S. 73-77.
11. Lukin V.P. Rol' i znachenije instituta ombudsmana v dele zashchity prav cheloveka (na primere Rossiyskoy Federatsii) // Istoriya gosudarstva i prava. 2009. № 22. S. 2-6.
12. Sintsov G.V., Feoktistov D.Ye. Trebovaniya, pred'yavlyayemye k Upolnomochennomu po pravam cheloveka v Rossiyskoy Federatsii // Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki. 2011. № 3. S. 15-19.
13. Skryakova Ye.V. Razmyshleniya o suti pravozashchitnoy raboty: postanovka problemy // Budushcheye prav cheloveka v Rossii. Vyp. 1. Perm': Permskaya grazhdanskaya palata, 2006. S. 41-50.
14. Shelkopyasova G.S., Shelkopyasov A.D. Effektivnost' i rezul'tativnost' – osnovnyye pokazateli professional'noy deyatel'nosti gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh. // Sbornik nauchnykh trudov Sbornik nauchnykh trudov Severo-Kavkazskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya «Ekonomika». 2009. № 9. S. 9-16.
15. Zrazhevskaya T.D. Effektivnost' instituta upolnomochennykh po pravam cheloveka v sub'yektakh Rossiyskoy Federatsii // Vestnik universiteta imeni O.Ye. Kutafina. 2021. № 4 (80). S. 125-133.

© Казаков Н.Д., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Казаков Н.Д. Институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации: основные особенности и оценка эффективности деятельности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3 (77). С. 114-120.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ МАСТЕРСТВО

Татьяна Валентиновна АНИСИМОВА,
доктор филологических наук, профессор
ORCID 0000-0002-6386-2041
Калининградский филиал Санкт-Петербургского
университета МВД России (г. Калининград)
профессор кафедры социально-экономических
и гуманитарных дисциплин
atvritor@yandex.ru

Наталья Константиновна ПРИГАРИНА,
доктор филологических наук, доцент
ORCID 0000-0003-3081-0533
Волгоградский государственный социально-
педагогический университет (г. Волгоград)
профессор кафедры языкознания
prigarina99@mail.ru

Научная статья
УДК 378.147:808.5

КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ: СОСТАВ И ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Риторика, методика риторики,
коммуникативная компетенция, дискурсивная компетенция,
риторическая компетенция, структура компетенции.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В статье отмечается, что в работах российских ученых по поводу оценки сформированности у обучающихся речевых умений и навыков представлен весьма широкий диапазон мнений, что обусловлено различиями в личном опыте и целях исследований. Авторы полагают, что объективным инструментом оценки степени сформированности коммуникативной компетенции мог бы стать компетентностный подход, но при условии точного формулирования содержания всех уровней этой компетенции. **Методы.** В процессе исследования была использована совокупность дополняющих друг друга общенаучных (синтез, абстрагирование, классифицирование и др.), педагогических (сопоставительный анализ педагогических концепций, обобщение педагогического опыта, оценка эффективности применяемых методов обучения и др.) и филологических (дискурс-анализ, риторический анализ и др.) методов. **Результаты.** Структуру коммуникативной компетенции родного языка следует формулировать отдельно от структуры иноязычной коммуникативной компетенции, поскольку задачи и первоначальный опыт обучающихся оказываются в этих ситуациях разными. Коммуникативная компетенция родного языка имеет два уровня: языковой и дискурсивный. Языковой уровень находится в ведении традиционной лингвистики и описывает те ресурсы (как языковые, так и речевые), которые имеются в распоряжении человека, готовящегося к общению. Он включает в себя собственно языковую и речевую компетенции. Дискурсивный уровень находится в ведении коммуникативной лингвистики и описывает те знания и умения, которые необходимы для эффективного построения своего высказывания в непосредственном общении. Он включает в себя дискурсивную и риторическую компетенции. Языковой уровень является фоновым и не имеет непосредственного отношения к профессиональной компетенции специалиста, которая полностью формируется только на дискурсивном уровне.

ВВЕДЕНИЕ

Отечественная педагогическая наука всегда уделяла много внимания методике формирования речевых умений и навыков учащихся на всех уровнях получения образования, что обусловлено их очевидной значимостью как для социализации каждого человека, так и для цивилизованной жизни всего общества в целом. Вместе с тем в последнее время наблюдается явный диссонанс в оценке способов и результатов этой работы.

С одной стороны, имеем оптимистическое описание достижений современной педагогической системы, пропагандируемой официальной педагогикой, где рассуждают о перспективах карьерного роста, создаваемых с помощью индивидуальных обучающих траекторий и «lifelong learning». Здесь говорят о сотрудничестве преподавателя и учащегося с учетом национальных, возрастных и психологических особенностей личности последнего, о построении образовательного процесса на основе субъект-субъектных отношений [1, с. 128]; о формировании «у выпускника высокой профессиональной квалификации, конкурентоспособности как на отечественном, так и на мировом рынке труда» [2, с. 117]; о «студентоцентрированном характере образовательного процесса», осуществляемого с использованием интерактивных форм работы и модульных технологий [3, с. 14] и т.п.

С другой же стороны, имеем сетования практических работников образования, указывающих на критическое ухудшение качества знаний студентов, разрушение системы традиционных культурных ценностей, нежелание молодых людей строить карьеру и учиться всю жизнь. В частности, многие ученые пишут о крайне низком уровне коммуникативной компетентности молодых людей: об «удручающих признаках истощения репертуара коммуникативных умений» учащихся [4, с. 52]; «уменьшении объема устного высказывания (даже с домашней подготовкой многие не могут составить и произнести речь более чем на 1 минуту)» [5, с. 477]; о бедности словарного запаса учащихся, неумении четко и ясно выразить свою мысль [6, с. 18]; о понижении уровня читательской культуры учащихся и их неготовности работать с текстом большого объема [7, с. 33-35] и т.д. Все это позволяет сделать вывод об острой проблеме «мнимого риторического расцвета на фоне коммуникативно-речевого кризиса» [8, с. 122].

Как те, так и другие оценки опираются обычно на личный опыт пишущего и во многом зависят от его конкретного рода деятельности и целей исследовательской работы. Вместе с тем научная и педагогическая общественность должна пользоваться некоторым объективным инструментом оценки качества образования, чтобы иметь возможность влиять на результат. Таким инструментом вполне может стать принятый в современной педагогике компетентностный подход, который дает достаточно удобный и надежный способ измерения качества предоставляемого образования, причем не только в целом, но и в каждой конкретной области, актуальной для будущего специалиста. Согласно этому подходу компетен-

ция – «это нормативное требование к образовательной подготовке обучаемого, необходимой для его эффективной и продуктивной деятельности в определенной сфере» [9, с. 86]. Правда, наблюдения показывают, что этим инструментом часто бывает сложно пользоваться, так как имеющиеся описания содержания компетенций слишком абстрактны и ограничиваются указаниями лишь на общую сферу их функционирования.

Чтобы стать рабочим инструментом педагога, компетенция должна быть описана как можно более полно и конкретно. Степень овладения любой компетенцией должна определяться «в соответствии с разработанными показателями сформированности компонентов данной компетенции» [10, с. 179], поскольку, как гласит один из важнейших принципов «Balanced Scorecard», «управлять можно только тем, что можно измерить». Это особенно актуально в том случае, когда речь идет о коммуникативной компетенции: бурное развитие лингвистических дисциплин в XX веке породило многочисленные и разнообразие подходы к пониманию ее сущности и механизмов, средств коммуникации, причин коммуникативных неудач и способов их предупреждения и преодоления. Все перечисленные термины широко распространены в научной литературе, однако далеко не всегда имеют однозначные или хотя бы единообразные трактовки.

В связи с этим целью нашего исследования стало описание уровневого содержания коммуникативной компетенции для того, чтобы появилась возможность более точного определения степени коммуникативной подготовленности учащихся. Для достижения поставленной цели потребовалось решение следующих задач:

- анализ научно-методической литературы по поводу общего содержания и состава компонентов коммуникативной компетенции;
- обоснование принципа разделения коммуникативной компетенции на отдельные уровни;
- описание характера и назначения всех уровней коммуникативной компетенции.

МЕТОДЫ

Методологической основой проведенного исследования являются компаративистский и коммуникативный подходы. Компаративистский подход предполагает проведение процедур сравнительно-сопоставительного анализа, выявляющего на основе обобщения педагогического опыта общее, единичное и особенное в педагогических системах, декларирующих формирование коммуникативной компетенции. Коммуникативный подход требует постоянного анализа всех предлагаемых концепций, их проверки на соответствие принципу выработки способности и готовности учащихся к эффективному взаимодействию в профессиональном общении. Применение этого подхода позволило с помощью методов моделирования и классифицирования построить уровневую систему коммуникативной компетенции.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Коммуникативная компетенция относится к числу ключевых образовательных компетенций, то есть компетенций, имеющих общекультурное

Tatyana V. ANISIMOVA,

Doctor of Philology, Professor, ORCID 0000-0002-6386-2041
Kaliningrad Branch of Saint-Petersburg University
of the Ministry of Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)
Professor of the Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines
atvritor@yandex.ru

Natalia K. PRIGARINA,

Doctor of Philology, Associate Professor, ORCID 0000-0003-3081-0533
Volograd State Socio-Pedagogical University (Volograd, Russia)
Professor of the Department of Linguistics
prigarina99@mail.ru

COMMUNICATIVE COMPETENCE: COMPOSITION AND PRINCIPLES OF DESCRIPTION

KEYWORDS. Rhetoric, methodology of rhetoric, communicative competence, discursive competence, rhetorical competence, competence structure.

ANNOTATION. *Introduction.* The article notes that a very wide range of opinions is presented in the works of Russian scientists regarding the assessment of the formation of students' speech skills and abilities, which is due to the difference in personal experience and research goals. The author believes that an objective tool for assessing the degree of formation of communicative competence could be a competence-based approach, however, provided that the content of all levels of this competence is precisely formulated. *Methods.* In the course of the research, a set of complementary general scientific (synthesis, abstraction, classification, etc.), pedagogical (comparative analysis of pedagogical concepts, generalization of pedagogical experience; evaluation of the effectiveness of applied teaching methods, etc.) and philological (discourse analysis, rhetorical analysis, etc.) methods were used. *Results.* The structure of the communicative competence of the native language should be formulated separately from the structure of the foreign language communicative competence, since the tasks and initial experience of students in these situations will be different. The communicative competence of the native language has two levels: linguistic and discursive. The language level is under the jurisdiction of traditional linguistics and describes those resources (both linguistic and speech) that are available to a person preparing to communicate. It includes proper language and speech competencies. The discursive level is under the jurisdiction of communicative linguistics and describes the knowledge and skills that are necessary for the effective construction of one's utterance in direct communication. It includes discursive and rhetorical competencies. The language level is background and has no direct relation to the professional competence of a specialist, which is fully formed only at the discursive level.

значение. Общий состав этой компетенции определен в педагогике весьма обобщенно и с разной степенью конкретизации по отношению к отдельным ее элементам. Кроме знания иностранных языков, к ней относится знание «способов взаимодействия с людьми и событиями; навыки работы в группе, коллективе, владение различными социальными ролями. Ученик должен уметь написать письмо, анкету, заявление, задать вопрос, вести дискуссию и др.» [9, с. 87]. В этом перечне наряду с самой общей формулировкой назначения компетенции (знание способов взаимодействия с людьми) помещены и вполне конкретные мелкие умения (задать вопрос, заполнить анкету); наряду с собственно лингвистическими элементами (умение написать письмо) имеются и такие, которые должны формироваться совместными усилиями нескольких дисциплин (навыки работы в группе). Это свидетельствует о недостаточной проработанности структуры коммуникативной компетенции. Вместе с тем ученые-педагоги и не обязаны разрабатывать структуру каждой компетенции: это задача соответствующих профильных специалистов. Ценность приведенной выше формулировки в том, что она подсказывает направление, в котором необходимо двигаться разработчикам структуры этой компетенции. Главный акцент должен быть сделан на овладении способами взаимодействия с людьми. После знакомства на первом

этапе обучения с письмом, анкетой и заявлением следует перейти к освоению других риторических жанров, необходимых человеку в разных ситуациях делового общения в соответствии с его социальной ролью. Наконец, важно обратить внимание на требование формирования умения ведения дискуссии. Эта форма в настоящее время является весьма востребованной и рекомендуется многими авторами как метод интерактивного обучения. Однако никто не учит ни школьников, ни студентов правильному построению дискуссии: не вырабатываются навыки формулирования пункта разногласия и ведения сосредоточенного спора, поиска аргументов, убедительных для оппонента, правильного построения опровержения и т.п. Вместе с тем без такой предварительной подготовки любой спор становится бесформенным и непродуктивным.

Попытки дать филологическое определение термину «коммуникативная компетенция» имеются в работах многих исследователей, причем в качестве ее компонентов нередко предлагаются достаточно абстрактно сформулированные единицы: межличностное общение, лидерство, прогнозирование и программирование коммуникативной ситуации, эрудиция, средства общения (вербальные и невербальные), коммуникативная культура (общая и национальная) и т.п. Однако, как справедливо отмечает М.В. Стурикова, в каче-

стве компонентов коммуникативной компетенции можно указывать только те позиции, которые на самом деле в дальнейшем планируется развивать у учащихся в процессе работы по предмету [11, с. 29]. В связи с этим более реалистичными представляются определения, ограничивающиеся утверждением, что это способность «осуществлять речевую деятельность в соответствии с целями, задачами, ситуацией общения в рамках определенной сферы деятельности»¹; «формирование готовности и способности понимать другого человека; эффективно строить взаимодействие с людьми» [12]; «умение вступать в коммуникацию с целью быть понятым, а также владение умениями общения» [13, с. 11] и т.п. Во всех таких дефинициях видно, что конечной целью формирования коммуникативной компетенции является приобретение учащимися навыка целесообразного воздействия на определенного адресата в конкретной ситуации делового общения, навыка отбора средств воздействия в соответствии с задачами и условиями общения, навыка построения речи в определенном жанре, соответствующем ситуации. Выработка именно такого набора навыков и позволяет освоить *речевые способы взаимодействия с людьми*.

Далее, всеми учеными признается иерархическая структура коммуникативной компетенции, в связи с чем перечисляются компетенции второго уровня, являющиеся ее составными частями. Вместе с тем определение количества этих частей и их конкретного состава до сих пор вызывает споры.

Традиционно структуру коммуникативной компетенции подробно описывают преподаватели иностранных языков, ориентирующиеся на освоение иноязычной коммуникативной компетенции. Возникающие в результате этого конструкции далеко не всегда безоговорочно подходят для характеристики коммуникативной компетенции родного языка по двум параметрам:

1. По составу компонентов. В модель иноязычной коммуникативной компетенции всегда включаются *стратегическая компетенция*, отвечающая за преодоление учащимися языковых и информационных пробелов, которые неизбежно могут появляться в процессе иноязычного общения, и *социокультурная компетенция*, позволяющая не только освоить язык, но и познакомиться с культурой страны изучаемого языка. Кроме того, все составные части коммуникативной компетенции обязательно рассматриваются через призму межкультурной компетенции, что накладывает существенный отпечаток на их содержание. Все перечисленные аспекты не могут быть включены в состав коммуникативной компетенции, если речь идет о родном языке.

2. По степени важности включаемых в состав компетенции компонентов и конкретному их наполнению. При освоении иностранного языка на первый план выдвигается сугубо *языковая компетенция*, поскольку знакомство с основами грамматики и обогащение лексики учащегося оказываются первостепенными задачами. В то же время освоение системы профессионально значимых

жанров возможно только на очень продвинутом этапе обучения. Однако, если речь идет о формировании коммуникативной компетенции студента неязыкового вуза, следует предположить, что все необходимые знания в области грамматики учащиеся уже получили в школе, поэтому языковая составляющая в данном случае будет сводиться только к борьбе с речевыми ошибками. И напротив, на первый план выходят задачи освоения норм и правил дискуссионной речи и знакомства с системой профессионально значимых риторических жанров. Более того, многие ученые отмечают, что и для школы принятое в настоящее время сведение курса русского языка к преимущественному изучению отвлеченных от реальной практики языковых структур недопустимо, поскольку «провозглашаемые цели и реализуемые стратегии обучения в системе школьного курса языка вступают в неразрешимое противоречие, что приводит к рекордной нерезультативности этого курса в общей системе среднего образования» [4, с. 53].

Больше всего разногласий между преподавателями иностранного языка и преподавателями родного языка возникает в связи с трактовкой понятия «дискурсивная составляющая коммуникативной компетенции». Первые, в соответствии с целями преподавания иностранного языка, понимают термин *дискурс* максимально упрощенно: как «способность соединения грамматических форм и смысла для достижения единства разговорного и письменного текста» [14, с. 9], как «любой фрагмент разговорного или письменного текста любого объема, отличающийся единством» [15, с. 47] и т.п. Соответственно, *дискурсивная компетенция* понимается как «способность соединения воедино предложений и создание содержательного высказывания» [16, с. 247]; как включающая в себя языковую компетенцию и реализующаяся «в четырех основных видах речевой деятельности: аудировании, говорении, чтении и письме» [17, с. 12]. Такая трактовка понятия «дискурс» приводит к тому, что признаками сформированности этой компетенции называют «качество использования языковых навыков в речевой деятельности, правильность и корректность говорения и письма на иностранном языке, последовательность и информационную насыщенность высказываний» [18]. Если же речь идет о коммуникации на родном языке, то написание некоторого логично построенного связного текста (школьного сочинения, например) не имеет никакого отношения к *дискурсивной компетенции*, поскольку такой текст не содержит признаков дискурса (не мотивирован ситуацией, не адресуется конкретной аудитории, не имеет коммуникативной цели и т.п.).

Кроме того, в перечне компонентов иноязычной коммуникативной компетенции *социолингвистический компонент*, который «относится к социокультурным нормам использования языковых форм, т.е. к системе правил, определяющих уместность высказывания в определенном контексте» [19, с. 1141], и *дискурсивный компонент*, который «включает знания о том, как предложе-

¹ Балыхина Т.М., Игнатьева О.П. Словарь терминов и понятий лингводидактической теории ошибки. М.: РУДН, 2006. С. 41.

ния объединяются в связные и цельные (cohesion, coherence) устные или письменные высказывания» [19, с. 1141], как правило, рассматриваются отдельно. В то же время для родного языка навыки построения уместного, целесообразного, логично построенного высказывания составляют содержание одной компетенции.

Все перечисленные причины требуют описания коммуникативной компетенции родного языка как самостоятельной категории, важной для полноценного образования современного специалиста. Для решения этой задачи наиболее целесообразным считаем первоначальное разделение коммуникативной компетенции на два уровня: *языковой и дискурсивный*.

Языковой уровень находится в ведении традиционной лингвистики и описывает те ресурсы (как языковые, так и речевые), которые имеются в распоряжении человека, готовящегося к общению. Он включает две частные коммуникативные компетенции:

1. Собственно *языковая компетенция* отвечает за полноценное овладение учащимися базовыми лингвистическими знаниями, необходимыми для успешного общения на русском языке. Языковой компонент отвечает за способность человека конструировать высказывания в строгом соответствии с существующими нормами русского языка. Сюда относится освоение словарного состава языка; знакомство с морфологическими и синтаксическими правилами построения языка; понимание принципов строения звуковой системы языка и т.п.

Далее в рамках каждой такой частной компетенции дополнительно могут быть выделены субкомпетенции – наиболее важные ее части, имеющие самостоятельное значение для получения общего запланированного результата. Так, в рамках рассматриваемой частной компетенции А.П. Сковородников выделяет *ортологическую субкомпетенцию* (с ее разновидностями: орфоэпической, акцентологической, лексической, фразеологической, словообразовательной, морфологической, синтаксической) и *правописную*, предполагающую орфографическую и пунктуационную грамотность [20, с. 5].

На этом уровне достигается усвоение основного кода общения и приобретаются навыки соблюдения в практике общения основных произносительных, лексических, грамматических и т.д. норм современного русского литературного языка, а также основных правил орфографии и пунктуации. Поэтому именно этой компетенции уделяется основное внимание в средней школе.

2. *Речевая компетенция* предполагает понимание общих принципов речевой деятельности, ее видов и структуры, а также текста как продукта речевой деятельности. На этом этапе вырабатываются навыки обоснованного выбора языковых форм, необходимых для формулирования мыслей, и эффективного использования языка в социальном контексте. Так, человеку необходимы: понимание функций речи и способов их реализации; знание о коммуникативных качествах речи

(точность, логичность, выразительность, чистота и др.) и особенностях их использования в разных сферах общения; умение выбирать лингвистические средства, соответствующие типу высказывания (описание, повествование, рассуждение); навыки использования регистров общения (формальный, нейтральный, фамильярный, интимный) и т.п. Дополнительно в рамках этой частной компетенции должны быть выделены:

- *этикетная субкомпетенция*, отвечающая за знание учащимися особенностей социального и речевого поведения носителей языка и умение применять на практике нормы вежливости и правила поведения в обществе (правила, регулирующие взаимоотношения между полами, поколениями, классами, социальными группами и т.п.);

- *стилистическая субкомпетенция*, отвечающая за соответствие между вариативной формой высказывания и ситуативными условиями речи, то есть формирующая знания о функциональных стилях речи, стилиобразующих факторах и языковых особенностях каждого стиля; правила осознанного использования стилистических ресурсов в специальных текстах; принципы выбора и способы организации языковых единиц в единое смысловое целое (текст).

На речевом уровне приобретаются навыки адекватного восприятия информации из устного сообщения другого лица; свободного, точного и правильного изложения своих мыслей в устной и письменной форме с соблюдением всех стилистических норм и норм построения текста (логичность, последовательность, связность и др.).

Таким образом, о сформированности языковой компетенции в целом свидетельствует умение следовать всем правилам и нормам, зафиксированным в словарях и справочниках. Соответственно, нарушения норм и правил указывают на недостаточную ее сформированность.

Дискурсивный уровень находится в ведении коммуникативной лингвистики и описывает те знания и умения, которые необходимы для эффективного построения своего высказывания в непосредственном общении, а также для выработки умения вести беседы и дискуссии, взаимодействовать с собеседником по мысли и т.п. На этом этапе от освоения знаний о системности элементов языка и речи учащиеся переходят к пониманию принципов функционирования этих элементов в непосредственном общении, то есть пытаются создать не просто текст, отвечающий всем нормам и правилам, а, по определению Н.Д. Арутюновой, «текст, погруженный в жизнь»¹.

3. Собственно *дискурсивная компетенция* отвечает за способность построения целесообразных, связных и аргументированных высказываний в соответствии с особенностями адресата и ситуацией общения, а также за умение произносить речь и рефлексировать по поводу речи. Дополнительно в рамках этой частной компетенции должны быть выделены:

- *социальная субкомпетенция* как способность использовать язык для участия в социальном или

¹ Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136.

институциональном взаимодействии, умение выражать собственную социальную идентичность в конкретных социальных ситуациях речевого взаимодействия [21];

- *предметная субкомпетенция* как способность ориентироваться в содержательном плане общения в определенной сфере человеческой деятельности;

- *стратегическая (аргументативная) субкомпетенция* как способность использовать определенные аргументативные стратегии для структурирования и интерпретации текста.

На этом уровне приобретает способность установления межличностных отношений и отношений в группе, для чего требуются не только психологические, но и коммуникативные навыки: навыки построения высказывания в соответствии с коммуникативной и прагматической целью; навыки учета в речевом общении особенностей адресата и ситуации общения; навыки определения темы и основной мысли высказывания; навыки оценки степени убедительности отдельных видов аргументов в соответствии со спецификой адресата и темой речи; навыки построения композиции своего высказывания и определения структуры чужого высказывания; навыки анализа устной речи в риторическом аспекте и т.п. Наиболее значимыми целями формирования коммуникативной компетенции на этом уровне являются: умение предвидеть результаты своей речевой деятельности на основе анализа мотивов, целей и ценностей адресата речи; умение оценивать результаты этой деятельности путем соотнесения с поставленной целью; умение находить причины коммуникативных неудач и способы их исправления.

4. *Риторическая компетенция* предназначена для оценки знаний, умений и навыков построения своего высказывания в соответствии с теми правилами и требованиями, которые предъявляются к каждому речевому и риторическому жанру. Именно на этом этапе учащиеся должны овладеть навыками построения *речи-мнения* и *поздравительной речи*, усвоить различия между *просьбой* и *требованием*, научиться составлять *резюме* и *проводить инструктаж* и т.п. Сюда же относится владение навыками неконфликтного построения речи и освоение наиболее типичных речевых событий делового общения. В качестве самостоятельных субкомпетенций здесь выступают:

- *дискуссионная субкомпетенция*, в рамках которой рассматриваются особенности построения дискуссионной речи и аргументированного опровержения мнения оппонента [22]. Смысл ее для риторики (в отличие от логики) состоит в том, чтобы добиться ценностного отношения к дискуссии как к диалогу, построенному на «добровольном признании идентификационного предложения одного из участников диалога» [23, с. 64]; как к коммуникации, в основе которой лежит «свободный культурный выбор» всех ее участников, что требует добровольного принятия более правильного мнения, а не «просто словесно достигнутого согласия, которое приводит к устранению реального конфликта» [23, с. 142];

- *жанровая субкомпетенция*, отвечающая за способность создавать и интерпретировать тексты по моделям конкретных жанров в типичных или новых социально значимых коммуникативных ситуациях [24]. «Можно полагать, что использование текстов, не отвечающих данным требованиям, свидетельствует об отсутствии или низком уровне развития дискурсивной компетенции» [25, с. 76].

Таким образом, о сформированности дискурсивной компетенции свидетельствуют: умение создавать высказывания с учетом ситуации, задачи речи, особенностей ее адресата; умение находить аргументы, убедительные для аудитории, и грамотно располагать их в речи; умение выстраивать стратегии неконфликтного общения, вести сосредоточенный спор и строить эффективное опровержение; умение выбирать соответствующий ситуации и речевому событию риторический жанр и строить речь по его модели. Соответственно, неумение учитывать особенности конкретной ситуации общения и незнание правил построения речи в востребованных жанрах делового общения свидетельствуют о недостаточной сформированности этой компетенции.

Дополнительно к перечисленным многие ученые предлагают и иные (не собственно лингвистические) компоненты коммуникативной компетенции, причем их состав иногда бывает весьма далек от того, что непосредственно требуется для формирования способности к коммуникации с другими субъектами в рамках делового общения: мотивационный, эмоционально-чувственный, гностицистский, операционально-деятельностный, поведенческий, выразительности и творческого своеобразия речи, организационно-исполнительный, технологический и многие другие. Как представляется, все описываемые такими компонентами умения и навыки вполне возможно окажутся весьма полезными для учащихся, однако они не имеют непосредственного отношения к коммуникативной компетенции и должны найти себе другое место в системе компетенций.

В качестве дополнительных элементов компетенции могут быть включены только такие, которые прямо влияют на качество институциональной коммуникации. Таковыми являются:

5. *Когнитивная компетенция*, предназначенная для формирования системы ценностей и картины мира субъекта, а также обогащения его познавательного опыта. Этот компонент имеет особенно большое значение на этапе выработки умения отбирать и располагать аргументы воздействующей речи (и дискуссии), поскольку, в соответствии с концепцией Х. Перельмана, в основе любой схемы аргументации лежит иерархия ценностей как адресата речи, так и ее адресанта.

6. *Информационная компетенция*, в ведении которой оказываются умения ориентироваться во всё более разрастающихся потоках информации, вычленять основное и второстепенное, принимать оправданные и своевременные решения в ситуациях затруднения и др. Этот компонент особенно важен на этапе сбора информации и разработки содержания выступления.

7. *Медийно-информационная компетенция*. Это совокупность знаний, умений и навыков, «обеспечивающих грамотный анализ, критическую оценку и интерпретацию медиаинформации, а также генерирование информационных медиапродуктов с использованием релевантных и эффективных инструментов» [26, с. 44]. Возможно, эта компетенция и не имеет непосредственного отношения к общей структуре коммуникации, однако она необходима для построения разумных и рациональных взаимоотношений со средствами массовой информации, что крайне важно в условиях тотального манипулятивного давления на аудиторию с их стороны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, системный подход к формированию компетенции требует рассматривать ее как комплекс взаимосвязанных элементов: каждое профессионально значимое действие представляется как система необходимых для его реализации знаний, умений и навыков.

Анализ содержания понятия «коммуникативная компетенция» позволяет сделать вывод: ее теоретическую составляющую образуют коммуникативно значимые знания о системе языка, о видах речевой деятельности, об особенностях функционирования единиц языка в речи, о си-

стеме риторических жанров. Практическую составляющую образуют умения использовать все эти знания в процессе общения между людьми: для создания целесообразной воздействующей речи; для построения бесконфликтного диалога; для цивилизованного ведения дискуссии и т.д. В связи с этим языковая часть является фоновой, подготовительной, в то время как дискурсивная часть является базовой, поскольку, как писал Г.О. Винокур, «язык вообще есть только тогда, когда он употребляется». Если речь идет не об общем образовании, а о подготовке специалиста, то ядром и конечной целью формирования коммуникативной компетенции является риторическая компетенция, прямое назначение которой состоит в формировании всех необходимых для деятельности конкретного профессионала умений и навыков с использованием базовых знаний, полученных на предварительных этапах. Именно риторический компонент в наибольшей степени отвечает за то, чтобы знания, умения и навыки превратились в компетенцию, поскольку он направлен на развитие индивидуальных способностей человека к общению и выработку именно тех форм коммуникативного поведения, которые окажутся востребованными в ситуации профессионального общения. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гаврилов В.В. Использование активных методов обучения в процессе развития коммуникативной компетенции студентов вуза (в рамках дисциплины «Русский язык и культура речи») // Педагогический журнал Башкортостана. 2020. № 1 (86). С. 127-137.
2. Жукова К.Ю., Шагеева Ф.Т. Развитие коммуникативно-риторической компетенции преподавателей вуза в современных условиях // Управление устойчивым развитием. 2023. № 3 (46). С. 115-119.
3. Байденко В.И. Выявление состава компетенций выпускников вузов как необходимый этап проектирования ГОС ВПО нового поколения: Методическое пособие. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006. 72 с.
4. Силантьев И.В. Риторика научной речи в системе высшего образования // Филолого-коммуникативные исследования: ежегодник. Барнаул: АлтГУ, 2016. С. 52-57.
5. Сальникова О.А. Формирование риторической компетенции студентов при изучении речеведческих дисциплин в условиях цифровизации // Риторические традиции и коммуникативные процессы в эпоху цифровизации. Материалы XXIII Международной научной конференции. М.: МГЛУ, 2020. С. 474-480.
6. Баурова Ю.В. Формирование навыков публичных выступлений в неязыковом вузе // Проблемы филологического образования: межвузовский сборник научных трудов. Саратов: Саратовский источник, 2023. С. 17-23.
7. Дубова М.А., Ларина Н.А. Формирование речевой культуры студента путем развития читательской компетенции // Мир образования – образование в мире. 2018. № 4 (72) С. 32-37.
8. Козлова Е.А., Колесникова О.И. Риторические лакуны: причины, последствия, предупреждение // Филологический класс. 2019. № 2 (56). С. 116-125.
9. Хуторской А.В. Методологические основания применения компетентностного подхода к проектированию образования // Высшее образование в России. 2017. № 12 (218). С. 85-91.
10. Гребеник И.А. Изучение основных показателей сформированности компонентов коммуникативной компетенции иностранного языка у студентов неязыковых специальностей в высшем учебном заведении // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. 2023. № 10 (76). С. 179-183.
11. Стурикова М.В. Коммуникативная компетенция: к вопросу о дефиниции и структуре // Инновационные проекты и программы в образовании. 2015. № 6 (84). С. 27-32.
12. Осмоловская И.М. О научном статусе дидактики // Образование и наука. 2014. № 9. С. 85-98.
13. Селевко Г.К. Педагогические технологии на основе информационно-коммуникационных средств. М.: НИИ школьных технологий, 2005. 63 с.
14. Canale M. From Communicative Competence to Communicative Language Pedagogy // Language and Communication. London: Longman, 1983. Pp. 2-27.
15. Van Ek J.A. Objectives for Foreign Language Learning. Vol. I. Scope. Strasbourg, 1986. 196 p.
16. Brown H.D. Teaching by Principles. N.Y.: Longman, 2000.

17. Бим И.Л. Личностно-ориентированный подход – основная стратегия обновления школы // Иностранные языки в школе. 2002. № 2. С. 11-15.
18. Отделёнова Д.А. Дискурсивная компетенция как компонент коммуникативной компетенции // Научный лидер. 2023. № 36 (134).
19. Давыдова Ю.Г. Формирование дискурсивной компетенции студентов языковых вузов на практических занятиях по иностранному языку // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 7. Вып. 11. С. 1139-1145.
20. Сковородников А.П., Копнина Г.А. О культурно-речевой компетенции студента высшего учебного заведения // Филологические науки. 2009. № 3. С. 3-13.
21. Bhatia V.K. Worlds of Written Discourse: A Genre-Based View. London: Continuum, 2004.
22. Михеев С.А. Технология формирования дискуссионной компетенции студентов технических вузов на основе современных средств информатизации // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского: Социология. Педагогика. Психология. 2023. Т. 9 (75). № 1. С. 76-93.
23. Сердобинцев К.С. Взаимодействие органов внутренних дел с институтами гражданского общества: исторический и социально-философский аспекты: Монография. М.: Академия управления МВД России, 2013. 188 с.
24. Анисимова Т.В. Роль риторики в формировании коммуникативной компетентности студента вуза // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2023. № 1 (45). С. 225-243.
25. Погосян В.А. Дискурсивная компетенция // Universum: Вестник Герценовского университета. 2015. С. 76-77.
26. Уланович О.И. Медийная и риторическая грамотность как компоненты дискурсивной компетенции специалиста в области коммуникации: методические аспекты формирования // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире. Материалы VII Международной научно-практической конференции. Минск: Белорусский государственный университет, 2021. С. 43-48.

REFERENCES

1. Gavrilov V.V. Ispol'zovaniye aktivnykh metodov obucheniya v protsesse razvitiya kommunikativnoy kompetentsii studentov vuza (v ramkakh distsipliny «Russkiy yazyk i kul'tura rechi») // Pedagogicheskiy zhurnal Bashkortostana. 2020. № 1 (86). S. 127-137.
2. Zhukova K.Yu., Shageyeva F.T. Razvitiye kommunikativno-ritoricheskoy kompetentsii prepodavately vuza v sovremennykh usloviyakh // Upravleniye ustoychivym razvitiyem. 2023. № 3 (46). S. 115-119.
3. Baydenko V.I. Vyyavleniye sostava kompetentsiy vypusknikov vuzov kak neobkhodimyy etap proyektirovaniya GOS VPO novogo pokoleniya: Metodicheskoye posobiye. M.: Issledovatel'skiy tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov, 2006. 72 s.
4. Silant'yev I.V. Ritorika nauchnoy rechi v sisteme vysshego obrazovaniya // Filologo-kommunikativnyye issledovaniya: yezhegodnik. Barnaul: AltGU, 2016. S. 52-57.
5. Sal'nikova O.A. Formirovaniye ritoricheskoy kompetentsii studentov pri izuchenii rechevedcheskikh distsiplin v usloviyakh tsifrovizatsii // Ritoricheskiye traditsii i kommunikativnyye protsessy v epokhu tsifrovizatsii. Materialy XXIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. M.: MGLU, 2020. S. 474-480.
6. Baurova Yu.V. Formirovaniye navykov publichnykh vystupleniy v neyazykovom vuze // Problemy filologicheskogo obrazovaniya: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov. Saratov: Saratovskiy istochnik, 2023. S. 17-23.
7. Dubova M.A., Larina N.A. Formirovaniye rechevoy kul'tury studenta putem razvitiya chitatel'skoy kompetentsii // Mir obrazovaniya – obrazovaniye v mire. 2018. № 4 (72) S. 32-37.
8. Kozlova Ye.A., Kolesnikova O.I. Ritoricheskiye lakuny: prichiny, posledstviya, preduprezhdeniye // Filologicheskiy klass. 2019. № 2 (56). S. 116-125.
9. Khutorskoy A.V. Metodologicheskiye osnovaniya primeneniya kompetentnostnogo podkhoda k proyektirovaniyu obrazovaniya // Vyssheye obrazovaniye v Rossii. 2017. № 12 (218). S. 85-91.
10. Grebenik I.A. Izucheniye osnovnykh pokazateley sformirovannosti komponentov kommunikativnoy kompetentsii inostrannogo yazyka u studentov neyazykovykh spetsial'nostey v vysshem uchebnom zavedenii // Vestnik Luganskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Vladimira Dal'ya. 2023. № 10 (76). S. 179-183.
11. Sturikova M.V. Kommunikativnaya kompetentsiya: k voprosu o definitsii i strukture // Innovatsionnyye proyekty i programmy v obrazovanii. 2015. № 6 (84). S. 27-32.
12. Osmolovskaya I.M. O nauchnom statuse didaktiki // Obrazovaniye i nauka. 2014. № 9. S. 85-98.
13. Selevko G.K. Pedagogicheskiye tekhnologii na osnove informatsionno-kommunikatsionnykh sredstv. M.: NII shkol'nykh tekhnologiy, 2005. 63 s.
14. Canale M. From Communicative Competence to Communicative Language Pedagogy // Language and Communication. London: Longman, 1983. Pp. 2-27.
15. Van Ek J.A. Objectives for Foreign Language Learning. Vol. I. Scope. Strasbourg, 1986. 196 p.
16. Brown H.D. Teaching by Principles. N.Y.: Longman, 2000.
17. Бим И.Л. Личностно-ориентированный подход – основная стратегия обновления школы // Иностранные языки в школе. 2002. № 2. С. 11-15.
18. Отделёнова Д.А. Дискурсивная компетенция как компонент коммуникативной компетенции // Научный лидер. 2023. № 36 (134).

19. Davydova Yu.G. Formirovaniye diskursivnoy kompetentsii studentov yazykovykh vuzov na prakticheskikh zanyatiyakh po inostrannomu yazyku // Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki. 2022. T. 7. Вып. 11. S. 1139-1145.

20. Skovorodnikov A.P., Kopnina G.A. O kul'turno-rechevoy kompetentsii studenta vysshego uchebnogo zavedeniya // Filologicheskiye nauki. 2009. № 3. S. 3-13.

21. Bhatia V.K. Worlds of Written Discourse: A Genre-Based View. London: Continuum, 2004.

22. Mikheyev S.A. Tekhnologiya formirovaniya diskussionnoy kompetentsii studentov tekhnicheskikh vuzov na osnove sovremennykh sredstv informatizatsii // Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo: Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya. 2023. T. 9 (75). № 1. S. 76-93.

23. Serdobintsev K.S. Vzaimodeystviye organov vnutrennikh del s institutami grazhdanskogo obshchestva: istoricheskiy i sotsial'no-filosofskiy aspekt: Monografiya. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2013. 188 s.

24. Anisimova T.V. Rol' ritoriki v formirovanii kommunikativnoy kompetentnosti studenta vuza // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyy nauchnyy zhurnal. 2023. № 1 (45). S. 225-243.

25. Pogosyan V.A. Diskursivnaya kompetentsiya // Universum: Vestnik Gertsenovskogo universiteta. 2015. S. 76-77.

26. Ulanovich O.I. Mediynaya i ritoricheskaya gramotnost' kak komponenty diskursnoy kompetentsii spetsialista v oblasti kommunikatsii: metodicheskiye aspekty formirovaniya // YAzykovaya lichnost' i effektivnaya kommunikatsiya v sovremennom polikul'turnom mire. Materialy VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Minsk: Belorusskiy gosudarstvennyy universitet, 2021. S. 43-48.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© **Анисимова Т.В., Пригарина Н.К., 2024.**

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Анисимова Т.В., Пригарина Н.К. Коммуникативная компетенция: состав и принципы описания // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3 (77). С. 121-129.

Роман Александрович КОБЫЛКИН,
кандидат философских наук, доцент, ORCID 0000-0002-6463-004X
Волгоградская академия МВД России (г. Волгоград)
доцент кафедры философии
roman.kobylkin@mail.ru

Научная статья
УДК 1:372.8

ПРЕПОДАВАНИЕ ФИЛОСОФСКИХ ДИСЦИПЛИН В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Духовные ценности, высшее образование, гуманизм, философская культура, преподаватель философии.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В современном мире получение высшего образования основывается на формах и методах философского знания. Отсюда возникает социальный заказ на подготовку выпускников, которые должны мыслить прагматично, профессионально и способны войти в контекст современных информационных процессов. В то же время высшее образование становится утилитарным знанием для узкой сферы профессиональных знаний и умений, что характерно в целом для системы МВД России. Важная роль в становлении будущих специалистов для органов внутренних дел отводится, в частности, и преподавателям философии. Философские дисциплины, такие как риторика, логика, философия, являются той областью духовной культуры, которая отличается творческим, нестандартным подходом к осмыслению действительности. Только тогда, когда оба аспекта – творческий и прагматический – органично соединяются в образовательном процессе, можно говорить об определенных результатах образования. **Методы.** В ходе исследования применялся комплекс общенаучных теоретических и эмпирических методов познания, в частности диалектический и индуктивный методы. Для изучения компонентов методики преподавания философских дисциплин использовался метод анализа. Кроме того, оказались востребованы: метод описания (для изучения методик преподавания философских дисциплин в системе высшего образования); абстрагирование и обобщение (для систематизации установленных фактов и их толкования). **Результаты.** Автор статьи приходит к выводу о том, что базовым критерием оценки результативности деятельности преподавателя философии является уровень сформированности личности выпускника, его готовности умело решать, исходя из гражданских позиций, профессиональные задачи, нести ответственность за качество своих действий, перестраивать собственную правоохранительную деятельность в условиях социально-экономического реформирования общества в нашей стране.

ВВЕДЕНИЕ

В стремительно изменяющемся мире, где большую часть времени человек проводит в цифровом медиaprостранстве, возникает множество вариантов развития будущего. В осознании настоящего, для успешного прогнозирования футуристических векторов, значение интеллектуальных знаний, таких как философия, возрастает. Философия с давних пор является вместилищем знаний о мире и о человеке. Занятия по философии расширяют сознание человека. Во многом это зависит от преподавателя, от его умения научить задавать вопросы и на практике реализовывать полученные знания. Важность этих совместных занятий воплощается в передаче мудрости множества поколений философов. «Главная проблема

заключается в освоении сложноорганизованного и слабоструктурированного, мобильного, динамичного информационно-коммуникативного пространства образования, представляющего собой совокупность множества разнонаправленных нелинейных информационных потоков, разнообразие, интенсивность, плотность, объем, скорость распространения и обновления которых постоянно увеличиваются» [1, с. 85].

Традиционно целью образования является передача следующим поколениям ценностей культуры, оно стремится научить их (поколения) жить в современном мире. А современный мир характеризуется тем, что человечество вступило в новую стадию своего развития – информационное общество. Одними из самых действенных

Roman A. KOBYLKIN,

Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, ORCID 0000-0002-6463-004X
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Volgograd, Russia)
Associate Professor of the Department of Philosophy
roman.kobylkin@mail.ru

TEACHING PHILOSOPHICAL DISCIPLINES IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION

KEYWORDS. *Spiritual values, higher education, humanism, philosophical culture, philosophy teacher.*

ANNOTATION. Introduction. *In the modern world, obtaining higher education is based on the forms and methods of philosophical knowledge. Hence, there is a social order for training graduates who must think pragmatically, professionally and be able to enter the context of modern information processes. At the same time, higher education becomes utilitarian knowledge for a narrow sphere of professional knowledge and skills, which is typical for the system of the Ministry of the Interior of Russia in general. An important role in the formation of future specialists for the internal affairs bodies is given, in particular, to teachers of philosophy. Philosophical disciplines such as rhetoric, logic, philosophy are the area of spiritual culture that is distinguished by a creative, non-standard approach to understanding reality. Only when both aspects – creative and pragmatic – are organically combined in the educational process, can we talk about certain educational results. Methods.* *The study used a set of general scientific theoretical and empirical methods of cognition, in particular, dialectical and inductive methods. The analysis method was used to study the components of the methodology for teaching philosophical disciplines. In addition, the following were in demand: the description method (for studying the methods of teaching philosophical disciplines in the higher education system); abstraction and generalization (for systematization of the established facts and their interpretation).*

Results. *The author of the article comes to the conclusion that the basic criterion for assessing the effectiveness of the activities of a philosophy teacher is the level of formation of the graduate's personality, his readiness to skillfully solve, based on civic positions, professional tasks, to bear responsibility for the quality of his actions, to restructure his own law enforcement activities in the context of socio-economic reform of society in our country.*

сил, определяющих развитие общества в XXI веке, становятся информационные и коммуникационные технологии. Отсюда возникает потребность в формировании умения мыслить прагматично и профессионально, так как необходимо подготовить человека «умелого и мобильного», способного войти в контекст современных информационных процессов.

С другой стороны, образование должно становиться утилитарным для узкой сферы профессиональных знаний и умений, что характерно в целом для системы МВД России. Здесь мы сталкиваемся с творческой ипостасью образования: необходимо развивать креативные способности молодого человека, его нестандартное мышление. Между тем творчество плохо совмещается с голым прагматизмом, поэтому развитие творческих способностей человека зачастую выходит за рамки когнитивно-информационной (прагматической) сферы. По нашему мнению, только тогда, когда оба аспекта органично соединяются в образовательном процессе, можно говорить об определенных результатах образования.

Традиционно в образовательных заведениях МВД России именно философские дисциплины, такие как риторика, логика, философия, отвечают за ту область духовной культуры, которая отличается творческим, нестандартным подходом к осмыслению действительности. В процессе обучения формируется личность, которая основывается на духовном фундаменте [2, 3]. В современных условиях формирование мировоззрения личности будущего защитника правопорядка становится главной задачей системы ведомственного обра-

зования МВД России, а философская культура – важнейшей гуманистической ценностью.

МЕТОДЫ

Проведенное автором статьи исследование основывалось на комплексе общенаучных теоретических и эмпирических методов познания, в том числе на диалектическом и индуктивном методах. Индуктивный метод познания применялся при выявлении специфики методики преподавания философских дисциплин в вузе. Компоненты методики преподавания философских дисциплин, устойчивые связи между ними были осмыслены при помощи диалектического метода и метода анализа. Кроме того, были использованы: метод описания – для изучения методик преподавания философских дисциплин в системе высшего образования; абстрагирование и обобщение, призванные систематизировать установленные факты и дать им толкование.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Для того чтобы заниматься философией, необходим такой преподаватель, который бы сумел вызвать интерес к дисциплине. Потому что именно через преподавателя происходит вхождение в мир философии, именно он формирует нарратив на основе устных и письменных рассказов о жизни и работе философа, о проблемах, которые сам считает основополагающими для философии. При этом при осуществлении совместных усилий, связанных с передачей информации, создается особая среда, в которой формируется опыт слушателя. Во время рассказа преподавателя курсант может провести параллели с самим собой, хотя это процесс может затянуться, а иногда и вовсе не

начаться. В идеале в процессе проведения занятия философия должна являться своего рода главным авторитетом в сфере знания и компетенции. В повседневности вузов МВД России учебные занятия по профильным дисциплинам чередуются с философскими, и курсантам приходится решать множество разнообразных задач, вследствие чего накапливается усталость. Это не может не отражаться на их работе во время семинаров по философии: у них возникает боязнь сказать что-нибудь «не то» или просто робость, что оборачивается невозможностью проведения свободной дискуссии. К тому же далеко не все курсанты обладают смелостью высказаться. Поэтому у дискуссии результата может и вовсе не быть. Вместо диалога получается односторонний монолог преподавателя. В подобной ситуации практически нереально добиться такого результата проведенного занятия, когда у курсантов проявляется креативное мышление, возникают новые идеи, новые решения.

Как образно выразился знаменитый русский педагог К.Д. Ушинский, учитель для учеников – это луч света, который заменить ничем невозможно. Он указывает направление, куда должен пойти обучающийся и «нагрызть» себе гранита науки столько, сколько можно будет использовать в процессе профессиональной деятельности. По мере освоения знаний преподаватель должен ставить перед собой цель формирования у курсанта нравственного ориентира. Он должен явиться своеобразным маяком для самовыражения в обществе. При этом необходимо признавать в каждом человеке потенциал для становления целостной личности. Но «до понимания присутствия в себе внутренней духовной свободы индивиду надобно дорасти – превращением себя в личность – самопревосхождением в себе индивида» [4, с. 120].

В современном образовательном пространстве все большую популярность приобретает тема использования искусственного интеллекта. На эту тему пишутся научные статьи, проводятся конференции. В исследованиях разворачивается дискуссия о степени возможности, а главное нужности применения искусственного интеллекта, в том числе при проведении учебных занятий. Возможно, ответом на такого рода вопросы станут результаты исследования искусственного интеллекта, проведенного учеными из США. В 2018 году был создан робот «Vina48» – первый андроид с искусственным интеллектом, в который был запрограммирован огромный объем материалов по философии и другим гуманитарным наукам. Этот робот-преподаватель провел два семинара по философии в Военной академии США в Вест-Пойнте. По данным организаторов данного эксперимента, учебные занятия прошли успешно, то есть информация была доведена до адресата. Правда, при ответах на вопросы робот «Vina48» был немного медлителен. Но научились ли курсанты военной академии после освоенного курса философии думать самостоятельно? Это большой вопрос, ведь у робота отсутствует важнейшая функция мозга – сознание. Склонность к самоанализу, самоконтролю, в конечном итоге апелляция к совести – все эти качества присущи только

человеку, но не машине, пусть даже снабженной искусственным интеллектом. После описанного выше эксперимента ученые создали другого робота – «Sophia». Он, так же как и его предшественник, предназначен для общения с людьми и даже применяется на заседаниях Организации Объединенных Наций. И все же, несмотря на явные продвижения в вопросе создания искусственного интеллекта, следует отметить, что современные роботы и компьютеры не могут давать новые знания, они умеют лишь обрабатывать полученную от человека информацию.

Еще один серьезный вопрос, касающийся использования искусственного интеллекта, заключается в том, сможет ли он заменить преподавателя. Во время пандемии коронавируса и действия связанных с ней ограничительных мер для населения ярко проявились возможности получения образования дистанционно, с использованием передовых научных технологий. Хотелось бы высказать опасения по поводу такого образования. Как показывают научные исследования [5, 6, 7], чтение электронных учебников и онлайн-обучение не дают качественного полноценного образования. Зачастую знания, приобретенные таким образом, и особенно это касается гуманитарной сферы, остаются фрагментарными.

Современный российский философ Ф.И. Гиренок высказал предположение, что после пандемии коронавируса мир человека будет изменен так, что в нем трансформируется сознание, язык, чувства [8]. В нем можно будет познавать, не пользуясь чувствами и сознанием. Для этого создается искусственный интеллект и нейросети, которые напрямую свяжут мозг человека с электронным мозгом. Возможно, язык как средство передачи информации станет ненужным, потому что информация будет поступать в мозг непосредственно из источников, использующих технологии искусственного интеллекта. При этом нейросети сделают ненужными общество, школы, институты, служащих. Нейросети это связь искусственного интеллекта с сознанием человека. Вот здесь и сокрыта главная проблема. Мозг – это продукт эволюции, а сознание является рефлексией полученной информации. Процесс получения новых знаний зависит от воздействия разнообразных факторов. Опираясь на новейшие результаты изучения мозга, ученые познают мельчайшие нейродинамические элементы. Несмотря на это, до сих пор остается открытым вопрос, откуда и как появляется мысль. Очевидно, что протекание процесса мышления обусловлено не только связями между нейронами. Исходя из данных современной науки о человеке, можно предположить, что человеческий интеллект возникает на основе взаимосвязанных отношений внутри нашего организма, например между клетками, органами, частями тела. Человек, рожденный в определенное время и в определенной культуре, уже обладает генетическим багажом, сформированным предшествующей эволюцией человеческого рода. Поэтому во время диалога между преподавателем и курсантом, будь то лекция или семинар, формируется особая психологическая атмосфера, в которой происхо-

дит анализ полученной информации, а также возникает состояние «вчувствования» в сказанное другим человеком. Таким образом, помимо связи мозга и речи, для достижения желаемых результатов образования необходима еще и эмоциональная составляющая, которая формируется параллельно интеллектуальной деятельности.

Если принять, что диалог, основанный на совместном обсуждении, является процессом, в котором взаимосвязаны мышление и язык, то становится понятно, что эти их взаимосвязи зависят от отношений (рациональных и иррациональных, чувств, эмоций) к объекту познания [9, с. 13]. Существование связи между языком и мышлением представляется показателем ценностного отношения человека к миру. Соответственно, чтобы познать истину, необходима истинная позиция по отношению к миру. Поэтому технический интеллект не способен к постижению истины.

Итак, очевидно, что процесс мышления происходит не только при помощи мозга. По нашему мнению, правильно говорить о том, что человек мыслит всем своим существом, всеми своими чувствами, всей предшествующей историей и опытом нации, общества, человечества. А значит, если кто-то хочет сконструировать робота или компьютер по образу и подобию человека, ему следует создать популяцию чувствующих и размножающихся машин и предоставить им возможность самостоятельно развиваться. Эти машины должны сначала научиться жить среди себе подобных. Тогда думать и реагировать «по-человечески» они научатся сами. Как говорится, чтобы философствовать, нужно сначала жить.

Пожалуй, главная составляющая любого учебного занятия это умение аргументировано высказаться. Правда, этот навык формируется медленно, от занятия к занятию [10, с. 116]. Как тут не вспомнить Сократа, с его знаменитым высказыванием «Говори, чтобы я тебя видел».

Вот уже длительное время для закрепления знаний по философии ежегодно мы проводим практическое занятие по дисциплине «Риторика» на тему «Суд над Сократом». В ходе этого занятия в виде театральной постановки разыгрывается историческое событие, имевшее место в действительности, – суд над мудрецом Сократом. Занятие проводится на учебном полигоне. Игра строится на основе диалога вымышленных и реальных персонажей, действия и речи которых призваны сравнить точки зрения древних греков и современных людей на происходящее событие. Практическое занятие по характеру воображаемой ситуации является реконструкцией, ибо суд над философом происходил на самом деле – в 399 году до н.э. Однако оно основано не только на воспроизведении спора обвинителей и защитников Сократа, но и включает в себя элементы свободной дискуссии. Занятие призвано способствовать развитию образных, логических и оценочных умений курсантов. В конце практического занятия каждый из его участников должен высказать свое мнение о философии Сократа. Такого рода занятия, помимо решения образовательных задач, имеют еще и большое воспитательное значение,

которое заключается в формировании морального облика будущего служителя закона [11, с. 101-103].

По мнению многих специалистов в области педагогики [12, 13, 14], параметрами, по которым можно определить качество образовательной деятельности, являются профессиональная компетентность преподавателя и его отношение к работе. Задача преподавателя философии – формировать его ответственным за свои дела и все происходящее. Опираясь на законы логики и риторики, курсант должен уметь находить универсальные и оригинальные способы решения проблем в наблюдаемых явлениях действительности. Данная задача предъявляет высокие требования к преподавателю философии. Он должен:

- обеспечивать учебный процесс в соответствии с образовательным стандартом;

- воспитывать курсантов и слушателей во время занятий и проводить внеаудиторную работу с ними;

- проводить научно-исследовательскую работу.

Кроме того, преподавателю философии необходимо сотрудничать со своими коллегами, ясно представлять место своих дисциплин в общественной системе подготовки специалиста конкретного профиля. Для того чтобы наряду с получением знаний, умений и навыков у обучающихся формировалась философская культура, они должны овладеть приемами и методами познавательной деятельности, а также выработать способность осуществлять критический анализ проблемных ситуаций на основе системного подхода и определять стратегию действий.

Обратим внимание и еще на одно важное обстоятельство. В преподавательской среде, к сожалению, вот уже много лет существует тенденция (весьма негативная, на наш взгляд) подтверждать свою квалификацию не только преподаванием учебных дисциплин, но и посредством «делания» науки. «Некоторые философы, работающие в университетах, трактуют свою работу как часть «дела» и публикуют в общем-то заурядные работы только лишь потому, что это позволяет им «сдвинуться с места» и сделать карьеру (число публикаций является одним из факторов, характеризующих того, кто делает карьеру)» [15, с. 134]. Такая устаревшая позиция в оценке эффективности работы преподавателя философии часто мешает делу – формированию будущего компетентного специалиста. Как правило, «делание» науки отвлекает преподавателя, не позволяет ему сосредоточиться на главном – образовательной деятельности, которая, как уже было отмечено, включает в себя и воспитательную.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно вести речь о том, что преподаватель философии – это не ретранслятор накопленного человечеством знаний, а прежде всего специалист в области формирования личности. Для будущего выпускника важно осознать тот факт, что современная философия сугубо антропологична. И жизненная позиция курсанта должна выстраиваться следующим образом: мир существует не сам по себе, а для человека.

На основе этих нравственных начал и в результате проявления обучающимся креативных способностей при преобразовании мира формируются его смысло-жизненные ориентиры. Важно осознать, что философия по своей природе сориентирована в прошлое не только с точки зрения ее педагогических задач по отношению к будущим поколениям, но также и в чисто познавательной перспективе. Одной из принципиальных детерминант состояния человека является осознание собственной ситуации. Философия, которая распознает и объясняет человеку эту ситуацию, даже если и не решает важнейших проблем человека, меняет ситуацию самим фактом существования философской рефлексии, причем фундаментальным образом. Исходя из этого, становится ясно, что нельзя заниматься философией (это относится ко всей философии, а не только к философии, выбирающей человека предметом своей рефлексии), которая бы не формировала человека и тем самым не оказывала педагогического воздействия.

Важная черта специалиста – уметь квалифицированно и ответственно выполнять педагогические задачи возможностями философии. В процессе обучения преподаватель философии должен стремиться к становлению таких свойств личности обучающихся вузов МВД России, которые в будущем смогут обеспечить им возможность успешно решать профессиональные задачи в деле

профилактики, предупреждения и раскрытия преступлений. Для этого необходимо научиться критически относиться к любой полученной информации, уметь ее анализировать и проверять по разным источникам. Далее, важно уметь самому передавать усвоенные знания, ведь устная речь лучше записанной отражает эмоциональный и диалектический характер мышления. При этом неплохо бы иметь и свое собственное мнение. С этим сложнее, потому что в век информационной революции очень сложно быть независимым и обзавестись таким мнением. А еще труднее его отстаивать. Базовым критерием оценки результативности деятельности преподавателя философии является мера сформированности личности выпускника, его готовности, исходя из гражданских позиций, умело решать профессиональные задачи, нести ответственность за качество своих действий, перестраивать собственную правоохранительную деятельность в условиях социально-экономического реформирования общества в нашей стране.

Преподаватель философии должен стараться создавать благоприятные условия для реализации креативного и интеллектуального потенциала обучающихся, что в конечном итоге будет способствовать подготовке высококвалифицированных специалистов для органов внутренних дел Российской Федерации. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сергейчик Е.М. Развитие философского мышления – императив современного образования // Философские науки. 2023. Т. 66. № 4. С. 82-101.
2. Сухоруков В.А. Противоречие системы воспитательной работы в органах внутренних дел // Евразийский юридический журнал. 2022. № 7 (170). С. 440-441.
3. Лисина О.А., Краюшкин С.И., Медведева Л.М. Духовно-нравственное воспитание во внеучебной работе // Традиционные ценности России: сборник материалов I Всероссийского форума. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2018.
4. Кантор К.М. Двойная спираль истории: Историософия проектизма. Общие проблемы. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 1. 904 с.
5. Лекторский В.А. О философских проблемах искусственного интеллекта и когнитивных исследований // Философские науки. 2021. Т. 64. № 1. С. 7-12.
6. Абламейко С.В., Абламейко М.С. Искусственный интеллект в междисциплинарной перспективе: философско-правовые аспекты // Философские науки. 2020. Т. 64. № 5. С. 57-70.
7. Лепский В.Е. Философско-методологические основания совершенствования цифровой трансформации и внедрения искусственного интеллекта // Философские науки. 2022. Т. 65. № 1. С. 91-108.
8. Гиренок Ф.И. Свобода и судьба. Что мы поняли благодаря пандемии? М.: Проспект, 2020. 80 с.
9. Омельченко Н.В. Философия как терапия человеческого духа // Рефлексии. Журнал по философской антропологии. 2010. № 1. С. 9-27.
10. Медведева Л.М., Кобылкин Р.А. Формирование речевой культуры как актуальная проблема современного высшего профессионального образования // Инновации в образовании. 2023. № 12. С. 114-121.
11. Козолупенко Д.П. Философия в современном образовании: основание или инструмент? // Философские науки. 2024. Т. 67. № 1. С. 98-130.
12. Матвиенко Е.А., Матвиенко Т.Н. Формирование смыслов как ключевая цель образования // IX Педагогические чтения, посвященные памяти профессора С.И. Злобина, 4-6 октября 2023 г.: сборник материалов. Пермь: Пермский институт ФСИН России, 2023. С. 211-213.
13. Сухоруков В.А., Петренко Д.А., Логинов С.Н. Образовательная мобильность как социальный лифт в современном обществе в условиях глобализации // Евразийский юридический журнал. 2024. № 1 (188). С. 459-460.
14. Доронин Ю.П. Роль педагога и педагогической деятельности в системе воспитания // Профессиональная компетентность педагогического работника вуза: содержание, уровни сформированности и оценка: сборник научных трудов. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2016. С. 51-54.
15. Сломский В. Философия – воспитание для будущего // Философские науки. 2006. № 1. С. 132-136.

REFERENCES

1. Sergeychik Ye.M. Razvitiye filosofskogo myshleniya – imperativ sovremennogo obrazovaniya // *Filosofskiyе nauki*. 2023. T. 66. № 4. S. 82-101.
2. Sukhorukov V.A. Protivorechiye sistemy vospitatel'noy raboty v organakh vnutrennikh del // *Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*. 2022. № 7 (170). S. 440-441.
3. Lisina O.A., Krayushkin S.I., Medvedeva L.M. Dukhovno-nravstvennoye vospitaniye vo vneuchebnoy rabote // *Traditsionnyye tsennosti Rossii: sbornik materialov I Vserossiyskogo foruma*. Yoshkar-Ola: Mariyskiy gosudarstvennyy universitet, 2018.
4. Kantor K.M. Dvoynaya spiral' istorii: Istoriosofiya proyektizma. Obshchiye problemy. M.: YAzyki slavyanskoy kul'tury, 2002. T. 1. 904 s.
5. Lektorskiy V.A. O filosofskikh problemakh iskusstvennogo intellekta i kognitivnykh issledovaniy // *Filosofskiyе nauki*. 2021. T. 64. № 1. S. 7-12.
6. Ablameyko S.V., Ablameyko M.S. Iskusstvennyy intellekt v mezhdistsiplinarnoy perspektive: filosofsko-pravovyye aspekty // *Filosofskiyе nauki*. 2020. T. 64. № 5. S. 57-70.
7. Lepskiy V.Ye. Filosofsko-metodologicheskiye osnovaniya sovershenstvovaniya tsifrovoy transformatsii i vnedreniya iskusstvennogo intellekta // *Filosofskiyе nauki*. 2022. T. 65. № 1. C. 91-108.
8. Girenok F.I. Svoboda i sud'ba. Chto my ponyali blagodarya pandemii? M.: Prospekt, 2020. 80 s.
9. Omel'chenko N.V. Filosofiya kak terapiya chelovecheskogo dukha // *Refleksii. Zhurnal po filosofskoy antropologii*. 2010. № 1. S. 9-27.
10. Medvedeva L.M., Kobylkin R.A. Formirovaniye rechevoy kul'tury kak aktual'naya problema sovremennogo vysshego professional'nogo obrazovaniya // *Innovatsii v obrazovanii*. 2023. № 12. S. 114-121.
11. Kozolupenko D.P. Filosofiya v sovremennom obrazovanii: osnovaniye ili instrument? // *Filosofskiyе nauki*. 2024. T. 67. № 1. S. 98-130.
12. Matviyenko Ye.A, Matviyenko T.N. Formirovaniye smyslov kak klyuchevaya tsel' obrazovaniya // IX *Pedagogicheskiye chteniya, posvyashchennyye pamyati professora S.I. Zlobina, 4-6 oktyabrya 2023 g.: sbornik materialov*. Perm': Permskiy institut FSIN Rossii, 2023. S. 211-213.
13. Sukhorukov V.A., Petrenko D.A., Loginov S.N. Obrazovatel'naya mobil'nost' kak sotsial'nyy lift v sovremennom obshchestve v usloviyakh globalizatsii // *Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*. 2024. № 1 (188). S. 459-460.
14. Doronin YU.P. Rol' pedagoga i pedagogicheskoy deyatelnosti v sisteme vospitaniya // *Professional'naya kompetentnost' pedagogicheskogo rabotnika vuza: sodержaniye, urovni sformirovannosti i otsenka: sbornik nauchnykh trudov*. Volgograd: Volgogradskaya akademiya MVD Rossii, 2016. S. 51-54.
15. Slomskiy V. Filosofiya – vospitaniye dlya budushchego // *Filosofskiyе nauki*. 2006. № 1. S. 132-136.

© Кобылкин Р.А., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Кобылкин Р.А. Преподавание философских дисциплин в образовательных организациях Министерства внутренних дел Российской Федерации // *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2024. № 3 (77). С. 130-135.

Ольга Валерьевна ДУДУРИЧ,
ORCID 0009-0000-3191-8074
Балтийский федеральный университет
имени И. Канта (г. Калининград)
аспирант
purka2006@rambler.ru

Научный руководитель:
Татьяна Михайловна ШКАПЕНКО,
доктор филологических наук, доцент, профессор
Института гуманитарных наук Балтийского
федерального университета имени И. Канта

Научная статья
УДК 372.881.161.1

ТЕХНОЛОГИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕКСТОВ «НОВОЙ ПРИРОДЫ» НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Текст «новой природы», образовательная технология, средства и методы обучения, русский язык как иностранный, визуализация, инфографика, комикс.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В статье рассматриваются особенности современной текстологии и возможности их эффективного использования на занятиях по русскому языку как иностранному в условиях развития информационных и мультимедийных систем. Основная цель проведенного автором статьи исследования состоит в осмыслении текстов «новой природы» в теоретико-прикладном аспекте. В статье излагаются теоретические основы «новой грамотности» XXI века, характеризуются тенденции изменения текста (отказ от линейности в построении и восприятии текста, сжатие объема текста, интерактивные и визуальные формы его репрезентации). Описываются способы применения текстов «новой природы» на занятиях по русскому языку как иностранному, которые помогают повысить уровень эффективности изучения русского языка иностранными учащимися. **Методы.** Основными методами при проведении исследования являлись общенаучные (наблюдение, систематизация и обобщение, прогнозирование) и специальные лингводидактические методы, используемые при обучении русскому языку как иностранному. **Результаты.** Выявлены характерные черты текстов «новой природы», описаны технологии работы с ними. На основе примеров работы с такими текстами делается вывод об их соответствии требованиям к лингводидактическому процессу с учетом особенностей мышления современных обучающихся.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях интернационализации образования и широкого распространения интернет-технологий преподавание русского языка как иностранного (далее – РКИ) предполагает новые способы представления информации для адаптации иностранных обучающихся к новой социокультурной реальности с целью овладения ими языковыми и коммуникативными навыками.

Тексты «новой природы», под которыми понимаются тексты, совмещающие вербальный и визуальный формат репрезентации содержания, становятся эффективным средством обучения языку (в том числе РКИ), которое отвечает психологическим (скорость переключения внимания, «поверхностное» восприятие текста), когнитивным (вовлеченность, стремление к завершено-

сти, работа с текстом в игровой форме, обучение через визуальное и метафорическое восприятие) и эмоциональным (заинтересованное восприятие учебного текста) потребностям современных студентов. Кроме терминологемы «тексты новой природы», в лингводидактическом дискурсе можно встретить и другие терминологемы, более отчетливо демонстрирующие сущность текстов рассматриваемого нами вида, например: мультимодальные, поликодовые, креолизованные, полисемiotические тексты [1].

Актуальность использования текстов «новой природы» в процессе обучения РКИ обусловлена необходимостью расширения выбора средств и содержания обучения для формирования лингвистической компетенции обучающихся «цифрового поколения», поскольку современная молодежь,

Olga V. DUDURICH,
ORCID 0009-0000-3191-8074
Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia)
Postgraduate Student
purka2006@rambler.ru

Scientific supervisor:

Tatyana Mikhailovna SHKAPENKO, Doctor of Philology, Assistant Professor,
Professor of the Institute of Humanities of the Immanuel Kant Baltic Federal University

**TECHNOLOGIES OF USING «NEW NATURE» TEXTS
IN CLASSES ON RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE**

KEYWORDS. Text of «new nature», educational technology, means and methods of teaching, Russian as a foreign language, visualization, infographics, comics.

ANNOTATION. Introduction. The article considers the features of modern textual criticism and the possibilities of their effective use in classes on Russian as a foreign language in the context of the development of information and multimedia systems. The main goal of the study conducted by the author is to understand the texts of the «new nature» in the theoretical and applied aspect. The article presents the theoretical foundations of the «new literacy» of the 21st century, characterizes the tendencies of text change (rejection of linearity in the construction and perception of the text, compression of the text volume, interactive and visual forms of its representation). The methods of using the texts of the «new nature» in classes on Russian as a foreign language are described, which help to increase the level of effectiveness of learning Russian by foreign students. **Methods.** The main methods used in the study were general scientific (observation, systematization and generalization, forecasting) and special linguodidactic methods used in teaching Russian as a foreign language. **Results.** The characteristic features of the texts of the «new nature» are revealed, and the technologies of working with them are described. Based on examples of working with such texts, a conclusion is made about their compliance with the requirements for the linguodidactic process, taking into account the peculiarities of thinking of modern students.

школьники и студенты, родившиеся после 2000 г., характеризуются развитием нового типа мышления, значительным образом отличающегося от мышления предыдущего поколения. Значимость применения на занятиях мультимодальных текстов возрастает в эпоху глобализации, ускорения жизни и экономии ресурсов, так как они способны предложить множество интерпретаций, затрагивают интересные для обучающихся темы и инициируют новые социальные и культурные практики.

Данный вектор развития отношений человека с информацией был описан еще в работе канадского культуролога М. Маклюэна «Галактика Гутенберга» в середине XX века: «...общество, находясь на современном этапе развития, трансформируется в «электронное общество» или «глобальную деревню» и задает, посредством электронных средств коммуникации, многомерное восприятие мира. Развитие электронных средств коммуникации возвращает человеческое мышление к до-текстовой эпохе, и линейная последовательность знаков перестаёт быть базой культуры» [2, с. 86]. Российский философ Ф.И. Гиренок полагает, что концептуальное мышление больше не играет столь важной роли в современном обществе: «...вот вы спросили, что сегодня происходит в философии, а происходит замена линейного, бинарного мышления нелинейным» [3, с. 123].

Примерно в тот же период времени в контексте приоритетного направления развития гуманитарного знания зарубежные исследователи вводят в активный терминологический оборот концепцию «новой грамотности» (new literacy), призванную форми-

ровать человека, обладающего коммуникативной компетентностью и медиаграмотностью, готового жить и работать в новых условиях быстро меняющегося мира. Средством достижения поставленной цели стал образовательный медиатекст с новыми текстовыми признаками (формами существования и дискурсивными практиками). Ориентация в нем возможна только при условии овладения обучающимися «новой грамотностью», поскольку, по мнению зарубежных исследователей, «мы нуждаемся в гораздо более широком переосмыслении того, что мы понимаем под грамотностью в мире, где господствуют электронные/цифровые средства массовой информации» [4, с. 53; перевод с англ. О.В. Дудурич].

Современные исследователи подразумевают под «новой грамотностью» «умение управлять процессами, используя все средства кодирования культурно значимой информации», когда смысл и ценность грамотности варьируются в зависимости от социального контекста [5, с. 55].

МЕТОДЫ

Основными методами, использованными при проведении исследования, явились общенаучные (наблюдение, систематизация и обобщение, прогнозирование) и специальные лингводидактические методы, применяемые при обучении русскому языку как иностранному. Теоретической основой исследования послужили труды российских и зарубежных специалистов в различных областях гуманитарного знания, посвященные изучению текстов «новой природы» и психолого-педагогическим основам их применения в образовательной деятельности. Материалом для исследо-

вания стали современные российские комиксы, в частности «Майор Гром. Чумной доктор» Артема Габрелянова.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Попытка описания основных тенденций изменения текста в рамках «новой грамотности», характерной для XXI века, была предпринята в научной работе Е.И. Казаковой. Она называет «текстами «новой природы» мысль, зафиксированную на каком-либо носителе, для отображения которой используется связанная последовательность разнородных символов (знаков вербальной и невербальной природы). Во многом текст новой природы есть семиотический текст, поскольку для семиотической традиции он представляет собой наполненную смыслом структуру, состоящую из знаков. Но если для семиотики текст – это и живописное, и музыкальное, и театральное произведение, то текст новой природы в нашем исследовании все-таки отталкивается от вербальной конструкции, и, видимо, в обязательном плане содержит такую в себе» [6, с. 104-105].

Для текстов рассматриваемого нами вида характерны новые формы подачи информации: визуализация, иллюстрирование, паралингвистические письменные средства (почерк, шрифт, способы графических дополнений к буквам, их альтернативное обозначение). На смену традиционным лингвистическим структурам, дополненным иллюстрациями и таблицами, приходят тексты, характеризующиеся гипертекстуальностью, интеграцией мультимедиа, активным использованием инфографики, дополненной реальности и других элементов семантического представления информации. Кроме перечисленных нами выше терминов, для описания смешанных текстов В.Е. Чернявская предлагает и другие, также активно используемые в рамках различных лингводидактических работ: гибридный текст, супертекст; бимедиальный, полимедиальный, мультимедиальный текст; полимодальный вербально-визуальный текст¹. Такие тексты не ограничиваются лингвистической составляющей, а переплетаются с различными элементами, которые оказывают значительное влияние на восприятие текста в целом. Принимая во внимание смежность и семантическое пересечение многих терминов, Д.В. Полежаев указывает на то, что текст «новой природы» «несёт в себе груз представлений современной технологической информационной цивилизации о тексте как цифре, как двоичном коде, как изображении, нуждающемся в распознавании не повседневном, автоматическом, а направленном специальным образом» [7, с. 78].

При любом подходе к описанию нового типа текстов ведущим остается понимание того, что соответствующий множественности условий обучения текст «новой природы» «состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [8, с. 180-181]. Кроме типа нового мышления, характерного для представителей цифрового поколения, ис-

пользование мультимодальных текстов соответствует перцептивным особенностям обучающихся. По мнению многих исследователей, «наибольшая часть социально значимых, богатых и существенных для общества знаковых систем ориентирована на восприятие посредством зрения и слуха» [9, с. 323]. Это также подтверждается исследованиями М.Б. Ворошиловой, отмечающей, что «информация, содержащаяся в текстовом сообщении, усваивается на 7%, звуковое сопровождение помогает усвоению 38% информации, в то время как наличие визуальной составляющей повышает эффективность восприятия до 55%» [10, с. 78].

Использование текстовой информации в сочетании с изображениями и звуками облегчает процесс усвоения новой лексики и поиска новых лексических единиц в ментальном лексиконе. Связь вербальных и невербальных компонентов обеспечивается на нескольких уровнях: «содержательном, содержательно-языковом и содержательно-композиционном» [11, с. 17]. В таких текстах можно найти богатый грамматический и лексический материал, релевантный различным коммуникативным сферам, можно использовать их лингводидактический потенциал для формирования и развития навыков и компетенций в различных видах речевой деятельности. Говоря о знаковых элементах креолизованных текстов, следует отметить, что к их числу относятся не только иллюстрации и фотографии, но и диаграммы, таблицы, символы и различные математические формулы (графики). Читатель сначала знакомится с текстом «новой природы» (анализирует фотографию, иллюстрацию, карикатуру, коллаж или инфографику), а затем уясняет его смысл.

Правильные подбор и разработка текстов «новой природы» для занятий РКИ способствуют повышению интереса обучающихся к изучаемому языку и его лингвострановедческому компоненту (визуализированные формы поведенческих норм, обычаев и традиций). В связи с этим особую важность представляет разработка методики преподавания РКИ на основе мультимодальных текстов, в которых большую роль играет визуализация, поскольку, как отмечает А.Г. Белая, «технология визуализации основывается на задействовании глубинных структур восприятия новой социокультурной среды и рефлексии на неё, а также опирается на предыдущий опыт студента и создаёт, таким образом, персонифицированный учебный материал и качественно иную мотивацию к речетворчеству на русском языке» [12, с. 71].

В начале любого занятия по курсу РКИ организуется фонетическая и речевая разминка, связанная с решением задач по работе с текстом «новой природы». Такие тексты специально подготавливаются преподавателем для каждого конкретного занятия в соответствии с его целями. Ведущим принципом при разработке мультимодальных текстов для занятий РКИ остается изучаемая грамматическая тема, которая репрезентируется на основе специально составленных сюжетных текстов. Они могут быть ориентированы на от-

¹ Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: Учебное пособие. М.: Либроком, 2009. 248 с.

работку, к примеру, правильного использования глаголов движения, глаголов несовершенного и совершенного вида, падежей, уместное применение устойчивых выражений или фразеологизмов и т.д. В процессе разработки мультимодальных текстов из них «удаляются» словесные конструкции с нулевой информационной ценностью или близкой к нулю семантической значимостью, при этом в тексты «включаются» мультимедийные элементы (видеофрагменты, анимация, интерактивные презентации), иллюстрирующие употребление конкретных глаголов движения, конкретных падежей и т.д. На занятиях с такими текстами рекомендуется обеспечивать доступ обучающихся к электронным словарям, что облегчает работу с лексикой и одновременно индивидуализирует ее, а также предоставлять им техническую возможность делиться друг с другом фотографиями, текстовыми документами, элементами выполняемых упражнений и т.п.

После работы с текстом обучающимся может быть предложен ряд вопросов как общего, так и проблемного характера. Затем проходит групповая или парная дискуссия, организуется выполнение коммуникативно-направленных заданий (для развития навыков устной речи). Преподаватель может подготовить вопросы-подсказки для работы с текстом «новой природы». Например: Кто может быть персонажем представленных событий? Как они выглядят? Где происходит действие? Каковы реплики героев? Как развиваются события? Данный метод позволяет повторить лексику, которая требует постоянного внимания: календарные даты, названия месяцев и дней недели, числа, способы передвижения в городском пространстве, этикетные фразы, устойчивые выражения и т.д. С учетом языкового уровня обучающихся необходимо иметь в виду, что анкетная форма проверки знаний менее предпочтительна, нежели заполнение пробелов в предложениях.

Разрозненные иллюстрации могут стать поводом для создания сквозных историй. После анализа составленных обучающимися диалоговых текстов к иллюстрациям или видеофрагментам, совместного с преподавателем исправления допущенных ошибок, развития сюжетных линий и их дополнения окончательный вариант текста разыгрывается по ролям. Такая его инсценизация представляет возможность полисемиотического «прочтения» учебного материала. В результате достигается полная включенность обучающихся в процесс активного усвоения вербальной и невербальной частей текста «новой природы», которые интегрируются и перерабатываются человеком «в едином универсально-предметном коде мышления» [13, с. 250].

Одна из рекомендуемых техник работы с текстом – это визуализация, которая позволяет разрабатывать более коммуникативно насыщенные и интересные для обучающихся занятия. Если группа сильная, то можно предложить ей придумать свою историю на основе какой-либо иллюстра-

ции. В качестве проектной работы обучающиеся могут подготовить комикс с предложенными персонажами и развитием ситуации, а также придумать другую ситуацию и ее развитие. Данный метод не только мотивирует обучающихся к изучению русского языка и концентрирует их внимание на теме занятия, но и помогает в развитии навыков разговорной речи. Кроме того, можно использовать тестовые задания с элементами визуализации, характерными для комиксов, например облачка с текстом или пузыри реплик, предлагающие несколько вариантов ответа.

Нами была подготовлена методическая разработка учебного занятия на основе серии комиксов о майоре Громе¹ в группе, изучающей РКИ уровня В1. Выбор одного из выпусков данной серии был связан с тем, что в нем есть не только занимательная детективно-приключенческая линия с харизматичными преступниками, но и образ российского героя, отличающегося рядом положительных черт. Майор Гром обладает непоколебимым чувством справедливости, всегда доводит начатое до конца и никогда не пасует перед проблемами, стоящими на его пути. Это социально значимый персонаж, поскольку доблестные действия подобных ему героев, по мнению Й. Хейзинги, переходят из категории общепринятых поступков в категорию исключительных, а их «героизм означает повышенное осознание личностью своего призвания – не щадя сил, вплоть до самопожертвования, участвовать в осуществлении общего дела» [14, с. 251].

Комикс был выбран еще и потому, что интерес к данному типу текстов отвечает потребностям обучающихся в современных условиях. При их использовании, по мнению многих ученых-методистов, учитываются «общие психологические потребности, такие как быстрота перемещения внимания, схватывание «поверхности» текста, а также потребности когнитивного плана: познание через активную вовлеченность в достраивание текста, через игровые формы работы с текстом, через зрительно-образное, а не только логическое текстоориентированное восприятие» [15, с. 10]. Среди упражнений, использованных нами в ходе занятия, особый интерес вызвало составление диалогов, а затем прочтение полученного в результате коллективной работы текста по ролям.

Обучающимся предлагались следующие задания:

1) знакомство с общей характеристикой комиксов о майоре Громе, заранее подготовленной к занятию преподавателем (необходимо найти ответы на вопросы о том, в каком городе происходит основное действие комикса, какова профессия майора Грома, кто является его главным антагонистом и др.);

2) ознакомление с общей сюжетной линией первой части комикса (преподаватель читает надписи к комиксам, обучающиеся анализируют их смысл, восполняют лексические знания, составляют словарь, включающий глаголы акциональной семантики);

¹ «Майор Гром» – серия комиксов о майоре МВД Игоре Громе, созданная российским издательством «Bubble Comics» и публиковавшаяся в период с 2012 по 2017 год. Действие комикса происходит в альтернативном мире, в основном в Санкт-Петербурге.

3) подготовка предположений о том, чем закончится представленный фрагмент (работа над лексическими клише, выражающими мнение) – просмотр и анализ реального окончания сюжета;

4) чтение реплик к сюжету с одновременным заполнением пропущенных мест;

5) разыгрывание диалогов из сюжета по ролям;

6) озвучивание кадров без вербального сопровождения;

7) домашнее задание: подбор лексики, описывающей черты личности майора Грома, и т.п.;

8) подбор антонимов, которые необходимы для характеристики главного противника майора Грома;

9) подготовка монологического высказывания, воспроизводящего сюжетную линию комикса с использованием необходимых глагольных форм настоящего или прошедшего времени.

Введение и отработка новых грамматических конструкций осуществлялись с применением интерактивной презентации и раздаточного материала. Все визуализированные (в том числе с помощью демонстрации рисунков) глаголы движения анализировались с точки зрения их семантических и грамматических особенностей. Обучающимся необходимо было самостоятельно продемонстрировать соответствующие движения.

Виды предлагаемых заданий могут варьироваться в зависимости от уровня группы, а также от целей конкретного занятия, в рамках которого преподаватель делает акцент на развитии конкретных видов речевой деятельности: аудирования, чтения, письма или говорения. Обучающимся могут быть предложены разнообразные упражнения на отработку грамматических навыков использования глаголов в различных видах или временах, прилагательных в необходимых роде и числе, употребления предложно-падежных форм, соответствующих конкретным визуальным фрагментам, и т.п.

Если текст «новой природы» имеет строение комикса, то можно предложить обучающимся описать объекты и действия, изображенные на картинках, с целью повторения уже изученной лексики, а затем придумать самостоятельное продолжение истории. Вариативность выдуманных обучающимися историй обусловлена тем, что «любое созданное непосредственно человеком изображение абстрактно, ибо оно обозначает выделенные отвлеченные человеком свойства объекта. В этой своей функции изображение не отличается от слова. Как слово, так и изображение могут выражать понятия разных уровней абстрактности» [16, с. 112].

Тексты «новой природы» на занятиях по курсу РКИ могут быть использованы в качестве дополнительного материала в работе по развитию умений читать, писать, слушать и говорить. При выборе и подготовке текстов к занятиям необходимо соотносить материал с классическими текстами культуры и отсылками к ее прецедентным явлениям для расширения лингвострановедческого кругозора обучающихся. Изучение лексических единиц служит мотивацией для их ознакомления с историей появления данной лексики в русском языке, что также помогает им получать новую информацию об истории и культуре страны изучаемого языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, использование текстов «новой природы» в процессе обучения РКИ способствует моделированию естественной языковой среды, что помогает развитию языковой интуиции и формированию иноязычной коммуникативной компетенции. Эффективная реализация образовательного потенциала текстов «новой природы» возможна только при тщательном анализе их лингвистических, культурных, духовных и эмоциональных компонентов. Задания, подготовленные на основе мультимодальных текстов, играют важную роль как в интенсификации визуальной деятельности обучающихся, так и в формировании и совершенствовании их произносительных, интонационных и лексико-грамматических навыков.

Итак, текст «новой природы» представляет собой образец моделирования естественной языковой среды, в которой органично соединены визуальная и вербальная составляющие процесса коммуникации. Эффективная реализация образовательного потенциала текстов «новой природы» предоставляет возможность максимально комфортного включения обучающихся в реальные ситуации общения, позволяет актуализировать для них различные образцы коммуникативного поведения и, следовательно, имеет большое образовательное и лингвокультурное значение. Использование текстов со зрительной основой всегда вызывает живой, эмоциональный интерес обучающихся, что способствует повышению их мотивации к изучению РКИ в целом. С точки зрения познавательных функций применение текстов «новой природы» на занятиях по курсу РКИ способствует развитию у обучающихся наглядно-образного и абстрактно-логического мышления. Обобщая вышесказанное, можно констатировать, что использование текстов «новой природы» позволяет комплексно решать все основные задачи образовательного процесса, касающиеся обучения русскому языку как иностранному. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Шкапенко Т.М., Зубрицкая Е.В. Гибридные номинации в лингвистическом ландшафте г. Калининграда // Мир русского слова. 2021. № 4. С. 4-13.
2. McLuhan E., McLuhan M. Laws of media: the new science. Toronto; Buffalo, 1988. 464 p.
3. Гиренок Ф.И. Метафизика пата (косноязычие усталого человека). М.: Лабиринт, 1995. 201 с.
4. Buckingham D. Digital Media Literacies: rethinking media education in the age of the Internet // Research in Comparative and International Education. Vol. 2. № 1. 2007. Pp. 43-55.
5. Данилова Г.В. «Тексты новой природы» как источник образовательного потенциала и «новой грамотности» школьников // Тексты новой природы в образовательном пространстве современной школы: Сборник материалов конференции «Педагогика текста». СПб: Лема, 2016. С. 52-55.

6. Казакова Е.И. Тексты новой природы: проблемы междисциплинарного исследования // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 21. № 4. С. 102-109.

7. Полежаев Д.В. Некоторые аспекты философского измерения текста (в контексте ментального подхода) // Тексты новой природы в образовательном пространстве современной школы: Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции «Педагогика текста». СПб: Лема, 2016. С. 77-80.

8. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. С. 180-189.

9. Якобсон Р.О. Язык в отношении к другим системам коммуникации // Р. Якобсон. Избранные труды. М.: Прогресс, 1985. С. 319-330.

10. Ворошилова М.Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. 2006. № 20. С. 75-80.

11. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Академия, 2003. 128 с.

12. Белая А.Г., Сазонова Н.В., Фещенко Е.И. Визуализация в преподавании РКИ // Современные технологии и образование: международная научно-практическая конференция. Минск: БНТУ, 2021. Ч. 1. С. 70-72.

13. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: 1982. 250 с.

14. Хейзинга Й. В тени завтрашнего дня: диагноз духовного недуга нашей эпохи // Homo ludens (Человек играющий). М.: 2004. С. 241-366.

15. Королева С.Б., Полозова К.А. Комиксы в обучении РКИ: источники и приемы работы // Национальная ассоциация ученых. 2020. № 59. С. 8-11.

16. Ворошилова М.Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению // Екатеринбург: УГПУ, 2013. 194 с.

REFERENCES

1. Shkapenko T.M., Zubritskaya Ye.V. Gibrnidnyye nominatsii v lingvisticheskom landshafte g. Kaliningrada // Mir russkogo slova. 2021. № 4. S. 4-13.

2. McLuhan E., McLuhan M. Laws of media: the new science. Toronto; Buffalo, 1988. 464 p.

3. Girenok F.I. Metafizika pata (kosnoyazychiye ustalogo cheloveka). M.: Labirint, 1995. 201 s.

4. Buckingham D. Digital Media Literacies: rethinking media education in the age of the Internet // Research in Comparative and International Education. Vol. 2. № 1. 2007. Pp. 43-55.

5. Danilova G.V. «Teksty novoy prirody» kak istochnik obrazovatel'nogo potentsiala i «novoy gramotnosti» shkol'nikov // Teksty novoy prirody v obrazovatel'nom prostranstve sovremennoy shkoly: Sbornik materialov VIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Pedagogika teksta». SPb: Lema, 2016. S. 52-55.

6. Kazakova Ye.I. Teksty novoy prirody: problemy mezhdistsiplinarnogo issledovaniya // Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye. 2016. T. 21. № 4. S. 102-109.

7. Polezhayev D.V. Nekotoryye aspekty filosofskogo izmereniya teksta (v kontekste mental'nogo podkhoda) // Teksty novoy prirody v obrazovatel'nom prostranstve sovremennoy shkoly: Sbornik materialov VIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Pedagogika teksta». SPb: Lema, 2016. S. 77-80.

8. Sorokin Yu.A., Tarasov Ye.F. Kreolizovannyye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya // Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya. M.: Nauka, 1990. S. 180-189.

9. Yakobson R.O. YAzyk v otnoshenii k drugim sistemam kommunikatsii // R. Yakobson. Izbrannyye trudy. M.: Progress, 1985. С. 319-330.

10. Voroshilova M.B. Kreolizovannyy tekst: aspekty izucheniya // Politicheskaya lingvistika. 2006. № 20. С. 75-80.

11. Anisimova Ye.Ye. Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov). M.: Akademiya, 2003. 128 s.

12. Belaya A.G., Sazonova N.V., Feshchenko Ye.I. Vizualizatsiya v prepodavanii RKI // Sovremennyye tekhnologii i obrazovaniye: mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya. Minsk: BNTU, 2021. Ch. 1. S. 70-72.

13. Zhinkin N.I. Rech' kak provodnik informatsii. M.: 1982. 250 s.

14. Khoyzinga Y. V teni zavtrashnego dnya: diagnoz dukhovnogo neduga nashey epokhi // Homo ludens (Chelovek igrauyushchiy). M.: 2004. S. 241-366.

15. Koroleva S.B., Polozova K.A. Komiksy v obuchenii RKI: istochniki i priyemy raboty // Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh. 2020. № 59. S. 8-11.

16. Voroshilova M.B. Politicheskiiy kreolizovannyy tekst: klyuchi k prochteniyu // Yekaterinburg: UGPU, 2013. 194 s.

© Дудурич О.В., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Дудурич О.В. Технологии использования текстов «новой природы» на занятиях по русскому языку как иностранному // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3 (77). С. 136-141.

Полина Феликсовна МАКАРОВА,

ORCID 0000-0002-1656-3479

Балтийский федеральный университет имени И. Канта (г. Калининград)

старший преподаватель Института образования и гуманитарных наук

pelagiea@gmail.com

Научная статья

УДК 372.881.1

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Ономастика, лингвокультурология, лингвокультурная компетенция, межкультурная компетенция, антропоним, польский язык.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В статье рассматриваются особенности работы с антропонимической лексикой и ее влияние на формирование лингвокультурной компетенции обучающихся в процессе преподавания иностранных языков. Основными целями проведенного автором исследования являлись определение места и потенциала антропонимической лексики в лингводидактическом процессе и описание ориентированных на развитие лингвокультурных компетенций студентов методов работы с данными лексическими единицами (на примере польского антропонимикона). Теоретической базой исследования послужили научные труды отечественных и зарубежных ученых, практическая его часть основана на авторских методических разработках и материалах учебников польского языка как иностранного. **Методы.** При проведении исследования использованы общенаучные (анализ, систематизация, обобщение) и лингводидактические (компетентностный, коммуникативный и лингвокультурный подход) методы. **Результаты.** Обоснована важность использования антропонимической лексики для формирования лингвокультурной и межкультурной компетенций, описаны варианты заданий с использованием антропонимов. Делается вывод о необходимости изучения онимов на всех этапах обучения иностранным языкам. Это связано с тем, что вследствие недостаточного внимания к ономастической лексике при изучении иностранного языка могут возникать лингвокультурные лакуны, что будет способствовать формированию неверных представлений об именной системе изучаемого языка и приводить к коммуникативным ошибкам и неудачам.

ВВЕДЕНИЕ

О владение лексическим материалом является важнейшей задачей в процессе изучения любого иностранного языка. Вопросам обучения лексике, осмыслению основных принципов введения лексических единиц, разработке систем упражнений по их усвоению обучающимися посвящено большое количество научных работ [1, 2, 3]. Проблема выбора лексики, необходимой для изучения иностранного языка, сводится прежде всего к описанию активного и пассивного словаря обучающихся, а также систематизации лексики на основе ее принадлежности к различным тематическим группам. При этом в число изучаемых лексических единиц традиционно включаются только апеллятивы, в то время как имена собственные изучаются от случая к случаю, в ограниченном количестве и преимущественно в составе текстов лингвострановедческого характера или отдельных коммуникативных упражнений диалогической структуры. Недостаточное внимание к ономастической лексике в процессе изучения иностранного

языка может вызывать появление лингвокультурных лакун, способствовать формированию неверных представлений об именной системе изучаемого языка и даже привести к коммуникативным ошибкам и неудачам.

Наиболее лингвокультурно специфичными и коммуникативно значимыми в системе имен собственных являются антропонимы (имена, идентифицирующие людей) и топонимы (наименования географических объектов). Обе эти группы лексем отличает значительный лингвокультурный потенциал, который, будучи должным образом раскрыт на занятиях по иностранному языку, может быть эффективно использован для формирования лингвокультурных компетенций обучающихся.

Целью нашего исследования, результаты которого представлены в данной статье, являлось описание и теоретическое обоснование необходимости работы с антропонимической лексикой, а также методики работы с данной лексикой в процессе изучения иностранного языка для реше-

Polina F. MAKAROVA,
ORCID 0000-0002-1656-3479
Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia)
Senior Lecturer of the Institute of Education and Humanities
pelagiea@gmail.com

LINGUOCULTURAL POTENTIAL OF ANTHROPONYMIC VOCABULARY IN FOREIGN LANGUAGE CLASSES

KEYWORDS. Onomastics, linguoculturology, linguacultural competence, intercultural competence, anthroponym, Polish language.

ANNOTATION. Introduction. The article considers the features of working with anthroponymic vocabulary and its influence on the formation of students' linguacultural competence in the process of teaching foreign languages. The main objectives of the study conducted by the author were to determine the place and potential of anthroponymic vocabulary in the linguodidactic process and to describe the methods of working with these lexical units aimed at developing students' linguacultural competence (using the Polish anthroponymicon as an example). The theoretical basis of the study was the scientific works of domestic and foreign scientists, its practical part is based on the author's methodological developments and materials from textbooks on Polish as a foreign language. **Methods.** The study used general scientific (analysis, systematization, generalization) and linguodidactic (competence, communicative and linguacultural approach) methods. **Results.** The importance of using anthroponymic vocabulary for the formation of linguacultural and intercultural competences is substantiated, and variants of tasks using anthroponyms are described. The conclusion is made about the necessity of studying onyms at all stages of teaching foreign languages. This is due to the fact that due to insufficient attention to onomastic vocabulary when studying a foreign language, linguacultural gaps may arise, which will contribute to the formation of incorrect ideas about the nominal system of the language being studied and lead to communicative errors and failures.

ния различных лингводидактических задач, в том числе формирования лингвокультурной компетенции. В качестве материала при подготовке статьи использовались наши авторские разработки заданий по дисциплине «Практический курс польского языка», преподаваемой в Балтийском федеральном университете имени И. Канта, а также материалы учебников польского языка.

МЕТОДЫ

В ходе исследования были использованы общенаучные (анализ, систематизация, обобщение) и лингводидактические (компетентностный, коммуникативный и лингвокультурный подходы к изучаемым объектам и процессам) методы. Эти методы соответствуют поставленным нами целям и задачам исследования: обосновать необходимость использования антропонимической лексики в преподавании иностранных языков и описать методику работы с такой лексикой на занятиях по иностранному языку. В качестве теоретической базы мы использовали научные труды отечественных и зарубежных авторов. В практической части статьи описываются авторские разработки, а также адаптируются упражнения из учебников польского языка как иностранного.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Лингвокультурный потенциал ономастики, реализуемый в процессе преподавания иностранного языка, уже становился предметом исследований российских ученых-методистов. Этот потенциал изучался ими на материале различных иностранных языков [4, 5, 6, 7]. Все авторы отмечают необходимость уделять больше внимания именам

собственным, поскольку важность усвоения их особенностей обуславливается коммуникативными потребностями иностранных обучающихся, находящихся в языковой среде. Польские педагоги, отмечающие важную роль онимов в обучении польскому языку как иностранному, считают, что в существующих учебниках польского языка для иностранцев не раскрывается должным образом лингвокультурный потенциал данных лексических единиц [8, 9, 10].

Ономастика – это раздел языкознания, изучающий собственные имена, историю их возникновения и изменения¹. Ономастика в зависимости от категорий объектов, носящих названия, делится на антропонимику (имена людей), топонимику (названия географических объектов), зоонимику (клички животных) и т.д. Имена обладают большим семантическим и символическим значением, которое может изменяться в рамках исторического и культурного контекста.

«Лингвокультурология – комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве языкового и внеязыкового содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления» [11, с. 37]. В рамках лингвокультурологии язык рассматривается как ключевой элемент культуры, посредством которого передаются культурные нормы, ценности и ментальные установки. Предметом анализа данной дисциплины являются отраженные в языке культурные концепты [12]

¹ Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.

и эксплицитные средства их репрезентации, к числу которых относятся в первую очередь лексика и фразеология.

Таким образом, объединение двух областей знаний (ономастики и лингвокультурологии) в процессе преподавания иностранного языка может существенно обогатить знания обучающихся и способствовать формированию у них лингвокультурной компетенции. Под таковой понимается «владение базовыми характеристиками, включающими и отражающими знания, и владение ценностными познаниями языка и культуры, которые отражают ментальность, духовность и национальную специфику данного общества» [13, с. 125]. В современной лингводидактике лингвокультурная компетенция имеет большое значение, поскольку формирование языковых компетенций обучающихся для решения коммуникативных задач невозможно без знания культурных особенностей изучаемого языка. Имена собственные, являющиеся частью культурного кода каждого языка, часто несут в себе глубокие культурные и исторические смыслы и, безусловно, заслуживают серьезного внимания со стороны преподавателей иностранных языков. Как указывает Д.И. Ромеро Интриаго, «лингвокультурологический подход – это один из наиболее эффективных подходов, нацеленных на формирование и совершенствование навыков и умений осуществления межкультурного общения путем изучения иностранного языка как феномена культуры» [14, с. 52].

Имена собственные могут отражать религиозные традиции, социальные статусы, исторические события и даже ментальные установки народа. Наиболее емко их лингвокультурный потенциал охарактеризован в работе известного польского лингвиста З. Калеты, которая отмечает, что «имена собственные являются богатством каждой нации, поскольку они содержат знания о ее политической и социальной истории, культурной и религиозной истории, свойствах и ландшафте родной земли, об отношениях с другими странами, а также о действиях, стремлениях и даже эмоциях людей, о реалиях жизни и человеческих ценностях. Они являются свидетельством этнической принадлежности человека к нации, определяющим фактором национальности»¹ [перевод с польск. П.Ф. Макаровой]. Таким образом, изучение имен собственных является одной из важнейших составных частей процесса формирования лингвокультурной компетенции обучающихся.

Изучая особенности антропонимикона иностранного языка, обучающиеся формируют также свои межкультурные компетенции. «Межкультурная компетенция представляет собой совокупность знаний, умений и отношений, позволяющих коммуниканту успешно выступать посредником между своей собственной и чужой культурой в процессе межкультурного иноязычного взаимодействия» [15, с. 24]. Навыки межкультурной коммуникации способствуют осознанию культурных

различий и формированию уважения к ним. Это особенно важно в условиях глобализации, когда межкультурные контакты становятся неотъемлемой частью профессиональной и личной жизни. С.Г. Тер-Минасова подчеркивает, что именно на уровне лексики, в том числе и имен собственных, проявляется конфликт культур и языков, «поскольку именно эта часть языка имеет через лексическое значение прямой и непосредственный выход в реальный мир, во внеязыковую реальность. ...Необходимо знать не только собственно значение слова, но и то, что стоит за словом, иметь представление о предмете-понятии, его месте и функциях в том мире, где он используется в качестве реального средства общения»².

Рассмотрим возможности использования имен в процессе преподавания практического курса польского языка как иностранного. Выбор имен собственных, входящих в состав изучаемой на занятии лексики, обусловлен коммуникативными потребностями обучающихся. Нет сомнений в том, что чаще всего в процессе коммуникации студенты сталкиваются с необходимостью употреблять антропонимы, обращаясь к адресатам различного статуса и в ситуациях различных типов.

Уже на первых страницах учебников по иностранному языку обучающиеся знакомятся с типичными, наиболее распространенными, или легкими для произнесения женскими и мужскими именами. Так, в учебниках польского языка из мужских имен это чаще всего *Marek* и *Janek* (сокращенные формы от *Mariusz* и *Jan, Janusz*), из женских – *Anna, Ewa, Magda* (от *Magdalena*). Особенностью польской антропонимики, также как и русской, является наличие разветвленной системы уменьшительно-ласкательных имен, используемых в неофициальной коммуникации. Именно сокращенные формы регулярно фигурируют в аутентичных и учебных диалогах при отсутствии разъяснений об их соответствии тем или иным полным именам. Данный лингводидактический недостаток должен быть восполнен комментариями преподавателя о строении антропонимической системы польского языка. Она может быть представлена обучающимся в виде дополнительной информации для самостоятельного ознакомления в ходе выполнения домашнего задания. Кроме лингвокультурологического комментария, данная информация должна включать в себя ряды наиболее популярных польских имен, построенные следующим образом:

Janusz – Janek, Jaś, Jasiiek;
Andrzej – Andrusio, Andruszek, Jędrzek;
Krystyna – Krysieńka, Krysia, Kryśka
Małgorzata – Małgosia, Gosia, Gocha;
Agnieszka – Aga, Agusia, Agunia.

Особый интерес обучающихся вызывает задание соединить в пары полные и краткие имена из предложенного списка. Зачастую диминутивы значительно отличаются от полных имен (напри-

¹ Kaleta Z. Teoria nazw własnych // Polskie nazwy własne. Encyklopedia pod red.

E. Rzetelska-Feleszko. Kraków: Wydawnictwo Instytutu Języka Polskiego PAN, 2005. S. 15.

² Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учебное пособие для студентов, аспирантов и соискателей по специализации «Лингвистика и межкультурная коммуникация». М., 2000. С. 34.

мер: *Andrzej – Jędrzek, Jakub – Kuba, Małgorzata – Gocha*), что вызывает в аудитории недоумение и улыбки (особенно эмоционально реагируют русскоязычные обучающиеся на имена *Krysia* от *Krystyna* и *Rysiek* от *Ryszard*). Знание кратких имен не только позволяет облегчить процесс коммуникации, но и способствует формированию словообразовательных навыков, поскольку составление имен кратких и полных основывается на вычленении общей корневой морфемы, а также ознакомлении с системой суффиксов польского языка.

Краткие формы имен употребляются чаще всего в устных диалогах, а полные используются в номинациях писателей, ученых, общественных деятелей и т.д. Кроме того, необходимость употребления полных имен возникает при заполнении различного рода официальных документов, анкет и т.п. Образцы заполненных анкет с именами весьма распространены в настоящее время в сетевых ресурсах со свободным доступом, поэтому обучающимся может быть дано задание отыскать в Интернете такие документы и выписать из них польские фамилии и имена. Учебные тексты, описывающие типичного поляка, всегда оперируют самыми распространенными польскими фамилиями – *Kowalski* и *Nowak*, о чем также необходимо проинформировать обучающихся.

Особенностью польской антропонимической системы является наличие в официальной коммуникации обращений *pan, pani, państwo*, а также *panie* и *panowie* в сочетании с именами и фамилиями. Их выбор зависит от того, к кому обращается адресант: к женщине – *pani*, к мужчине – *pan*, к группе лиц, где есть только мужчины – *panowie*, только женщины – *panie*, и, наконец, к группе, где есть и мужчины и женщины – *państwo*. Неверное употребление данных форм обращения в устной и письменной речи может привести не только к недопониманию участников коммуникации, но и к коммуникативным неудачам. Неправильное обращение может быть воспринято как признак неуважения или неверной гендерной идентификации адресата. Сложности могут возникнуть также и при заполнении анкеты, так как в польском языке нет категории отчества, но в то же время часто требуется указать второе имя, аналог которого отсутствует в русском языке.

На начальном этапе практическая работа, направленная на усвоение антропонимов, может основываться на включении польских имен в состав фонетической разминки. Обучающимся предлагается слушать и повторять наиболее часто встречающиеся в текстах и диалогах имена и фамилии. Они могут записывать их со слуха, развивая одновременно навыки грамотного письма. Уже усвоенные имена могут использоваться при составлении обучающимися собственных устных диалогов по теме «Знакомство». Развитию межкультурной компетенции способствует также упражнение на нахождение для польских имен интернациональных эквивалентов, например: *Helena* – Елена, *Maria* – Мария, *Małgorzata* – Маргарита, *Włodzimierz* – Владимир. Кроме того, отметим, что всегда вызывают живой интерес обучающихся самостоятельные попытки полонизации русских имен, это

упражнение вносит разнообразие в ход занятия и способствует развитию языковой интуиции.

Работа в группе обучающихся, для которых родным является русский или любой другой славянский язык, дает возможность для коллективного обсуждения этимологии польских имен. Это особенно ценно для студентов-филологов, поскольку они одновременно развивают умения словообразовательного анализа сложных слов: например, имя *Bogusław* состоит из двух основ *Bóg* и *ślawić*, что означает «славящий Бога», *Bożydar* – *Bóg* и *dar* – «дар Бога», *Zbigniew* – *zbywać się* и *gniew* – «избавиться от гнева». Благодаря такому анализу обучающиеся могут определить, является ли имя славянским (это чаще всего составные имена) или заимствованным (с принятием христианства в польском языке появилось много библейских имен – *Maria, Józef, Mateusz*).

Часть имен включена во фразеологический фонд польского языка, что предполагает знание пословиц и поговорок, содержащих антропонимы. Например: *Jak Kuba Bogu, tak Bóg Kubie; Co wie Grześ to i cała wieś; czego Jaś się nie nauczy, tego Jan nie będzie umiał; jasna anielka (do jasnej anielki)*. Некоторые выражения вошли в разговорный обиход благодаря произведениям польских писателей. К примеру, автором пословицы *Wolność, Tomku w swoim domku* является польский поэт и баснописец А. Фредро, такая строка есть в его стихотворении «*Paweł i Gawęł*». Отсюда же появилась пословица *Jaki Paweł taki Gawęł*. Таким образом, у обучающихся появляется возможность познакомиться как с польскими народными традициями, находящими отражение в языке, так и с польской литературой. Работа с пословицами предполагает как объяснение их значения, так и выполнение заданий на самостоятельное их употребление в коммуникативных ситуациях, организованных преподавателем.

Обратим также внимание на польскую систему отыменных названий праздников. Ее отличительной особенностью является то, что в основу названий обрядов и праздников легли имена *Andrzej, Katarzyna, Mikołaj*, а позднее *Walenty – andrzejki, katarzynki, mikołajki, walentynki*. С традициями этих обрядов и праздников необходимо познакомить обучающихся в рамках курса изучения польского языка.

В процессе формирования лингвокультурной компетенции традиционно вызывает интерес этимологический анализ польских фамилий. Как и в русском языке, основой для фамилий могли послужить различные апеллятивы (названия профессий, объектов живой и неживой природы: например: *Kowalski* (от *kowal* – кузнец), *Szewc* (сапожник), *Krawczyk* (от *krawiec* – портной), *Górski* (*góra* – гора), *Kozłowski* (от *koziół* – козел), *Wilk* – (волк), *Gołąb* (голубь); имена прилагательные, которые могли означать характерную черту человека в дофамильный период: *Krzywy* (кривой), *Gębal* (от *gęba* – губа), *Nowak* (*nowy* – новый), *Weselak* (от *wesoły* – веселый); онимы – имена, прозвища, названия населенных пунктов: *Jakubowski* (от имени *Jakub*), *Adamowicz* (от имени *Adam*), *Janowski* (от имени *Jan*), *Poznański* (от названия города *Poznań*),

Wrocławski (от названия города *Wrocław*). Обучающимся предлагается задание, выполняя которое они должны определить, что послужило основой для образования той или иной фамилии.

Говоря о лингвокультурном потенциале онимов, безусловно, необходимо обратиться к теме известных личностей. При этом эффективным методическим приемом представляется включение лингвокультурной информации в канву изучаемой грамматической темы. Так, в рамках темы «Творительный падеж имен существительных и прилагательных» обучающимся предлагается соотнести имя известного поляка и род его деятельности: *Lech Wałęsa jest ... (znanym politykiem)*, *Wisława Szymborska jest ... (wybitną poetką)*, *Robert Lewandowski jest ... (dobrym piłkarzem)*. На более продвинутом уровне овладения языком имена и фамилии включаются в тексты при отработке материала таких тем, как прошедшее время глаголов и пассивный залог. Выполняя задания различных типов обучающиеся знакомятся с биографиями известных писателей, композиторов, нобелевских лауреатов и т.д. (например *Adam Mickiewicz*, *Tadeusz Kościuszko*, *Fryderyk Chopin*, *Maria Skłodowska-Curie* и др.).

Развитию лингвокультурных компетенций на материале имен собственных способствует выполнение заданий на поиск информации о выдающихся польских деятелях и ее представление в виде мини-презентаций. На последующих этапах обучения лингвокультурологически ориентированные задания усложняются, теперь они базируются на контроле усвоения знаний на основе предъявления информации различного типа. Это, в частности, работа с мини-аудиотекстами, прослушав которые, обучающиеся должны назвать имя и фамилию человека, о котором идет речь. Например:

*Kompozytor i pianista polski (ur. w 1810 r. w Żelazowej Woli, zm. 17 października 1849 r. w Paryżu). Uważany jest za jednego z najważniejszych polskich kompozytorów w historii. Był on także jednym z najwybitniejszych pianistów swoich czasów, często nazywany jest poetą fortepianu*¹.

Кроме ознакомления с текстами биографического содержания, эффективным способом обогащения лингвокультурной компетенции на филологических направлениях обучения являются упражнения, выполняя которые необходимо определить имена и фамилии польских писателей и поэтов по названию их главных произведений (например: «*Pan Tadeusz*» – *Adam Mickiewicz*, «*Qou Vadis*» – *Henryk Sienkiewicz*, «*Zoo*» – *Jan Brzechwa* и т.д.).

Межкультурная компетенция развивается также на основе заданий, связанных с переводом названий выдающихся произведений русской литературы с польского языка на русский вместе с

именами и фамилиями их авторов (например: «*Zbrodnia i kara*» – *Fiodor Dostojewskij*, «*Wojna i pokój*» – *Lew Tołstoj*).

Целям формирования лингвокультурной компетенции служат и задания на установление соответствия. Обучающимся предъявляются портреты известных польских и российских писателей, необходимо вспомнить их имена и названия написанных ими произведений. Это могут быть также известные картины, которые нужно соотнести с именами художников.

В качестве игровой формы контроля усвоения лингвокультурного антропонимического минимума можно использовать различного рода тесты закрытого типа и квизы с вопросами открытого типа. Например:

– *Proszę wybrać, kto napisał pierwszą polską operę: Moniuszko, Lutosławski, Penderecki* (выберите, кто написал первую польскую оперу: Монюшко, Лютославский, Пендерекский);

– *Czy znasz jakichś polskich reżyserów?*

– *Jakich znasz wybitnych polskich naukowców?*

– *Jakich znasz polskich laureatów Nagrody Nobla?*

– *Czy znasz prawdziwe nazwisko głowy Kościoła rzymskokatolickiego Jana Pawła II?*

– *Czy wiesz, kto namalował obraz «Czarny kwadrat»?*²

Комплексной игровой формой, соединяющей уже сформированные знания в области лингвокультурных компетенций с их дальнейшим творческим развитием, является подготовка и проведение квестов [16].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, лингводидактический потенциал онимов, в том числе антропонимов, является весьма значимым в процессе преподавания любого иностранного языка, начиная с элементарного уровня, и заслуживает внимания преподавателей, поскольку его раскрытие может послужить не только способом формирования лингвокультурной и межкультурной компетенций, но и средством для того, чтобы разнообразить ход занятия и развивать творческие возможности обучающихся.

Описанные нами упражнения, безусловно, не составляют исчерпывающего перечня видов работ с антропонимической лексикой. Однако они очерчивают те методологические контуры, на основании которых можно строить дальнейшую работу по использованию лингвокультурного потенциала антропонимов. С методической точки зрения целесообразным представляется сочетание учебной и самостоятельной работы обучающихся, дополнение упражнений, связанных с формированием активных умений по употреблению антропонимической лексики в ходе общения, теоретико-культурными сведениями, ориентированными на осознание лингвокультурной специфики антропонимов. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бедретдинова И.А., Будник Е.А. Особенности обучения лексическому компоненту речи на различных этапах (на материале английского языка) // Статистика и экономика. 2014. № 2. С. 9-12.

¹ Шкапенко Т.М. Польский с улыбкой. Polski na wesoło. Калининград, 2018. С. 271.

² Там же. С. 249.

2. Журавлева В.И., Журавлева Н.А., Каирсапова Э.М., Коробова Е.Е. Некоторые приемы введения лексики на уроках английского языка на начальном этапе обучения в неязыковом вузе // Проблемы современной науки и образования. 2015. № 33. С. 75-79.

3. Корухова Л.В. Организация языкового материала при обучении лексике на занятиях по иностранному языку // KANT. 2022. № 2 (43). С. 276-280.

4. Луговой В.С. Некоторые особенности использования ономастической лексики при изучении французского языка как второго иностранного в гуманитарном вузе // Системно-деятельностный подход как условие реализации требований федерального государственного образовательного стандарта нового поколения. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Севастополь: СГУ, 2019. С. 145-149.

5. Родина Н.А. Использование ономастического материала в преподавании РКИ // Традиции, новации и перспективы преподавания русского языка как иностранного в вузе. Сборник материалов III межвузовской научно-практической конференции с международным участием. Пенза, 2021. С. 125-129.

6. Головина Л.С. Ономастика как способ формирования социокультурной компетенции на занятиях РКИ // Ученые записки Нижегородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2020. № 1 (26). С. 1-4.

7. Шапкина О.Н. Использование лексики с культурным компонентом в преподавании польского языка как иностранного // Коммуникативные модули (коды) как средство формирования общегуманитарных компетенций человека нового поколения: Материалы междисциплинарной научной конференции. М., 2021. С. 279-285.

8. Szamryk K.K. Nazwy krajów i narodowości w podręcznikach do nauczania języka polskiego jako obcego na poziomie elementarnym // Linguodidactica. 2019. № 23. S. 209-223.

9. Afeltowicz B. Nazwa własna jako tekst kultury w nauczaniu języka polskiego jako obcego // Acta Universitatis Lodzianis. Kształcenie polonistyczne cudzoziemców. 2011. № 18. S. 73-80.

10. Frąckiewicz M.K. Walory poznawcze nazw własnych w systemowym i okazjonalnym nauczaniu języka polskiego // Język ojczysty w edukacji szkolnej w Polsce, Czechach i na Słowacji. Lingwistyka i edukacja. Białystok, 2020. S. 182-209.

11. Воробьев В.В. Лингвокультурология: Монография. М.: РУДН, 2006. 336 с.

12. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. Языки славянских культур. М., 2007. 248 с.

13. Халупо О.И. Базовые единицы лингвокультурной компетенции носителя языка // Язык и культура. 2012. № 2 (18). С. 122-131.

14. Ромеро Интриаго Д.И. Лингвокультурологический аспект в преподавании русского языка как иностранного // Полилингвильность и транскультурные практики. 2010. № 4. С. 52-55.

15. Архипова И.В., Ленгутина М.Д. Межкультурная компетенция: вопросы дифференциации и формирования (на материале аутентичных текстов) // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. 2021. № 5. С. 18-26.

16. Макарова П.Ф., Зубрицкая Е.В. Образовательные квесты как средство формирования профессиональных и культурных компетенций при обучении иностранным языкам // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2020. № 3 (53). С. 114-120.

REFERENCES

1. Bedretdinova I.A., Budnik Ye.A. Osobennosti obucheniya leksicheskomu komponentu rechi na razlichnykh etapakh (na materiale angliyskogo yazyka) // Statistika i ekonomika. 2014. № 2. S. 9-12.

2. Zhuravleva V.I., Zhuravleva N.A., Kairsapova E.M., Korobova Ye.Ye. Nekotoryye priyemy vvedeniya leksiki na urokakh angliyskogo yazyka na nachal'nom etape obucheniya v neyazykovom vuze // Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya. 2015. № 33. С. 75-79.

3. Korukhova L.V. Organizatsiya yazykovogo materiala pri obuchenii leksike na zanyatiyakh po inostrannomu yazyku // KANT. 2022. № 2 (43). S. 276-280.

4. Lugovoy V.S. Nekotoryye osobennosti ispol'zovaniya onomasticheskoy leksiki pri izuchenii frantsuzskogo yazyka kak vtorogo inostrannogo v gumanitarnom vuze // Sistemno-deyatel'nostnyy podkhod kak usloviye realizatsii trebovaniy federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta novogo pokoleniya. Materialy III Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Sevastopol': SGU, 2019. S. 145-149.

5. Rodina N.A. Ispol'zovaniye onomasticheskogo materiala v prepodavanii RKI // Traditsii, novatsii i perspektivy prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo v vuze. Sbornik materialov III mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem. Penza, 2021. S. 125-129.

6. Golovina L.S. Onomastika kak sposob formirovaniya sotsiokul'turnoy kompetentsii na zanyatiyakh RKI // Uchenyye zapiski Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo. 2020. № 1 (26). S. 1-4.

7. Shapkina O.N. Ispol'zovaniye leksiki s kul'turnym komponentom v prepodavanii pol'skogo yazyka kak inostrannogo // Kommunikativnyye modusy (kody) kak sredstvo formirovaniya obshchegumanitarnykh kompetentsiy cheloveka novogo pokoleniya: Materialy mezhdistsiplinarnoy nauchnoy konferentsii. M., 2021. S. 279-285.

8. Szamryk K.K. Nazwy krajów i narodowości w podręcznikach do nauczania języka polskiego jako obcego na poziomie elementarnym // *Linguodidactica*. 2019. № 23. S. 209-223.
9. Afeltowicz B. Nazwa własna jako tekst kultury w nauczaniu języka polskiego jako obcego // *Acta Universitatis Lodziensis. Kształcenie polonistyczne cudzoziemców*. 2011. № 18. S. 73-80.
10. Frąckiewicz M.K. Walory poznawcze nazw własnych w systemowym i okazjonalnym nauczaniu języka polskiego // *Język ojczysty w edukacji szkolnej w Polsce, Czechach i na Słowacji. Lingwistyka i edukacja*. Białystok, 2020. S. 182-209.
11. Vorob'yev V.V. *Lingvokul'turologiya: Monografiya*. M.: RUDN, 2006. 336 s.
12. Stepanov Yu.S. Kontsepty. Tonkaya plenka tsivilizatsii. *Yazyki slavyanskikh kul'tur*. M., 2007. 248 s.
13. Khalupo O.I. Bazovyye yedinitsey lingvokul'turnoy kompetentsii nositelya yazyka // *Yazyk i kul'tura*. 2012. № 2 (18). S. 122-131.
14. Romero Intriago D.I. Lingvokul'turologicheskiy aspekt v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo // *Polilingvial'nost' i transkul'turnyye praktiki*. 2010. № 4. S. 52-55.
15. Arkhipova I.V., Lengutina M.D. Mezhkul'turnaya kompetentsiya: voprosy differentsiatsii i formirovaniya (na materiale autentichnykh tekstov) // *Gumanitarnyye issledovaniya. Pedagogika i psikhologiya*. 2021. № 5. S. 18-26.
16. Makarova P.F., Zubritskaya Ye.V. Obrazovatel'nyye kvesty kak sredstvo formirovaniya professional'nykh i kul'turnykh kompetentsiy pri obuchenii inostrannym yazykam // *Izvestiya Baltiyskoy gosudarstvennoy akademii rybopromyslovogo flota: psikhologo-pedagogicheskiye nauki*. 2020. № 3 (53). S. 114-120.

© Макарова П.Ф., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Макарова П.Ф. Лингвокультурный потенциал антропонимической лексики на занятиях по иностранному языку // *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2024. № 3 (77). С. 142-148.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

Александр Владимирович АФАНАСЬЕВ,

кандидат педагогических наук, ORCID 0009-0003-0590-958X

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

начальник кафедры огневой подготовки

running_men@mail.ru

Владимир Анатольевич ГЛУБОКИЙ,

кандидат педагогических наук, доцент, ORCID 0000-0003-4141-9011

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

заместитель начальника кафедры огневой подготовки

Glubokiy@mail.ru

Научная статья

УДК 371.38:351.74

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ В РАМКАХ ВЫЕЗДНЫХ ЗАНЯТИЙ ПО ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКЕ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Огневая подготовка, выездное занятие, сотрудники полиции, особые условия, профессиональная подготовка.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Одним из средств формирования профессиональных компетенций у сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации является огневая подготовка. В настоящее время возникла необходимость в более интенсивной подготовке сотрудников органов внутренних дел к несению службы в особых условиях. В связи с этим совершенствование их огневой подготовки требует разработки авторских методик и технологий, в том числе связанных с проведением выездных занятий (подбор упражнений, определение последовательности их выполнения, оптимизация системы оценивания). Появление таких методик будет способствовать повышению уровня профессиональной подготовленности сотрудников органов внутренних дел. В статье представлены результаты апробации научно-педагогического исследования, которое осуществлялось в целях формирования методики проведения выездных занятий по огневой подготовке. **Методы.** В ходе исследования были проанализированы литературные источники, видеоматериалы, нормативные акты, был выполнен отбор подготовительных упражнений, проводилось педагогическое наблюдение, использовались методы математической статистики. **Результаты.** Методы математической статистики позволили определить положительное влияние разработанной в рамках исследования методики проведения выездных занятий по огневой подготовке на показатели, характеризующие стрелковые навыки сотрудников территориальных органов внутренних дел и курсантов образовательной организации МВД России. Сделан вывод о том, что разработка методического обеспечения процесса обучения сотрудников полиции стрельбе из автоматического оружия является перспективным направлением дальнейших научных исследований.

ВВЕДЕНИЕ

Профессиональная подготовка сотрудников органов внутренних дел (далее – сотрудники) осуществляется систематически и регулярно с момента поступления на службу. Целью

профессиональной подготовки, на наш взгляд, является формирование готовности сотрудника к решению широкого спектра задач, возникающих в процессе служебной деятельности. Для того чтобы задачи успешно решались, необходимы теоре-

Alexander V. AFANASYEV,
Cand. Sci. (Pedagogy), ORCID 0009-0003-0590-958X
Siberian Law Institute of the Ministry
of the Interior of Russia (Krasnoyarsk, Russia)
Head of the Department of Fire Training
running_men@mail.ru

Vladimir A. GLUBOKIY,
Cand. Sci. (Pedagogy), Associate Professor,
ORCID 0000-0003-4141-9011
Siberian Law Institute of the Ministry
of the Interior of Russia (Krasnoyarsk, Russia)
Deputy Head of the Department of Fire Training
Glubokiy@mail.ru

PROFESSIONAL TRAINING OF POLICE OFFICERS AS PART OF ON-SITE SHOOTING TRAINING SESSIONS

KEYWORDS. Fire training, shooting, field training,
police officers, special conditions, professional training.

ANNOTATION. Introduction. One of the means of developing professional competencies in the employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation is fire training. Currently, there is a need for more intensive training of employees of the internal affairs bodies for service in special conditions. In this regard, improving their fire training requires the development of original methods and technologies, including those related to conducting off-site classes (selection of exercises, determination of the sequence of their implementation, optimization of the assessment system). The emergence of such methods will contribute to increasing the level of professional training of employees of the internal affairs bodies. The article presents the results of testing a scientific and pedagogical study, which was carried out in order to develop a methodology for conducting off-site classes on shooting training. **Methods.** The study analyzed literary sources, video materials, regulatory acts, selected preparatory exercises, conducted pedagogical observation, and used methods of mathematical statistics. **Results.** The methods of mathematical statistics allowed us to determine the positive impact of the methodology for conducting field training sessions on firearms training developed within the framework of the study on the indicators characterizing the shooting skills of employees of territorial internal affairs bodies and cadets of the educational organization of the Ministry of Internal Affairs of Russia. It was concluded that the development of methodological support for the process of training police officers in shooting from automatic weapons is a promising direction for further scientific research.

тические знания, практические умения и навыки, компетенции, позволяющие успешно выполнять служебные обязанности.

Порядком организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации¹ (далее – Порядок) решение образовательных задач по профессиональной подготовке сотрудников осуществляется в рамках программ профессиональной подготовки; программ среднего профессионального и высшего образования; программ повышения квалификации, дополнительного образования и переподготовки (профессиональной переподготовки). Кроме того, профессиональная подготовка сотрудников осуществляется в процессе профессиональной служебной и физической подготовки (далее – ПСиФП). Как подчеркнул В.И. Селезнев, данный процесс требует оптимизации, что обеспечит достижение более высокого профессионального уровня сотрудников [1, с. 42].

Традиционно важнейшим видом профессиональной подготовки является огневая подготовка. Об этом писали в своих научных работах Р.В. Баркалов [2, с. 76-77], М.М. Магомедалиев, С.А. Байра-

мов, Т.И. Чембарисов [3, с. 360], Д.И. Ураков и А.В. Фетисов [4, с. 33], А.А. Чебаев и А.А. Коньчев [5, с. 638]. Столь большое значение огневой подготовки обусловлено тем, что сотрудники имеют право применять оружие по основаниям, указанным в Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»; должны быть знакомы с мерами безопасности; знать тактико-технические характеристики оружия и боеприпасов, стоящих на вооружении в органах внутренних дел Российской Федерации; обладать устойчивыми навыками безопасного обращения с оружием, уметь производить прицельный и точный выстрел. Требования, предъявляемые к огневой подготовленности сотрудников, и критерии ее оценки прописаны в названном выше Порядке. А.Ю. Черкесов [6, с. 104], В.А. Глубокий, Л.А. Платонов, С.С. Кузьмин [7, с. 42] считают, что огневая подготовка является элементом боевой подготовки сотрудников.

Исходя из этого, следует констатировать, что умение обращаться с боевым ручным стрелковым оружием, навык производства точного выстрела по условиям выполнения упражнений стрельбы являются профессионально важными качествами

¹ Приказ МВД России от 02.02.2024 № 44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации».

и никогда не утратят своей значимости. Об актуальности огневой подготовки для сотрудников правоохранительных органов говорится в научных статьях К.Н. Петрова [8, с. 153], А.К. Карданова [9, с. 113], Д.А. Кожина и А.Г. Соболева [10, с. 120].

В настоящее время существует острая необходимость в повышении качества подготовки сотрудников к несению службы в условиях, когда велика вероятность применения огнестрельного оружия (например обучение в рамках повышения квалификации сотрудников полиции к несению службы в особых условиях). Это обстоятельство является предпосылкой к проведению научных исследований соответствующей тематики. О важности профессиональной подготовки к несению службы в условиях, которые требуют более специализированных знаний, умений и навыков, речь идет в работах Е.Ю. Домрачевой, Л.А. Кадуцкой, Н.Н. Северина, С.С. Клименко, И.Н. Озерова [11, с. 302], С.Л. Россошика и А.В. Фасхутдинова [12, с. 214], Н.Д. Уланова [13, с. 209-210].

Полагаем, что сегодня весьма актуальным является поиск способов оптимизации огневой подготовки, в том числе посредством разработки авторских методик и педагогических технологий, направленных на совершенствование процесса профессиональной подготовки сотрудников. Об этом в своих публикациях писали А.С. Чупров [14, с. 295], А.Ю. Черкесов [15, с. 229].

Гипотезой проведенного исследования послужило предположение о том, что многократное выполнение двигательных действий с боевым ручным стрелковым оружием позитивно скажется на результатах стрельбы из автомата, что будет способствовать улучшению стрелковой подготовленности, которая является необходимым компонентом профессиональной подготовленности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

Целью научно-педагогического исследования являлось обоснование эффективности разработанной методики совершенствования навыков стрельбы из автоматического оружия (автоматов и пистолетов-пулеметов). В ходе проведения исследования решались следующие задачи:

1. Проанализировать нормативно-правовые акты и научные работы, раскрывающие содержание и педагогические особенности огневой подготовки сотрудников органов внутренних дел.

2. Обосновать выбор упражнений, направленных на совершенствование навыков обращения с боевым ручным стрелковым оружием, которые необходимо включить в содержание выездных занятий по огневой подготовке.

3. Выявить эффективность влияния выполнения разработанных нами упражнений по огневой подготовке на результативность стрельбы сотрудников из боевого ручного стрелкового оружия.

МЕТОДЫ

Научно-педагогическое исследование выполнялось преподавательским составом кафедры огневой подготовки Сибирского юридического института МВД России (далее – СибЮИ МВД России) в течение 2023-2024 учебного года. В ходе

проведения исследовательской работы осуществлялся анализ нормативных актов (законодательные акты, приказы МВД России), рассматривались доступные учебные видеоматериалы, изучалась научная и методическая литература. Были использованы научные методы описания, тестирования, экспертной оценки, математической статистики.

В ходе выездных практических занятий по огневой подготовке проводилось педагогическое наблюдение за действиями преподавательского состава, действиями обучающихся, сотрудников территориальных органов, выполняющих упражнения, направленные на совершенствование стрелковой выучки. Оценивались результаты стрельбы. В ходе проведения выездных занятий по огневой подготовке отбирались наиболее эффективные упражнения стрельбы, упражнения для работы с оружием без производства выстрела (вхолостую) и определялась последовательность их выполнения. Количественные данные, полученные в ходе научной работы, обрабатывались методами математической статистики (использовалась программа «Microsoft Office Excel 2007», инструменты пакета анализа данных «Описательная статистика», парный двухвыборочный t-тест для средних). Математическая статистика позволила определить влияние выездных занятий на профессиональную подготовку: сотрудников территориальных органов полиции; курсантов и слушателей образовательной организации МВД России; профессорско-преподавательского состава образовательной организации МВД России.

В научном исследовании участвовали:

- 88 сотрудников территориальных органов, повышающих квалификацию в рамках подготовки к несению службы в особых условиях (n=88);
- 85 сотрудников СибЮИ МВД России (n=85);
- 29 курсантов, обучающихся на 4 курсе института по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности (n=29);
- 44 курсанта 4 курса, обучающихся по специальности 40.05.02 Правоохранительная деятельность (n=44).

Проверка влияния разработанного содержания выездных занятий по огневой подготовке на результативность стрельбы осуществлялась во время полевых выездов сотрудников института (12 часов), практических занятий по теме «Учебные стрельбы из боевого ручного стрелкового оружия и метание ручных гранат», проведенных с сотрудниками территориальных органов (20 часов); практических занятий по теме «Учебные стрельбы из автомата (пистолета-пулемета)», проведенных с курсантами 4 курса (по 6 часов в каждой учебной группе).

ОБСУЖДЕНИЕ

При проведении выездных занятий профессорско-преподавательский состав кафедры огневой подготовки СибЮИ МВД России столкнулся с проблемой, обусловленной тем, что на большей части практических занятий в рамках учебной дисциплины «Огневая подготовка», а также проводящихся по плану огневой подготовки в рамках ПСиФП обучающиеся и сотрудники выполняют

упражнения стрельб из пистолета. Результаты педагогического наблюдения и анализа практики проведения занятий показали, что для успешного выполнения упражнений стрельб практически все учебное время тратится на отработку действий с пистолетом, выполняются нормативы для пистолета. Такая практика учебной деятельности не лучшим образом сказывается на выполнении действий по командам при стрельбе из автомата, на принятии изготовок для стрельбы из автомата, смене магазина после стрельбы из автомата (пистолета-пулемета).

В связи с этим на кафедре огневой подготовки было принято решение, что в рамках всех практических занятий следует выполнять упражнения, направленные на совершенствование навыков обращения с автоматом (АК-74 и АКС-74У). Двигательные действия с автоматом осуществляются во время тренировки по выполнению нормативов по огневой подготовке, используются учебное оружие и массогабаритные макеты оружия (материальное обеспечение позволяет одновременно задействовать 8-10 обучающихся). Учебная группа делится на подгруппы: одна – выполняет упражнение стрельб; другая – готовится к выполнению упражнения стрельб (извлечение оружие из кобуры, изготовка к стрельбе, производство выстрела без патрона); третья – тренируется в выполнении нормативов, в том числе отрабатываются действия с автоматом. Затем подгруппы меняются учебными местами. В рамках темы «Приемы и правила стрельбы из автомата», которая предваряет выездное занятие на стрельбище, совершенствуются действия по командам, принятию изготовок, смене магазина, смене позиции. Данные действия выполняются, в частности, и после физической нагрузки (сгибания и разгибания рук в упоре лежа, приседаний, быстрого пробегания дистанции 20-30 м).

На практических занятиях учебная деятельность обучающихся организуется и контролируется преподавательским составом кафедры огневой подготовки. При выполнении двигательных действий с автоматом преподаватели рекомендуют обращать особое внимание на плавность нажатия на спусковой крючок, на скорость совмещения мушки и целика при прицеливании, смену магазина как правой рукой, так и левой. Выполнению упражнений с учебным оружием предшествует демонстрация двигательных действий в быстром темпе, затем они повторяются медленно с акцентом на ключевых моментах и объяснением правильности и последовательности движений.

На выездных занятиях по огневой подготовке с сотрудниками института, сотрудниками территориальных органов, повышающих квалификацию в рамках подготовки к несению службы в особых условиях, навыки обращения с оружием отрабатываются в течение первого часа занятия. Внимание акцентируется на соблюдении мер безопасности при отработке действий по командам, принятии изготовок к стрельбе, способах удержания оружия, способах ношения автоматов в положении «на ремень» и т.д. Кроме того,

сотрудникам территориальных органов доводятся сведения о порядке приведения автомата к нормальному бою и по внешней баллистике (понятия прямого выстрела, траектории и т.п.). Далее им демонстрируются действия по приведению оружия к нормальному бою, после чего они выполняют упражнение 5 в положении для стрельбы лежа. В той же последовательности изложения материала, в более усеченном варианте, осуществлялось и на выездных занятиях с сотрудниками института.

По мере совершенствования навыков выполнения упражнения 5 из различных положений для стрельбы (лежа, с колена, стоя) учебные задания усложняются. Отрабатываются: принятие изготочки к стрельбе после передвижения; смена позиции с последующей стрельбой; смена магазина правой/левой рукой с последующим выстрелом с места и после передвижения; имитация стрельбы и стрельба навскидку; смена положения для стрельбы; производство выстрела без патрона (вхолостую). Упражнения были подобраны после изучения специальной литературы, просмотра учебных и методических материалов. Для самоподготовки и самосовершенствования все перечисленные двигательные действия отрабатываются преподавателями кафедры огневой подготовки самостоятельно. Это необходимо в целях последующей реализации на учебных занятиях наглядного метода обучения.

На выездных занятиях преподавательский состав кафедры столкнулся с тем, что курсанты, сотрудники внутри учебных групп имеют разный уровень профессиональной подготовки. Есть сотрудники, которым необходимо повысить уровень общей физической подготовки. Им тяжело выполнять быстрые перемещения с оружием, смену позиции для стрельбы, после физической нагрузки они не способны выполнить прицельный и точный выстрел, у них снижается уровень проявления координационных способностей, на фоне физического утомления ухудшается контроль над собственными действиями, вследствие чего нарушаются меры безопасности. Это создает опасность возникновения негативных последствий при выполнении упражнений стрельб после передвижения, особенно в составе группы (двойками, тройками).

Затруднения были также выявлены и при выполнении упражнений стрельб в средствах индивидуальной бронезащиты. Они обусловлены недостаточным уровнем развития силовых способностей. Недостаток силы и силовой выносливости негативно сказывается на проявлении быстроты движений, а также на состоянии позвоночника, коленных и тазобедренных суставов, шейного отдела позвоночника при ношении бронежилета, шлема и носимого боекомплекта.

После стрелковых упражнений разной направленности, стрельб, осуществляемых после физической нагрузки, смены позиции и со сменой магазина, выполняются контрольные стрельбы. Цель контрольных стрельб – оценить навыки выполнения точного и прицельного выстрела (выстрелов).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Уровень стрелковой подготовленности сотрудников территориальных органов оценивался по итогам выполнения упражнений стрельб 5 и 6. Стрельба велась из положения лежа. Дистанция для стрельбы – 50 м, упражнения выполнялись из АКС-74У. Из 88 сотрудников территориальных органов с условиями упражнения 5 справилось 93% (13% получили оценку «отлично», 68% – «хорошо», 12% – «удовлетворительно»). Упражнение 6 выполнило 87% сотрудников территориальных органов (11% – на «отлично»; 60% – на «хорошо»; 16% – на «удовлетворительно»).

Уровень стрелковой подготовленности сотрудников СибЮИ МВД России оценивался на двух выездных занятиях по результатам выполнения стрельб из автомата (упражнение 5 «Стрельба с места по неподвижной цели»). Из 85 сотрудников института 81 выполнил упражнение на положительную оценку, что составило 92,2%. Следует отметить, что по сравнению с аналогичными занятиями, проведенными в 2023 году, уровень стрелковой подготовленности у сотрудников института вырос на 11,1%. Сравнение результатов стрельб 2023 и 2024 годов показало достоверное улучшение показателей выполнения упражнений ($P < 0,05$). Нами также отмечено, что сотрудники института в 2024 году более уверено и без ошибок выполняют действия по командам руководителя стрельб.

Стрелковая подготовленность курсантов 4 курса образовательной организации ($n=73$) на выездных занятиях по огневой подготовке оценивалась по результатам выполнения упражнения стрельб 5. Положение для стрельбы – лежа. Расстояние до цели – 50 м. С условиями выполнения упражнения справились 67 обучающихся, что составило 91,7%. Кроме того, обучающиеся успешно выполнили упражнение 6 из пистолета-пулемета «Витязь»: 93% курсантов получили положительные оценки.

Таким образом, есть основания констатировать, что систематическое выполнение двигательных действий с учебными автоматами, массогабаритными макетами позитивно влияет на стрелковую выучку сотрудников, курсантов образовательной организации МВД России. Регулярные тренировки с оружием (даже без производства выстрела) способствуют сокращению времени, затрачиваемого на подготовку к выполнению контрольных упражнений стрельб. Вместе с тем они помогают совершенствовать навыки обращения с оружием. Подчеркнем, что навык производства прицельного и точного первого выстрела необхо-

дим профессионально подготовленному сотруднику органов внутренних дел, а во многих случаях он может оказаться жизненно необходимым. В связи с этим следует систематически выполнять (вхолостую) упражнения «первый выстрел», «первый выстрел после смены магазина», «первый выстрел и выстрел после смены магазина», что позитивно скажется на развитии координационных способностей, совершенствовании навыков обращения с боевым ручным стрелковым оружием.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выездные занятия по огневой подготовке, в содержание которых входят подготовительные упражнения, по структуре схожие с упражнениями стрельб, позволяют успешно совершенствовать навыки выполнения точного и прицельного выстрела. В содержание выездных занятий следует включать выполнение упражнений «изготовка к стрельбе из различных положений», «смена магазина из различных положений». Эти упражнения являются также нормативами по огневой подготовке. Упражнения следует выполнять как в обычных, так и в усложненных условиях. Кроме того, для развития координационных способностей периодически следует выполнять упражнение стрельб «первый выстрел». Считаем, что разработка методических рекомендаций по обучению сотрудников органов внутренних дел выполнению упражнения стрельб из автомата «первый выстрел» требует дальнейших научных изысканий.

Полагаем, что в содержание выездных занятий с сотрудниками территориальных органов внутренних дел следует обязательно включать информацию и практические действия по приведению автоматов к нормальному бою. Для более успешного выполнения упражнений стрельб, решения различных тактических задач, связанных с производством выстрела, целесообразно обращать внимание на необходимость улучшения общей физической подготовленности сотрудников.

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что поставленные перед нашим исследованием задачи по разработке содержания выездных занятий по огневой подготовке и проверке его результативности в основном решены. Результаты исследования подтвердили, что выездные занятия по огневой подготовке, при правильной их организации, оказывают позитивное влияние на профессиональную подготовленность сотрудников полиции, позволяют успешно формировать и совершенствовать навыки обращения с боевым ручным стрелковым оружием. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Селезнев В.И. Оптимизация процесса профессиональной подготовки сотрудников полиции: параметры, педагогические условия и этапы оптимизации // Полицейская деятельность. 2024. № 1. С. 42-51.
2. Баркалов Р.В. Место огневой подготовки в структуре специальной подготовки сотрудников полиции // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии. Материалы XXV Всероссийской научно-методической конференции. Иркутск: ВСИ МВД России, 2020. С. 76-79.
3. Магомедалиев М.М., Байрамов С.А., Чембарисов Т.И. Физическая и огневая подготовка в системе профессиональной подготовки правоохранительных органов // Евразийский юридический журнал. 2023. № 2 (177). С. 360-362.

4. Ураков Д.И., Фетисов А.В. Совершенствование уровня огневой подготовки как неотъемлемая часть профессиональной деятельности сотрудников полиции // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 3 (12). С. 33-35.
5. Чебаев А.А., Конычев А.А. Огневая подготовка в профессиональной подготовке сотрудника полиции // Актуальные вопросы совершенствования тактико-специальной, огневой и профессионально-прикладной физической подготовки в современном контексте практического обучения сотрудников органов внутренних дел. Материалы международной научно-практической конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2021. С. 638-641.
6. Черкесов А.Ю. Огневая подготовка сотрудников полиции как часть служебно-боевой подготовки // Инновации в науке и практике. Сборник трудов по материалам VI Всероссийского конкурса научно-исследовательских работ. Уфа: Аспект Пресс, 2021. С. 104-109.
7. Глубокий В.А., Платонов Л.А., Кузьмин С.С. Особенности проведения выездных занятий по огневой подготовке с сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2024. № 2 (228). С. 42-45.
8. Петров К.Н. Проблемные аспекты огневой и физической подготовки сотрудников полиции в рамках первоначальной подготовки // E-Scio. 2021. № 8 (59). С. 152-156.
9. Карданов А.К. Актуальные проблемы огневой и физической подготовки сотрудников полиции // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 74-1. С. 113-116.
10. Кожин Д.А., Соболев А.Г. Особенности и проблемы выполнения нормативов по огневой подготовке с автоматом Калашникова в рамках профессиональной подготовки сотрудников полиции // Психология и педагогика служебной деятельности. 2022. № 2. С. 119-121.
11. Psychological training of police officers by means of fire and physical training / E.Yu. Domracheva, N.N. Severin, L.A. Kadutskaya [et al.] // Indo American Journal of Pharmaceutical Sciences. 2021. Vol. 8. No. 4. P. 301-306.
12. Россошик С.Л., Фасхутдинова А.В. О некоторых актуальных вопросах профессиональной подготовки сотрудников полиции в современных условиях // Закон и право. 2023. № 1. С. 214-216.
13. Уланов Н.Д. Методологические особенности огневой подготовки сотрудников полиции к эффективной деятельности в особых условиях // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2023. № 9-3. С. 206-210.
14. Чупров А.С. Некоторые особенности организации и проведения практических занятий по огневой подготовке // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2020. № 12 (190). С. 294-297.
15. Черкесов А.Ю. Педагогические условия совершенствования огневой подготовки сотрудников полиции // Образование. Наука. Научные кадры. 2021. № 1. С. 227-229.

REFERENCES

1. Seleznev V.I. Optimizatsiya protsessa professional'noy podgotovki sotrudnikov politsii: parametry, pedagogicheskiye usloviya i etapy optimizatsii // Politseyskaya deyatel'nost'. 2024. № 1. S. 42-51.
2. Barkalov R.V. Mesto ognevoy podgotovki v strukture spetsial'noy podgotovki sotrudnikov politsii // Podgotovka kadrov dlya silovykh struktur: sovremennyye napravleniya i obrazovatel'nyye tekhnologii. Materialy XXV Vserossiyskoy nauchno-metodicheskoy konferentsii. Irkutsk: VSI MVD Rossii, 2020. S. 76-79.
3. Magomedaliyev M.M., Bayramov S.A., Chembarisov T.I. Fizicheskaya i ognevaya podgotovka v sisteme professional'noy podgotovki pravookhranitel'nykh organov // Yevraziyskiy yuridicheskii zhurnal. 2023. № 2 (177). S. 360-362.
4. Urakov D.I., Fetisov A.V. Sovershenstvovaniye urovnya ognevoy podgotovki kak neot'yemlemaya chast' professional'noy deyatel'nosti sotrudnikov politsii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voyennogo instituta voysk natsional'noy gvardii. 2020. № 3 (12). S. 33-35.
5. Chebayev A.A., Konychev A.A. Ognevaya podgotovka v professional'noy podgotovke sotrudnika politsii // Aktual'nyye voprosy sovershenstvovaniya taktiko-spetsial'noy, ognevoy i professional'no-prikladnoy fizicheskoy podgotovki v sovremennom kontekste prakticheskogo obucheniya sotrudnikov organov vnutrennikh del. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: SPbU MVD Rossii, 2021. S. 638-641.
6. Cherkesov A.Yu. Ognevaya podgotovka sotrudnikov politsii kak chast' sluzhebno-boyevoy podgotovki // Innovatsii v nauke i praktike. Sbornik trudov po materialam VI Vserossiyskogo konkursa nauchno-issledovatel'skiikh rabot. Ufa: Aspekt Press, 2021. S. 104-109.
7. Glubokiy V.A., Platonov L.A., Kuz'min S.S. Osobennosti provedeniya vyyezdnykh zanyatiy po ognevoy podgotovke s sotrudnikami organov vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii // Uchenyye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta. 2024. № 2 (228). S. 42-45.
8. Petrov K.N. Problemnyye aspekty ognevoy i fizicheskoy podgotovki sotrudnikov politsii v ramkakh pervonachal'noy podgotovki // E-Scio. 2021. № 8 (59). S. 152-156.
9. Kardanov A.K. Aktual'nyye problemy ognevoy i fizicheskoy podgotovki sotrudnikov politsii // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2022. № 74-1. S. 113-116.
10. Kozhin D.A., Sobolev A.G. Osobennosti i problemy vypolneniya normativov po ognevoy podgotovke s avtomatom Kalashnikova v ramkakh professional'noy podgotovki sotrudnikov politsii // Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoy deyatel'nosti. 2022. № 2. S. 119-121.

11. Psychological training of police officers by means of fire and physical training / E.Yu. Domracheva, N.N. Severin, L.A. Kadutskaya [et al.] // Indo American Journal of Pharmaceutical Sciences. 2021. Vol. 8. No. 4. P. 301-306.
12. Rossoshik S.L., Faskhutdinova A.V. O nekotorykh aktual'nykh voprosakh professional'noy podgotovki sotrudnikov politsii v sovremennykh usloviyakh // Zakon i pravo. 2023. № 1. S. 214-216.
13. Ulanov N.D. Metodologicheskiye osobennosti ognevoy podgotovki sotrudnikov politsii k effektivnoy deyatelnosti v osobykh usloviyakh // Obshchestvennaya bezopasnost', zakonnost' i pravoporyadok v III tysyacheletii. 2023. № 9-3. S. 206-210.
14. Chuprov A.S. Nekotoryye osobennosti organizatsii i provedeniya prakticheskikh zanyatiy po ognevoy podgotovke // Uchenyye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta. 2020. № 12 (190). S. 294-297.
15. Cherkesov A.YU. Pedagogicheskiye usloviya sovershenstvovaniya ognevoy podgotovki sotrudnikov politsii // Obrazovaniye. Nauka. Nauchnyye kadry. 2021. № 1. S. 227-229.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© **Афанасьев А.В., Глубокий В.А., 2024.**

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Афанасьев А.В., Глубокий В.А. Профессиональная подготовка сотрудников полиции в рамках выездных занятий по огневой подготовке // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3 (77). С. 149-155.

Таугери Харшимович ДЖАНТЕЕВ,
кандидат социологических наук, ORCID 0009-0008-1683-0873
Академия управления МВД России (г. Москва)
начальник курса 4-го факультета
beshtau.2011@mail.ru

Научная статья
УДК 378.18:351.74

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СЛУШАТЕЛЕЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ (на примере Академии управления МВД России)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Социокультурная адаптация, иностранные обучающиеся, образовательная организация МВД России, ведомственное образование, организация обучения, особенности обучения иностранцев.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Актуальность исследования, некоторые результаты которого изложены в настоящей статье, заключается в возросшем интересе сотрудников правоохранительных органов стран ближнего и дальнего зарубежья к получению востребованного, конкурентного высшего образования в ведомственных вузах Министерства внутренних дел Российской Федерации. Целью исследования стало изучение возможных предикторов, связанных с обстоятельствами, не благоприятствующими социокультурной адаптации иностранных обучающихся в образовательных организациях МВД России, и выработка решений для успешного преодоления выявленных факторов или минимизации их негативного воздействия. **Методы.** В качестве основных методов исследования были использованы: теоретический анализ научных источников, систематизация и обобщение, педагогическое наблюдение, экспертный метод. **Результаты.** Осмыслены и описаны ключевые условия, предопределяющие трудности в процессе социокультурной адаптации иностранных слушателей вузов МВД России. Научная новизна работы заключается в выявлении специфики социокультурной адаптации иностранных обучающихся, оказавшихся в новой для них социокультурной реальности, на основе анализа их социально-психологических характеристик. В качестве примера изучен процесс социокультурной адаптации иностранных слушателей Академии управления МВД России. Практическая значимость результатов исследования состоит в том, что выявленные закономерности позволили сформулировать практические рекомендации для преодоления препятствий социокультурной адаптации иностранцев, обучающихся в вузах МВД России, что, в свою очередь, будет способствовать повышению ее эффективности.

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе развития России отечественная образовательная сфера находится на стадии восстановления и расширения утраченных в 90-е годы прошлого века позиций на постсоветском пространстве [1]. В настоящее время отмечается возрастающая в геометрической прогрессии потребность иностранных граждан получить конкурентоспособное и востребованное высшее российское образование. В 2023-2024 учебном году в нашей стране обучалось более 355,7 тысячи студентов из-за рубежа, а по итогам 2022 года Россия заняла 6-е место в мире по числу иностранных студентов. Принимая во внимание данные обстоятельства, можно говорить о том, что активно формируются условия и возможности для экспорта образовательных услуг.

Кроме того, следует отметить, что образование в широком смысле является одним из важней-

ших геополитических ресурсов, «мягкой» силой государства. Свой вклад в формирование этого ресурса активно вносят и ведомственные образовательные организации Министерства внутренних дел Российской Федерации. 3 июня 2024 года в Российском университете дружбы народов состоялось экспертное совещание, на котором обсуждались актуальные вопросы теоретического и практического характера, касающиеся процессов адаптации иностранных студентов. Приняли в нем участие и представители Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. Проявленный ведомственным вузом интерес к данному мероприятию подтверждает актуальность исследуемой нами темы и востребованность в системе МВД России результатов этого исследования.

Необходимо иметь в виду, что эффективность предоставления, а также освоения образовательных услуг существенно коррелируется с успешно-

Taugeri H. DZHANTEEV,
Cand. Sci. (Sociology), ORCID 0009-0008-1683-0873
Academy of Management of the Ministry
of the Interior of Russia (Moscow, Russia)
Head of the 4th Faculty Course
beshtau.2011@mail.ru

**SOCIOCULTURAL ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA
(on the example of the Academy of Management of the Ministry of the Interior of Russia)**

KEYWORDS. Sociocultural adaptation, foreign students, educational organization, Ministry of the Interior of Russia, departmental education, organization of training, features of training foreigners.

ANNOTATION. Introduction. The relevance of the study, some results of which are presented in this article, lies in the increased interest of law enforcement officers from near and far abroad countries in obtaining sought-after, competitive higher education in departmental universities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. The purpose of the study was to study possible predictors associated with circumstances that are unfavorable for the socio-cultural adaptation of foreign students in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia, and to develop solutions for successfully overcoming the identified factors or minimizing their negative impact. **Methods.** The main research methods used were: theoretical analysis of scientific sources, systematization and generalization, pedagogical observation, expert method. **Results.** The key conditions that predetermine the difficulties in the process of socio-cultural adaptation of foreign students of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia are understood and described. The scientific novelty of the work lies in identifying the specifics of socio-cultural adaptation of foreign students based on the analysis of the socio-psychological characteristics of foreign students who find themselves in a new socio-cultural reality. As an example, the process of socio-cultural adaptation of foreign students of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia was studied. The practical significance of the research results is that the identified patterns made it possible to formulate practical recommendations for overcoming obstacles to the socio-cultural adaptation of foreigners studying at universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia, which, in turn, will contribute to increasing its effectiveness.

стью социокультурной адаптации иностранных студентов к новой для них социокультурной реальности и новой образовательной среде [2]. Вместе с тем успешность социокультурной адаптации является основополагающим фактором эффективности учебной деятельности иностранцев, что в конечном итоге становится ключевым аспектом выбора образовательного миграционного вектора [3].

Сложное и многогранное явление социокультурной адаптации изучалось и изучается многими зарубежными и отечественными учеными. В их числе П.Ю. Аксенова, Э.В. Богмацера, Н.Н. Ивашко, И.Г. Савицкая, Н.Б. Грузьяк, М.Л. Давыдова, Г.В. Плотников, Д.Г. Передня, И.А. Мнацаканян, И.В. Троцук, Дж. Верри, С. Бучер, К. Оберг и другие. Впрочем, есть основания говорить о том, что на сегодняшний день вопросам организационного обеспечения обучения и социокультурной адаптации иностранных студентов уделяется недостаточное внимание, не в полной мере изучены факторы, не благоприятствующие успешности адаптации иностранцев в условиях российской образовательной среды [4]. В частности, слабо изучены характеристики иностранных студентов, влияющие на успешность их адаптации, а также возможности существования общих закономерностей и специфики в процессе их социокультурной адаптации.

Целью нашего исследования стало изучение трудностей, с которыми сталкиваются иностранные слушатели ведомственных образовательных организаций МВД России в процессе социокультурной адаптации. Для достижения поставленной

цели нам необходимо было решить следующие задачи:

- выявить и проанализировать факторы, препятствующие успешности социокультурной адаптации иностранных слушателей, обучающихся в Академии управления МВД России (далее – Академия);
- провести и опросы слушателей и экспертов по исследуемой теме, в том числе в форме бесед и интервью;
- сформулировать возможные пути решения выявленных в ходе исследования проблем социокультурной адаптации иностранных слушателей.

Таким образом, объектом исследования являлась социокультурная адаптация иностранных слушателей, обучающихся в Академии, а влияющие на ее успешность факторы и личностные характеристики иностранных слушателей – предметом исследования.

МЕТОДЫ

В ходе исследования использовался ряд взаимосвязанных методов, соответствующих его целям и задачам, а именно: изучение и анализ научных источников, систематизация и обобщение, педагогическое наблюдение, анкетный опрос.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Международное сотрудничество Академии в образовательной сфере имеет довольно обширную историю и географию. Например, в период с января по июль 2024 года в ее стенах проходили обучение в форме повышения квалификации и профессиональной переподготовки 64 руководителя, 19 сотрудников из числа научно-педагогиче-

ческого состава, 51 слушатель очной и 11 слушателей заочной форм обучения (по направлению подготовки руководящих кадров различного уровня для органов внутренних дел) из стран ближнего и дальнего зарубежья. Повышенный интерес к получению управленческих знаний в сфере правоохранительной деятельности проявляют представители Китая, Монголии, Вьетнама, а также многих других традиционно дружественных России стран (в том числе входящих в Содружество Независимых Государств) [5].

На основании результатов проведенного нами анализа научных источников информации по исследуемой теме можно отметить, что существуют различные подходы к определению понятия «социокультурная адаптация» и разные взгляды на возможности его трактовки. В некоторых случаях данный термин используется как синоним межкультурной, поликультурной, социально-психологической адаптации, что, по нашему мнению, не совсем корректно. Общепринятого определения понятия «социокультурная адаптация» на сегодняшний день нет. На основании выводов, сделанных по итогам сравнительно-сопоставительного анализа множества теоретических взглядов на рассматриваемое понятие, можно сделать вывод, что социокультурная адаптация представляется как возможность приспособления человека к условиям новой социокультурной реальности, включающей новые ценности, ориентиры, нормы поведения, традиции, культурные паттерны [6].

Характерной особенностью обучения и социокультурной адаптации иностранных слушателей в Академии является то, что обучение проходят уже состоявшиеся личности – руководители и сотрудники правоохранительных органов (а не молодежь со школьной скамьи). Все они – люди, обладающие определенным социально-психологическим и дидактическим опытом адаптации, а также социальным статусом. Это является специфичной дихотомией позитивных и в некотором роде негативных факторов, влияющих на успешность социокультурной адаптации. В их числе:

- багаж знаний, умений, навыков и опыт адаптации;
- мотивация (*у взрослых людей по объективным причинам более отчетливые контуры желаний и представления о путях достижения целей*);
- автодидактические способности;
- специфика андрагогического (субъект-субъектного) взаимодействия;

- стрессоустойчивость и коммуникабельность (*в сравнении со студентами-первокурсниками возраста 17-18 лет*).

Результаты анализа научных источников, экспертных опросов, бесед, социально-педагогического наблюдения позволяют выделить еще ряд факторов (условий, барьеров), не благоприятствующих успешности социокультурной адаптации иностранных слушателей. Это, например, невысокий уровень социокультурного плюрализма, языковой барьер, индивидуальные психологические особенности, невысокий уровень владения академическими нормами, специфика мировоззренческих взглядов [7]. Для наглядности получения представления о предикторах, не благоприятствующих успешности социокультурной адаптации, сведения о них мы оформили в виде таблицы (см. таблицу 1).

В первоначальный период обучения в другой стране, оказавшись в другой социокультурной реальности, иностранные студенты (слушатели) оказываются в ситуации «культурного шока», а, как известно, стресс аккультурации является одной из основных проблем психосоматического здоровья [8]. Кроме того, следует отметить, что в практике имеются случаи астенической и даже стенической фрустрации, приводящие к уходу из образовательной организации, получению негативного опыта, «привязанного» к вузу и стране пребывания, что не лучшим образом отражается на имиджевой составляющей процессов, связанных с обучением иностранцев.

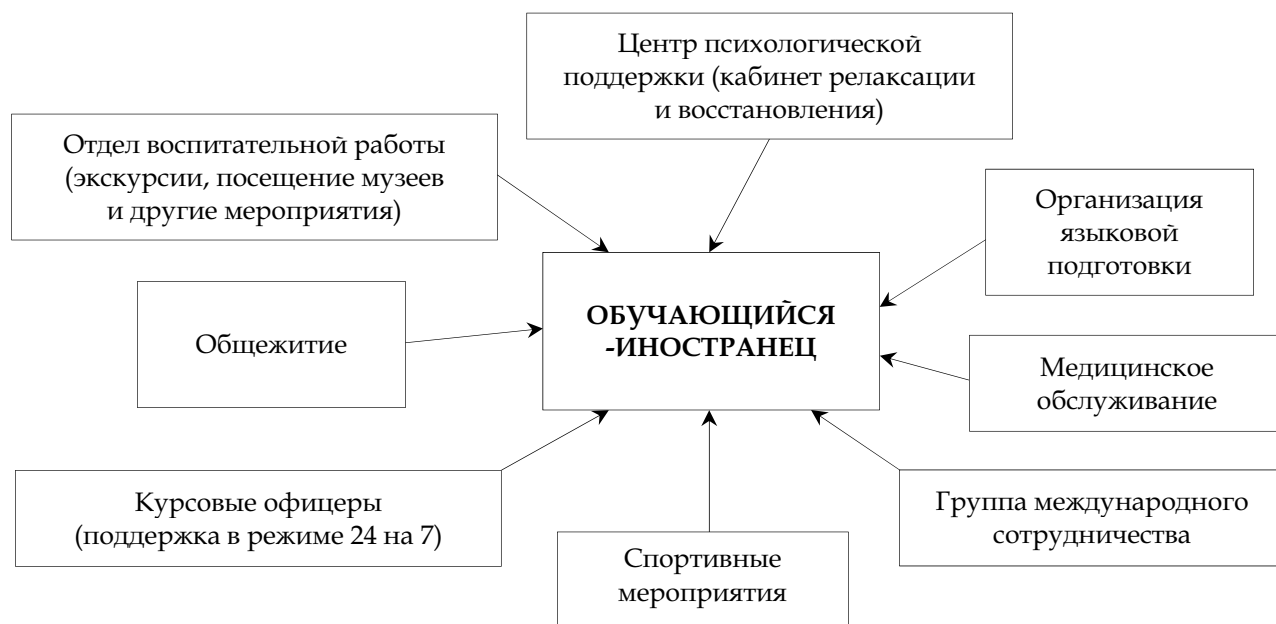
Вместе с тем, как справедливо подчеркивает Т.Р. Рахимов, успешность адаптации иностранных студентов к образовательной среде вуза прямо коррелируется с возможностями применения гибких и эффективных социально-педагогических методик, учитывающих интересы и непосредственные потребности иностранных обучающихся [9].

Важной особенностью андрагогического аспекта социокультурной адаптации иностранных студентов (слушателей) является открытость принимающей стороны, ее готовность к решению возникающих проблем, а также «включенность», то есть способность держать руку на пульсе социокультурных связей, коммуникации, бытового взаимодействия. Другими словами, это способность создавать доверительные отношения между обучающимися и профессорско-преподавательским составом, что позволяет в короткие сроки

Таблица 1.

**Предикторы, не благоприятствующие успешности
социокультурной адаптации иностранных слушателей**

Психофизиологические	Смена географии, климата, различие часовых поясов и т.д.
Дидактические	Языковой барьер, академические нормы, разница в формах и методах контрольных функций образовательных организаций
Социокультурные	Новая культурная реальность, новые условия пребывания, культурные паттерны, низкий уровень культурного плюрализма
Бытовые	Условия проживания в общежитии, самообслуживание, распорядок дня, порядок посещения гостей и т.д.

Иллюстрация 1. Инфраструктура социокультурной адаптации иностранных обучающихся.

нивелировать возникающие трудности, а также стремление вносить в образовательные процессы существенные изменения с целью повышения успешности социокультурной адаптации и облегчения адаптационных трудностей [10].

Именно такой позиции придерживается руководство Академии, группа международного сотрудничества и курсовые офицеры образовательной организации. Здесь реализуется комплекс организационных мероприятий, нацеленных на устранение или минимизацию воздействия возможных негативных предикторов, не благоприятствующих успешности и эффективности социокультурной адаптации иностранных слушателей. Иностранцев слушателей, прибывающих на обучение в Академию, у выхода из терминала аэропорта встречает начальник курса. Он сопровождает их на всех мероприятиях, проводимых Академией, и остается на связи с ними в режиме «24 на 7». В Академии для иностранных слушателей организовано трехразовое (горячее) питание с учетом культурных и религиозных предпочтений. На протяжении всего периода обучения иностранные слушатели обеспечены комфортными условиями проживания и услугами медицинского обслуживания. Как показывает практика, проживание в кампусах со студентами принимающей страны, возможности проведения досуга и осуществления коммуникации являются важными условиями успешности социокультурной адаптации иностранцев [11].

В свободное от учебы время для иностранных слушателей Академии доступны богатые библиотеки (научная и художественная), музеи, фитнес-зал с тренажерами, бильярдные столы, комната офицеров, комната психологической разгрузки и релаксации с аквариумом, кислородными коктейлями, массажными креслами, «соляная» комната, интернет-класс с бесплатным доступом в сеть и т.д. Инфраструктура социокультурной адаптации иностранных обучающихся изображена на иллюстрации 1.

Несмотря на прилагаемые усилия, которые в некоторых случаях, к сожалению, оказываются недостаточными, в силу субъективных и объективных причин порой возникают трудности адаптационного характера, в частности на этапе подготовки к обучению. На вопрос анкеты, представленной для заполнения в рамках нашего исследования (в анкетировании приняли участие 78 иностранных обучающихся), «Какие подготовительные мероприятия Вы проводили перед поездкой в Россию?» 37% респондентов ответили «Разговаривал с коллегами, которые ранее обучались в России», 16% отметили, что самостоятельно изучали русский язык. Только 21% иностранных слушателей заявили о том, что изучали информацию в Интернете, заходили на сайт Академии, интересовались методикой обучения. Объясняется это тем, что некоторые иностранные слушатели полагались на априорные знания о стране пребывания и академических образовательных нормах, и данное обстоятельство впоследствии оказывалось причиной возникновения трудностей. Многие иностранные слушатели уверены в своих знаниях в области русского языка, считают свой уровень овладения им достаточным для коммуникации (43%). Однако большинство испытывают затруднения, связанные с языковым барьером. Пятая часть опрошенных – 21% – испытывают сложности, связанные с жизнью вдали от дома (тоска по родным, друзьям, по привычному быту и т.п.). На вопрос «К чему сложнее всего адаптироваться в России?» 14% ответили, что к культурным различиям, 9% – к межличностному общению.

По итогам анкетирования выяснилось, что 81% иностранных слушателей удовлетворены учебными занятиями и распределением учебной нагрузки, 88,3% респондентов высоко оценили уровень квалификации профессорско-преподавательского состава Академии и свои взаимоотношения с ним. Вместе с тем следует подчеркнуть разницу в удовлетворенности иностранных слушателей из стран СНГ и дальнего зарубежья. В большей

степени она связана с культурными паттернами, отчасти ее можно объяснить языковым барьером. Так, например, 78% опрошенных представителей стран Африки и Латинской Америки связали адаптационные трудности с языковыми проблемами. Интересными оказались результаты опроса в части, касающейся географии, климата, часового пояса. Подавляющее большинство иностранных слушателей – 89,1% – заявили, что адаптировались к ним. Вместе с тем отметим, что 53% опрошенных в свободное от учебы время ходят в театры, музеи, на экскурсии, что также способствует успешности социокультурной адаптации.

Обобщая вышеизложенное, отметим, что в ходе исследования мы пришли к мнению о том, что предикторы социокультурной адаптации иностранных слушателей к новой социокультурной реальности образовательной среды представляют собой комплексное явление. Для преодоления воздействия факторов, не благоприятствующих успешности социокультурной адаптации, необходимо создание (прежде всего образовательной организацией, но и непосредственно самими обучающимися) условий, в которых их влияние будет нивелироваться, в частности:

- недостаточно мотивированным обучающимся для достижения цели следует сосредоточиться на развитии навыков изменения и контроля индивидуальных и социальных паттернов в соответствии с моделями социума страны пребывания;

- кандидату на обучение в Академии перед отъездом в Россию рекомендуется ознакомиться с историей Москвы, историей и традициями образовательной организации, с условиями проживания, моделью обучения и т.п.;

- учебному управлению совместно с факультетом и группой международного сотрудничества было бы целесообразно разработать лапидарный «гид иностранного обучающегося» (в текстовом формате и в формате короткого видеоролика), в который была бы включена вся необходимая информация об Академии, ее инфраструктуре, контактные сведения [12];

- кафедре иностранных языков совместно с учебным управлением необходимо рассмотреть возможность разработки и предоставления в дистанционном формате на платформе «moodle-academy.ru» спецкурса профессиональной коммуникации на русском языке, а также специализированного страноведческого курса, которые давали бы иностранным слушателям первоначальное понимание об уровне требований к обучающимся Академии, что способствовало бы дидактической и социокультурной адаптации [13];

- воспитательному отделу необходимо разработать план культурно-исторических, духовно-нравственных, просветительских мероприятий, экскурсий (с посещением достопримечательностей, музеев, выставок и т.п.), нацеленных на формирование благоприятного имиджа Академии, что поможет иностранным слушателям с поддержанием самооценки и, как следствие, успешности их социокультурной адаптации;

- факультету совместно с Научным центром необходимо проработать вопрос о проведении

лонгитюдного исследования по проблематике адаптации иностранных обучающихся (его можно провести совместно с другими ведомственными вузами МВД России, так как обмен информацией и взаимная вовлеченность создадут больше возможностей для сравнительно-сопоставительного анализа);

- группе международного сотрудничества совместно с факультетом следует рассмотреть возможность приглашения для встречи прибывающих иностранных слушателей в аэропорту или на вокзале представителей посольств стран, направивших этих слушателей для обучения в Академию, что придаст значимости этому мероприятию, будет способствовать повышению самооценки иностранного обучающегося, улучшит его впечатление от страны пребывания и образовательной организации, а это, в свою очередь, поспособствует успешности социокультурной адаптации;

- кафедра организации огневой и физической подготовки могла бы привлекать иностранных слушателей к участию в проводимых в Академии соревнованиях, спортивных праздниках, к занятиям в тренажерных залах, к проведению спортивных игр и иных мероприятий физкультурно-спортивного характера (ресурсы, связанные с физической активностью и соревновательностью, недооценены в процессе социокультурной и психофизиологической адаптации иностранных обучающихся [14]);

- учебному управлению следует предусматривать вариативность форм контроля в рамках учебной деятельности иностранных слушателей и задействовать лучшие андрагогические приемы и методы оценивания (иностранцы обучающиеся в силу возвратной и статусной (обучаются руководители) специфики более ответственно подходят к подготовке к занятиям и вопросам автодидактики в целом, в связи с этим они тяжело переживают получение неудовлетворительных оценок при контроле знаний, что в некоторых случаях сказывается на самооценке и затрудняет социальные коммуникации, провоцируя раздражительность, апатию и замкнутость [15]); дидактическая, бытовая, психологическая и социокультурная адаптация тесно взаимосвязаны и отсутствие успехов в обучении не благоприятствует социально-коммуникационному взаимодействию в учебной группе);

- факультету совместно с отделом воспитательной работы необходимо рассмотреть целесообразность возрождения ранее проводившихся в Академии культурно-массовых мероприятий в форме «капустника», в ходе которых обучающиеся из разных стран и разных регионов России представляли свои национальные культуры (пение, танцы, кулинарные конкурсы и т.п.), что дало бы иностранным слушателям возможность заявить о себе и своей стране, ее культуре, что в конечном счете благоприятно сказалось бы на успешности их социокультурной адаптации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, подчеркнем, что социокультурная адаптация иностранных обучающихся является

ся элементом образовательного процесса в широком его понимании. Предоставляемая иностранцам возможность получить образование в России – это геополитический ресурс государства, и он должен учитываться при формировании государственной политики в образовательной сфере.

В ходе проведенного нами исследования были рассмотрены факторы, не благоприятствующие успешности социокультурной адаптации ино-

странным слушателей, осуществлен их анализ. В результате нам удалось сформулировать предложения о направлениях решения проблем социокультурной адаптации. Практический вектор исследования заключается в возможности применения полученных эмпирических данных для формирования программы социально-педагогического сопровождения иностранных слушателей в образовательных организациях МВД России. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гусейн-заде Р.Г., Деревянченко А.А. Иностранные студенты в российских вузах // Знание. Понимание. Умение. 2021. № 1. С. 139-155.
2. Вишневецкая М.Н. Особенности адаптации иностранных студентов к процессу обучения в российском вузе // Мир науки. Педагогика и психология, 2020. № 2. Т. 8.
3. Кривцова И.О. Социокультурная адаптация иностранных студентов к образовательной среде российского вуза (на примере Воронежской государственной медицинской академии им. Н.Н. Бурденко) // Фундаментальные исследования. 2011. № 8 (ч. 2). С. 284-288.
4. Екимов В.И., Орлова Е.А. Образовательная среда кадетского корпуса как фактор формирования суверенности психологического пространства личности воспитанников-юношей // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2016. Вып. 3 (31). С. 33-36.
5. Максимчук Е.Д. Особенности межкультурной адаптации иностранных студентов и обоснование выбора методик для ее исследования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Психология». 2014. Т. 7. № 1. С. 34-40.
6. Троцук И.В., Витковская М.И. Адаптация иностранных студентов к условиям жизни и учебы в России (на примере РУДН) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2004. № 1 (6). С. 169-181.
7. Иванов Г.П., Широков Н.Н., Логвинова О.К. Иностранный студент в российском вузе: Монография. М., 2022. 138 с.
8. Айбазова М.Ю. Социокультурная адаптация иностранных студентов к условиям обучения в российских вузах // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2022. № 1 (34). С. 117-121.
9. Рахимов Т.Р. Особенности организации обучения иностранных студентов в российском вузе и направление его развития // Язык и культура. 2010. № 4. С. 123-136.
10. Павловская И.Г. Социокультурная адаптация иностранных студентов в поликультурных группах // Материалы XXII Международной научно-практической конференции «Технологии обучения русскому языку как иностранному и диагностика речевого развития». Минск, 2023. С. 267-270.
11. Апасова М.В., Кулагин И.Ю., Апасова Е.В. Условия адаптации иностранных студентов в вузах // Электронный журнал «Современная зарубежная психология». 2020. Т. 9. № 4. С. 129-137.
12. Джантеев Р.Т. Адаптация студентов первокурсников к образовательной среде // Наука в Мегалополисе. Электронный журнал. 2023. № 1 (46). // URL: <https://mgpu-media.ru/issues/issue-46/izmenity-potop/adaptatsiya-studentov-pervokursnikov-k-obrazovatelnoj-srede.html>.
13. Смирнова А.Н. Трудности подготовки иностранных курсантов к обучению в российском военном вузе и пути их преодоления // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 2. № 4. С. 84-88.
14. Пахомов В.И., Алдошина Е.А., Мысишин И.С., Бухтояров И.И. Адаптация иностранных слушателей в образовательных организациях МВД России посредством занятий физической подготовкой и спортом // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2021. Вып. 8. С. 33-44.
15. Савицкая И.Г. Особенности обучения иностранных слушателей-юристов в вузах МВД России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2019. № 4. С. 67-70.

REFERENCES

1. Guseyn-zade R.G., Derevyanchenko A.A. Inostrannyye studenty v rossiyskikh vuzakh // Znaniye. Ponimaniye. Umeniye. 2021. № 1. S. 139-155.
2. Vishnevskaya M.N. Osobennosti adaptatsii inostrannykh studentov k protsessu obucheniya v rossiyskom vuze // Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya, 2020. № 2. T. 8.
3. Krivtsova I.O. Sotsiokul'turnaya adaptatsiya inostrannykh studentov k obrazovatel'noy srede rossiyskogo vuza (na primere Voronezhskoy gosudarstvennoy meditsinskoy akademii im. N.N. Burdenko) // Fundamental'nyye issledovaniya. 2011. № 8 (ch. 2). S. 284-288.
4. Yekimov V.I., Orlova Ye.A. Obrazovatel'naya sreda kadetskogo korpusa kak faktor formirovaniya suverennosti psikhologicheskogo prostranstva lichnosti vospitannikov-yunoshey // Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2016. Vyp. 3 (31). S. 33-36.

5. Maksimchuk Ye.D. Osobennosti mezhkul'turnoy adaptatsii inostrannykh studentov i obosnovaniye vybora metodik dlya yeye issledovaniya // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Psikhologiya». 2014. T. 7. № 1. S. 34-40.

6. Trotsuk I.V., Vitkovskaya M.I. Adaptatsiya inostrannykh studentov k usloviyam zhizni i ucheby v Rossii (na primere RUDN) // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya. 2004. № 1 (6). S. 169-181.

7. Ivanov G.P., Shirokov N.N., Logvinova O.K. Inostranny student v rossiyskom vuze: Monografiya. M., 2022. 138 s.

8. Aybazova M.Yu. Sotsiokul'turnaya adaptatsiya inostrannykh studentov k usloviyam obucheniya v rossiyskikh vuzakh // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya. 2022. № 1 (34). S. 117-121.

9. Rakhimov T.R. Osobennosti organizatsii obucheniya inostrannykh studentov v rossiyskom vuze i napravleniye yego razvitiya // Yazyk i kul'tura. 2010. № 4. S. 123-136.

10. Pavlovskaya I.G. Sotsiokul'turnaya adaptatsiya inostrannykh studentov v polikul'turnykh gruppakh // Materialy XXII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Tekhnologii obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu i diagnostika rechevogo razvitiya». Minsk, 2023. S. 267-270.

11. Apasova M.V., Kulagin I.Yu., Apasova Ye.V. Usloviya adaptatsii inostrannykh studentov v vuzakh // Elektronnyy zhurnal «Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya». 2020. T. 9. № 4. S. 129-137.

12. Dzhanteyev R.T. Adaptatsiya studentov pervokursnikov k obrazovatel'noy srede // Nauka v Megapolise. Elektronnyy zhurnal. 2023. № 1 (46). // URL: <https://mgpu-media.ru/issues/issue-46/izmenity-potop/adaptatsiya-studentov-pervokursnikov-k-obrazovatelnoj-srede.html>.

13. Smirnova A.N. Trudnosti podgotovki inostrannykh kursantov k obucheniyu v rossiyskom voyennom vuze i puti ikh preodoleniya // Yaroslavskiy pedagogicheskij vestnik. 2014. T. 2. № 4. S. 84-88.

14. Pakhomov V.I., Aldoshina Ye.A., Mysishin I.S., Bukhtoyarov I.I. Adaptatsiya inostrannykh slushateley v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii posredstvom zanyatiy fizicheskoy podgotovkoy i sportom // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Fizicheskaya kul'tura. Sport. 2021. Vyp. 8. S. 33-44.

15. Savitskaya I.G. Osobennosti obucheniya inostrannykh slushateley-yuristov v vuzakh MVD Rossii // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya. 2019. № 4. S. 67-70.

© Джантеев Т.Х., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Джантеев Т.Х. Социокультурная адаптация иностранных слушателей в образовательных организациях МВД России (на примере Академии управления МВД России) // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3 (77). С. 156-162.

Антон Викторович КАЛАШНИКОВ,
ORCID 0009-0000-1857-6161
Управление МВД России по г. Петропавловску-
Камчатскому (г. Петропавловск-Камчатский)
старший оперуполномоченный отдела экономической
безопасности и противодействия коррупции
kalasnikov.89@mail.ru

Антон Сергеевич ГРИЧАНОВ,
кандидат педагогических наук, доцент, ORCID 0009-0007-0557-0124
Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников
МВД России (г. Домодедово, Московская область)
преподаватель кафедры тактико-специальной
подготовки и оперативного планирования
g-ton@mail.ru

Научная статья
УДК 796.015.68(377.3:351.74)

ФИЗИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВЛЕННОСТЬ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ, ПРОХОДЯЩИХ ПЕРВОНАЧАЛЬНУЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ПОДГОТОВКУ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Сотрудник полиции, первоначальная профессиональная подготовка, образовательная организация МВД России, физическая подготовка, физическая подготовленность, физические качества.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Исследование, проведенное авторами статьи, было ориентировано на анализ имеющейся актуальной информации о физической подготовленности сотрудников полиции, проходящих первоначальную профессиональную подготовку в образовательных организациях МВД России. Вместе с тем стояла задача конкретизировать понятие физической подготовленности, определить ее основные компоненты. В рамках исследования рассматривались и уточнялись оценочные средства, позволяющие определять уровень физической подготовленности сотрудника полиции, выявлять физическое состояние обучающихся на начальном и конечном этапах обучения. **Методы.** В проведенном исследовании наравне с анализом научно-методической литературы, рабочих программ по физической подготовке и собственного педагогического опыта был использован метод тестирования. Данные, полученные с помощью тестирования, помогли решить вопрос о динамике изменений физической подготовленности сотрудников полиции, проходящих первоначальную профессиональную подготовку в образовательной организации МВД России. **Результаты.** Традиционно выдвигаемая гипотеза о том, что в ходе первоначальной профессиональной подготовки физическая форма обучающихся улучшается, не подтвердилась в полной мере. Ряд показателей говорит о некотором ухудшении фактической физической подготовленности обучающихся. Итоги исследовательской работы позволили сформулировать практические рекомендации для сотрудников полиции по реализации концепции самостоятельных занятий физической подготовкой, а также для разработчиков основных программ профессионального обучения в части, касающейся объема и направленности физических упражнений.

ВВЕДЕНИЕ

Современные реалии развития общества диктуют новые правила жизни, в результате чего повышается уровень гиподинамии, инертности и апатии, ослабевает стремление к поддержанию здорового образа жизни. Влияние

этих факторов отражается на физической подготовленности сотрудников полиции. Ряд исследователей подчеркивают тот факт, что на начальном этапе прохождения службы многие сотрудники полиции демонстрируют высокие показатели физической и тактико-специальной подготовлен-

Anton V. KALASHNIKOV,

ORCID 0009-0000-1857-6161

Department of the Ministry of the Interior of Russia for the city of Petropavlovsk-Kamchatsky (Petropavlovsk-Kamchatsky, Russia)
Senior Operative Officer of the Department of Economic Security and Anti-Corruption
kalasnikov.89@mail.ru

Anton S. GRICHANOV,

Cand. Sci. (Pedagogics), Associate Professor, ORCID 0009-0007-0557-0124

All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of the Interior of Russia (Domodedovo, Moscow Region, Russia)

Lecturer at the Department of Tactical and Special Training and Operational Planning
g-ton@mail.ru

PHYSICAL FITNESS OF POLICE OFFICERS UNDERGOING INITIAL PROFESSIONAL TRAINING IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

KEYWORDS. Police officer, initial professional training, educational organization, Ministry of the Interior of Russia, physical training, physical fitness, physical qualities.

ANNOTATION. Introduction. The study conducted by the authors of the article was focused on the analysis of the available up-to-date information on the physical fitness of police officers undergoing initial professional training in educational institutions of the Ministry of the Interior of Russia. At the same time, the task was to concretize the concept of physical fitness and determine its main components. The study considered and clarified the assessment tools that allow determining the level of physical fitness of a police officer, identifying the physical condition of students at the initial and final stages of training. **Methods.** In the study, along with the analysis of scientific and methodological literature, working programs on physical training and our own pedagogical experience, the testing method was used. The data obtained through testing helped to resolve the issue of the dynamics of changes in the physical fitness of police officers undergoing initial professional training in an educational institution of the Ministry of the Interior of Russia. **Results.** The traditionally put forward hypothesis that the physical fitness of students improves during initial professional training was not fully confirmed. A number of indicators indicate some deterioration in the actual physical fitness of students. The results of the research work made it possible to formulate practical recommendations for police officers on the implementation of the concept of independent physical training, as well as for developers of basic professional training programs in terms of the volume and focus of physical exercises.

ности [1, с. 104; 2, с. 119]. Со временем же эти показатели неуклонно снижаются. У данного явления несколько причин. Ненормированный рабочий день, особые условия несения службы, психофизические перегрузки, увлечение компьютерными играми и просмотром видеоконтента в Интернете: эти обстоятельства приводят к формированию пассивного и малоподвижного образа жизни. Вместе с тем уменьшение количества часов, выделяемых на проведение практических занятий и контрольные проверки физической подготовленности личного состава полиции, по мнению М.А. Зеренинова, обуславливает «...отсутствие уверенных навыков владения сотрудниками огнестрельным оружием, боевыми приемами борьбы, а также наличие слабых результатов по общефизической подготовке» [3, с. 55].

По-прежнему остается актуальным вопрос о возможностях контроля за совершенствованием физической подготовленности сотрудников полиции [4]. Как отмечают Е.Р. Шатная и В.И. Пахомов, «самостоятельные и систематические практические групповые занятия способствуют лучшему усвоению новых двигательных действий, ускоряют процесс физического совершенствования и являются одним из основных способов внедрения физической культуры и спорта в жизнь сотрудни-

ков ОВД» [5, с. 171]. Хорошая физическая подготовка создает потенциальные возможности для дальнейшего повышения профессионального уровня сотрудника полиции, что подразумевает уменьшение затрат времени на освоение новых двигательных действий и тактических элементов, повышение прочности и стабильности имеющихся физических навыков, сохранение повышенной работоспособности в ходе выполнения служебных обязанностей в условиях ненормированного рабочего дня.

В настоящее время кандидаты на поступление на службу в органы внутренних дел проходят стажировку сроком от трех до шести месяцев. После этого они могут быть направлены для прохождения первоначальной профессиональной подготовки в образовательные организации высшего образования МВД России, образовательные организации дополнительного профессионального образования МВД России или центры профессиональной подготовки территориальных органов МВД России. Данная категория сотрудников полиции на первоначальном этапе прохождения службы не имеет полноценной возможности регулярно заниматься физической подготовкой и ограничивается только прохождением обязательных итоговых проверок физической формы, которые проводятся по окончанию обучения.

В связи с этим целью исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, стало получение информации об изменении параметров физической подготовленности сотрудников полиции за время их первоначальной профессиональной подготовки. Исследование проводилось во Всероссийском институте повышения квалификации сотрудников МВД России, являющемся ведущей образовательной организацией дополнительного профессионального образования в системе МВД России. В рамках исследования было осуществлено измерение основных показателей физической подготовленности сотрудников полиции до начала и после окончания шестимесячного обучения. Получение таких данных необходимо для корректировки действующей основной образовательной программы первоначальной профессиональной подготовки, совершенствования используемых в рамках такой подготовки методик и сбора актуальной информации, касающейся организации физической подготовки сотрудников полиции на начальном этапе обучения.

Образовательный процесс в ВИПК МВД России предполагает реализацию комплексного подхода к выполнению организационно-методических мероприятий. Одним из основных направлений деятельности является работа по формированию профессионально-прикладной физической культуры. При этом следует выделить ряд научно-практических проблем, касающихся выбора оценочных средств, которые позволили бы определить уровень физической подготовленности сотрудника полиции и его влияние на результаты служебно-профессиональной деятельности. Следует отметить, что методы контроля физической подготовки обучающихся в образовательных организациях МВД России не в полной мере соответствуют своему назначению, поскольку сориентированы в основном на «среднего» обучающегося. В.С. Макеева указывает на то, что «в пределах одного возрастного периода наблюдаются значительные различия в темпах физического развития, уровне биологического созревания. Это существенно влияет на проявление двигательных способностей и качество освоения двигательных действий» [6, с. 43]. Поэтому в ходе проведения исследования нами изучались такие показатели, как длина тела, объем талии, вес, частота сердечных сокращений в состоянии покоя, гибкость, сила мышц брюшного пресса, индекс массы тела (ИМТ), артериальное давление (диастолическое и систолическое) и максимальное потребление кислорода (МПК).

Профессия сотрудника полиции предполагает постоянное поддержание физической формы, что является неотъемлемой частью исполнения должностных обязанностей. При этом специфика полицейской работы такова, что регулярное влияние стресса, нахождение в психологическом и физическом напряжении приводят к увеличению риска возникновения диабета, артрита, язвы желудка, сердечно-сосудистых заболеваний [7, 8]. Кроме того, из-за недостаточной физической подготовленности и несоблюдения правил ведения здорового образа жизни у полицейских проявля-

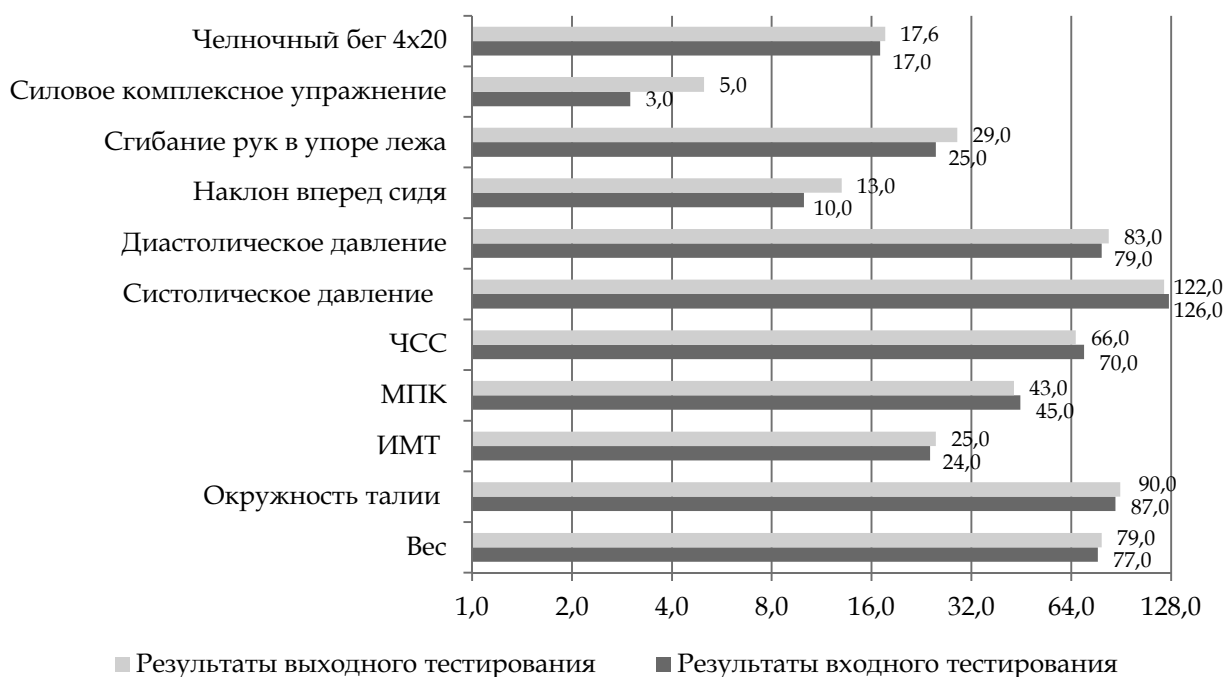
ется склонность к ожирению [9]. Из-за опасности развития перечисленных заболеваний сотрудники органов внутренних дел подвергаются более высокому риску преждевременной смерти. З.Ю. Калмыков утверждает, что для поддержания физической формы полицейским необходимо регулярно тренироваться, используя разнообразные физические упражнения. Вместе с тем он отмечает, что следует «учитывать индивидуальные особенности каждого сотрудника и его профессиональные потребности при разработке программы физической подготовки» [10, с. 177]. С этим мнением нельзя не согласиться.

Как подчеркивает М. де Лоэс, важным элементом работы по контролю физической формы сотрудников полиции является регулярное функциональное тестирование. Понимание функциональных возможностей организма может помочь в совершенствовании программ физической подготовки сотрудников, а также программ тренировок для определенных их категорий [11]. Ряд исследований, проведенных с участием обучающихся в образовательных организациях и действующих полицейских, выявили факты значительного увеличения массы тела сотрудников полиции обоих полов [12, с. 2638]. Вместе с тем в этих исследованиях обращается внимание на то, что объективный контроль показателей физической активности и подготовленности помогает рассчитать рекомендуемый для полицейских уровень такой активности. С помощью технических устройств можно также определить продолжительность, интенсивность и структуру тренировок [13, с. 1061].

Следует напомнить, что термин «физическая активность» не является синонимом термина «физическая подготовка», что особенно важно в контексте профессиональной подготовки сотрудников полиции. Ежедневная физическая активность не может заменить полноценной физической подготовки, соответствующей их должностным обязанностям. Понятие физической подготовленности требует достижения определенного уровня развития основных физических качеств сотрудника, позволяющих ему эффективно осуществлять свою оперативно-служебную деятельность. В отличие от физической активности физическую подготовленность можно измерить с помощью объективных параметров. К их числу относятся кардиореспираторная выносливость, сила, гибкость и ловкость. Кроме того, при оценке физической подготовленности сотрудников оперативных служб полиции используются дополнительные параметры: быстрота движений, скорость реакции, координация и равновесие. Все эти параметры учитывались нами в ходе проведения оценочных мероприятий в рамках исследования.

Поскольку далеко не все сотрудники служб и подразделений МВД России понимают разницу между физической активностью и физической подготовленностью, а также осознают необходимость регулярных тренировок для поддержания своей физической формы, разработка и корректировка педагогического обеспечения процесса первоначальной профессиональной подготовки обучающихся образовательных организаций МВД

Средние показатели входного и выходного тестирования

России представляется актуальным и перспективным направлением научных исследований.

МЕТОДЫ

Наравне с анализом научно-методической литературы, рабочих программ по физической подготовке и собственного педагогического опыта для проведения нашего исследования были использованы следующие методы: первоначальное тестирование (входной контроль) и итоговое тестирование (выходной контроль) физического состояния полицейских, обучающихся по основной программе профессионального обучения «Профессиональная подготовка сотрудников подразделений специальных технических мероприятий, впервые принятых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации». Тестирование осуществлялось в целях сбора информации о физическом состоянии обучающихся для сравнения результатов, полученных до начала обучения и после его окончания.

В исследовании приняли участие 50 сотрудников полиции (только мужчины). Их средний возраст составил 24 года (± 2 года). Все они проходили первоначальное обучение в ВИПК МВД России. Выбор контрольных упражнений был обусловлен их широкой апробацией учеными и рекомендацией к использованию в Приказе МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации». Исследование проводилось в тесном взаимодействии с представителями кафедры огневой и физической подготовки, а также медицинской части, предоставившей приборы для проведения измерений. Всё оборудование (механический ростомер «MSF 200», весы медицинские «ВЭМ-150-Масса-К (А3)», автоматический тонометр «MediTech MT-30», биоимпедансный

анализатор «Диамант АИСТ-мини», секундомеры «Интеграл С-01») предварительно было откалибровано и апробировано. Организация входного и выходного тестирования предполагала проведение измерений длины тела, веса тела, окружности талии, артериального давления, частоты сердечных сокращений в состоянии покоя, гибкости (тест «Наклон вперед сидя»), мышечной силы (тест «Сгибание рук в упоре лежа»), мышечной выносливости (тест «Силовое комплексное упражнение»), кардиореспираторной выносливости (тест «Ускоренное передвижение: челночный бег 4 x 20 м»). В связи с тем, что порядок выполнения ряда упражнений, входивших в тестирование, мог повлиять на некоторые физиологические показатели, испытуемых просили находиться в состоянии покоя не менее 5 минут перед измерением артериального давления и частоты сердечных сокращений. Исследование кардиореспираторной выносливости, требующее проявления испытуемым максимальных усилий, согласно плану организации тестирования, проводилось на заключительном его этапе.

РЕЗУЛЬТАТЫ

С целью обеспечения наглядности все результаты, полученные при входном и выходном тестировании, усредненные для удобства осуществления их дальнейшего анализа, представлены в таблице 1.

По итогам изучения результатов тестирования появилась возможность сделать ряд выводов. Все показатели за время проведения исследования претерпели изменения. Динамика показателей веса, объема талии, ИМТ, МПК не в полной мере отразила улучшение физической формы или физического состояния испытуемых. Средний показатель веса поднялся с 77 до 79 кг. С изменением веса связано незначительное увеличение

окружности талии – с 87 до 90 см. Это, в частности, повлекло за собой рост ИМТ, среднее значение которого увеличились с 24 до 25 кг/м².

Измерение показателя МПК, характеризующего кардиореспираторную выносливость, позволило количественно оценить функциональные возможности сердечно-сосудистой системы участвовавших в исследовании сотрудников полиции. Средний показатель МПК снизился с 45 до 43 мл/кг/мин. На начальном этапе исследования средние величины данного показателя были невысокими. Выявленная динамика подтвердила предположение о снижении уровня кардиореспираторной выносливости испытуемых за время шестимесячного обучения. Об этом же свидетельствуют результаты челночного бега 4 x 20 м. Исходя из того, что на итоговом тестировании результаты оказались хуже, можно сделать выводы о снижении уровня кардиореспираторной выносливости.

Следует отметить небольшое повышение средних показателей диастолического давления – с 79 до 83 мм рт.ст. К числу значительных изменений можно отнести снижение показателей систолического артериального давления (со 126 до 122 мм рт.ст.), частоты сердечных сокращений в состоянии покоя (с 70 до 66 уд/мин), а также улучшение показателей гибкости (с +10 до +13 см). Также в лучшую сторону изменились показатели локальной мышечной силы и выносливости испытуемых. На это указывают и результаты упражнения «сгибание рук в упоре лежа», а также силового комплексного упражнения. Показатели возросли на 4 и 2 пункта соответственно. Средний показатель длины тела испытуемых составил 175 см (±2 см). Результаты измерения длины тела не вошли в представленную таблицу по причине недостоверности зафиксированных изменений.

ОБСУЖДЕНИЕ

Совершенствование физической подготовки в ходе первоначального профессионального обучения сотрудников полиции имеет очень большое значение, поскольку у них отсутствует мотивация к самостоятельным тренировкам [14, с. 45]. Полученные нами в ходе исследования результаты позволили оценить степень физической подготовленности обучающихся в идеальных условиях образовательной организации МВД России.

Анализ результатов демонстрирует разнонаправленность выявленной динамики показателей. С одной стороны, локальная работа на занятиях по физической, огневой и тактико-специальной подготовке оказала позитивное влияние на гибкость, мышечную силу и выносливость испытуемых. Однако, с другой стороны, увеличился вес, повысилась нагрузка, немного увеличился ИМТ. Причины такой динамики видятся в том, что весь день обучающиеся проводят в учебных аудиториях, а большую часть свободного времени тратят на малоподвижные виды отдыха, возможности активно заниматься физической подготовкой у них нет. Отсутствие легкоатлетической подготовки негативно сказалось на показателях МПК, и уровень кардиореспираторной выносливости снизился. Вместе с тем для сотрудников полиции

этот критерий оценки физической подготовленности является одним из ключевых.

Реалии оперативно-служебной деятельности требуют от полицейских проявления высокой работоспособности, которая во многом определяется как психологической, так и физической выносливостью [15]. Недостаток выносливости отражается на эффективности оперативно-служебной деятельности. Плохая физическая форма и слабая физическая подготовленность повышают риск получения травм, снижают способность к самозащите в экстремальных условиях. Проведенное нами исследование подтвердило необходимость уделять в ходе образовательного процесса повышенное внимание развитию кардиореспираторной выносливости обучающихся. На занятиях по физической подготовке следует больше времени затрачивать на легкоатлетические циклические упражнения, выполнение аэробных упражнений умеренной мощности, что позволит в течение шестимесячного курса повысить функциональные возможности кардиореспираторной системы организма.

Исследование проводилось в группах, состоявших только из мужчин. Изучение средних результатов физической подготовленности женщин, проходящих службу в полиции, является задачей следующего этапа исследования. По его завершении появится возможность сравнить некоторые показатели, характеризующие физическую подготовленность полицейских-мужчин и полицейских-женщин. Некоторые ученые обращают внимание на тот факт, что показатели физической подготовленности у женщин снижаются быстрее, чем у мужчин. Несмотря на это, женщины не принимают достаточно активного участия в самостоятельной физической подготовке, по сравнению с мужчинами в меньшей степени стремятся соответствовать утвержденным нормативам [16].

Невысокие показатели физической подготовленности обучающихся создают опасность возникновения серьезных проблем в будущей профессиональной деятельности. В частности, могут возникнуть риски, связанные с обеспечением сотрудниками полиции своей личной безопасности, может снизиться эффективность их взаимодействия с другими людьми. Считаем, что для решения проблемы требуется увеличить количество систематических занятий физической подготовкой во всех подразделениях органов внутренних дел. Кроме того, важно создать условия для физических занятий в свободное от работы время. Особое внимание следует обратить на основные виды упражнений, способствующих улучшению показателей физической подготовленности, а именно:

- кардиореспираторной выносливости (циклические упражнения на основе бега, плавание, различные виды фитнес-тренировки, степ-аэробика);
- мышечной выносливости и силы (комплекс упражнений, включающих сгибание рук в упоре лежа, подтягивания на перекладинах, приседания, толчок и махи гирей и др.);

- гибкости (этот показатель помогают улучшить различные популярные тренировочные практики: стретчинг, йога, пилатес и т.п.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного нами исследования была получена информация, касающаяся изменения параметров физической подготовленности сотрудников полиции за время их шестимесячной первоначальной профессиональной подготовки. Эта информация может быть использована как ориентир в процессе дальнейшего совершенствования учебных планов по физической подготовке обучающихся данной категории. Существует объективная необходимость всестороннего изучения процесса физической подготовки обучающихся

различных категорий с повторным наблюдением и повторными измерениями всех важных показателей, определения влияния гендерных различий на уровень подготовки, а также увеличения продолжительности исследования с шести месяцев до двух лет. Результаты входного и выходного тестирования, полученные в рамках нашего исследования, дают возможность уточнения нормативов по физической подготовке для рассматриваемой категории сотрудников полиции. Выявленные проблемы, связанные с набором обучающимися веса, их невысокой физической активностью и отсутствием достаточной мотивации к развитию своей физической подготовленности, могут быть предметом для дальнейших исследований. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Евтушенко А.А., Силантьев В.В. Место физической подготовки сотрудников органов внутренних дел в профессиональной деятельности // Научный компонент. 2022. № 1 (13). С. 103-113.
2. Карданов А.К. Значение физической подготовки в профессиональной деятельности современного полицейского // Теория и практика общественного развития. 2014. № 14. С. 118-120.
3. Зеренинов М.А. Современное состояние организации начальником территориального органа МВД России на региональном уровне физической подготовки (на примере УГ МВД России по ПФО) // Проблемы правоохранительной деятельности. 2022. № 2. С. 53-57.
4. Савчук Н.А. Физическая подготовка как элемент профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел // Наука-2020. 2022. № 4 (58). С. 113-120.
5. Шатная Е.Р., Пахомов В.И. Роль физической подготовки и спорта в формировании профессионально значимых качеств сотрудников органов внутренних дел // Наука-2020. 2021. № 9 (54). С. 158-173.
6. Макеева В.С., Баркалов С.Н., Алдошин А.В., Алдошина Е.А. Требования к оценке в соответствии с целями деятельности курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. № 6. С. 42-52.
7. Шогенов А.Г., Эльгаров А.А., Муртазов А.М. Кардиоваскулярные заболевания среди сотрудников органов внутренних дел: частота, профессиональная работоспособность // Вестник современной клинической медицины. 2016. Т. 9. № 6. С. 99-103.
8. Эльгаров А.А., Шогенов А.Г., Макитова М.П., Муртазов А.М. Сахарный диабет у полицейских: эпидемиология, особенности клиники и профессиональная работоспособность // Медицинский вестник МВД. 2017. № 3 (88). С. 29-36.
9. Ишкинеев Ф.И., Ишкинеева Ф.Ф., Савельева Ж.В., Хусаинова Л.К. Распространенность диагноза «ожирение» среди сотрудников правоохранительных органов // Вестник современной клинической медицины. 2022. Т. 15. № 5. С. 32-37.
10. Калмыков З.Ю., Цой Б.А. Роль физической подготовки сотрудников органов внутренних дел при выполнении оперативно-служебных задач // Право и управление. 2023. № 9. С. 175-178.
11. de Loës M., Jansson B. Work-Related Acute Injuries from Mandatory Fitness Training in the Swedish Police Force // International Journal of Sports Medicine. 2002. № 23. P. 212-217.
12. Orr R.M., Dawes J.J., Pope R., Terry J. Assessing Differences in Anthropometric and Fitness Characteristics Between Police Academy Cadets and Incumbent Officers // Journal of Strength and Conditioning Research. 2018. № 32 (9). P. 2632-2641.
13. Massuça L.M., Santos V., Monteiro L.F. Identifying the Physical Fitness and Health Evaluations for Police Officers: Brief Systematic Review with an Emphasis on the Portuguese Research // Biology (Basel). 2022. № 11 (7). P. 1061.
14. Гричанов А.С., Ковалёв Т.В. Влияние амотивации курсантов образовательных организаций МВД России на занятия физической подготовкой // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Педагогические и психологические науки. 2023. № 55 (74). С. 45-51.
15. Полевщиков М.М., Роженцов В.В., Шабрукова Н.П., Палагин Ю.С. Количественная оценка уровня развития физической выносливости // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование, здравоохранение, физическая культура. 2010. № 6 (182). С. 119-122.
16. Shephard R. Exercise and Training in Women, Part I: Influence of Gender on Exercise and Training Responses // Canadian journal of applied physiology. 2000. № 25 (1). P. 19-34.

REFERENCES

1. Yevtushenko A.A., Silant'yev V.V. Mesto fizicheskoy podgotovki sotrudnikov organov vnutrennikh del v professional'noy deyatel'nosti // Nauchnyy komponent. 2022. № 1 (13). S. 103-113.
2. Kardanov A.K. Znachenije fizicheskoy podgotovki v professional'noy deyatel'nosti sovremennogo politseyskogo // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2014. № 14. S. 118-120.

3. Zereninov M.A. Sovremennoye sostoyaniye organizatsii nachal'nikom territorial'nogo organa MVD Rossii na regional'nom urovne fizicheskoy podgotovki (na primere UT MVD Rossii po PFO) // Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti. 2022. № 2. S. 53-57.
4. Savchuk N.A. Fizicheskaya podgotovka kak element professional'noy podgotovki sotrudnikov organov vnutrennikh del // Nauka-2020. 2022. № 4 (58). S. 113-120.
5. Shatnaya Ye.R., Pakhomov V.I. Rol' fizicheskoy podgotovki i sporta v formirovanii professional'no znachimykh kachestv sotrudnikov organov vnutrennikh del // Nauka-2020. 2021. № 9 (54). S. 158-173.
6. Makeyeva V.S., Barkalov S.N., Aldoshin A.V., Aldoshina Ye.A. Trebovaniya k otsenke v sootvetstvii s tselyami deyatel'nosti kursantov i slushateley obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Fizicheskaya kul'tura. Sport. № 6. S. 42-52.
7. Shogenov A.G., El'garov A.A., Murtazov A.M. Kardiovaskulyarnyye zabolevaniya sredi sotrudnikov organov vnutrennikh del: chastota, professional'naya rabotosposobnost' // Vestnik sovremennoy klinicheskoy meditsiny. 2016. T. 9. № 6. S. 99-103.
8. El'garov A.A., Shogenov A.G., Makitova M.P., Murtazov A.M. Sakharnyy diabet u politseyskikh: epidemiologiya, osobennosti kliniki i professional'naya rabotosposobnost' // Meditsinskiy vestnik MVD. 2017. № 3 (88). S. 29-36.
9. Ishkineyev F.I., Ishkineyeva F.F., Savel'yeva Zh.V., Khusainova L.K. Rasprostranennost' diagnoza «ozhireniye» sredi sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov // Vestnik sovremennoy klinicheskoy meditsiny. 2022. T. 15. № 5. S. 32-37.
10. Kalmykov Z.Yu., Tsoy B.A. Rol' fizicheskoy podgotovki sotrudnikov organov vnutrennikh del pri vypolnenii operativno-služhebnykh zadach // Pravo i upravleniye. 2023. № 9. S. 175-178.
11. de Loës M., Jansson B. Work-Related Acute Injuries from Mandatory Fitness Training in the Swedish Police Force // International Journal of Sports Medicine. 2002. № 23. P. 212-217.
12. Orr R.M., Dawes J.J., Pope R., Terry J. Assessing Differences in Anthropometric and Fitness Characteristics Between Police Academy Cadets and Incumbent Officers // Journal of Strength and Conditioning Research. 2018. № 32 (9). P. 2632-2641.
13. Massaça L.M., Santos V., Monteiro L.F. Identifying the Physical Fitness and Health Evaluations for Police Officers: Brief Systematic Review with an Emphasis on the Portuguese Research // Biology (Basel). 2022. № 11 (7). P. 1061.
14. Grichanov A.S., Kovalov T.V. Vliyaniye amotivatsii kursantov obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii na zanyatiya fizicheskoy podgotovkoy // Vestnik Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Aleksandra Grigor'yevicha i Nikolaya Grigor'yevicha Stoletovykh. Seriya: Pedagogicheskiye i psikhologicheskiye nauki. 2023. № 55 (74). S. 45-51.
15. Polevshchikov M.M., Rozhentsov V.V., Shabrukova N.P., Palagin YU.S. Kolichestvennaya otsenka urovnya razvitiya fizicheskoy vynoslivosti // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obrazovaniye, zdravookhraneniye, fizicheskaya kul'tura. 2010. № 6 (182). S. 119-122.
16. Shephard R. Exercise and Training in Women, Part I: Influence of Gender on Exercise and Training Responses // Canadian journal of applied physiology. 2000. № 25 (1). P. 19-34.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Калашников А.В., Гричанов А.С., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Калашников А.В., Гричанов А.С. Физическая подготовленность сотрудников полиции, проходящих первоначальную профессиональную подготовку в образовательных организациях МВД России // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3 (77). С. 163-169.

Алексей Витальевич ПОЛЯКОВ,
кандидат педагогических наук, ORCID 0009-0009-5680-989X
Калининградский филиал Санкт-Петербургского
университета МВД России (г. Калининград)
старший преподаватель кафедры оперативно-
разыскной деятельности органов внутренних дел
alexpolyakov1503@mail.ru

Научная статья
УДК 378.1:351.74

КУЛЬТУРА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ КАК ОСНОВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Культура профессионального прогнозирования, прогностические умения, прогнозирование, профессиональное мастерство, компетенция, компетентность, специалист.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В современных условиях развития государства требуется его надежная защита как от внутренних, так и от внешних угроз. Для этого, в частности, необходима подготовка высококвалифицированных сотрудников для органов внутренних дел. Они должны быть способными эффективно решать задачи в области охраны общественного порядка, готовыми к непрерывному профессиональному развитию, самосовершенствованию. Об этом говорится и в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Такому специалисту необходимо уметь прогнозировать развитие событий, поведение лиц, представляющих оперативный интерес, а также предвидеть результат своей деятельности. Вместе с тем он должен уметь на основе выработанного прогноза находить в целях разрешения стоящих перед органами внутренних дел задач по борьбе с преступностью наиболее оптимальные решения. Названные умения являются элементами такой компетенции, как профессиональное прогнозирование. В связи с этим формирование культуры профессионального прогнозирования является одной из основных задач системы профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел. **Методы.** В исследовании применялся общенаучный диалектический метод познания окружающей действительности. Кроме того, был использован метод описания. Методы логического осмысления, анализа, классификации и обобщения позволили систематизировать установленные нами факты и дать им толкование. **Результаты.** По мнению автора статьи, культура профессионального прогнозирования представляет собой составную часть профессиональной культуры сотрудников органов внутренних дел. Сущность профессионального прогнозирования заключается в установлении вероятности какого-либо события, явления в будущем и в оценке обоснованности принятия предлагаемого в связи с этим решения. Культура профессионального прогнозирования предоставляет возможности для самореализации субъекта в процессе осуществления профессиональной деятельности, объединяя систему ценностей, профессиональных ориентаций и значимых качеств личности. В состав культуры профессионального прогнозирования входят мотивационный, деятельностный и мыслительный компоненты, каждый из которых представлен соответствующими прогностическими умениями, образующими единое целое и способствующими развитию профессионального мастерства сотрудника органов внутренних дел.

ВВЕДЕНИЕ

Модернизация системы профессионального образования в системе МВД России предусматривает необходимость применения разносторонних подходов к развитию личности сотрудника органов внутренних дел (далее – ОВД). В числе многих значимых свойств сотруд-

ника ОВД следует отметить такие, как: ответственность за осуществляемую деятельность, способность выработки и принятия соответствующих требованиям закона и сложившейся обстановки решений, стремление к повышению собственной профессиональной культуры [1, с. 50]. Вместе с тем сотрудник ОВД должен обладать умениями

Alexey V. POLYAKOV,
Cand. Sci. (Pedagogics), ORCID 0009-0009-5680-989X
Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)
Senior Lecturer at the Department of Operational
Investigative Activities of Internal Affairs Bodies
alexpolyakov1503@mail.ru

THE CULTURE OF PROFESSIONAL FORECASTING AS A BASIS FOR PROFESSIONAL TRAINING OF EMPLOYEES OF OPERATIONAL UNITS OF INTERNAL AFFAIRS AGENCIES

KEYWORDS. Culture of professional forecasting, predictive skills, forecasting, professional mastery, competence, competency, specialist.

ANNOTATION. Introduction. In the modern conditions of development of the state, its reliable protection from both internal and external threats is required. For this, in particular, it is necessary to train highly qualified employees for the internal affairs bodies. They must be able to effectively solve problems in the field of public order protection, ready for continuous professional development and self-improvement. This is also stated in the National Security Strategy of the Russian Federation. Such a specialist must be able to predict the development of events, the behavior of persons of operational interest, and also foresee the result of his activities. At the same time, he must be able, based on the developed forecast, to find the most optimal solutions for solving the problems facing the internal affairs bodies in combating crime. The above skills are elements of such a competence as professional forecasting. In this regard, the formation of a culture of professional forecasting is one of the main tasks of the professional training system of employees of the internal affairs bodies. **Methods.** The study used the general scientific dialectical method of cognition of the surrounding reality. In addition, the description method was used. Methods of logical understanding, analysis, classification and generalization allowed us to systematize the facts we established and give them an interpretation. **Results.** According to the author of the article, the culture of professional forecasting is an integral part of the professional culture of employees of the internal affairs bodies. The essence of professional forecasting is to establish the probability of any event, phenomenon in the future and to assess the validity of making a decision proposed in this regard. The culture of professional forecasting provides opportunities for self-realization of the subject in the process of implementing professional activities, combining a system of values, professional orientations and significant personal qualities. The culture of professional forecasting includes motivational, activity and thinking components, each of which is represented by the corresponding prognostic skills that form a single whole and contribute to the development of professional skills of an employee of the internal affairs bodies.

прогнозировать развитие событий, связанных с его профессиональной деятельностью, поведение лиц, являющихся объектами оперативного интереса, предвидеть результат своей деятельности. Эти умения являются структурными элементами непрерывного процесса прогнозирования. При этом прогнозирование в деятельности сотрудников ОВД подразумевает наличие у них высокого уровня профессиональной культуры. В связи с этим следует уделить внимание содержанию понятия «профессиональная культура».

Термин «профессиональная культура» появился в начале XX века. Он использовался для описания специфических норм и ценностей, которые характерны для различных профессий. У истоков исследования проблемы профессиональной культуры стояли такие ученые, как О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, М. Вебер, и ряд других. Развивая их идеи, Ф. Тейлор и А. Фойль стали рассматривать профессиональную культуру как уровень профессионализма.

Основываясь на общих представлениях о профессиональной культуре, Е.И. Дудкина предложила определять ее как показатель степени

совершенства каждой сферы человеческой жизнедеятельности и самого индивида в частности. Специфика профессиональной культуры, по ее мнению, определяется тем обстоятельством, что в ней проявляется качественная сторона человеческой деятельности. При этом происходит обнаружение того, насколько такая деятельность раскрывает творческий потенциал индивида и как она соответствует установленным в обществе правилам¹.

В свою очередь, А.В. Симзяев под профессиональной культурой понимает «определенный уровень способностей, знаний, умений, навыков, необходимых для успешного выполнения специальной работы». Эта культура обуславливается высоким уровнем овладения профессией, соответствующим уровнем правовой и специальной подготовки, образованности и воспитанности [2, с. 13].

В профессиональной культуре, по мнению И.М. Моделя, проявляются и духовная, и материальная составляющие, которые характеризуют профессиональные навыки и умения обращаться с материальными средствами труда [3].

¹ Дудкина Е.И. Личностно ориентированная подготовка курсантов и слушателей в образовательных учреждениях МВД России: Учебное пособие. Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2002. 77 с.

Обобщая перечисленные точки зрения, мы предлагаем рассматривать профессиональную культуру как объединяющее качество личности и необходимое условие результативной деятельности, своеобразный маркер квалификации, отражающий уровень соответствия определенным требованиям профессиональной среды. Эта культура включает в себя профессиональное сознание, систему знаний и умений, связанных с конкретным видом деятельности и имеющих целью дальнейшее профессиональное самосовершенствование индивида. По нашему мнению, именно высокий уровень профессиональной культуры является базовым фактором, позволяющим сотрудникам ОВД осуществлять эффективное прогнозирование в рамках своей деятельности.

МЕТОДЫ

В исследовании применялся общенаучный диалектический метод познания окружающей действительности, предполагающий полное и всестороннее изучение явлений, рассмотрение связей и противоречий между ними. Кроме того, был использован метод описания, необходимый для сбора фактического материала о проблемах, возникающих в процессе подготовки сотрудников ОВД. Метод логического осмысления позволил определить понятие культуры профессионального прогнозирования и ее состав. Абстрагирование и обобщение помогли систематизировать установленные нами факты и дать им толкование.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Профессиональная культура формируется в ходе прохождения сотрудником ОВД полноценного курса профессиональной подготовки. Назначение такой подготовки состоит в том, чтобы будущий специалист правоохранительной сферы осознал сущность избранной им профессии, уяснил предъявляемые к нему требования, свои будущие функциональные обязанности, цели своей деятельности, осознал ответственность за ее результаты. В процессе обучения происходит восприятие и усвоение важных профессиональных качеств сотрудника ОВД: рефлексивных, коммуникативных, мотивационных, интеллектуальных и др. Степень их сформированности и предопределяет его успех в служебной деятельности. Следовательно, постигание индивидом профессиональной культуры подразумевает под собой и постигание техники осуществления практической деятельности специалиста правоохранительной сферы.

Исследуя становление российской государственности, М.П. Стурова говорит о том, что формирование профессиональной культуры сотрудников правоохранительных органов олицетворяет собой общественный идеал, который отражает, чего именно общество и государство ожидают от представителей данной профессии¹.

По мнению А.В. Щеглова, профессиональная культура сотрудника правоохранительных органов, в частности органов внутренних дел, предполагает развитость профессиональных способностей, культуры действий и отношений, а также мотивацию, которая по своей сути является двигателем непрерывного развития, самосовершенствования и отражается в потребности в профессиональном информационном взаимодействии и его желании².

Изучая развитие профессионально-нравственной культуры сотрудников полиции, Д.В. Деккерт подчеркивает, что ее формирование является динамичным и непрерывным процессом, в основе которого находятся обучение и воспитание, а дальнейшее развитие профессиональной культуры происходит в рамках осуществления профессиональной деятельности [4, с. 56].

Как отмечает С.Н. Макарова, для того чтобы гарантировать достаточно высокий уровень профессионализма, требуется культурная основа профессиональной деятельности, то есть сочетание необходимых для осуществления профессиональной деятельности знаний, умений, навыков при достаточном высоком уровне нравственной культуры [5].

Ряд ученых, например А.А. Горелов, И.Д. Виноградов [6], Е.Д. Заяев [7], справедливо, по нашему мнению, отмечают, что профессионализм является одним из тех основных требований, которые предъявляются к сотруднику полиции, а его уровень определяется качеством выполнения задач, стоящих перед органами правопорядка. Не вызывает никаких сомнений, что организованная, непрерывная подготовка сотрудников полиции играет здесь чрезвычайно важную роль. От качества такой подготовки, в свою очередь, напрямую зависит профессиональное мастерство. Это обстоятельство нашло отражение и в Федеральном законе «О службе в органах внутренних дел» (далее – Закон), где указано, что подготовка сотрудников ОВД осуществляется путем обучения «в целях приобретения ими основных профессиональных знаний, умений, навыков и компетенций, необходимых для выполнения служебных обязанностей»³.

Некоторые ученые, рассматривающие вопросы профессиональной культуры, например В.Л. Виноградов, А.И. Синюк, определяют две ее составные части. Одна – праксеологическая – обуславливает взаимосвязь субъекта культуры с предметами труда, а также степень готовности субъекта к определенному виду деятельности. В нее включены такие элементы, как профессиональные знания, умения и навыки. Другой составной частью профессиональной культуры является ее ментальная сторона, отражающая состояние самосознания субъекта профессиональной культуры, нравственно-мировоззренческих и эстетических предпосылок деятельности [8, с. 42].

¹ Стурова М.П. Духовно-нравственные основы становления российской государственности: Учебное пособие. М.: Академия управления МВД России, 2014. 106 с.

² Щеглов А.В., Горохова В.В., Реуцкая Г.М. Профессиональная этика и служебный этикет: Учебное пособие для заочной формы обучения. М., 2011.

³ Федеральный закон от 30.11.2011 № 342 «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В составе профессиональной культуры В.Г. Подмарков выделяет в качестве ее компонентов «специфические для определенного вида профессионального труда знания о его содержании, задачах и требованиях к человеку и знание конкретных производственных ситуаций, организационных связей и их исполнителей» [9, с. 38].

Иной подход к данному вопросу отражен в исследовании А.Х. Чупанова. Он называет следующие составляющие профессиональной культуры: мировоззрение, которое включает в себя совокупность знаний индивида; мастерство, подразумевающее под собой комплекс умений осуществления деятельности; поведение, отражающее отношение личности к культурным и иным нормам и традициям¹.

По мнению Н.Б. Крыловой² и С.Н. Макаровой [5, с. 107], культурная основа профессиональной деятельности (нравственные убеждения, чуткое и внимательное отношение к людям, открытость, честность, сознательность, потребность в постоянном развитии) в сочетании с необходимыми для ее осуществления знаниями, умениями и навыками обеспечивают высокий уровень профессионализма.

Как совокупность знаний, умений и навыков, которые характерны для определенного вида деятельности, как набор норм, правил поведения субъекта при исполнении соответствующей деятельности определяет профессиональную культуру Т.Н. Родюкова. В структуре профессиональной культуры она отмечает две стороны: консервативную, которая обращена к прошлому и обеспечивает связь с этим прошлым, и творческую, ориентированную в будущее, на созидание новых ценностей [10].

В структуре профессиональной культуры И.А. Зимняя видит такие составляющие ее элементы, как «доктринальное ядро знаний; умение выделять профессиональную ситуацию из многообразия других; понимание и осмысление сущности и ценности получаемых знаний; умение применять всю номенклатуру средств и методов профессиональной деятельности; готовность к саморазвитию и самосовершенствованию» [11].

Исходя из перечисленных выше мнений ученых, можно сделать вывод о том, что в основе профессиональной культуры лежит сформированная профессиональная компетентность, которая содержит в себе набор необходимых знаний, умений и навыков, достаточных для выполнения определенного вида профессиональной деятельности.

Как полагает А.А. Деркач, «профессиональная компетентность – главный когнитивный компонент подсистемы профессионализма деятельности, сфера профессионального ведения, постоянно расширяющаяся система знаний, позволяющая осуществлять профессиональную деятельность с высокой продуктивностью» [12, с. 649].

Проводя исследования профессиональной деятельности сотрудников ОВД, В.В. Романов выяв-

ляет такие ее структурные компоненты, как познавательно-прогностический (когнитивный), коммуникативный, организационно-управленческий, воспитательный. Составными элементами когнитивного компонента, по его мнению, являются прогнозирование и планирование³. В свою очередь, Н.В. Булдакова справедливо указывает на то, что роль стратегической деятельности в профессиональной подготовке возрастает, и это требует соответствующего уровня культуры профессионального прогнозирования [13, с. 411].

Таким образом, есть основания говорить о том, что прогнозирование является одним из важнейших направлений профессиональной деятельности сотрудников ОВД. Оно базируется на имеющихся знаниях, собственном опыте, сформированной профессиональной компетентности, профессиональной культуре. Благодаря нарабатываемым навыкам прогнозирования сотрудники ОВД способны принимать наиболее оптимальные решения в самых сложных ситуациях, предвидеть вероятные последствия таких решений и действовать соразмерно. Прогнозирование позволяет избежать негативных последствий, обеспечив при этом безопасность как сотрудников ОВД, так и участвующих в проведении мероприятий граждан [14, с. 21]. «Выбор оптимального решения осуществляется путем моделирования и предпочтения. Предпочтение представляет собой одобрение одного или нескольких оптимальных вариантов и строится на имеющихся знаниях, опыте и субъективном понимании эффективности выбранного решения» [15, с. 14].

Следовательно, профессиональное прогнозирование представляет собой элемент профессиональной культуры. Его природа сводится к установлению вероятности какого-либо события, явления в будущем и оценке обоснованности принятия предлагаемого в связи с этим решения [16, с. 309]. Являясь элементом профессиональной культуры, профессиональное прогнозирование развивается на ее основе и обладает отчасти ее свойствами. Поэтому можно говорить о формировании культуры профессионального прогнозирования.

Мы полностью поддерживаем мнение Н.В. Булдаковой о том, что «содержание культуры профессионального прогнозирования составляют: культура прогнозирования в профессиональной деятельности и культура прогнозирования своего профессионально-личностного развития» [13]. Соглашаясь с этим, предлагаем в состав культуры профессионального прогнозирования включить мотивационный, деятельностный и мыслительный компоненты. Мотивационный компонент подразумевает под собой проявляемую активность, интерес, осознанность и значимое отношение к прогностической деятельности, стремление к наиболее качественному выполнению стоящей задачи. Деятельностный компонент можно определить как проявление умения в виде действий.

¹ Чупанов А.Х. Система формирования профессиональной культуры будущего менеджера туризма: Дис. ... докт. пед. наук. Махачкала, 2006. 306 с.

² Крылова Н.Б. Формирование культуры будущего специалиста: Учебное пособие. М.: Высшая школа, 1990. 140 с.

³ Романов В.В. Юридическая психология: Учебник. М.: Юристъ, 1999. 488 с.

К действиям мы относим такие элементы, как выдвижение различных гипотез, их анализ, моделирование, определение наступления вероятных последствий. Мыслительный компонент отвечает за наличие перспектив вынесенного прогноза, его надежность и обоснованность, за способность планирования.

Однако наличие всех перечисленных компонентов культуры профессионального прогнозирования в профессиональной деятельности сотрудника ОВД еще не гарантирует эффективности научно обоснованного предсказания развития различных ситуаций в будущем, поскольку способность к прогнозированию формируется на основе соответствующих умений индивида. Анализируя многочисленные мнения ученых относительно понятия «умение», мы приходим к выводу о том, что под умением понимается способность к осуществлению такой деятельности, которая выполняется в определенной последовательности и имеет предназначение для разрешения возникших задач.

Рассматривая прогностические умения, В.А. Сластенин и А.И. Мищенко включают в их состав определение цели, выбор средств ее достижения, установление результата и последствий, расчет временных затрат¹. Э.Ф. Зеер и Н.Н. Гордеева видят иной состав прогностических умений: анализ ситуации, определение вариантов действий, установление модели развития, контроль за ходом деятельности и результатом². О.М. Растопчина предлагает такой перечень компонентов прогностических умений: теоретико-когнитивный, деятельностно-практический, рефлексивно-профессиональный³. М.Ю. Краева считает, что в состав прогностических умений входят эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты⁴.

С учетом представленных позиций ученых мы пришли к выводу о том, что прогностические умения – это профессиональные качества индивида, находящие свое проявление в ходе его познавательной деятельности и ориентированные на изучение каких-либо событий, явлений в будущем с целью вынесения прогноза относительно их вероятного развития и принятия оптимальных решений, обеспечивающих достижение необходимого результата при решении профессиональных задач⁵.

Для определения состава прогностических умений сотрудников оперативных подразделений

ОВД следует учитывать, что в их профессиональной деятельности требуются знания о способах сбора и последующего анализа оперативно значимой информации, необходимой для решения задач оперативно-разыскной деятельности; о содействии граждан оперативным подразделениям ОВД; о ведении учетов, способствующих решению возложенных на ОВД задач; о взаимодействии подразделений в сфере раскрытия и расследования преступлений; об основах предупреждения и профилактики преступлений. Исходя из специфики профессиональной деятельности сотрудников оперативных подразделений ОВД, предлагаем определить состав их прогностических умений следующим образом: умение собирать оперативно значимую информацию, касающуюся борьбы с преступностью, и выделять из всего ее массива необходимую, способствующую решению конкретной тактической задачи; умение прогнозировать развитие событий и умение прогнозировать результаты, включающее в себя способность толкования полученных результатов, определения последствий вынесенного прогноза и при необходимости его корректировки в целях определения наиболее оптимального ожидаемого результата.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Культура профессионального прогнозирования представляет собой элемент профессиональной культуры сотрудника органов внутренних дел, а ее содержанием является установление вероятного развития какого-либо события, явления в будущем, а также последующее обоснование оптимальных решений. Кроме того, она выступает необходимым условием для качественного выполнения задач, поставленных в рамках профессиональной деятельности. В структуру культуры профессионального прогнозирования сотрудников оперативных подразделений ОВД входят мотивационный, деятельностный и мыслительный компоненты. Их успешная реализация позволяет повысить эффективность оперативно-разыскной деятельности; способствует своевременному принятию грамотных оперативных решений; помогает предварительно глубокому изучению источников информации, что дает возможность прогнозировать наступление наиболее удачного момента для установления оперативных контактов, а также развитие ситуации в результате осуществления тех или иных действий и т.д. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеева А.П., Зуева О.В., Иванов А.С., Кривошеин П.К. Мониторинг общественного мнения как способ оценки деятельности российской полиции // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 4 (35). С. 50-57.

¹ Педагогика профессионального образования: Учебное пособие / Е.П. Белозерцев [и др.]; под ред. В.А. Сластенина. М.: Академия, 2004. 368 с.

² Зеер Э.Ф., Гордеева Н.Н. Психология профессионального образования: схемы, таблицы, комментарии, упражнения. Екатеринбург: РГППУ, 2005. 341 с.

³ Растопчина О.М. Контекстный подход к формированию прогностической компетенции при обучении высшей математике студентов естественнонаучного направления: Дис. ... канд. пед. наук. М., 2019. 217 с.

⁴ Краева М.Ю. Динамика прогностических способностей у студентов-психологов в образовательном процессе вуза: Дис. ... канд. психол. наук. Астрахань, 1999. 205 с.

⁵ Поляков А.В. Формирование прогностических умений курсантов вузов МВД России средствами симуляционных игровых технологий: Дис. ... канд. пед. наук. Калининград, 2022. 202 с.

2. Симзяев А.В. Профессионально-этическая культура сотрудника ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2009. № 3 (38). С. 12-15.
3. Модель И.М. Профессиональная культура муниципального депутата: теоретико-социологический анализ. Екатеринбург: Уральский университет, 1993. 185 с.
4. Деккерт Д.В. Деонтология и этика в контексте развития профессионально-нравственной культуры сотрудников полиции // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. № 1 (20). С. 55-59.
5. Макарова С.Н. Профессиональная культура будущего специалиста: этический аспект // Управление социально-экономическими процессами в контексте развития современного общества: Материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Саратов: СГСЭУ, 2007. С. 105-109.
6. Горелов А.А., Виноградов И.Д. О подготовке курсантов образовательных организаций высшего образования системы МВД России к выполнению оперативно-служебных задач в особых условиях // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 2 (98). С. 176-186.
7. Заяев Е.Д. Наставничество в органах внутренних дел: правовое регулирование на отдельных этапах развития и пути совершенствования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 4 (100). С. 46-55.
8. Виноградов В.Л., Синюк А.И. Подготовка специалиста как человека культуры // Высшее образование в России. 2000. № 2. С. 42.
9. Подмарков В.Г. Введение в промышленную социологию: социальные проблемы социально-промышленного производства: Монография. М.: Мысль, 1973. 318 с.
10. Родюкова Т.Н. Профессиональная культура руководителя как фактор эффективного управления человеческими ресурсами // Актуальные вопросы современной науки. 2016. № 47. С. 211-220.
11. Зимняя И.А. Общая культура и социально профессиональная компетентность человека // Высшее образование сегодня. 2005. № 11. С. 14-20.
12. Деркач А.А. Акмеологические основы развития профессионала. М.; Воронеж: МПСИ; МОДЭК, 2004. 751 с.
13. Булдакова Н.В. Культура профессионального прогнозирования как компонент профессиональной культуры студента // Научное мнение. 2014. № 8. С. 409-413.
14. Алексеева А.П. Деятельность полиции Волгоградской области в оценках общественности // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 16-25.
15. Серых А.Б., Поляков А.В. Деловая игра как метод формирования прогностических умений при изучении дисциплины «Оперативно-розыскная деятельность ОВД» в образовательных организациях системы МВД России // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2020. № 1 (70). С. 11-15.
16. Анисимова Т.В. Особенности обучения студентов юридических факультетов основам профессионально-ориентированной аргументации в рамках дисциплины «Риторика» // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 8. № 3. С. 305-313.

REFERENCES

1. Alekseyeva A.P., Zuyeva O.V., Ivanov A.S., Krivoshein P.K. Monitoring obshchestvennogo mneniya kak sposob otsenki deyatel'nosti rossiyskoy politzii // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2015. № 4 (35). S. 50-57.
2. Simzyayev A.V. Professional'no-eticheskaya kul'tura sotrudnika OVD // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. 2009. № 3 (38). S. 12-15.
3. Model' I.M. Professional'naya kul'tura munitsipal'nogo deputata: teoretiko-sotsiologicheskij analiz. Yekaterinburg: Ural'skiy universitet, 1993. 185 s.
4. Dekkert D.V. Deontologiya i etika v kontekste razvitiya professional'no-nravstvennoy kul'tury sotrudnikov politzii // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2019. № 1 (20). S. 55-59.
5. Makarova S.N. Professional'naya kul'tura budushchego spetsialista: eticheskij aspekt // Upravleniye sotsial'no-ekonomicheskimi protsessami v kontekste razvitiya sovremennogo obshchestva: Materialy I Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Saratov: SGSEU, 2007. S. 105-109.
6. Gorelov A.A., Vinogradov I.D. O podgotovke kursantov obrazovatel'nykh organizatsiy vysshego obrazovaniya sistemy MVD Rossii k vypolneniyu operativno-sluzhebnykh zadach v osobykh usloviyakh // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 2 (98). S. 176-186.
7. Zayayev Ye.D. Nastavnichestvo v organakh vnutrennikh del: pravovoye regulirovaniye na otdel'nykh etapakh razvitiya i puti sovershenstvovaniya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 4 (100). S. 46-55.
8. Vinogradov V.L., Sinyuk A.I. Podgotovka spetsialista kak cheloveka kul'tury // Vysheye obrazovaniye v Rossii. 2000. № 2. S. 42.
9. Podmarkov V.G. Vvedeniye v promyshlennuyu sotsiologiyu: sotsial'nyye problemy sotsial'no-promyshlennogo proizvodstva: Monografiya. M.: Mysl', 1973. 318 s.

10. Rodyukova T.N. Professional'naya kul'tura rukovoditelya kak faktor effektivnogo upravleniya chelovecheskimi resursami // Aktual'nyye voprosy sovremennoy nauki. 2016. № 47. S. 211-220.

11. Zimnyaya I.A. Obshchaya kul'tura i sotsial'no professional'naya kompetentnost' cheloveka // Vyssheye obrazovaniye segodnya. 2005. № 11. S. 14-20.

12. Derkach A.A. Akmeologicheskiye osnovy razvitiya professionala. M.; Voronezh: MPSI; MODEK, 2004. 751 s.

13. Buldakova N.V. Kul'tura professional'nogo prognozirovaniya kak komponent professional'noy kul'tury studenta // Nauchnoye mneniye. 2014. № 8. S. 409-413.

14. Alekseyeva A.P. Deyatel'nost' politsii Volgogradskoy oblasti v otsenkakh obshchestvennosti // Aktual'nyye problemy ekonomiki i prava. 2015. № 4. S. 16-25.

15. Serykh A.B., Polyakov A.V. Delovaya igra kak metod formirovaniya prognosticheskikh umeniy pri izuchenii distsipliny «Operativno-rozysknaya deyatel'nost' OVD» v obrazovatel'nykh organizatsiyakh sistemy MVD Rossii // Munitsipal'noye obrazovaniye: innovatsii i eksperiment. 2020. № 1 (70). S. 11-15.

16. Anisimova T.V. Osobennosti obucheniya studentov yuridicheskikh fakul'tetov osnovam professional'no-oriyentirovannoy argumentatsii v ramkakh distsipliny «Ritorika» // Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki. 2023. T. 8. № 3. S. 305-313.

© Поляков А.В., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Поляков А.В. Культура профессионального прогнозирования как основа профессиональной подготовки сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3 (77). С. 170-176.

Елена Сергеевна СТЕШИЧ,

доктор юридических наук, доцент, ORCID 0000-0001-8047-2697

Академия управления МВД России (г. Москва)

профессор кафедры управления органами расследования преступлений

esteshich@mail.ru

Рецензия

УДК [343.97:343.61(043)](049.32)

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА НА ДИССЕРТАЦИОННУЮ РАБОТУ ЮЛИИ ВАЛЕРЬЕВНЫ СУХОДОЛЬСКОЙ «МАССОВОЕ УБИЙСТВО В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ КАК ОБЪЕКТ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ»¹

Актуальность темы рецензируемой диссертации не вызывает сомнений. Одну из ключевых позиций в обеспечении безопасности личности, общества и государства занимает эффективное предупреждение насильственной преступности. Несмотря на безусловно положительное влияние факторов общественного развития на сокращение насилия, его тенденции остаются неоднозначными.

Согласно официальным данным общее число преступлений в нашей стране с 2010 по 2023 год снизилось на четверть (с 2,6 млн до 1,9 млн). В частности, произошло уменьшение числа убийств (и покушений на убийство) – на 53,4% (с 15,6 тыс. до 7,5 тыс.), умышленного причинения тяжкого вреда здоровью – на 60,1% (с 39,7 тыс. до 16,7 тыс.). Число погибших от преступных посягательств в России за последние более чем 20 лет сократилось в 3,7 раза (с 2000 по 2023 год – с 76,7 до 21 тыс. человек)².

Между тем массовые расстрелы, регулярно повторяющиеся в США, к сожалению, вошли и в российскую криминальную практику, подтверждая тем самым тенденцию освоения ею негативных явлений, свойственных западному обществу. По сведениям общего характера, почерпнутым

из средств массовой информации, можно сделать вывод о том, что массовые расстрелы совершали лица, испытывавшие жизненную фрустрацию, озлобленные на всех вокруг или отдельные социальные группы (соучеников, учителей, сослуживцев, сотрудников правоохранительных органов, соседей) и таким образом мстящие якобы «виновным» в их неудавшейся жизни. Этот вывод вполне коррелирует с ростом в обществе напряженности, психопатизации, агрессивности, конфликтности, выливающейся в драки в общественном транспорте, кровавые стычки между участниками дорожного движения, немотивированные уличные убийства, суициды (в том числе и групповые) несовершеннолетних и молодежи, жестокие избиения подростками людей или убийства животных с видеофиксацией и последующим размещением отснятых роликов в Интернете, совершаемые ими же массовые расстрелы.

Достаточно сказать, что в советский период было зафиксировано всего три случая нападения в образовательных организациях, а с 1993 по 2024 год имело место не менее 40 эксцессов в школах и иных учебных заведениях с применением огнестрельного и пневматического оружия, взрывчатых веществ, ножей, молотков. Известность при-

¹ Суходольская Ю.В. Массовое убийство в образовательных организациях как объект криминологического исследования: Дис... канд. юрид. наук. М., 2024. 210 с.

² Представлены данные из формы федерального статистического наблюдения № 1-ЕГС «Единый отчет о преступности» // URL: [http:// epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics](http://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics).

Elena S. STESHICH,

Doctor of Law, Associate Professor, ORCID 0000-0001-8047-2697

Academy of Management of the Ministry of Interior of Russia (Moscow, Russia)

Professor of the Department of Management of Crime Investigation Bodies

esteshich@mail.ru

REVIEW OF THE OFFICIAL OPPONENT ON THE DISSERTATION WORK OF YULIA VALERIEVNA SUKHODOLSKAYA «MASS MURDER IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS AS AN OBJECT OF CRIMINOLOGICAL RESEARCH»¹

обретают только наиболее «резонансные дела», связанные с огнестрельным оружием и большим количеством жертв, при этом корень зла видится в самом оружии, его небрежном хранении или «неверно» выданной справке на владение оружием. Между тем, как показывают криминологические исследования, ужесточение запретительных норм в сфере законного оборота оружия неспособно повлиять на предупреждение массовых расстрелов, причины которых имеют социально-психологический фундамент² [1; 2, с. 15-149; 3, с. 26-180].

Этот комплекс факторов достаточно исследован отечественными учеными. Профессор И.И. Карпец, возглавлявший более десяти лет Главное управление уголовного розыска МВД СССР, а впоследствии – директор НИИ проблем законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации, на современной базе которого проведено рецензируемое диссертационное исследование, более сорока пяти лет назад писал: «Человек, особенно юный, испытывает массу неформальных влияний, вступает во множество неформальных связей. Поэтому бывает, что неблагоприятная обстановка в семье может быть нейтрализована сторонними положительными влияниями. И наоборот, родителей не всегда можно обвинить в том, что они, мол, воспитывали «трудного подростка». Не «трудного» подростка они воспитали – сына или дочь растили, как умели. Но отрицательное стороннее влияние оказалось сильнее того хорошего, что было в семье. Мне хочется сказать это для того, чтобы при решении сложной проблемы люди не настраивались сразу на безапелляционное обвинение семьи, либо школы, либо производства, либо улицы. Не так всё просто, и по полочкам разложить, конечно, можно, но легко и ошибиться. Человеческая личность в смысле управления, наверное, еще сложнее, чем общественный организм» [4, с. 272].

Поэтому криминологическое исследование поднимаемых в рецензируемой диссертации вопросов в современных условиях имеет необходимость для диссертационного исследования актуальность.

Научные положения, выводы и рекомендации автора обоснованы анализом научной литературы и иных источников информации (149 источников, включая 41 на иностранном языке), судебной статистикой, результатами проведенного анкетирования практических работников, в котором приняли участие 440 респондентов, в том числе 106

прокурорских работников, 122 члена Российской криминологической ассоциации, занимающихся научной и преподавательской деятельностью в высших учебных заведениях, 102 педагогических работника средних общеобразовательных школ Московской области, 110 учащихся 10-х и 11-х классов средних общеобразовательных школ Московской области (с. 11-12 диссертации). Основные результаты эмпирического исследования представлены в приложении: сравнительная таблица черт криминологического портрета скулшутеров (на основании вступивших в законную силу судебных приговоров и постановлений, постановлений органов предварительного расследования и данных психолого-психиатрических экспертиз); сравнительная таблица механизма преступного поведения скулшутеров (на основании вступивших в законную силу судебных приговоров и постановлений, постановлений органов предварительного расследования и данных психолого-психиатрических экспертиз); результаты опроса педагогических работников средних общеобразовательных организаций Московской области о причинах совершения актов скулшутинга и необходимости обязательного школьного психологического тестирования на предмет выявления склонности к актам скулшутинга; результаты опроса экспертов Общероссийской общественной организации «Российская криминологическая ассоциация им. А.И. Долговой»; результаты опроса прокурорских работников (с. 178-211 диссертации).

Достоверность эмпирических данных обеспечивается представленным инструментарием, методикой их сбора, сопоставимостью с результатами иных, ранее опубликованных исследований (их вторичный анализ на основе теоретической базы диссертации). Результаты эмпирического исследования широко приводятся в тексте для аргументации авторской позиции.

Новизна диссертационного исследования заключается в совершенствовании криминологических знаний о феномене массовых убийств в образовательных организациях. В частности, представлен причинный комплекс массовых убийств в образовательных организациях, действующий на уровне макро- и микросреды, составлен криминологический портрет массовых убийц и лиц, склонных к совершению преступлений рассматриваемого вида. Автором предложено к введению в научный оборот понятие «массовое убийство в образовательной организации», разработаны критерии

¹ Sukhodolskaya Yu. V. Mass murder in educational organizations as an object of criminological research: Dis. ... cand. legal sciences. M., 2024. 210 p.

² Миры и смыслы Александра Асмолова (беседа с ученым) // Культурно-историческая психология. 2024. Т. 20. № 1. С. 128-136 // URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_65700912_33175332.pdf.

рии, позволяющие разграничить убийства, сходные по объективной стороне, представлены основные направления совершенствования деятельности по предупреждению преступлений рассматриваемого вида, методики выявления лиц, склонных к совершению массового убийства в образовательных организациях (с. 12-19 диссертации).

Основные результаты диссертации нашли свое отражение в докладах диссертанта на научно-практических конференциях и научных семинарах, а также в 16 научных статьях, 7 из которых опубликованы в рецензируемых научных журналах, включенных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации в перечень изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Материалы исследования используются в учебном процессе кафедры уголовно-правовых дисциплин Юридического института Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых при подготовке учебно-методических материалов и проведении занятий по дисциплине «Криминология» (2022 г.), а также в учебном процессе кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов» при проведении семинаров по дисциплине «Криминология» (2022 г.) (с. 19-20 диссертации).

Структура исследования соответствует объекту диссертационного исследования, его предмету, поставленным перед диссертантом целям и задачам. Она включает в себя введение, три главы, объединяющие восемь параграфов, заключение, список использованных источников и восемь приложений с результатами эмпирического исследования.

Предметное ознакомление с текстом рецензируемой диссертации позволяет прийти к выводу о том, что основные выводы и предложения, а также положения, выносимые для публичной защиты (с. 8-13 диссертации), обосновываются изученной судебной практикой и результатами проведенных автором эмпирических исследований.

Во *введении* Ю.В. Суходольская обращает внимание на тот факт, что за последние несколько лет в российских образовательных учреждениях зафиксирована неблагоприятная тенденция совершения массовых убийств, когда жертвами становятся учащиеся, педагоги, сотрудники правоохранительных органов, пытающиеся обезвредить преступника, как правило, ученика или студента учебного заведения, являющегося местом совершения преступных действий. Автор обращается к понятию «скулшутинг» и его истории, указывает, что он становится социально-поведенческой моделью для разрешения конфликтов в образовательных организациях.

Глава первая диссертации посвящена раскрытию феномена массовых убийств в образовательных организациях с точки зрения социологии и криминологии (с. 22-62 диссертации).

В *первом параграфе* «Массовое убийство в образовательных организациях как социальный продукт подражания для потенциальных преступников» автор констатирует тот факт, что российское общество становится свидетелем распространения нового социального и криминологического феномена, требующего разработки научных концепций для выработки предупредительных мер борьбы (с. 22-34 диссертации). В частности, отмечается, что термины «массовое убийство в образовательных организациях» и «скулшутинг» являются синонимами. По результатам проведенного анализа сделаны выводы о значимой роли в популяризации скулшутинга современного медиаландшафта, создаваемого средствами массовой информации, интернет-публичными, специализированными форумами. Вследствие деятельности ряда деструктивных интернет-движений акты массового расстрела в образовательных организациях воспринимаются молодежью не как трагедия, а как интересная тема для обсуждения (с. 33 диссертации).

Во *втором параграфе* рассматривается международный опыт определения признаков и распространенности социального феномена массовых убийств в образовательных организациях. Здесь на основе компаративного метода автор демонстрирует современные подходы к пониманию изучаемой формы общественно опасного поведения (с. 34-41 диссертации).

В ходе рассуждений автор называет основной критерий для отнесения криминологами зарубежных государств преступления к категории массовых убийств – это количество лиц, погибших в результате преступных действий, которое должно составлять не менее четырех человек. Диссертант предлагает применять критерий угрозы причинения смерти или причинения смерти многим лицам (с. 23, 40 диссертации).

В *третьем параграфе* первой главы диссертации автор обращается к криминологическим критериям отнесения насильственных преступлений к категории массовых убийств, а также отграничению массовых убийств в образовательных организациях от преступлений экстремистской и террористического характера, указывая на результаты эмпирического исследования, согласно которым в большинстве случаев совершения актов скулшутинга в российских образовательных организациях преступники проявляли интерес к массовым «школьным расстрелам», однако не являлись активными участниками интернет-публичных, пропагандирующих идеологию «Колумбайна» (с. 55 диссертации).

Во *второй главе* диссертации рассматривается формирование личности преступника и механизма преступного поведения в контексте совершения массового убийства в образовательных организациях (с. 62-103 диссертации).

В *первом параграфе* второй главы (с. 62-88 диссертации) предложен взгляд на формирование личности преступника, совершившего массовое убийство в образовательной организации. Отмечается, что фундаментальных исследований процесса формирования личности преступника,

совершившего массовое убийство в образовательной организации, в российской криминологии не представлено. На основе проведенного эмпирического исследования автор выделяет общие черты в психологическом профиле преступников.

Второй параграф второй главы (с. 88-103 диссертации) содержит анализ механизма преступного поведения и факторов, детерминирующих совершение преступлений изучаемого вида. Основной деструктивный контент, по мнению автора, исходит из медиафокусирования на информации о массовых убийствах в образовательных организациях, что влияет на частоту совершения подобных преступлений. «Ужасающий акт инфантицида преобразуется СМИ в сенсацию, которая впоследствии является «генератором» идей у радикально настроенных подростков, грезящих о получении своей «минуты славы» в результате акта скулшутинга», – полагает автор (с. 92 диссертации). Отмечено, что в основе криминогенных деформаций личности несовершеннолетнего преступника зачастую лежит отсутствие эмоциональной близости между родителями и ребенком, непонимание круга интересов подростка, недостаток контроля либо, наоборот, его избыток (с. 94 диссертации). В результате формулируются выводы, выносимые для публичной защиты (положение 5, выносимое для публичной защиты, с. 16 диссертации).

В *третьей главе* диссертации под названием «Основные направления, формы и меры предупреждения массового убийства в образовательных организациях» раскрываются особенности предупреждения преступлений изучаемого вида, проводится анализ наиболее спорных теоретико-прикладных позиций (с. 103-151 диссертации).

В *первом параграфе* третьей главы (с. 103-118 диссертации) описывается зарубежный опыт предупреждения массовых убийств в образовательных организациях на примере Соединенных Штатов Америки. В результате анализа реализации проекта Секретной службы и Министерства образования США «Инициатива безопасной школы» 2002 г., исследовательских проектов Национального центра оценки угроз Секретной службы Министерства внутренней безопасности США «Безопасность колледжей и вузов» 2010 г., «Безопасность в школах с применением модели оценки угроз» 2018 г., «Защита школ Америки» 2019 г. диссертант приходит к выводу о возможности внедрения зарубежных практик в отечественное правоприменение.

Во *втором параграфе* третьей главы (с. 118-135 диссертации) автор обращается к общему и специальному предупреждению массовых убийств в российских образовательных организациях. В ходе критической оценки законодательства диссертант приходит к выводу о том, что какой-либо целевой программы либо подпрограммы по предупреждению скулшутинга в Российской Федерации не принято, а меры, реализуемые субъектами профилактики преступлений и правонарушений среди несовершеннолетних, носят точечный характер, что недопустимо (с. 123 диссертации).

Для повышения эффективности противодействия преступлениям изучаемого вида автор, в частности, обосновывает необходимость криминализации деятельности, направленной на публичные призывы, публичное оправдание и пропаганду совершения массовых убийств, в том числе с использованием средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей (положение 6, выносимое для публичной защиты).

В *третьем параграфе* третьей главы (с. 135-151 диссертации) раскрывается позиция автора по поводу индивидуального предупреждения массовых убийств в российских образовательных организациях. Особое внимание уделяется результатам эмпирического исследования с использованием тест-опросника Л.Г. Почебут, ориентированного на диагностику агрессивного поведения. В результате обосновывается необходимость обязательного психологического тестирования учащихся в образовательных организациях на предмет выявления уровня социализации и социальной психологических установок личности, уровня агрессии и склонности к насилию, что позволит, на взгляд автора, осуществлять раннюю профилактику скулшутинга (положение 7, выносимое для публичной защиты).

Основные итоги диссертационного исследования подводятся в *заключении* (с. 151-163 диссертации).

Ознакомление с текстом диссертации и основанным на ее положениях авторефератом позволяет прийти к выводу о том, что диссертация содержит комплекс отличающихся новизной научных положений, выносимых для публичной защиты, большинство из которых следует поддерживать, в том числе положения: о введении в криминологический оборот определения «массовое убийство в образовательной организации» (положение 1, выносимое для публичной защиты); об установленных в ходе эмпирического исследования особенностях мотивации массовых убийств в образовательных организациях, что позволяет разграничить составы преступлений, похожие по объективной стороне (положения 2 и 3, выносимые для публичной защиты); о криминологической характеристике личности преступника и механизме индивидуального преступного поведения (положения 4 и 5, выносимые для публичной защиты), об организационно-правовых мерах по повышению эффективности предупреждения массовых убийств в российских образовательных организациях (положения 6 и 7, выносимые для публичной защиты). Предложение о внедрении в служебную деятельность правоохранительных органов технологий искусственного интеллекта, позволяющих по ключевым словам отслеживать появление новых деструктивных пабликов и сообществ, реагировать на терминологию («ударю», «взорву», «застрелю», «бомба» и пр.), проходит апробацию в регионах и заслуживает одобрения¹.

Вместе с тем, как и любое научное исследование, рецензируемый труд дал основания для ряда замечаний. Они представлены ниже:

¹ Ямщикова Е. В школах Екатеринбурга поставят камеры и прослушку, чтобы бороться с буллингом и скулшутингом // Современный портал Екатеринбурга – 66.ru: сайт. 07.10.2021 // URL: <https://66.ru/news/hitech/244999/>.

1. Замечания, связанные с соблюдением грамматических правил русского языка, принято ставить в числе последних. Между тем неточность, к сожалению, допущена в названии самого диссертационного исследования. Представляется, что словосочетание «массовое убийство» следует употребить во множественном числе, а именно «массовые убийства», ведь криминологическое исследование направлено на изучение не единичного преступления, а преступности, то есть совокупности преступлений, совершенных на определенной территории за определенный период времени. Как следствие, на страницах диссертации указанная ошибка повторяется, перемешиваясь с правильным употреблением словосочетания – «массовые убийства в образовательных организациях» (с. 4, 15, 24, 35, 37 и др. страницы диссертации).

2. Во втором и третьем положениях, выносимых для публичной защиты, опираясь на субъективные признаки преступления, автор выводит формулу разграничения массовых убийств в образовательных организациях и сходных по объективной стороне преступлений экстремистской направленности и террористического характера, обращая внимание на тот факт, что мотивы преступлений изучаемого вида (скулшутинга) носят личностный характер (с. 13-14 диссертации). Рассуждая, диссертант отмечает, что «в некоторых случаях российские скулшутеры не являлись участниками пабликов, распространявших идеологию «Колумбайн», но интересовались темой «школьных расстрелов», что не может быть расценено как участие в деятельности террористической организации. Многие из российских скулшутеров копировали стиль и поведение Эрика Харриса и Дилана Клиболда, совершивших массовое убийство в школе «Колумбайн» в 1999 г., однако подражание этим убийцам не равно, по нашему мнению, участию в деятельности террористической организации» (с. 55 диссертации).

Здесь, на наш взгляд, кроется противоречие. С одной стороны, к личностным мотивам причисляется подражание известным скулшутерам (положение 5, выносимое для публичной защиты, с. 16 диссертации), но с другой – подтвержденное материалами дела «подражание» автор считает недостаточным для признания преступления террористическим (с. 55 диссертации). Возникает вопрос: «Что должно быть для достаточности?»

Между тем вступившим в законную силу 11 марта 2022 г. решением Верховного Суда Российской Федерации (от 2 февраля 2022 г.) международное молодежное движение «Колумбайн» («Скулшутинг») признано террористической организацией и его деятельность на территории Российской Федерации запрещена.

Из приложения 1 к диссертации следует, что одиннадцать из двенадцати виновных в массовых убийствах/покушениях лиц являлись подписчиками тематических интернет-пабликов «Колумбайн» (с. 178 диссертации).

Полагаем, что указанные действия, сопряженные с последующим массовым убийством в обра-

зовательной организации, после 11 марта 2022 г. образуют совокупность преступлений по ч. 2 ст. 205.5 УК РФ и п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ, что согласуется с руководящими разъяснениями Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (пп. 9, 13, 22.6, 22.7).

3. Сложно согласиться с мнением диссертанта о том, что «субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 205.5 УК РФ, характеризуется только прямым умыслом. То есть обязательным элементом субъективной стороны выступает осведомленность лица о наличии вступившего в законную силу решения суда о признании организации террористической» (с. 56 диссертации).

Во-первых, требования об исключительно прямом умысле в качестве основания ответственности за участие в деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической, уголовный закон не содержит (ч. 2 ст. 205.5 УК РФ).

Во-вторых, широко известный из римского права принцип «Незнание законов не освобождает от ответственности» (лат. Ignorantia juris non excusat) реализован в положениях ч. 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации: «Законы подлежат официальному опубликованию. Неопубликованные законы не применяются. Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения», – в уголовном законодательстве (ч. 1 ст. 9 УК РФ «Действие уголовного закона во времени»), дополнительно разъясняется в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 (ред. от 03.11.2016 г.) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»: «Лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст. 205.5 УК РФ, если они совершены после официального опубликования сведений о признании соответствующей организации террористической и запрете ее деятельности на территории Российской Федерации по решению суда» (п. 22.6).

4. Согласно смыслу работы массовые убийства в образовательных организациях могут иметь: 1) общеуголовную направленность; 2) экстремистскую направленность; 3) террористический характер. В положениях 1, 2, 3, выносимых для публичной защиты, обозначаются уголовно-правовые признаки, позволяющие их разграничить по содержанию. Между тем по форме (семантически) наблюдается смешение.

Так, по тексту диссертации и в положениях 2 и 3, выносимых для публичной защиты, употребляется формулировка «массовое убийство в образовательных организациях (скулшутинг)». Очевидно, что автор ставит знак равенства между термином «скулшутинг» и «нападением на лиц,

находящихся в образовательной организации либо на ее территории, с применением оружия и/или предметов, используемых в качестве оружия, и/или взрывчатых веществ или взрывных устройств в целях причинения смерти многим лицам, личности которых не определены заранее, и устрашения окружающих в отсутствие умысла террористической либо экстремистской направленности» (положение 1, выносимое для публичной защиты). Думается, что методологически это неверно.

Определяя теорию и методологию рецензируемого исследования, полагаем, следовало исходить из того, что термин «скулшутинг» применим исключительно к преступлениям террористического характера и экстремистской направленности. Это обусловлено употреблением в качестве синонимов слов «Колумбайн» и «Скулшутинг» (решение Верховного Суда Российской Федерации от 2 февраля 2022 г.), а также соотношением терминов «экстремизм» и «терроризм» как целого и его части (п. 1 ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 15.05.2024) «О противодействии экстремистской деятельности»).

5. В положении 4, выносимом для публичной защиты, приводятся результаты криминологического исследования профилей личности виновных, что представляет несомненный теоретико-прикладной интерес. Одновременно акцентируется внимание на том, что перечисленные признаки формируют образ «российского скулшутера». По тексту это словосочетание встречается неоднократно (с. 15, 77, 96, 154 диссертации).

Желательно, чтобы в ходе публичной защиты автор пояснил необходимость введения в криминологический оборот термина «российский скулшутер», который связывает черты личности преступника, судя логике размышлений диссертанта, со страной совершения преступления.

6. В положении 6, выносимом для публичной защиты, указывается на потребность в расширении сферы уголовно-правовой охраны жизни человека дополнением «Уголовного кодекса Российской Федерации статьей 105.1, предусматривающей ответственность за организацию и осуществление деятельности, направленной на публичные призывы, публичное оправдание и пропаганду совершения массовых убийств»; соответствующий проект федерального закона прилагается (приложение 3, с. 133, 156 диссертации). Между тем данная мысль на страницах диссертации приводится без обращения к статистическим данным, без какой-либо аргументации, убеждающей в криминологической обоснованности нового уголовно-правового запрета.

Законодательство предусматривает ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма, пропаганду терроризма (ст. 205.2 УК РФ), а также за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ). Именно по этим статьям Уголовного кодекса могут быть квалифицированы случаи публичных призывов к массовым убийствам в образователь-

ных организациях, в том числе в связи с признанием в 2022 г. «Колумбайн» террористической организацией, а также рассмотрением коллектива образовательной организации в качестве малой социальной группы, что охватывается признаками экстремизма.

Оправдание и пропаганда массовых убийств для сведения личных счетов – явление, если и встречающееся, то крайне редкое. Поэтому считаем предложение автора излишним.

7. Сложно согласиться с мнением автора о необходимости всецело использовать зарубежный опыт в предупреждении скулшутинга. В частности, это касается предложения за счет средств федерального бюджета разработать мобильное приложение, аналогичное приложению «Safe2Tell», используемому в США, посредством которого любой желающий анонимно может сообщать об угрозах скулшутинга (положение 6, выносимое для публичной защиты).

Следует, во-первых, оценить особенности разграничения таких случаев с заведомо ложным сообщением об акте терроризма, а с другой стороны, что еще более важно, выяснить, не спровоцирует ли эта мера в условиях роста социальной напряженности панику или и новое повышение уровня интереса детей (молодежи) к теме агрессивных девиаций, что само по себе может иметь крайне негативные последствия.

Уходу от рисков в педагогическом воспитании, особенностям возраста и правильной социальной адаптации детей и молодежи, а также этнопсихологической самобытности населения нашей страны посвящено множество работ авторитетных отечественных психологов. Среди них: Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, А.Г. Асмолов, А.Е. Личко. Надеюсь, что автор воспользуется результатами их научных трудов при ответах на сформулированные замечания.

Представленные нами замечания носят частный характер и не могут повлиять на положительную оценку диссертационного исследования в целом.

Автореферат соответствует основному содержанию диссертации.

Таким образом, исходя из текста диссертации и основанного на нем автореферата, можно сделать вывод о том, что диссертация Юлии Валерьевны Суходольской представляет собой самостоятельное творческое, монографическое исследование, которое можно считать завершенной научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития науки уголовного права и криминологии. Работа соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, изложенным в абз. 2 п. 9 и п.п. 10-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор Юлия Валерьевна Суходольская заслуживает присуждения искомой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки). ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Корецкий Д.А., Стешич Е.С. Уголовно-правовые аспекты профилактической деятельности в условиях «новой нормальности» // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 248-256.
2. Антонян Ю.М. Причины убийств. М.: Юрлитинформ, 2023. 328 с.
3. Антонян Ю.М. Убийства. Криминологическое исследование. М.: Юрлитинформ, 2022. 296 с.
4. Карпец И.И. Сыск (записки начальника уголовного розыска). М., 1994. 352 с.

REFERENCES

1. Koretskiy D.A., Steshich Ye.S. Uголовно-pravovyye aspekty profilakticheskoy deyatel'nosti v usloviyakh «novoy normal'nosti» // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. № 476. S. 248-256.
2. Antonyan Yu.M. Prichiny ubiystv. M.: Yurlitinform, 2023. 328 s.
3. Antonyan Yu.M. Ubiystva. Kriminologicheskoye issledovaniye. M.: Yurlitinform, 2022. 296 s.
4. Karpets I.I. Sysk (zapiski nachal'nika ugovnogo rozyska). M., 1994. 352 s.

© Стешич Е.С., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Стешич Е.С. Отзыв официального оппонента на диссертационную работу Юлии Валерьевны Суходольской «Массовое убийство в образовательных организациях как объект криминологического исследования» // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3 (77). С. 177-183.

ВЕСТНИК

КАЛИНИНГРАДСКОГО ФИЛИАЛА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

№ 3 (77)
2024

Vestnik of the Kaliningrad Branch
of the Saint-Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia

Главный редактор
М.В. Бавсун
Заместитель главного редактора
А.П. Алексеева

Над выпуском работал:
А.В. Стулов
(дизайн, редактирование,
компьютерный макет)

Сдано в набор - 02.09.2024. Подписано в печать - 27.09.2024. Дата выхода в свет - 30.09.2024.
Формат 60x90 1/8. Объем - 23,0 у.п.л. Заказ № 460. Тираж - 200 экз.
Информация о цене выпуска: свободная цена.

Отпечатано на полиграфической базе Калининградского филиала СПбУ МВД России
Адрес типографии: Россия, 236006, г. Калининград, ул. Генерала Галицкого, 30.